Подписной индекс 78535
ISSN 1810-5378

ВЕСТНИК

САМАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарная серия

- *История*
- *Социология*

2013
№ 8/2 (109)

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Главный редактор *д-р пед. наук, проф. И.А. Носков*

Редакционная коллегия:
Д-р физ.-мат. наук, проф. А.Ф. Крутов – заместитель главного редактора
Д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов – заместитель главного редактора
Д-р физ.-мат. наук, проф. Л.А. Сараев – заместитель главного редактора
Д-р филос. наук, проф. В.А. Конев – ответственный редактор гуманитарной серии
Д-р физ.-мат. наук, проф. Л.С. Пулькина – ответственный редактор естественнонаучной серии
Д-р экон. наук, доц. Н.М. Тюкавкин – ответственный редактор серии «Экономика и управление»
Л.В. Крылова – редактор-координатор
Т.А. Мурзинова – выпускающий редактор

Редакционный совет гуманитарной серии:
Д-р филол. наук, проф. С.А. Голубков
Д-р пед. наук, проф. М.Д. Горячев
Д-р филол. наук, проф. С.И. Дубинин
Д-р психол. наук, проф. К.С. Лисецкий
Д-р филос. наук, проф. Е.Ф. Молевич
Д-р пед. наук, проф. Т.И. Руднева
Д-р физ.-мат. наук, проф. Л.А. Сараев
Д-р филол. наук, проф. Е.С. Скобликова
Д-р филос. наук, проф. А.Н. Сорочайкин
Канд. филол. наук, проф. А.А. Харьковская
Д-р юрид. наук, проф. С.А. Шейфер

Ответственные секретари:
д-р ист. наук, проф. Э.Л. Дубман,
д-р филос. наук, проф. В.Л. Лехциер

Подписано в печать 18.10.2013 г.
Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ.л. 17,75. Уч.-изд.л. 24,85.
Тираж 500 экз. Цена свободная.
Заказ №
Издательство «Самарский университет»
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел.: +7(846) 3345423.
E-mail: university-press@samsu.ru;
Web http://www.publisher.samsu.ru
Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Медиа-Книга», 443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1. Тел. +7 (846) 2673682.
E-mail: izdatkniga@yandex.ru

Журнал издается с 1995 г. Выходит 9 раз в год

Редакторы и корректоры *Т.А. Мурзинова, О.Е. Тимошина*

Компьютерная верстка, макет *Л.Н. Замамыкиной*

Адрес редакции: 443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Телефоны: +7(846) 3345406, 2780954
Факс: +7(846) 3345417, 3345406
E-mail: university-press@samsu.ru
WWW: http://www.samsu.ru/~vestnik

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77–12398 от 19.04.02 г. выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук (Бюллетень Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ. 2003. № 2; 2005. № 4; 2007. № 1; 2008. № 4; 2010. № 6/6).

С 2005 г. полнотекстовая версия журнала размещается также на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU (http://txt.elibrary.ru). С 2005 г. журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Подписной индекс в Каталоге Роспечать 78535
ISSN 1810-5378

© Самарский государственный университет, 2013
© Издательство «Самарский университет», 2013
© Вестник Самарского государственного университета, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-летию Г.П. Ярового, президента Самарского государственного университета 5

ИСТОРИЯ

Багаутдинов Р.С., Мышкин В.Н. К проблеме исследования мужских возрастных групп у кочевников Самаро-Уральского региона (по материалам могильников VI–IV вв. до н. э.) 7

Дубман Э.Л. Служилые люди Южного Средневолжья в конце XVI – XVII вв. 13

Малинкин Е.М. Военные силы Понизовья во второй половине 1640-х – начале 1660-х гг. 26

Столяров О.Д. Дворцовый переворот ноября 1741 года и иностранцы в российской правящей элите 35

Зудина В.Н. Сведения об ойратско-калмыцком буддизме, собранные физической экспедицией Императорской Академии наук в 1768–1774 годах на российских территориях 38

Артамонова Л.М. Закон Божий в школах России и Поволжья при Александре I 55

Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском Географическом обществе и их авторы 65

Цыганова Я.М. Российская провинция пореформенной эпохи как историко-культурное пространство: подходы к изучению 74

Леонтьева О.Б. Национальный состав населения Самарской губернии во второй половине XIX в. по данным статистических источников 83

Тюрин В.А. Структура, численность, социальный состав городского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. 92

Кабытов П.С., Баринова Е.П. Торгово-предпринимательская деятельность средневолжского купечества 99

Кобозева З.М. Телесная повседневность мещанского сословия г. Самары: столкновение с болезнями и смертью (вторая половина XIX – начало XX в.) 118

Сливков Е.И. Проблема кооперативного движения в трудах С.Н. Прокоповича 128

Пазин Р.В. Террор и российские либералы в условиях Первой российской революции 1905–1907 гг. 134

Леонов М.И. Власть и общество Средней Волги и Заволжья в годы Думской монархии 139

Досекин Е.С. Публикации «Церковно-общественного вестника» 1912–1913 годов и отклики на них в либеральной самарской прессе 151

Мистрюгов П.А. Репрессии органов ВЧК в Самарской губернии в 1918 г. 155

Сюков А.В. Безенчукская опытная станция: история создания и первые годы деятельности 159

Кабытова Н.Н. Организационные формы аграрной революции 1917 года в Поволжье 165

Тагиров Э.Р. «Университет XXI века»: главный проект современности 179

Мухамадеева А.А. Идея культуры мира в историческом измерении: путь от «примирения богов» до новой этики 184

Кабытов П.С., Мякотин А.А. Историография административно-хозяйственной элиты Куйбышевской (Самарской) области в 1960–1990-е гг. 189

СОЦИОЛОГИЯ

Молевич Е.Ф. Социальная революция в России на рубеже 90-х годов XX в. Часть 1 203
Щукина Н.П. Потенциал и проблемное поле публичной социологии во взаимодействии с властью и общественностью 211
Авдошина Н.В. Социологический анализ взаимодействия субъектов общественных слушаний 219
Никитина Б.А. Заинтересованные стороны и их роль в социальном конструировании экологических проблем 222
Чердымова Е.И. Экопрофессиональная подготовка специалистов для устойчивого развития как направление модернизации высшей школы 229
Кобякова Т.М. Диалог власти и общественности в контексте публичной социологии 235
Логинова И.А. Отношение студенческой молодежи к участию в добровольчестве по социальной поддержке пожилых людей 243
Митрофанова С.Ю. Исследовательский контекст ОЦП «Развитие сети дошкольных образовательных учреждений Самарской области на 2012–2015 годы» 248
Палеева Н.В. Ситуационный контекст ОЦП «Развитие сети дошкольных образовательных учреждений Самарской области на 2012–2015 годы» 252
Пересада И.О. Универсальные способы сжатия текста в программном и нормативном контекстах ОЦП «Развитие сети дошкольных образовательных учреждений Самарской области на 2012–2015 годы» 257
Кострова Ю.А. Адаптация молодой семьи к новой жизненной ситуации в контексте регионального социального программирования 261
Мазлова М.А. Потенциал публичной социологии в изучении сферы обращения с твердыми бытовыми отходами 267
Никитина Б.А. Современные субботники как социальный конструкт 272
Авдошина Н.В. Мониторинг удовлетворенности участников публичных слушаний их результатами 278

Contents 282

К 70-ЛЕТИЮ ГЕННАДИЯ ПЕТРОВИЧА ЯРОВОГО, ПРЕЗИДЕНТА САМАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Луч уходящего дня
Скрыла морошка седая.
Как вспоминают меня –
Этого я не узнаю…
Л. Губанов. Как поминали меня…

Меня всегда удивляло: откуда Геннадий Петрович Яровой черпает свою потрясающую энергию? Он нередко бывал озабоченным, но никогда – грустным, задумчивым. А вот уж растерянность, осознание безвыходности ситуации – не для него. Выход есть всегда! Его можно было встретить в любом корпусе университета – всегда бодрого, деловитого, заряжающего своей энергетикой все вокруг. Бывали, конечно, и у него минуты сомнений, разочарований, чувство усталости… Но всегда поддерживала его, не позволяла опустить руки, уйти в сторону ответственность – за людей, за университет, за свою семью.

Обычное для послевоенного времени детство – голодное, бедное, полное только что пережитым всей страной ужасом – подарило безусловное осознание того, что все можно преодолеть. Надо только очень этого желать и делать все возможное, иногда из последних сил, вопреки всему. Геннадий Петрович стал ярким ученым, ректором университета, сумевшим не только сохранить вуз в трудные годы, но и вывести на новый, более высокий уровень.

Думается, его характер, сформировавшийся в послевоенные годы, человеческие качества и то самое чувство ответственности, чувство долга, которое очень часто заставляет совершать, казалось бы, невозможное, позволили бы Геннадию Петровичу достичь успеха в любой сфере. Но сама жизнь подсказывала путь: физика была в то время самой динамично развивающейся наукой. И в кино, и в литературе герой того времени – именно физик. Отличная учеба, участие в физических и математических олимпиадах, которые проводил Саратовский государственный университет, комсомольская работа – все это помогло обычному мальчику из простой семьи окончить школу с золотой медалью и поступить в университет. Геннадий Петрович потрясающе четко определял время своего взросления: «Где-то к восьмому классу я уже понимал, что в жизни мне придется рассчитывать только на себя…» Возможностей для молодого человека тогда было множество, но его выбор определила мечта – стать радиофизиком. Наверное, не последнюю роль в этом сыграли романтика – все-таки радио, единственное на тот момент, позволяло соединять почти весь мир – и увлечение точными науками мальчишек того поколения: журналы «Техника – молодежи», «Наука и жизнь» со схемами исчезали из библиотек моментально. А потом в школе появлялся собственный радиоузел!

Сейчас это трудно представить, но конкурс на физический факультет был 8–10 человек на место! И Геннадий Яровой стал студентом Саратовского государственного университета, но по специальности «Физика». Что позволило ему перейти на «Радиофизику»? Отлично сданная первая сессия – да; упорство и верность своей мечте – несомненно. На мой взгляд, уже тогда в молодом человеке проявилось то качество, которое в дальнейшем все мы стали называть перфекционизмом: ставить цель, добиваться ее реализации и делать все это безупречно. Потом в зачетке у студента Ярового не будет ни одной четверки, хотя, как говорил Геннадий Петрович, это не требовало от него сверхусилий: «Я учился спокойно».

Свою автобиографию в январе 1971 года Геннадий Петрович закончил просто: «В настоящее время работаю над завершением диссертационной работы». Молодой человек, только что окончивший аспирантуру, принял сразу два решения, которые стали главными в его жизни, и трудно сказать, какое из них было наиболее важным. В новом, 1971 году он женился и переехал в Куйбышев, где тогда создавался университет. Геннадий Петрович всегда повторял, что он прагматик: никаких случайных действий, стихийных решений и упований на фортуну – только расчет на самого себя, на собственные силы. И к новому этапу своей жизни он шел упорно, целенаправленно и с неизменным успехом. За успехом стоял многолетний труд: учась в аспирантуре, он работал инженером в НИСе, как электрик обслуживал два общежития, копал траншеи и крыл крыши. Именно в общежитии и познакомился с будущей женой. Это была

любовь на всю жизнь. Когда Геннадий Петрович рассказывал о храме св. Татианы, который построил, будучи уже ректором Самарского государственного университета, он неизменно добавлял: «У меня жену зовут Татьяна…»

Куйбышев в планы молодого ученого вписался идеально: возможностей для научного и карьерного роста в новом вузе было больше, кроме того, сразу пообещали жилье. И вот в 1971 году по путевке №1252 Минвуз направляет Г.П. Ярового в распоряжение Куйбышевского государственного университета. Ассистент на кафедре общей теоретической физики сразу принимается за работу: читает четыре или пять курсов по новой специализации «Радиофизика и электроника», занимается созданием материально-технической базы, защищает кандидатскую диссертацию в Рязанском политехническом институте. И уже с 1976 года фактически руководит новой кафедрой. В характеристике-представлении от 1982 года – тогда состоялись очередные выборы заведующего кафедрой радиофизики и радиоэлектроники – кратко изложено все, что сделал за несколько лет Геннадий Петрович. Он работает над докторской диссертацией и постоянно публикует научные работы по результатам исследований. Руководит научно-исследовательской группой «с общим объемом выполненных хоздоговорных НИР за 5 прошедших лет 850 тысяч рублей, результаты которых внедрены в народное хозяйство с экономическим эффектом порядка 1 миллиона рублей». При его непосредственном участии созданы спецлаборатории – основ радиоэлектроники, колебательных систем, импульсных устройств и некоторые другие. Что скрывается за этими сжатыми формулировками? Работа без выходных, борьба с чиновниками, напряжение воли и всех сил… Позднее он скажет об этом периоде своей жизни: «Все шло так, как я намечал». Пожалуй, в это время проявился главный талант Геннадия Петровича – знание людей. Быть руководителем вообще нелегко. Но как надо руководить, чтобы делалось дело, люди верили в успех и работали не за страх, а за совесть, чтобы не было обиженных, забытых, недооцененных, и при этом еще постараться сохранить себя, не поступаться собственными принципами? Я думаю, что в этом не последнюю роль играет уверенность в собственных силах, а лидерские качества Геннадия Петровича несомненны. Работая ответственным секретарем приемной комиссии и председателем профкома сотрудников и студентов университета, он изучил каждый нюанс функционирования этого огромного организма – буквально жил жизнью университета. И когда в 1983 году стал проректором по науке и экономике, то смог сделать все, чтобы университет жил и развивался уже в новую эпоху. Люди ему верили, знали, что Геннадий Петрович сделает все, что в его силах, но никогда не подведет.

Говоря по совести, Яровой в 1990-е годы просто «вытянул» университет. Десять лет в должности проректора по науке и экономике сделали из него профессионального управленца, как говорили в советское время. В новое время, в так называемые «лихие 90-е», понадобились менеджеры – практически те же управленцы, только умеющие работать в условиях непредсказуемости всего и вся. Изменилась страна, изменилась наука, изменилось общество. Но люди по-прежнему хотели работать и получать зарплату. «Тогда это было чрезвычайно актуально!» – заметил как-то Геннадий Петрович. И став ректором в 1994 году, пообещал коллективу ни на один день не задерживать зарплаты и – фантастика по тем временам! – развивать вуз по всем направлениям. Как и всегда, слово свое он сдержал. Опять сделал невозможное: открылись новые специальности, выросло число студентов и научных кадров, развивались все формы образовательной деятельности. Университет достойно выдержал три аттестации и аккредитации, что означало: мы выжили, мы живы, университету быть!

Особой гордостью Геннадия Петровича стали новые корпуса университета – юридического факультета и факультета экономики и управления, здание спортивно-оздоровительного центра «Универсиада» и, конечно, храм святой Татианы. Все они построены «при Яровом» – так мы называем эпоху, когда начался новый этап в истории университета, который продолжается и сегодня.

Геннадий Петрович оставил нам университет – сильный, развивающийся, уверенно смотрящий в будущее и успешно идущий вперед. Тем, кто был рядом с ним в то нелегкое время, он подарил веру в неограниченные возможности каждого, в собственные силы, сознание причастности к великому делу и ощущение победы – над обстоятельствами, над слабостями, над житейскими невзгодами. Именно как победителя мы вспоминаем Геннадия Петровича. И будем помнить…

П.С. Кабытов

ИСТОРИЯ

УДК 90314 (470.4)

Р.С. Багаутдинов, В.Н. Мышкин*

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МУЖСКИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП У КОЧЕВНИКОВ САМАРО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ VI–IV вв. до н.э.)**

Статья посвящена сравнительному анализу наборов вещей в исследованных на территории Самаро-Уральского региона погребениях мужчин разного возраста, датированных временем в пределах VI–IV вв. до н. э.

Ключевые слова: ранний железный век, кочевники, курганы, погребальная обрядность, возрастные группы, погребальный инвентарь.

Комплексный характер многих недавних исследований курганов, возводившихся кочевниками Самаро-Уральского региона в VI–IV вв. до н. э., позволил сформировать источниковую базу, включающую не только археологические находки и наблюдения, но и результаты антропологических анализов. Появилась возможность обратиться к исследованию проблемы существования и характера таких элементов социальной структуры кочевых племен, как возрастные группы. Деление общества по принципу возраста, возникшее на основе естественного разделения труда, играло в первобытных обществах важную роль и приводило к оформлению возрастных групп и классов, которые отличались друг от друга социальным положением и доступом к власти [1, с. 120].

Наиболее явственно принадлежность индивидов к той или иной возрастной группе должна была находить отражение в том наборе предметов, которыми они пользо-

* © Багаутдинов Р.С., Мышкин В.И. 2013

Багаутдинов Риза Салихович (Riz1111@yandex.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Мышкин Владимир Иванович (vnm59@bk.ru), археологическая лаборатория Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

вались при жизни. Связи между вещами, существовавшие в жизни, в определенной степени должны были проецироваться на вещи, использованные при совершении погребальных церемоний [2, с. 52].

Вопрос о характере распределения оружия в мужских захоронениях савроматского времени ранее уже затрагивался [3, с. 142–160]. Сопоставление 36 погребений показало, что оружие входило в состав инвентаря мужчин разных возрастных групп. Это обстоятельство свидетельствует о том, что обрядовое обозначение воинского статуса определялось принадлежностью индивида к структурам, формировавшимся на каких-то других основаниях, нежели возрастные группы.

В предлагаемой статье изложены некоторые результаты дальнейшего сравнительного анализа состава наборов вещей в погребениях мужчин разного возраста. Работа основана на данных, полученных при раскопках 54 погребений на территории степей Самаро-Уральского региона и датированных временем в пределах VI–IV вв. до н. э.

Антропологические анализы выполнены М.С. Акимовой [4–5], Н.А. Дубовой [6], С.Г. Ефимовой [7], Т.С. Кондукторовой [7], А.И. Нечволоде [9], Г.В. Рыкушиной [10], А.А. Хохловым[11], А.А. Хохловым и С.Ю. Фризеном [12], А.П. Бужиловой [13], Л.Т. Яблонским [14].

Погребенные были разделены в соответствии с принадлежностью к следующим возрастным группам, выделенным на основе стадий изменения скелета: 18–20 лет – juvenis (молодые), до 35 лет – adultus (взрослые), до 50–55 лет – maturus (зрелые), старше 55 лет – senilis (старые) [15, с. 39]. Количество индивидов, умерших в молодом возрасте, в выборке очень небольшое, поэтому эта возрастная группа не исследовалась.

Распределение сопровождающего инвентаря оказалось следующим. Среди вещей, сопровождавших взрослых и зрелых мужчин, иногда попадаются предметы, которые рассматриваются как женские принадлежности. Это зеркала, отдельные бусины, браслеты, раковины (табл. 1). Интерпретация подобных находок может быть различна. В коллективных погребениях, когда хоронили вместе мужчин и женщин, женские вещи могли размещать рядом с мужчиной. Золотые браслеты являлись не просто украшениями, мужчины могли носить их как знак, указывающий на высокий социальный статус. Отдельные бусины украшали рукояти мечей [16, с. 46–47].

Наиболее характерными для мужских захоронений являются такие предметы вооружения, как колчаны с набором стрел, мечи и кинжалы и некоторые детали воинской амуниции, например колчанные крючки. Кроме того, часто встречаются глиняные сосуды для напутственной пищи и ножи (табл. 1). Ножи часто клали вместе с частями туши животных, они были предназначены для использования при трапезе.

Колчаны со стрелами и мечи встречаются в захоронениях мужчин всех возрастов, при этом частота встречаемости стрел если не одинакова, то близка (табл. 1). Такое распределение фиксируется как в погребальных комплексах VI–V вв. до н. э., так и в захоронениях конца V–IV в. до н. э. (табл. 2–3).

Число погребенных с мечами в процентном отношении преобладает среди старых мужчин. Несколько реже мечи встречаются в захоронениях зрелых мужчин, наименьшая частота встречаемости этого вида оружия отмечена в погребениях кочевников, умерших в возрасте до 35 лет. Эту тенденцию определяют погребения конца V–IV в. до н. э. – раннепрохоровские в соответствии с традиционными представлениями (табл. 3). Для VI–V вв. до н. э. характерно более равномерное распределение мечей и кинжалов в захоронениях представителей возрастных группах (табл. 2).

Копья и защитные доспехи в небольшом количестве встречены в составе инвентаря взрослых и зрелых мужчин (табл. 1).

Таблица 1

Встречаемость различных категорий инвентаря в захоронениях мужчин разного возраста

№	Категории инвентаря	Возраст 20–35 лет (всего – 17)		Возраст 35–55 лет (всего – 28)		Возраст свыше 55 лет (всего – 8)	
		Кол-во случаев встречаемости предмета	%	Кол-во случаев встречаемости предмета	%	Кол-во случаев встречаемости предмета	%
1.	Сбруя	1	5,9	4	14,4	1	12,5
2.	Меч, кинжал	6	35	12	42,9	4	50
3.	Копье	3	18	1	3,6		
4.	Стрелы в колчане	10	58,8	18	64,3	4	50
5.	Панцирь			1	3,6		
6.	Крючок	9	52,9	7	25	1	12,5
7.	Пряжка	1	5,9	5	17,9		
8.	Ворворка			5	17,9	2	25
9.	Оселок	1	5,9	5	17,9	1	12,5
10.	Точильная плитка	1	5,9	1	3,6	1	12,5
11.	Нож	5	29,4	9	32,1	4	50
12.	Кост. ложечка			3	10,7		
13.	Отд. стрелы	3	18	3	10,7		
14.	Сосуд	5	29,4	9	32,1	4	50
15.	Чашечка	1	5,9				
16.	Сосудик	1	5,9				
17.	Бусы	1	5,9				
18.	Подвески						
19.	Серьги						
20.	Нашивные бляшки						
21.	Отдельные бусины			4	14,3		
22.	Раковина			2	7,1		
23.	Галька	2	11,8				
24.	Алтарь						
25.	Зеркало	1	5,9				
26.	Амулет						
27.	Шило, игла	1	5,9	1	3,6		
28.	Браслет	1	5,9				
29.	Пряслице						
30.	Гривна	2	11,8	1	3,6		
31.	Блюдо						
32.	Котел						
33.	Деревянная чаша	3	17,7	1	3,6		

Таблица 2

Встречаемость вещей мужского набора в погребениях VI–V вв. до н. э.

№	Категории инвентаря	Возраст 20–35 лет (всего – 10)		Возраст 35–55 лет (всего – 18)		Возраст свыше 55 лет (всего – 5)	
		Кол-во случаев встречаемости предмета	%	Кол-во случаев встречаемости предмета	%	Кол-во случаев встречаемости предмета	%
1.	Сбруя	1	10	3	16,7	1	20
2.	Меч, кинжал	3	30	5	27,8	1	20
3.	Копье	1	10				

Продолжение табл. 2

4.	Стрелы в колчане	4	40	11	61,1	3	60
5.	Панцирь						
6.	Крючок	4	40	4	22,2		
7.	Пряжка	1	10	2	11,1		
8.	Ворворка			1	5,5		
9.	Оселок			5	27,8	1	20
10.	Точильная плитка	1	10	1	5,5	1	20
11.	Нож	2	20	4	22,2	3	60
12.	Кост. ложечка			2	11,1		
13.	Отд. стрелы	2	20	3	16,7		
14.	Сосуд	2	20	7	38,9	3	60

Таблица 3

Встречаемость вещей мужского набора в погребениях конца V–IV вв. до н. э.

№	Категории инвентаря	Возраст 20–35 лет (всего – 7)		Возраст 35–55 лет (всего – 10)		Возраст свыше 55 лет (всего – 3)	
		Кол-во случаев встречаемости предмета	%	Кол-во случаев встречаемости предмета	%	Кол-во случаев встречаемости предмета	%
1.	Сбруя			1	10		
2.	Меч, кинжал	3	57,1	7	70	3	100
3.	Копье	2	28,6	1	10		
4.	Стрелы в колчане	6	85,7	7	70	1	33,3
5.	Панцирь			1	10		
6.	Крючок	5	71,4	3	30	1	33,3
7.	Пряжка			3	30		
8.	Ворворка			4	40	2	66,7
9.	Оселок	1	14,3			1	20
10.	Точильная плитка						
11.	Нож	3	42,9	5	50	1	33,3
12.	Кост. ложечка			1	10		
13.	Отд. стрелы	1	14,3				
14.	Сосуд	3	42,9	2	20	1	33,3

Интересным представляется факт неравномерного распределения крючков, с помощью которых колчаны крепились к ремням амуниции. Крючки встречены в 52,9% захоронений мужчин, умерших в возрасте до 35 лет. Среди вещей зрелых мужчин они встречаются в два раза реже. В погребениях мужчин старше 55 лет частота встречаемости этих предметов невелика (табл. 1). Эта тенденция прослеживается также при анализе погребальных комплексов VI–V вв. до н. э. и конца V–IV в. до н. э. как отдельных совокупностей. Можно предположить, что наличие этой детали амуниции свидетельствует о похоронах умерших, облаченных в воинское снаряжение, и указывает на действительное выполнение ими воинских функций. Наличие же в погребениях стариков колчанов со стрелами, но без колчанных крючков, возможно, указывает на использование стрел в погребальном обряде не как боевого оружия, а лишь в качестве символа воинского статуса. Оселки, которые, вероятно, были частью костюма воина и символами воинского статуса, различные детали воинского снаряжения и конская сбруя чаще встречаются у зрелых мужчин. Особенностью погребе-

ний кочевников, достигших старческого возраста, можно считать наличие в составе погребального инвентаря глиняных сосудов (табл. 1).

На протяжении всего исследуемого периода встречаются захоронения мужчин с небольшим количеством вещей, что можно рассматривать как признак, указывающий на бедность и/или низкий социальный статус погребенного при жизни. Среди таковых встречены погребения мужчин разного возраста – от молодого до старческого.

Подводя итоги, отметим, что возрастная дифференциация мужчин в обществе кочевников Самаро-Уральского региона в VI–IV вв. до н. э. не имеет ярко выраженных характеристик в таком элементе погребальной обрядности, как состав сопровождающего инвентаря. Среди мужских вещей преобладают некоторые категории вооружения и бытовые предметы – ножи и сосуды. Различия в составе наборов вооружения в погребениях мужчин разного возраста незначительны. Обозначение воинского статуса в погребальной обрядности кочевников не было связано с возрастом мужчины. Вместе с тем некоторые особенности размещения оружия могут свидетельствовать о том, что при погребении мужчин старческого возраста оружие использовалось лишь для символического моделирования воинского статуса.

Библиографический список

1. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. 171 с.

2. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 240 с.

3. Мышкин В.Н. Воинский инвентарь в «савроматских» погребениях Самаро-Уральского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. С. 142–160.

4. Акимова М.С. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала // Археология и этнография Башкирии. Том III. Уфа: Издание БНЦ РАН, 1968.

5. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 180 с.

6. Смирнов К.Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1981. С. 68–91.

7. Ефимова С.Г. «Савроматы» и ранние сарматы по антропологическим материалам из Лебедевского курганного комплекса // Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VII–II вв. до н. э.). М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2006. С. 133–148.

8. Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА. 1962. № 115. С. 205–241.

9. Федоров В.К., Васильев В.Н. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. 1998. С. 62–96.

10. Таиров А. Д. Ранние кочевники Южного Зауралья в VII–II вв. до н. э.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.

11. Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н. э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология / IV Международная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории»: материалы и доклады. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 71–84.

12. Хохлов А.А., Фризен С.Ю. Новые краниологические материалы Южного Урала савроматского времени // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. С. 257–266.

13. Исследование курганного могильника у с. Першин / Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Е.Ю. Лебедева [и др.] // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2000. С. 63–97.

14. Яблонский Л.Т., Работы комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II. Оренбург: Печатный дом «Димур», 1998. С. 97–119.

15. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

16. Багаутдинов Р.С., Мышкин В.Н. Мужской и женский наборы вещей у кочевников Самаро-Уральского региона VI–IV вв. до н. э. // Вестник Самарского государственного университета. Сер.: Гуманитарная. 2013. № 2 (103). С. 44–48.

R.S. Bagautdinov, V.N. Myshkin*

TO THE PROBLEM OF INVESTIGATION OF MALE AGE GROUPS OF THE NOMADS OF THE SAMARA-URAL REGION (FROM THE MATERIALS OF THE BURIALS OF THE VI–IV CC. B.C.)

The article is devoted to the comparative analysis of sets of grave goods in the burials of men of different ages, studied in the mound of the VI–IV centuries B.C. on the territory of the Samara-Ural region.

Key words: early Iron Age, nomads, burial mounds, funeral ceremony, age groups, funeral inventory.

* *Bagautdinov Riza Salihovich* (Riz1111@yandex.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

Myshkin Vladimir Nikolaevich (vnm59@bk.ru), Archaeological Laboratory, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, 443099, Russian Federation.

УДК 94(47).04

Э.Л. Дубман*

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ЮЖНОГО СРЕДНЕВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XVI – XVII вв.**

В статье рассмотрены состав, службы, занятия основных категорий военизированного населения Южного Средневолжья в конце XVI – XVII вв. Показаны особенности их военной службы, расселения и наделения земельными угодьями.

***Ключевые слова*:** военные люди, дворяне, дети боярские, стрельцы, казаки, служилые татары, мордва и чуваши; военная служба, колонизация, расселение.

На начальном этапе включения в общероссийскую систему отношений, Южное Средневолжье являлось окраинной территорией, зоной фронтира с кочевыми народами степи и казачьей вольницей. Необходимо было защитить регион от постоянных нападений, предотвратить острые социальные и межэтнические конфликты, сопровождавшие период его интенсивной колонизации в середине – второй половине XVII в. Для решения этих задач правительство строило города и засечные линии, переводило и испомещало в пограничье крупные контингенты военизированного населения [1–2]. Именно такое население стало основой для формирования значительной части местного социума. Государство, вплоть до последних десятилетий XVII в., делало все возможное для сохранения боеспособности местных служилых людей, защищало их мелко- и среднепоместное землевладение от конкуренции со стороны крупных привилегированных феодалов. Только в конце 1680-х гг., когда военная угроза ослабла, в регионе перестали действовать нормы законодательства о «заказных городах» [3, с. 19–25].

История складывания разнообразных категорий служилых людей; формирования из них групп помещиков, однодворцев и т. д.; взаимоотношений между ними в условиях интенсивных миграционных потоков, колонизации и перераспределения новых земель крайне сложна и неоднозначна. Положение усугубляется отсутствием репрезентативных источников, слабой изученностью данных процессов в отечественной историографии для территорий Южного Средневолжья [4, с. 180].

Задачей данной работы является рассмотрение положения основных групп местного военизированного населения Южного Средневолжья: «служилого города» – дворян и детей боярских, приборных людей – стрельцов и казаков, служилых людей из коренных народов Среднего Поволжья. Вне поля зрения, вследствие формата статьи, остаются такие важные категории ратных людей, как иноземцы, в том числе смоленская и полоцкая шляхта; солдаты и рейтары, солдаты выборного полка А.А. Шепелева и ряд других более мелких групп. Реформы военных сил Московского государства второй половины XVII в. и прежде всего последних лет правления Федора Алексееви-

---

* © Дубман Э.Л., 2013

Дубман Эдуард Лейбович (dubmane@mail.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

ча также затронули европейский юго-восток, но не столь существенно, как западные и южные пограничные районы страны [5, с. 62–72].

Дворяне и дети боярские составляли привилегированную часть военных гарнизонов Южного Средневолжья. Именно из них к началу XVIII в. складывается региональное дворянство, владельцы поместий и вотчин; они дают начало местным дворянским династиям [6]. В уездных центрахМосковского государства середины XVI–первой половины XVII вв. приписанные к ним служилые люди по отечеству образовывали так называемый «служилый город» [7, с. 178–197]. В современной исторической науке под данным понятием понимается «Корпоративная организация дворян и детей боярских одного уезда, связанных общностью верстания, землевладения, службы и самоуправления» [8, с. 5]. Однако, во второй половине XVII в., когда начинается массовая колонизация изучаемого региона, происходит распад связей объединяющих «служилый город» в единое целое. Он как социальная организация фактически перестает существовать. В связи с этим мы не совсем согласны с позицией Э.И. Амерхановой, рассматривавшей «служилый город» Казани во второй половине XVIIв. как стабильную систему [9].

Формирование «служилых городов» Южного Средневолжья начинается с гарнизонов первых его крепостей (по официальной терминологии того времени – b*городов*), основанных во второй половине 1580-х гг. В Самаре и Саратове вплоть до последних десятилетий XVII в. дворяне и дети боярские составляли немногочисленные, достаточно устойчивые категории населения. Перераспределение их между понизовыми городами, прослеживается весьма слабо. По сводным данным второй половины 1620-х – начала 1680-х гг. (за более ранний период сведения отсутствуют), эта группа оставалась стабильной, практически неизменной по численности, и составляла 18–20 служилых людей в каждом из городов [10; 11, с. 118; 12, с. 25; 13, с. 64].

Сложно говорить о том, насколько малочисленные «служилые города» Самары и Саратова были едины в отношении самоуправления. Каких-либо данных, свидетельствующих о выборных людях и сословных дворянских учреждениях, не выявлено. К тому же местных детей боярских в действительности не объединяла общность землевладения, так как Саратовский уезд в рассматриваемый период так и не сложился, а в Самарском первые дворянские поместья на Самарской Луке появились только в 1640-х гг.

Переведенных в Саратов и Самару дворян и детей боярских вписывали в окладные книги и десятни как «саратовцев» и «самарян». Известны случаи, когда указанные по другим городам служилые люди по отечеству, просили записать их по Саратову. А.А. Гераклитов сообщает «...в 1661 году по собственному желанию записывается сюда иноземец Валенский. В 1660 году уфимцы – Приклонский и Онучин просили о выдаче им денежного жалованья по Саратову» [14, с. 232]. Из них постепенно складывались местные дворянские династии. Например, в источниках по Самаре постоянно встречаются Алампеевы, Филитовы, Порецкие, Могутовы и другие.

Самаряне и саратовцы жили прежде всего на государево денежное и «хлебное» жалованье, которого явно было недостаточно. В Самаре первые сведения о появлении поместий служилых людей по отечеству на территории Самарской Луки относятся к началу 1640-х гг. В 1643 г. М. Филитов получил 30 чет. («а в дву потому ж») земли в прибрежной части Ширяевского оврага и поселил там д. Ширяев Буерак [15, ф. 396, оп. 2, ч. 5, д. 3609, л. 198–198 об.]. В 1644 г. сыну боярскому В. Порецкому в межгорных долинах на севере и юге Луки дали землю в поместье (100 четв. и сенные покосы), где он основал д. Моркваши и Осиновый Буерак [16, ф. 38, оп. 1, д. 67, л. 99]. Это были единичные случаи, и только в конце XVII – начале XVIII в. наблю-

дается повышенная активность самарских дворян и детей боярских, стремившихся заменить причитавшееся им хлебное и денежное жалованье поместной дачей.

Основой для благополучия местного дворянства и их семей являлись военная служба и поручения местной администрации. Как пишет А.А. Гераклитов: «...особый интерес (у самарских дворян. – *Э.Д.*) приобретали такие местные службы, с которыми были связаны доходы. Около таких невидных должностей, как сотничество у конных или у пеших стрельцов, создавалась самая яростная конкуренция... О конкуренции свидетельствует то обстоятельство, что служба в сотниках продолжалась очень недолго: 3–4 года – и всегда находился более счастливый соперник, который путем хлопот в московских приказах перехватывал ее для себя» [17, с. 199–200].

Действительно, сотничество являлось выгодной должностью для служилых людей по отечеству. Среди самарских сотников постоянно мелькают одни и те же фамилии местных детей боярских: Хомутских, Тимановых, Могутовых и других. Так, в 1646 г. в Самаре служили сотниками дети боярские: Семен Тимофеев, Федор Раздеришин, Степан Корчемкин и Семен Олонисев [16, ф. 38, оп. 1, д. 67, л. 214]. Должность сотника, прежде всего у конных стрельцов, являлась прибыльной и почетной; об ее исполнении просили, подавали челобитные. Сотники, как правило, жалованье получали деньгами и хлебом и только, начиная с 1640-х гг. в отдельных случаях служили с поместных дач [16, ф. 38, оп. 1, д. 66, л. 77, 78, 82, 97, 130, 132, 134; д. 67, л. 128, 214, 215, 257, 268]. До «головства», то есть руководства приказом стрельцов, самаряне, как правило, недотягивали.

Местные дворяне и дети боярские также конкурировали за места начальников застав, окружавших пограничные города; назначение приказчиками в дворцовые владения, прочие городские и уездные службы. Характерно, что они, в отличие от приборных людей, практически не занимались торговой и промысловой деятельностью. По крайней мере, источники о таких случаях не упоминают. И все же какой-то интерес к промысловым городским водам у них был. Так, в челобитной от всех горожан с просьбой приписать к Самаре промысловые воды говорилось: «...городовых дворян и детей боярских и всяких чинов людей».

Только строительство засечных линий и образование Симбирского уезда создало условия для формирования достаточно многочисленной группы «симбирян». «Служилый город» Симбирска складывался в основном из дворян и детей боярских Нижегородского и Казанского Поволжья, переселенных для службы на новую Симбирскую черту. Остальных переводили в край позднее, и сравнительно небольшая часть сама подавала челобитные с просьбой записать их в Симбирск на службу. Переписчики 1678 г. показали в уезде более 200 помещиков-«симбирян» [18, с. 57–115]. Их испомещению, проходившему одновременно со строительство Симбирска и Симбирской черты (по данным строельной книги, 160 человек, у П.Л. Мартынова, видимо, ошибка – 165 чел. [19, с. 97–101; 6. Приложение 2, с. 8]), способствовало складывание многочисленного «служилого города». В отличие от детей боярских Саратова и Самары, они сразу же получали земельные наделы. Свободные земли в окрестностях Симбирска были быстро разобраны, и «симбиряне» испомещались, как правило, «от засечных крепостей не в ближних местах», что доставляло значительные неудобства. Нередко новые помещики объединялись в группы по 4–6 человек, отыскивали себе за валом «порожжие земли» и просили симбирских воевод отвести их им [1, с. 213, 217].

Судя по записям в строельной книге, размеры земельных окладов симбирян колебались от 350 до 150 четв. К различным земельным окладам полагалось и соответствующее денежное жалованье: 350 четв. соотносилось с 12 руб., 300 четв. с 10 руб., 250 четв. с 8 руб., 200 четв. с 7 и 6 руб. и, наконец, 150 четв. с 6 руб.

Те, кому полагались оклады в 350 и 300 четв., получали в земельную дачу 60 четв.; соответственно с 250 четв. отмежевывали 50; с 200 и 150 четв. – 40 четв. («а в дву потому ж») [19, с. 83–84, 95–96]. Это правило в ходе самого испомещения действовало с некоторыми исключениями. Так, были 2 случая, когда в дачу давали по 70 четв., и дважды по 30 четв. [19, с. 54, 59, 67]

Видимо, эти нормы испомещения и распределения жалованья действовали и в более позднее время.

Поместья симбирян располагались по большей части в междуречье Барыша и Волги. С середины 1660-х гг. они переходят «за вал», на Крымскую сторону. В 1680-х – 1690-х гг. зона поместного землевладения доходит до широты Сызрани и Кашпира и спускается южнее [20, с. 66–67]. За исключением сравнительно локального района центральной части Самарской Луки, это был основной район распространения дворянского землевладения. Все остальные территории Симбирского уезда в междуречье Барыша и Суры, Казанского и Симбирского уездов в Заволжье были заселены другими категориями переселенцев и имели лишь небольшое количество помещичьих владений. Основной контингент помещиков Симбирского уезда составляли «симбиряне», а Самарского уезда – «самаряне». Казанцы, арзамасцы, курмышане, алаторцы и другие дети боярские являлись редким исключением в тесных рядах местных помещиков.

Как правило, «симбиряне» относились к мелким землевладельцам. В среднем на каждого из них, по данным переписной книги 1678 г., приходилось немногим более 4,5 двора крестьян, задворных людей и бобылей [18, с. 57–115]. Если учесть определенное неравенство, наличие более состоятельного слоя из нескольких десятков симбирян, на долю подавляющего большинства остальных приходилось и того меньше – по 2 – 3 двора. Отсюда видно, что эти местные служилые люди по отечеству были способны нести только городовую осадную службу.

Владея поместьями с крестьянами на территории уезда, служилые люди по отечеству проживали своими дворами только в Симбирске. По Симбирску не обнаруживается, как по другим городам Южного Средневолжья, никаких свидетельств наличия сословной самоорганизации, выборного самоуправления у этой группы людей.

В Закамье помещиками были прежде всего казанские дети боярские. Гарнизоны вновь построенных Сызрани, Кашпира, Петровска и других пригородов состояли из солдат, которые частично набирались из мелкопоместных детей боярских. Но в данном случае при определении в солдаты происходила утрата статуса.

Последние десятилетия XVII – начало XVIII в. были временем, когда в положении и составе провинциальных служилых людей по отечеству происходили серьезные изменения. Но коренные реформы служилого сословия еще не коснулись юго-восточных окраин европейской части России. Об этом например, для области понизовых городов свидетельствует ситуация со служилыми людьми в Астрахани с прилегающей к ней округой [21, с. 36–82].

Резкие изменения в составе и численности дворян и детей боярских в это время можно наблюдать по Самаре. В городе резко, до 52 чел. увеличивается число служилых людей по отечеству. Они, судя по переписи 1702 г., делились по 3 статьям: на выборных, дворовых и городовых.

– «По выбору» – 9 человек (земельные владения в Самарском, Симбирском, Алатырском и других уездах);

– «по дворовому» списку – 3 (земельные владения в Самарском и Алатырском уездах).

Последняя, наиболее многочисленная подгруппа подразделялась, в свою очередь, на «городовых поместных» и «городовых беспоместных»:

– «городовые поместные» – 14 чел., имевшие поместья в Самарском, Алатырском, Симбирском и др. уездах;

– «городовые беспоместные» с земельным окладом от 500 четвертей и денежным жалованьем от 27 руб. и до 7 руб. – всего 26 человек [15, ф. 1209, оп. 4, д. 5128. 1702 г., л. 608–609 об., 611 об.].

Имеющиеся источники позволяют проследить, насколько были устойчивы и преемственны «династии» провинциальных служилых людей в конце XVII в. Только 38,5 % из них представляли как минимум второе поколение самарян. Остальные 61,5 % были приписаны к городу в последней четверти XVII в., что свидетельствует о значительных ротациях этой категории городского населения. Причем по всем 3-м статьям эти изменения происходили по разному:

– у выборных соответственно 33,3 и 66,7 %;

– у дворовых – 66,7 и 33,3 %;

– у городовых поместных – 14,3 и 85,7 %;

– у городовых беспоместных – 50 и 50 %.

Следует отметить, что численность последней подгруппы составляла половину от всего состава «служилого города» (26 от 52). Вполне очевидно, что резкое увеличение самарского «служилого города» в основном происходило отнюдь не за счет естественного прироста внутри него.

Служилые люди по прибору (стрельцы и казаки). Эта категория в Московском государстве включала в себя самые различные группы военизированного населения – стрельцов, казаков, пушкарей, затинщиков, воротников и т. д. Наиболее многочисленными и значимыми для провинциальных гарнизонов являлись стрельцы и казаки.

Особенности комплектования этих групп, их положение, хозяйственные занятия и даже способ жизни существенно отличались на отдельных локальных территориях Южного Средневолжья.

В «старых» городах, к которым относились Самара и Саратов, основу местных гарнизонов составляли пешие и конные стрельцы; бывшие исключительно горожанами и жившие на денежное и хлебное жалованье. Часть из них активно участвовала в хозяйственной жизни города и уезда – торговле, ремесленных занятиях, промыслах. Видимо, жалованье по Саратову и Самаре в разные периоды истории различалось. Так, осенью 1662 г. «для хлебные и всякие дорогови» было приказано учинить самарским стрельцам годовые оклады «против соратовских конных и пеших стрельцов: конным по шти рублев, пешим по четыре рубли человеку» [17, с. 206].

В районах массового расселения под защитой Корсунской, Симбирской и Закамской линий приборные люди размещались в слободах при городах, пригородах и острогах. Еще чаще такие слободы возникали автономно, в сельской местности. Стрельцы и казаки получали земельные наделы для испомещения, что не препятствовало им заниматься активной промысловой и торговой деятельностью. По численности среди этой категории служилого населения, существенно преобладали конные казаки. В конце XVIIв. после взятия Азова, значительную часть стрельцов и казаков отправили для поселения в Азов и Таганрог, а также в новые города европейского юго-востока – Петровск, Камышин и другие. Однако на «старых», уже освоенных территориях сохранились крупные контингенты этого военизированного населения.

***

Стрельцы, переведенные в Самару и Саратов при их основании, вплоть до начала XVIII в. оставались основной, наиболее значительной силой гарнизонов этих городов. В целом численность стрельцов в каждом из них была примерно равной. Но в Саратов, при экстренных ситуациях, нередко посылали из «верховых городов», в том числе и Самары, дополнительные контингенты воинских сил для «годования»

[14, с. 216, 231]. Основной ударной силой, наиболее обеспеченной государевым жалованьем, являлись конные стрельцы. В XVII в. после Смуты их численность составляла в городском гарнизоне сотню всадников и оставалась стабильной все последующие годы. Конные стрельцы использовались для многодневных «посылок» в степь. Они сопровождали торговые и посольские караваны, производили дальние разведки для наблюдения за передвижениями кочевников и погони за ними, служили на заставах вокруг города. Их наличие и боеготовность являлись показателем способности гарнизона крепости и ее властей контролировать ситуацию в окружающем регионе.

Большинство стрельцов все же были пешими. Их количество в первой трети XVII в. составляло в Саратове и Самаре около 250 человек, в последующие двадцатилетие выросло до 300, каковым и осталось впоследствии [10, т. 1, стб. 1141–1358; т. 2, стб. 287–922; 12, с. 25; 16, ф. 38, д. 66, л. 105, 108, 130]. Данные по Самаре за отдельные годы второй половины XVII в. (1651, 1686, 1687, 1698, 1702 гг.) свидетельствуют о том, что в городе находились четыре стрелецкие пешие сотни, что позволило сформировать в конце 1640-х – начале 1650-х гг. из местных стрельцов приказ во главе с головой (приказ – войсковое соединение, объединяющее 500 стрельцов). Хотя известия о наличии стрелецких голов в Саратове и Самаре относятся к значительно более раннему периоду – началу 1620-х гг. [16, ф. 38, оп. 1, д. 67, л. 161; 22, с. 42].

Массовое расселение приборных людей, начатое в ходе строительства Корсунской, Симбирской и Закамской засечных линий, создало новую ситуацию внутри этой категории военизированного населения Южного Средневолжья. Их численность на территории региона многократно увеличилась, и не только за счет переводов из Казанского и Нижегородского Поволжья; но в значительной степени в результате набора гулящих людей, мобилизации дворцовых крестьян (из жителей Федоровской, Чалнинской и прочих дворцовых сел и волостей) и иных категорий тяглого населения. Произошло определенное «перераспределение», изменение удельного веса различных групп внутри этой категории. Например, стрельцы, преобладавшие в Саратове и Самаре, в Симбирском уезде и на закамских территориях Казанского уезда отошли на второй план, уступив свои лидирующие позиции конным казакам, а позднее и солдатам. По слободам и укрепленным пунктам черт несли службу прежде всего пешие стрельцы, а стрелецкую конницу заменили конные казаки.

Именно конные казаки являлись наиболее мобильной силой, способной защитить всю протяженную систему засечных линий. После завершения Разинщины конкуренцию им составили крупные контингенты солдат выборного полка А.А. Шепелева, расселенные в Предволжье, а затем и солдатские части, создаваемые в ходе реформирования русской армии в последние десятилетия XVII – начале XVIII вв. Например, новые города и пригороды этого периода: Сызрань, Кашпир, Петровский, Сергиевский и другие – заселили исключительно солдатами. К тому же во второй половине 1690-х гг. крупные контингенты казаков целыми слободами перевели на юг. Тем не менее и в начале нового XVIII столетия старые традиционные категории приборных людей сохранили свою значимость для гарнизонов региона.

Казаки, стрельцы, солдаты и близкие к ним группы военизированных жителей по-разному размещались на каждой из локальных территорий Южного Средневолжья. Но в целом, именно они являлись важнейшим актором расселения, социального и хозяйственного развития всего этого пространства.

Меняется сам способ их бытия. Приборные люди в основной своей массе становятся не городским, а сельским населением. Их испоместили землей и разместили по слободам, располагавшимся за засечными чертами, в глубине оборонительной системы; а также при пригородах и острогах. В гарнизонах по оборонительным линиям ведущее место занимали конные казаки. Для пограничных южных террито-

рий В.М. Важинский считает их все же преимущественно городским населением [23, с. 139–140]. В ходе расселения и хозяйственно-поземельной «самоорганизации» они приобретали облик сельских слободских общин. При межевании угодий таким общинам каждой семье выделяли место под двор, участок пахотной земли и сенные покосы. Все остальные угодья находились в общем пользовании.

Судя по строельной книге Симбирска и черты, при испомещении в ходе расселения, конные казаки получали следующие наделы: пятидесятники – 40 четв. («а в дву потомуж». Далее при определении пахотного надела везде будет подразумеваться эта формула), десятники – 30, рядовые казаки – по 20 четв. [19, с. 20–23, 31]

Среди казаков, исходя из документов, существовало определенное деление на ряд подгрупп: белопашенных, станичных, дозорных, полковых и т. д.; но как это отражалось на их служебных обязанностях и размерах земельного надела, неизвестно?

Значительно меньшими были наделы у пеших стрельцов: пятидесятники – 10 четв., десятники – 9, рядовые казаки – по 8 четв. [19, с. 26–27, 31]

Такие же наделы получали казаки (и, видимо, стрельцы), испомещаемые по Закамской линии [1, с. 151]. Каждому из них также отводили «земли под двор, под огород и под гумно по 40 сажен длиннику, по 10 поперечнику» [1, с. 144].

Также по данным писцовой книги 1685–87 гг. были наделены землей казаки и стрельцы Корсунской части Симбирского уезда [15, ф. 1209, д. 441, л. 31об., 67, 91, 111об., 120]. Несколько большими здесь были наделы единственной стрелецкой слободы – по 11 четв. человеку [15, ф. 1209, д. 441, л. 47].

Таким образом, на всем пространстве Южного Средневолжья существенных различий в наделении землей стрельцов и казаков в течение всей второй половины XVII в. не наблюдалось. По размерам выделяемых им земель приборные люди региона практически не отличались от подобных категорий населения в южном пограничье [23, с. 141–142].

***

Выше уже говорилось, что приборные люди Южного Средневолжья являлись основной военной силой, призванной защищать прежде всего территории своих уездов или городов. Как правило, их «посылки» в течение длительного периода производились внутри региона понизовых городов, находившихся под властью приказа Казанского Дворца. При этом города и уезды Среднего Поволжья (в том числе Самара, Симбирск и его пригороды, Казань с пригородами) являлись своеобразными «донорами» для лежащих южнее городов и территорий (в том числе и Саратова). Значительные силы были перемещены на юг во время «донской посылки» начала 1660-х гг.; после взятия Азова в 1696 г., для обеспечения безопасности при строительстве Волго-донского канала. Достаточно серьезными походами были военные действия против И. Заруцкого и яицкого казачества в 1614 гг., против калмыков в 1640-х гг. и башкир в первой половине 1660-х гг. Только в крайних случаях они принимали участие в войнах на западных или юго-западных границах России. К их числу можно отнести известный «Чигиринский поход» (Русско-турецкую войну 1677–1681 гг.), вошедший в послужной список многих приборных людей.

Военная служба для приборных людей в Самаре, Симбирске с уездом и в Заволжье являлась более безопасной, чем в Саратове или Царицыне. Об этом свидетельствуют данные о количестве посылок воинских людей, столкновениях с кочевниками и казаками. В отличие от гарнизонов более южных городов, самарцам и симбирянам лишь несколько раз пришлось участвовать в серьезных военных столкновениях. Но даже в конце XVII в., когда опасность нападений кочевников значительно уменьшилась, от приборных людей требовали постоянной дозорной службы [24, т. 5, с. 359].

Повседневная жизнь гарнизонов была наполнена более будничными занятиями. Сторожевая служба, предупреждение возможных нападений, являлись важнейшей заботой как местной администрации во главе с воеводой, так и немногочисленных гарнизонов. Например, в начале XVIII в. жители Печерской слободы так охарактеризовали свои службы: «...все высланы на службу и доныне служат, а которые де остались за старостью и те де непрестанно были в работе на Камышенке и в посылках и на караулах на Сызране и в подвотчиках» [15, ф. 1209, оп. 7, д. 159, л. 365 об.].

Стрельцы сопровождали как охрана, реже «в гребле», торговые и посольские караваны вниз и вверх по Волге до Астрахани и Казани. Конных стрельцов и детей боярских посылали для бережения послов и торговцев на сухопутных путях в Среднюю Азию, на Яик и т. д. Наиболее безопасным временем для таких посылок считался март, когда до схода снега можно было легче передвигаться по насту, а степь еще не заняли кочевники, зимовавшие рядом с Астраханью.

В пределах окрестностей городов приходилось дежурить по уметам и караулам на степных дорогах, по заставам, окружавшим города, ходить к дворцовым рыбным промыслам, в «серную посылку» и для «селитренного дела». Нередко приборных людей посылали в дворцовые волости (на Самарской Луке, Арбугинскую и Чалнинскую волости и т. д.). В самом начале Разинщины местных стрельцов и казаков отправляли для «проведования» вестей на Дон и в Астрахань. После подавления повстанческого движения из Самары по 50 стрельцов ежегодно направляли на «Переволоку» в самое узкое место Самарской Луки между р. Волгой и Усой [15, ф. 281, оп. 16, д. 10845, л. 6–7]. Таким образом, подступы к Саратову, Самаре, Симбирску с чертой и т. д. были достаточно надежно прикрыты караулами, заставами, небольшими острожками.

Трудно судить насколько исправно несли службу местные приборные люди. Сами они неоднократно жаловались на то, что оскудали, обеднели, повинности им в тягость, в дальние посылки ходить нечем. Совершенно плачевное положение самарского гарнизона в последние годы Смуты описал воевода Д.П. Лопата-Пожарский. Он сообщал, что город «оскудал», что семьи стрельцов только ждут теплого времени, чтобы идти просить подаяния. Еще в худшем состоянии были 205 саратовских стрельцов, пришедших в Самару после гибели своего города [25, с. 241]. Из уст же конкурентов воинских людей – посадских жителей, были слышны обвинения в другом, что, дескать, местные стрельцы от службы отлынивают, занимаются торгами и промыслами, богатеют. Трудно судить, насколько была права каждая из сторон. Действительно, среди стрельцов и казаков мы постоянно встречаем откупщиков рыбных промыслов. промышленников. В Самаре ,по данным пятины 1634 г., значительная часть стрельцов торговала и занималась предпринимательством. Об этом же свидетельствует приходо-расходная книга по Симбирску с уездом [26, с. 10, 30–33]. По Саратову известно, что среди стрельцов в начале XVII в. были «камышники», промышлявшие охотой [14, с. 188].

Приборные люди, несомненно, являлись частью местного городского общества. Между ними и посадскими людьми не было непроходимой границы, нередкими являлись переходы из одной группы населения в другую. Они также имели дворы в городе, занимались повседневными хозяйственными делами, промыслами и торговлей. Нередко посадское и приборное население выступало вместе для защиты своих насущных интересов.

Набираемые из самых различных слоев общества стрельцы и казаки вели себя двойственно, далеко не всегда являясь устойчивой военной силой. Например, во время похода «царевича Петра» по Волге гарнизоны волжских городов поддержали самозванца. «И астраханские, и терские, и саратовские, и самарские стрельцы крест ему целовали. И поцеловав крест, они много дворян побили...» [27, с. 130]. Однако

когда летом 1608 г. вверх по Волге из Астрахани отправились к Москве еще три самозванца – царевичи Август-Иван, Осиновик и Лавр, под Саратовом они встретили ожесточенное сопротивление «...в Саратове воеводы и ратные люди отсиделися и на приступах и на вылазках астраханских воров многих побили, и вор, которого называли царевичем Иваном, от Саратова пошел с астраханскими людями в Астрахань» [14, с. 195]. Однако саратовцы недолго сохраняли верность Василию Шуйскому. Уже в феврале 1609 г. их посланцы появились в лагере одного из полководцев Лжедмитрия II Я. Сапеги [28, с. 246].

Зачастую защитить город во время крупных социальных движений местные приборные люди не только не могли, но и не желали. Как правило, они в большинстве своем переходили на сторону повстанцев (как это произошло во время Разинщины), всегда были готовы к неповиновению. Наиболее явственно это недовольство проявлялось, когда доходили слухи о волнениях в Москве, других городах или территориях. Так, например, в 1648 г. самарские стрельцы, пушкари и ружники «скопом в съезжую избу приходили... невежливые слова говорили... учинились сильны и непослушны» [16, ф. 38, оп. 1, д. 67, л. 214].

Таковы были состав, положение и обязанности приборных людей Южного Средневолжья в конце XVI – XVII вв. Для рассматриваемого периода они являлись военизированным, служилым населением края. Не наблюдалось превращения их в «тяглецов», «слияния с податными сословиями», о чем пишет применительно к служилым людям Севского и Белгородского разрядов В.М. Важинский [23, с. 230].

Вопрос о роли и месте **служилых людей – представителей автохтонных коренных жителей Среднего Поволжья** среди других категорий военизированного населения рассматриваемого региона является одним из самых сложных и слабоизученных [29; 30, с. 16–37; 31, с. 52–55; 32, с. 130–132]. Сохранившиеся источники свидетельствует о том, что их, как и русских, правительство переводило для службы по засечным чертам. Об особенностях такого перевода говорит, например, текст указа о переводе в 1648 г. 435 курмышских татар на Корсунскую линию: «И ныне указали есмя тех курмышских татар детей их и братью и племянников и соседей и захребетников взятии на нашу службу на Корсунь и во все городы и остроги, которые устроены подле Корсунские засеки, на вечное житье для того, что они в нашу службу поспели, а живут у отцов своих и у родимцов и в соседях и в захребетниках, а никакия службы не служат; а для новыя селидьбы пожаловали есмя тех новоприборных служилых людей, велели им дати нашего денежнаго жалованья по шти рублев да по пищали человеку, а на пашню земли велено им давать по пятнадцати и по двадцати четьи в поле, а в дву потому ж, смотря по людям и по пашне и велено тех новоприборных людей в Корсуне и по Корсунской засеке в городех и в острогех строить на вечное житье...» [33, с. 32–33]. Характерно, что у людей, полагаемых к переселению, был выбор. Они могли выбрать «полковую службу» вместе с другими курмышскими татарами [33, с. 24–25].

Расселение этой категории служилых людей и их численность отражены в строельных, переписных и писцовых книгах, других источниках. Возможно, нередкими были случаи, когда служилые татары, чуваши и мордва сами являлись инициаторами такого переезда, как это было, например, при колонизации территорий между Сызранью и Пензой или западного Закамья. Но каждый раз они должны были получать разрешение на основание нового поселения и получение новых земельных угодий от уездной администрации. Нам кажется не совсем обоснованным мнение Р.Г. Насырова, писавшего, что в Закамье «...служилые татары заселяли регион не принудительно, а по собственному предусмотрению и желанию». При этом автор утверждает, что «между процессом их расселения в Закамском крае и военным фактором невозможно уловить какой-либо причинно-следственной связи» [34, с. 23].

Материалы строельной книги воеводы П.А. Измайлова для территорий, примыкающих к Симбирской черте, показывают сравнительно небольшое количество селений служилых татар – всего 6 (если учесть, что в одном случае поселенцы просили землю для 3 селений, то 8). Эти деревни значительно различались между собой по количеству дворовладельцев – от 20 до 100. Данные о количестве земли, отведенной каждому из них, отсутствуют; приводится только общее количество на все поселение. В ряде случаев размеры выделенных участков удивляют. Например, в 2 случаях группам переселенцев по 100 человек было выделено почти по 29 000 четвертей, еще в одном – новозаписным служилым татарам «Кабычке Кармышеву с товарищи» (их количество не указано, но, скорее всего, не превышало 100 человек) 20 000 четвертей. Еще в 2 случаях размер выделенной земли для каждой из групп переселенцев в 50 человек составлял немногим более 3000 четвертей для каждой. И наконец, двум переведенным группам служилой мордвы в 20 и 50 человек было отмежевано соответственно 1248 и 3000 четвертей. Эти данные не позволяют сколько-нибудь приблизительно определить средний надел земли, приходившейся на 1 двор. Очевидно, что при обилии свободных земель в начале 1650-х гг. в глубинных районах под защитой Симбирской черты могли выделяться и лишние земли, которые потом, как показывают документы, перераспределялись между другими группами переселенцев [19, с. 71–76].

Место и деятельность этой группы служилых людей в развитии Симбирского уезда отражают приходо-расходные книги 1665–1667 гг. Как акторы процессов, происходивших в это время в осваиваемом регионе, они играли явно второстепенную роль, но их присутствие, и прежде всего мурз и татар, вполне ощущается.

Отдельным группам служилых татар явно не хватало выделенной им земли, и они брали дополнительные участки в оброчное пользование (д. Бистюрлей, Дрозжанов куст, Аксакова и др.) [26, с. 45–46].

В приходных книгах отмечены сборы с 12 деревень служилых мурз и татар (не совсем ясно, какие сборы): д. Тюка (19 дв.) – 0,19 руб., Сорок Саадаков (40 дв.) – 0,4 руб., Бистюрлей враг (14 дв.) – 0,14 руб., Мочелей (23 дв.) – 0,23 руб., Чекал (26 дв.) – 0,26 руб., Новая Чокурская (22 дв.) – 0,22 руб. и еще с 9 дворов этой же деревни – 0,19 руб.; Шатришат (21 дв.) – 0,21 руб., да еще с 6 дворов этой же деревни 0,06 руб., Новая Чюкал (28 дв.) – 0,28 руб., Какирлей (28 дв.) – 0,28 руб., Бистюрлей Ошлей тож ((24 дв.) – 0,24 руб., Новая Четкас (30 дв.) – 0,3 руб., Айтугакова (25 дв.) – 0,25 руб. [26, с. 85]

Характерно, полное преобладание в этом перечне селений служилых татар, хотя известно, что в уезде было уже немало деревень служилой мордвы и чувашей.

Все эти люди жили и действовали в одном правовом пространстве вместе русским военизированным населением. Они несли военную службу, участвовали в стычках с кочевниками и башкирами, их направляли в «Донскую посылку», они попадали в плен и т. д. Так, например, в расходной книге имеются записи о выдаче денег служилой мордве «за полонное терпение». Каждому такому потерпевшему полагалось по 0,5 руб. [26, с. 214, 267] Им, наряду с русскими людьми, давались деньги для известной «донской посылки» «для их бедности на хлебную покупку» в дорогу по 0,5 руб. человеку [26, с. 267].

Строельная и приходо-расходная книги отражают ситуацию, которая складывалась в районе Симбирской засечной черты. Здесь, в междуречье Волги и Барыша, численно преобладало русское военизированное население; а из служилых людей автохтонных жителей Среднего Поволжья – татары.

В западной части Симбирского уезда, между Барышом и Сурой, по данным писцовой книги 1685–87 гг., располагалось 14 селений, из них в одном размещались

новокрещены (5 дворовладельцев), еще в одном татары (13 дворовладельцев), в двух чуваши (65 дворовладельцев) и в остальных десяти мордва (212 дворовладельцев) [15, ф. 1209, д. 441, л. 98, 125–144, 255]. Таким образом, на этих локальных, сильно залесенных территориях преобладало мордовское служилое население. Следует отметить незначительную численность новокрещен. Этот факт свидетельствует о том, что центральная и местная администрация при наборе в военную службу не слишком обращало внимание на конфессиональную принадлежность ратных людей и не прилагало серьезных усилий для их обращения в православие.

Среди основных групп служилых людей (стрельцов, казаков, солдат выборного полка) автохтонное служилое население занимало второе место, уступая только конным казакам (соответственно 295 и 365 чел.). Судя по данным писцового описания, истории начального формирования сети сельских поселений и землевладения, именно служилые мордва, чуваши и татары составляли основу гарнизонов Корсунской линии. Об этом же свидетельствуют данные сметы военных сил 1651 г.

Размеры земельных наделов этих ратных людей значительно превышали пашню для пеших стрельцов и были равными наделам конных казаков. Обычное количество земли на одного служилого человека, независимо от конфессиональной и этнической принадлежности, составляло 20 четв. («а в дву потому ж»). Лишь в двух случаях мордовские мурзы д. Кулаевки и Беловодья получили по 25 четвертей на одного служилого человека. Однако при начальном заселении и обилии земель переселенцы получали большое количество «примерных» пахотных земель и угодий, которые затем, при появлении новых групп переселенцев, распределялись между ними. За редким исключением размеры селений этой группы служилого населения не превышали 20 дворов и только в 3 случаях доходили до 40–50 дворов.

Таковыми представляются состав, службы, занятия и землепользование основных категорий ратных людей Южного Средневолжья. Практически до последних десятилетий XVII в. его пространство считалось окраинным, пограничным. Оно было насыщенно крупными контингентами военизированного населения, защищавшего территорию региона и принимавшего активное участие в его колонизации.

Библиографический список

1. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.

2. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

3. Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990.

4. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.

5. Малинкин Е.М. Разрядная реформа конца 1670-х – начала 1680-х гг. и ее реализация *в* понизовых городах // Вестник СамГУ. Сер: Гуманитарная. 2012. № 8 (2).

6. Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1903.

7. Новосельский А.А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994.

8. Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.

9. Амерханова Э.И. «Служилый город» Казань во второй половине XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1998.

10. Книги разрядные. Т. 1–2. СПб.,1853–1855.

11. Разрядная книга 1637–1638 года. М., 1983.

12. Сметный список военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII в. М., 1989.

13. Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. (К истории государственных росписей XVII в.) / предисл. А.Н. Зерцалова // ЧОИДР. 1893. Кн. 4.

14. Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. Саратов, 1923.

15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

16. Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПб ИИ РАН).

17. Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения: антология. Вып. 2. Самара, 2006.

18. Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск, 1902.

19. Книга строельная города Синбирска 161–162 гг. (1653–1654 г.). Симбирск, 1897.

20. Осипов В.А. Очерки по истории Саратовского края. Конец XVI и XVII вв. Саратов, 1976.

21. Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982.

22. Рабинович Я.Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). Саратов, 2013.

23. Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974.

24. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841–1842. Т. 1–5.

25. Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1892. Т. XXI.

26. Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы 1665–1667 гг.). Симбирск, 1897.

27. Корецкий В.И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. 1968. № 4.

28. Тюменцев О.И. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

29. Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Н.-Новгород, 2001.

30. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.

31. Амерханова Э.И. Служилые мурзы и татары в составе служилого города Казани во второй половине XVII – начале XVIII вв. // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: сб. ст. Казань, 2010. Вып. 1.

32. Кадыров Р.В. Понятие «служилые татары» в Русском государстве XVI – начала XVIII вв.: теоретико-методологические вопросы // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. ст. Казань, 2010. Вып. 1.

33. Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв. Симбирск, 1900.

34. Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005.

35. Книга строельная города Синбирска 161–162 гг. (1653–1654 г.). Симбирск, 1897.

E.L. Dubman*

MILITARY MEN OF SOUTHERN MIDDLE VOLGA REGION AT THE END OF XVI – XVII CENTURIES

The article is dedicated to the stuff, services and studies of basic categories of military men of Southern Middle Volga Region at the end of XVI – XVII centuries. The features of military service, settling and giving land estates are demonstrated.

Key words: military men, nobles, boyar children, strelets, cossacks, military Tatars, Mordvins and Chuvash, military service, colonization, settling.

* *Dubman Eduard Leibovich* (dubmane@mail.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 94(47).047

Е.М. Малинкин*

ВОЕННЫЕ СИЛЫ ПОНИЗОВЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1640-х – НАЧАЛЕ 1660-х гг.**

В статье рассматриваются изменения в составе и численности военных сил понизовых городов в середине XVII в. Ключевыми событиями отмечаются строительство новых засечных черт и начало войны с Польшей. Делается акцент на появлении в регионе формирований нового строя. Анализируется роль служилых людей новых городов и крепостей.

Ключевые слова: военные реформы, русская армия, засечная черта, сметный список, понизовые города, приказ Казанского Дворца, гарнизон, Разрядный приказ, служилые люди, Понизовье.

К началу 1640-х гг. вооруженные силы страны вступают в период реорганизации. Реформы проводятся с целью активизации внешней политики, возвращения утраченных в период Смуты территорий; а также для организации более эффективной охраны границ. Создание первого воинского устава, формирование рейтарских, солдатских, драгунских полков к середине 1650-х гг. становятся основой изменений в русской армии. Наряду с иррегулярным дворянским ополчением, полурегулярными стрелецкими и казачьими приказами создается ядро наиболее боеспособных подразделений. К началу войны с Польшей в 1654 г. русская армия имела боеспособную и более близкую к регулярной, чем стрелецкое войско, пехоту солдатского строя и кавалерию, состоящую из рейтар и драгун.

В 1650–1660-е гг. роль полков нового строя в армии значительно усиливается. Именно они стали ударной силой, позволившей добиться успехов в военных действиях на Украине. Создаются новые рода войск – гусарские и копейные полки. Солдатские полки вытесняют с ведущих позиций как по численности, так и по своей подготовке стрельцов. В период Русско-польской войны копейно-рейтарские и солдатские полки становятся, несмотря на поддержку правительством старого дворянского войска, наиболее значимой силой в русской армии [9, с. 52].

Переломный момент для южных и юго-восточных окраин Европейской России обозначился в середине 1630-х гг. Поражение в Смоленской войне, нападения Крымского ханства и ногаев, появление в Волго-Уральском междуречье калмыков вынудили правительство принять ряд мер, ставших ключевыми для военно-государственного и хозяйственного освоения Понизовья [10, с. 23].

В лесостепном пограничье юга и области понизовых городов в период со второй половины 1630-х гг. до начала войны с Польшей создается практически единая система засечных укреплений, городов и острогов. Важность строительства засечных

---

* © Малинкин Е.М., 2013

Малинкин Евгений Михайлович (evmlk@mail.ru), отдел использования архивных документов ГБУСО «СОГАСПИ», 443096, Российская Федерация, г. Самара, ул. Мичурина, 13.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

черт в это время оценена не только в российской, но и в зарубежной историографии, где даже возникла теория «гарнизонного государства», главным элементом которого являлось строительство засечных черт. Теория очень спорная, но для южных районов Среднего Поволжья создание мощной оборонительной системы являлось, несомненно, важнейшей вехой в их освоении. Военных сил, развернутых в первой половине столетия на территории региона, явно не хватало для обеспечения его безопасной колонизации. Новые крепости и остроги с крупными военными гарнизонами являлись опорными пунктами развития всего юго-востока европейской части страны, его включения в общероссийское пространство.

Линия укреплений от границ с Речью Посполитой до р. Камы создавалась более двух десятилетий: с середины 1630-х до второй половины 1650-х гг. Исследователи считают, что из отдельных возведенных в эти годы «черт» была создана практически единая оборонительная система [7, с. 85; 3, с. 125]. Несмотря на то что ее отдельные участки – «черты» – находились в ведении различных воевод и даже приказов, она являлась единым комплексом.

Работы по строительству новых укреплений на юго-восточных границах начались одновременно с сооружением Белгородской и Тамбовской черт еще в середине – второй половине 1630-х гг. Первоначально, они велись на участке между реками Цна и Сура. В конце 1635 г. был построен «Верхний новый город на реке Ломов». Менее чем через год засечное и острожное дело началось на р. Вад, где появился Буртасский острог. Продолжение работ далее на восток привело к тому, что в 1639 г. из переведенных алатырских дворян и детей боярских сформировали гарнизон вновь построенного Атемара. Затем были возведены Саранчинский острог (будущий Саранск) и на рубеже 1630–1640-х гг. – Шечкеевский острог на р. Шечкеевке [8, с. 18].

Существенные изменения в практику строительных работ на южных и юго-восточных рубежах были внесены в начале царствования Алексея Михайловича. Новый царь требовал «... черту строить по-прежнему указу отца своего». Значительно увеличилось количество городов и острогов, выросла численность их гарнизонов [5, с. 54–56]. Локальные оборонительные пункты валами и рвами, засеками соединяют в единую систему – черту. Изменилась мощность земляных и деревянных укреплений. В 1646–1648 гг. возводится засека от р. Цны до Суры. Итогом стало появление городов Керенска и Инсара, были дополнительно укреплены Верхний и Нижний Ломовы, Атемар. Одновременно шли работы по созданию укреплений между Сурой и Волгой. Засечное и городовое строительство, возглавляемое воеводой Б.Г. Хитрово, привело к созданию городов Симбирска, Корсуна и др.

В результате с 1636 по 1654 гг. на огромном пространстве от р. Ахтырки до Волги возникла непрерывная засечная «черта». Между реками Цна (приток р. Мокши) и Волга были построены такие засечные линии, как Верхнеломовская, Керенская, Нижнеломовская, Инсарская, Потижская, Саранская, Атемарская, Корсунская и Симбирская [8, с. 18].

Позднее, в 1652 –1655 гг., возникает Закамская черта, возведенная для «береженья от приходу воинских людей». Она протянулась от Волги (при впадении р. Б. Черемшан) до устья р. Ика, левого притока Камы и включала в себя такие крепости, как Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Новошешминск, Заинск и Мензелинск. Восточная часть защищаемой ею территории входила в состав Уфимского, западная – Казанского уездов [3, с. 22].

По мнению Р.Г. Букановой, все отдельные засечные черты, от Белгородской до Закамской, были воплощением плана создания единого оборонительного комплекса на южных рубежах Европейской России [2, с. 44].

В военном отношении территорию Понизовья после сооружения первых засечных черт характеризует сметный список военных сил России 1651 г. Этот источник, в отличие от других подобных сметных списков, опубликованных еще в XIX – начале XX вв., был издан относительно недавно, в 1989 г. Я.Е. Водарским. В нем указаны все ратные люди городов Московского государства, в том числе и понизовых [4, с. 9]. Содержание сметного списка позволяет представить ситуацию в Понизовье вскоре после постройки новых городов, острогов и соответствующих засечных линий, расширения области колонизируемых земель. Он содержит сведения о численности всех категорий служилых людей, несших службы на территории, управляемой приказом Казанского Дворца. Составители сметного списка 1651 г. приводят информацию по 49 городам и острогам [4, с. 24–31], то есть на 17 больше, чем в предыдущем подобном документе – разрядной книге 1637–1638 гг. Список указывает все категории служилых людей и военных, в том числе и невоенных тяглых. Особенностью сметного списка 1651 г. является то, что практически по всем указанным в нем населенным пунктам дана общая численность служилых людей в конкретном городе или остроге, а также приводится численность отдельных групп служилых людей. При работе со списком мы ориентировались на приводимые в нем общие итоги, но каждый раз проверяли их собственными подсчетами.

Наряду с крупными центрами – Симбирском, Саранском, Корсуном, Керенском – в сметном списке 1651 г. особо указаны пригороды и остроги на оборонительных линиях. Общее количество людей, указанных в списке (служилых и ясачных) по городам и на засечных чертах, составляло около 40 000 чел., из них только ратных – примерно 28 000 чел. [4, с. 31].

Если сравнить данные по численности ратных людей на 1651 г. с 1635 г., то к середине столетия их количество увеличилось почти на 10 000 чел. На 5000 чел. выросла численность стрельцов и казаков, почти на 300 чел. – служилых людей по отечеству, почти на 1000 – ясачных людей и почти на 100 – иноземцев. Лишь число служилых людей пушкарского чина снизилось примерно на сотню чел. Приведенные цифры не являются абсолютно точными, так как в списке 1651 г. можно определить количественные показатели далеко не по всем гарнизонам. Так, по городам на засечных чертах ратные люди городского гарнизона при подсчете объединялись вместе с пригородными и острожными, как, например, по Инсару [4, с. 30]. По некоторым городам (Керенск, Корсун) трудно определить, о каких точно категориях служилых людей идет речь, когда говорится о «служилых русских людях» или «новоприборных русских людях» [2, с. 29–30]. Кроме того, по ряду городов, кроме основного состава служилых людей, приводится численность их детей, братьев и племянников, вероятно, будущего пополнения или замены [4, с. 28–29].

Крупнейшие гарнизоны региона – по-прежнему Астрахань и Казань, где несли службу 6500 и 7500 чел. соответственно [4, с. 25–26]. Значительные гарнизоны были также в Терках, Свияжске, Чебоксарах и Алатыре. Отметим, что наибольшее число служилых людей пушкарского чина также служило в Казани, Астрахани и в Терках. Что касается состава, то практически в большинстве городов основу гарнизонов составляли стрельцы. Служилых людей по отечеству (в том числе и выходцев из западных уездов) более всего насчитывалось в Казани, Свияжске и Алатыре. Среди новых городов дворяне и дети боярские указаны только в Симбирске, Верхнем Ломове и Саранске.

Крупнейшим из вновь построенных городов был Симбирск с почти тысячным гарнизоном [4, с. 30–31]. Также сравнимыми по численности с большинством других городов являлись Аргаш, Верхний Ломов, Атемар, Керенск, Саранск – не менее 400 чел. в каждом. Но во всех этих случаях необходимо учитывать, что часть служи-

лых людей, относившихся к данному «городу», несла службу на засечных чертах. Так, по тому же Симбирску служащими «у засечных крепостей» числилось более ста стрельцов.

Гарнизоны новых городов, пригородов и острогов составляли в основном стрельцы и городовые казаки, а также служилые татары и мурзы. Как показывает сметный список 1651 г., ряд из них, а именно: Аргаш и Корсун; Сурский, Тальский и Сокольский остроги, как и мещерские города, имели гарнизоны, состоящие исключительно из представителей местных народов [4, с. 29–31]. Хотя, численность гарнизонов мещерских городов, за исключением Шацка, была выше, чем в указанных засечных городах.

Как и в предшествующий период, в Понизовье продолжались перемещения военных сил между городами. В сметном списке 1651 г., в отличие от других подобных источников, при переводах служилых людей указывалось лишь место «посылки», но не численность переведенных служилых людей. Эти ротации коснулись только поселений территории бывшего Казанского ханства и практически не затронули новые города региона. По данным списка, служилые люди из 11 городов были отправлены в Царицын (из 4 городов), Саратов (из 1 города), Астрахань (из 4 городов), Черный Яр (из 2 городов) и Уфу (из 1 города). По сравнению с 1635 г. число городов-доноров сократилось на 5.

В качественном отношении по категориям ратных людей не наблюдается значительных изменений. Перед нами все те же гарнизоны, с тем же составом служилых людей. Стоит отметить лишь уменьшение численности иноземцев. Но главное – в гарнизонах понизовых городах к этому времени военные реформы, которые в Московском царстве уже шли не менее 20 лет, никак не отражались.

Следующее десятилетие после составления сметного списка 1651 г. для военной истории Московского государства было чрезвычайно трудным. Затяжная война с Речью Посполитой, крайне неудачный вооруженный конфликт со Швецией, столкновения с Крымом испытывали на прочность все нововведения правительства в армии. Вооруженные силы продолжали меняться. Их ядром, при сохранении всей системы поместного войска, под влиянием постоянных военных действий становятся формирования типа выборного солдатского полка А.А. Шепелева [9, с. 60–63].

В 1661–1663 гг. в Разрядном приказе создается новый источник, где фиксировались ратные силы государства с учетом всех изменений – «Сметные росписи государевым людям всех полков и перечневая выписка о сборе полуполтинных денег 171 года». Понизовых городов касаются две последние главы документа – «Роспись служилых людей в городах, ведомых в приказе Казанского Дворца, что им по окладу жалованья, сколько из них на службах и за службою в городах в остатке» и «Роспись служилых людей, которым в 170 г. велено быть на службе с бояр. кн. Гр. Сунчалеевичем Черкасским в Царицыне» [12, с. 3–4]. Всего упомянуто 44 города и острога. Кроме того, приведены общие сведения по Казанским пригородам и городкам по Закамской черте, Инсару со служилыми людьми на одноименной черте и на Потижской засечной линии, а также Малому Корсуну и Сокольскому острогу [12, с. 42, 45, 50, 51]. Впервые в подобном источнике упомянут пригород Астрахани Красный Яр.

Общая численность служилых людей, указанная в сметной росписи, составляла 32 207 чел., то есть почти на 500 чел. больше, чем было в понизовых городах на 1651 г. Почти на 500 чел. сократилось по сравнению с 1651 г. число служилых людей по отечеству. Гарнизоны Казани, Уфы, Симбирска и Саранска по росписи насчитывали от 330 до 100 дворян и детей боярских каждый. Немного меньше их было в Астрахани (82). Численность стрельцов же еще более возросла – на 5000. Казань, Терки Астрахань, Симбирск, Корсун, Саранск – те города, где количество стрельцов

и городовых казаков превышало 1000 чел. Численность служилых людей пушкарского чина не выросла, но появились любопытные изменения по городам. Более всего их по-прежнему служило в Казани, но в Астрахани пушкари, затинщики и воротники не упоминаются вообще. За Казанью следуют, как ни странно, Кадом и Темников – 40 и 30 служилых людей пушкарского чина соответственно. Отметим, что в 1651 г. в этих городах они вообще не указаны. Примечательно и то, что по Темникову впервые упоминаются в составе служилых людей не только мурзы и служилые татары, но также стрельцы, пушкари, затинщики [12, с. 49; 4, с. 29]. Кроме того, не менее 20 чел. этой категории служило в Алатыре, Саранске, Инсаре и Верхнем Ломове.

Существенно уменьшилось и количество служилых иноземцев – с 891 до 621 (здесь мы учитываем также черкас и вольных казаков). На 1661–1663 гг. они фиксируются всего в 10 городах. Более всего их было в Казани – 168 чел., а также в Уржуме – 62, причем если в Казани их численность уменьшилась примерно на 20 чел., то в Уржуме выросла на то же количество [12, с. 44, 47; 4, с. 26, 28].

Что касается служилых людей из средневолжских народов, а также новокрещен, то и их численность уменьшается примерно на 600 чел. Этих ратных людей более всего числилось по Казани – более 1000 чел. Не менее двухсот указано в Терках, Свияжске, Алатыре, Темникове, Саранске и Инзерском остроге.

Особенностью рассматриваемого источника является то, что по всем казанским пригородам, а также гарнизонам Закамской черты даны только суммарные сведения. По Закамской черте имеются дополнительные данные 1655 г., примерно семилетней давности по отношению к смете 1661–1663 гг. Согласно подсчетам Р.Г. Букановой, в крепостях и острогах этой линии – Белом Яре, Ерыклинске, Тиинске, Новошешминске, Заинске и Мензелинске – несли службу конные казаки (частью из переведенных в эту службу крестьян), стрельцы, смоленская шляхта, полоняники и новоприборные служилые люди. Крупнейшими были гарнизоны Тиинска и Новошешминска (по 277 чел. в каждом). В общей сложности ратные силы Закамской черты насчитывали на 1655 г. 1271 чел. [3, с. 124]. Если ориентироваться на эти цифры и с их помощью попытаться определить численность ратных людей казанских пригородов на начало 1660-х гг., то, вероятно, в них насчитывалось до 400 чел. В целом же по пригородам и Закамской черте служило около 1630 чел. Характерно, что столько же ратных людей несло службу в казанских пригородах в 1651 г. [4, с. 26–27].

В списке начала 1660-х гг. не указаны ясачные люди. Этим и объясняется такая значительная разница в численности военных сил региона между 1651 и 1661 гг. В смете 1651 г. их насчитывалось более 12 000 чел. Если же не учитывать их наличие, то за десятилетие количество служилых людей в понизовых городах и на засечных чертах почти не изменилось.

Впервые к 1661–1663 гг. в области понизовых городов появляются служилые люди нового строя. Располагались они всего в 5 городах: Астрахани (865 солдат, 2 полковника, 3 полуполковника, 2 майора, 4 капитана, 7 поручиков, 11 прапорщиков, 2 сержанта), Казани (72 рейтара из дворян и детей боярских, 58 – из иноземцев), Цивильске (22 рейтара из детей боярских и 11 из иноземцев), Чебоксарах (в рейтарах 40 дворян и детей боярских, а также 18 иноземцев) и Козьмодемьянске (23 рейтара из детей боярских), а также 12 иноземцев в рейтарах из Казанских пригородов и по Закамской черте [12, с. 42, 44–46]. В общей сложности это 1152 чел., цифра значительная, особенно если учесть, что прямых упоминаний о полках нового строя в понизовых городах ранее мы не встречали. Из них половина астраханских солдат несла службу в полку воеводы Г.С. Черкасского, все остальные служилые люди нового строя, судя по источнику, оставались в своих городах. Кроме того, в списке упоминается, что на различных службах из понизовых городов находилось 256 рей-

тар. В 1660 г в Царицыне, в войске князя Г.С. Черкасского, состояло 1500 драгун из крестьян дворцовых сел [12, с. 52–53]. В последнем случае, вероятнее всего, это были ратные силы не из понизовых городов.

О более ранних наборах в полки нового строя из понизовых городов можно судить и по другим источникам. Согласно присланной из приказа Казанского Дворца в Московский стол Разрядного приказа росписи служилых людей в 1660 г., в регионе было набрано в рейтарскую службу 1726 чел., а также 1480 новиков, в общей сложности 3206 чел. Кроме того, по данным из Разрядного приказа, в полки нового строя было набрано в общей сложности из понизовых городов (Свияжска, Яранска, Кокшайска, Царевосанчурска, Алатыря, Козьмодемьянска, Цивильска и Курмыша) 553 чел. В итоге в сентябре 1660 г. они были высланы на службу в полк князя П.А. Долгорукого [1, с. 152]. Все эти сведения достаточно противоречивы и нуждаются в проверке по другим источникам. Но они показывают, что к началу 1660-х гг. наборы местных служилых людей в полки нового строя были уже, судя по количеству набранных, устоявшимся процессом.

Исходя из сметы 1661–1663 гг. все военные силы области понизовых городов были разделены на две группы. Одну из них составляли формирования, входившие в полки князей Г.С. Черкасского, Ф.Ф. Волконского и З.Ф. Леонтьева, а также находившиеся на различных службах (всего 11 538 чел.). Во вторую входили служилые люди, несшие городовую службу (19 249 чел.) [12, с. 53]. Отметим, что вместе с теми, кто был отправлен «на Дон», численность находившихся на службах составляла 8643 чел. Сведений об еще почти 3000 служилых людей найти не удалось. Что конкретно подразумевается под «службами», не совсем ясно. Возможно, это были традиционные посылки стрельцов, казаков, служилых людей по отечеству в отдаленные гарнизоны, на строительство острогов и крепостей, на охрану посольств и торговых караванов. В общей сложности в посылках между различными городами находилось почти 2500 чел.

Приводимое соотношение (около 11 000 чел в полках и около 19 000 чел. в городах) показывает, что основная масса военных сил Понизовья была сосредоточена в городах, хотя число собранных в полки для защиты южных границ региона было весьма значительным и превосходило отряды служилых людей, посылавшихся ранее из разных понизовых городов на годовую острожную службу [12, с. 53]. При этом значительная часть ратных людей, находившихся на городовой службе, концентрировалась в определенных городах, таких как Уфа, Царицын и др. К началу 1660-х гг. мы видим все то же перемещение служилых людей из города в город.

Анализ сметы 1661–1663 гг. позволяет предположить, что приводимые в ней данные, как минимум по отдельным городам, неполны. Самый яркий пример тому – мещерские города (эту группу полностью отнести к понизовым городам нельзя, но управление служилыми людьми в них было тесно связано). Во-первых, отметим, что, как и раньше, почти все их гарнизоны состояли на начало 1660-х гг. из служилых мурз и татар. Во-вторых, данные источника свидетельствуют, что все отмеченные в нем служилые люди Арзамаса, Касимова и Шацка числились в полку князя Ф.Ф. Волконского [12, с. 50]. В таком случае эти города должны были остаться практически без гарнизонов. Вряд ли так могло быть. Можно предположить, что не все служилые люди каждого города отражены в смете.

Юго-восток Европейской России обладал целым ряд специфических особенностей, в частности протекавшими на его территории интенсивными колонизационными процессами, полиэтничным населением, необходимостью постоянно противостоять нападениям кочевников. Все это выделяло его среди других регионов страны, требовало проведения особой политики, в том числе и в области формирования вооружен-

ных сил. К началу 1660-х гг. власти пытаются унифицировать в целом по стране результаты реформ, в частности формированием рейтарских полков как наиболее боеспособных частей дворянской конницы [13, с. 145]. На этом фоне данные о небольших по численности рейтарских подразделениях в полках от понизовых городов, свидетельствуют о только начинающихся здесь попытках перевода ратных людей в регулярную службу.

К началу 1660-х гг. масштабы переводов внутри области понизовых городов служилых людей достигли 2300 чел. Сохранились данные по таким переводам по 19 городам, крепостям и острогам. Стоит отметить, что перемещения не обошли и засечные черты. 1263 чел. были отправлены в Уфу и Царицын с Симбирской, Корсунской, Атемарской, Саранской и из других линий. Большую часть служилых людей направили в Царицын (1177 чел.), практически из всех указанных городов, кроме Казани и Цивильска. В Уфу было послано чуть более 1198 ратных людей, но всего из 6 городов. Из Саранска, Ядрина и Козьмодемьянска служилые люди посылались и в Царицын, и в Уфу. Подавляющее большинство из них составляли стрельцы и казаки. Кроме того, переводились дворяне и дети боярские, служилые иноземцы, пушкари, служилые люди из волжских народов. Из Саранска в Уфу 150 дворян и детей боярских попали после возвращения их из Севска [12, с. 50–51]. До того сведений о направлении служилых людей понизовых городов на юго-западные границы в источниках обнаружить не удавалось.

В целом анализ перемещений служилых людей внутри региона показывает, с одной стороны, увеличение числа городов-доноров, с другой – сокращение числа городов, куда направляли на службы, всего лишь до двух.

Кроме традиционных переводов служилых людей в различные понизовые гарнизоны и набора в полки, смета 1661–1663 гг. показывает, что значительное число служилых людей из 27 городов, пригородов и острогов края направляли на Дон. В общей сложности это была фактически отдельная армия – 6000 детей боярских и дворян, казаков, стрельцов и новокрещен. Более всего – свыше 500 чел. было переведено из Симбирска и Саранска [12, с. 51]. На Дон отправлялись служилые люди из малочисленных гарнизонов засечных городков и острогов, мещерских городов. Факт изъятия такого количества ратных людей заставляет предполагать, что причина для этого была чрезвычайно серьезной.

Почему такие значительные силы были сконцентрированы на Дону, точно сказать трудно. Возможно, это было связано с набегами татар, которые после битвы при Конотопе в 1659 г. в последующие годы неоднократно вторгались на земли русской Украины Белгородского и Севского разрядов. А.А. Новосельский считал, что это была фактически полноценная война с татарами внутри продолжавшейся Русско-польской войны [11, с. 68–76.]. Посылка значительного воинского контингента на Дон могла быть мерой предосторожности на случай продвижения тех же татар далее на восток, к волжским городам, а также на случай новых набегов ногаев и калмыков.

Анализ источников начала 1660-х гг. позволяет сделать вывод, что главной военной силой на территории подведомственной приказу Казанского Дворца оставались дворянская конница, служилые татары, стрельцы и казаки (число последних заметно увеличилось по сравнению с началом 1630-х гг.). Этот вывод подтверждается конкретными цифрами: дворян и детей боярских насчитывалось 1481, стрельцов конных – 2625 и пеших – 9595, казаков – около 12 000 чел., пушкарей и затинщиков – 301, служилых татар и представителей других местных народов – 2687. Для количественной и качественной характеристики вооруженных сил региона в это время интерес представляет суждение, высказанное в докладе русского посла в Венеции. По его

словам, русская армия в Понизовье составляла «несчетную рать низовой силы Казанской и Астраханской, бьющейся лучным боем» [6, с. 192].

Подводя итоги рассмотрению состояния военных сил Понизовья за большую часть второй половины XVII в. (до конца 1670-х гг.), можно сказать, что к 1650-м гг. в результате строительства засечных черт численность вооруженных сил понизовых городов составляла около 28 000 чел. В регионе появляется 17 новых городов и острогов (всего было 49), в которых на 1651 г. несло службу более 6000 служилых людей по отечеству и прибору. Общая численность основных категорий служилых людей в старых городах Понизовья достигала 22 000 чел., что даже меньше, чем было в середине 1630-х (23 000 чел.). Таким образом, мы видим, что строительство засечных черт привело не только к появлению новых понизовых городов, но и стало существенным количественным усилением ратных сил Понизовья. Произошло перераспределение вооруженных сил между «старыми», давно освоенными, территориями региона и новыми, пограничными. Разница при сравнении численности гарнизонов старых городов на 1635 и 1651 гг. объясняется переводами служилых людей из них на строительство засечных черт, а затем и в новые поселения на засеках. Средняя численность гарнизонов понизовых городов (без Казани и Астрахани, с учетом вновь построенных городов и острогов) оставалась на уровне 400 чел.

Главной военной силой понизовых городов по-прежнему являлись стрельцы и городовые казаки, их численность достигла 19 000 чел. Почти на 300 чел. выросло количество служилых людей по отечеству. Примерно на 1000 сократилась численность служилых татар и мурз, на 60 чел. – пушкарей. Количество служилых иноземцев в регионе достигло своего максимума, если сравнивать с данными за весь XVII в., и составило почти тысячу человек. Отметим, что гарнизоны вновь построенных городов и острогов на засечных линиях состояли почти исключительно из стрельцов, казаков и служилых татар.

К началу 1660-х гг. численность основных групп ратных сил региона превысила 32 000 чел. Служилые люди размещались в как минимум 44 городах при средней численности гарнизона, кроме двух крупнейших городов региона, в 500 чел. Отметим, что общее количество городов и острогов назвать точно трудно, так как казанские пригороды и остроги по Закамской черте даны общей группой. К этому времени на засечных чертах службу несло уже более 11 000 ратных людей. Как и десятилетием ранее, это были преимущественно стрельцы, казаки и служилые татары. Не изменяется в количественном отношении только одна группа – служилых людей пушкарского чина. Количество служилых татар и иноземцев вновь сокращается – почти на 600 и 300 чел. соответственно. Численность стрельцов и казаков в понизовых городах выросла еще на 5000 чел. по сравнению с 1651 г., эта группа составляла 75 % от всех ратных сил Понизовья. Одним из важнейших последствий периода между 1651 и 1661 гг. было то, что в понизовых городах появляются формирования нового строя – солдаты и рейтары, всего более 1000 чел. Причем более половины из них находилось в городах. Именно с этого времени мы можем говорить о том, что военные реформы, начавшиеся еще в 1630-х гг., проявились и в Понизовье.

К сожалению, отсутствуют данные о том, что собой представляли гарнизоны понизовых городов на новом этапе военных реформ на рубеже 1670-х –1680-х гг. Имеющиеся источники неполны и приводимые в них сведения не могут служить основой для точной оценки. По имеющимся данным 1681 г., по 35 городам можно сказать, что общая структура ратных сил понизовых городов к этому времени практически не изменилась. В гарнизоны входили те же группы, что и к началу 1660-х гг. С уверенностью можно сказать лишь о том, что численность стрельцов достигала не менее 80 % всех ратных людей гарнизонов понизовых городах.

Библиографический список

1. Акты Московского государства, изданные императорскою Академией наук. Т. 3. Разрядный Приказ. Московский стол. 1660–1664. СПб., 1901.
2. Буканова Р.Г. Города и городское население Башкирии в XVI–XVII вв. Уфа, 1993.
3. Буканова Р.Г. Закамская черта XVII в. Уфа, 1999.
4. Водарский Я. Е. «Сметный список» военных сил России 1651г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII вв. М., 1989.
5. Голомбиевский А. Выписка в Разряд о построении новых городов и Черты (7189–1681 г.) // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. XXXIII. Тамбов, 1892.
6. Из рассказа главы русского посольства, направленного царем Алексеем Михайловичем в Венецию, о состоянии русских военных сил // Древняя Российская Вифлиофика. Т. IV. М., 1788.
7. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
8. Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006.
9. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006.
10. Мальцева С.М. Власть и общество в Среднем Поволжье в XVII веке: строительство нового оборонительного рубежа и правительственные мероприятия по формированию военных гарнизонов Симбирской линии в середине XVII века // Государственное и муниципальное управление в России. История и современность. Самара, 2004.
11. Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994.
12. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // ЧОИДР. М., 1911. Кн. 3.
13. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954.

E.M. Malinkin*

MILITARY FORCES OF THE LOWER REACHES IN THE SECOND HALF OF THE 1640 – THE BEGINNING OF THE 1660

In the article changes in the composition and quantity of military forces of towns of the lower reaches in the middle of the XVII century are discussed. The construction of new zasechnaya cherta and the beginning of the war with Poland is marked as the key events. The accent is made on the emergence in the region of forces of the new system. Also the role of military men of new cities and fortresses is analyzed.

Key words: military reforms, Russians army, zasechnaya cherta, estimated list, towns of the lower reaches, prikaz of Kazan Palace, garrison, Grade prikaz, military men, lower reaches.

* *Malinkin Evgeniy Mihailovich* (evmlk@mail.ru), the Dept. of Usage of Archive Documents, Samara Regional State Archive of Social and Political History, Samara, 443096, Russian Federation.

УДК 94(438).083

О.Д. Столяров*

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ НОЯБРЯ 1741 ГОДА И ИНОСТРАНЦЫ В РОССИЙСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЕ**

В статье рассматривается взаимосвязь событий ноября 1741 г. и последовавшего затем уменьшения влияния иностранцев, входивших в правящую верхушку Российской империи.

Ключевые слова: иностранцы, Елизавета Петровна, дворцовый переворот, правящая элита, генералы.

Говоря о елизаветинском перевороте и ее царствовании в связи с судьбами иностранцев в правящей элите, необходимо обратить особое внимание на тот факт, что в ноябре 1741 г. среди ее сторонников было немало иноземцев, часть из которых входила в правящую верхушку и примыкавшие к ней слои. Так, в разговоре с Шетарди Елизавета упомянула о том, что к ее сторонникам принадлежит Гессен-Гомбургский [1, с. 348], однако есть сведения, что оказать прямую поддержку заговорщикам накануне переворота он отказался [2, с. 175]. Кроме того, судя по ее словам, она рассчитывала привлечь на свою сторону и Остермана [1, с. 215]. Общеизвестна также роль целого ряда иностранцев в подготовке и проведении заговора, сделавшего Елизавету императрицей – Лестока, учителя музыки цесаревны Х.Я. Шварца [1, с. 297] и купца Ю. Грюнштейна [1, с. 305]. Известно также, что сторонником Елизаветы был уволенный в 1733 г. президент Академии наук и лейб-медик Л.Л. Блументрост [1, с. 309] и некоторые другие иноземцы.

Тотчас же после переворота началась неоднократно описанная в литературе пропагандистская кампания гораздо больших, чем прежние, масштабов (причина очевидна – впервые был свергнут законный император), и основными ее составляющими стали два тезиса: во-первых, Елизавета, в противоположность предыдущим монархам, представлялась как продолжательница великих дел своего отца; во-вторых, новая государыня избавляла страну от всевластия иноземцев. Особенно большое внимание этому мотиву было уделено в церковных проповедях начала елизаветинского правления, где речь шла преимущественно об Остермане и Минихе, причем именно как об иностранцах: «Остерман и Миних с своим сонмищем влезли в Россию, яко эмиссары диавольские...» [3, с. 9]. В этих произведениях из раза в раз повторялись стандартные обвинения против «эмиссаров»: назначали на ключевые должности таких же, как и они сами, иноземцев, грабили казну, притесняли русских людей, осуществляли гонения на православную церковь [3, с. 9–16]. Принципиально важно здесь то, что Остерман и Миних были представлены не просто как государственные преступники, но как лидеры организованной группы, намеренно вредившей (по непонятным, правда, причинам) российскому государству. По всей видимости, именно в произведени-

* © Столяров О.Д., 2013

Столяров Олег Дмитриевич (belomor2012@mail.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

ях подобного рода и начала формироваться концепция «немецкой партии» и «иностранного засилья».

Таким образом, существуют две причины, по которым удельный вес и влияние иностранцев в правящей верхушке должны были уменьшиться: с одной стороны, из этой группы были исключены те иноземцы, которые были противниками новой императрицы (их было не очень много, но зато в большинстве своем это были люди действительно высокопоставленные), с другой – столь часто повторяемые Елизаветой и ее окружением слова обязаны были повлечь за собой хоть какие-то действия в указанном направлении. Так, в 1741–1744 гг. вышел ряд указов, ограничивавших свободу вероисповедания [4, т. XI, с. 118; т. XII, с. 241], что шло вразрез со знаменитым манифестом 1702 г., который обещал иностранцам, во всяком случае, иностранным специалистам, право исповедовать свою религию и отправлять соответствующие обряды, и всей практикой петровского времени вообще.

Кроме того, уменьшилось число иностранцев в составе генералитета. В частности, в 1748 г. иностранцами были 11 из 31 генерал-майора, четверо из девяти генерал-лейтенантов, двое из пяти генерал-аншефов и один из двух генерал-фельдмаршалов (Ласси) [5, с. 1–6] – всего 18 из 47-ми, около 38 %, т. е. за десять лет, семь из которых пришлось на правление Елизаветы, количество военно-сухопутных генералов-иностранцев уменьшилось примерно на 13 %, в то время как на промежутке с 1729 по 1738 гг. эта группа уменьшилась лишь приблизительно на 7 %. Таким образом, в елизаветинское царствование процесс перехода генеральских чинов из «немецких» рук в русские шел интенсивнее, чем прежде. Причиной этому стало отчасти то обстоятельство, что эти чины стали выдаваться иноземцам значительно скупее, а в какой-то мере – отставкой ряда генералов. Так, только в течение 1742 г. российскую службу покинули трое генерал-майоров, находившихся прежде под покровительством Миниха [6, с. 30]. С обер-офицерским корпусом, правда, дело обстояло немного иначе. Известно, в частности, что В.В. Долгоруков, которого Елизавета вернула из ссылки и вновь назначила президентом Военной коллегии, высказывал мнение, что армейские должности, соответствовавшие чину полковника, должны предоставляться преимущественно русским, в то время как Ласси протежировал иностранцев, и небезуспешно [6, с. 34–35].

Еще в большей мере сложившаяся ситуация сказалась на пожалованиях высших орденов империи – Андрея Первозванного и Александра Невского. Уже к концу 1741 г. из четырнадцати обладателей Андреевской ленты лишь двое (Ласси и Гессен-Гомбургский) [7, с. 72–78], т. е. около 14 %, на 29 % меньше, чем к концу регентства Анны Леопольдовны. Что касается ордена Александра Невского, то из 14 человек, удостоившихся этой награды в течение первого года правления Елизаветы Петровны (с ноября 1741 по ноябрь 1742 гг.), иностранцами были трое [7, с. 129–131] (около 21 %), т. е. на 26 % меньше, чем при Анне Леопольдовне.

Быть может, однако, еще более важным следствием этой пропагандистской кампании стало соответствующим образом сформированное общественное мнение по этому вопросу – не стоит забывать, что правление Елизаветы продлилось дольше, чем четыре предшествовавших царствования вместе взятые. Известны, в частности, случаи выступлений солдат против офицеров иностранного происхождения, основанием для которых служили слухи, будто «указ есть, чтоб всех иноземцев перебить» [8, с. 379], и тому подобные эксцессы.

Но есть и другая сторона вопроса. В литературе неоднократно было отмечено [напр., 9; 10], что официальные идеологи Елизаветы Петровны достигли куда больших результатов, чем те, кто подвизался на этом поприще при Анне Леопольдовне (что стало одной из целого ряда причин падения последней), и мы имеем все основания считать, что тезис о необходимости покончить с «иностранным засильем» имел

довольно большой успех в среде гвардии и дворянства, а между тем в шляхетских проектах января-февраля 1730 г., как мы знаем, этот вопрос почти не затрагивался. Следовательно, подобный поворот общественного мнения следует считать «заслугой» десятилетия царствования Анны Иоанновны. Это наводит на мысль, что, не будь елизаветинского переворота, идеей изгнания иностранцев мог бы воспользоваться кто-нибудь другой, к примеру, М.Г. Головкин в своей борьбе с Остерманом.

Однако пропагандистская посылка о том, что Елизавета как «дщерь Петрова» является продолжательницей славных дел своего великого отца, была по крайней мере в одном отношении более удобной – она не обязывала новую императрицу ни к каким конкретным действиям. Копирования мероприятий Петра I от нее, разумеется, никто не ждал, тем более что с момента смерти последнего до восшествия на престол его дочери прошло более шестнадцати лет. С обещанием же избавить страну от «немецкого засилья» дело обстояло иначе – здесь нужна была хотя бы видимость деятельности в этом направлении, и елизаветинское правительство, использовав этот козырь, в некотором роде попало в плен своей идеологической конструкции, что и привело к обозначенным выше изменениям в правящей элите и примыкавшим к ней слоям государственного аппарата и армии.

Библиографический список

1. Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 92. СПб., 1894.
2. Брикнер А.Г. Принц Гессен-Гомбургский в России // ИВ. 1893. № 4.
3. Попов Н.А. Придворные проповеди в царствование императрицы Елисаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности. М., 1859.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. СПб., 1830.
5. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 489. Д. 7386.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Д. 50. Ч. 1.
7. Бантыш-Каменский Н.Н. Списки кавалерам российских императорских орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Екатерины, Св. Александра Невского и Св. Анны с учреждения и до установления в 1797 году орденского капитула. М., 2005.
8. РГАДА. Ф. 248. Оп. 23. Д. 1557.
9. Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994.
10. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003.

O.D. Stolyarov*

PALACE REVOLUTION OF NOVEMBER 1741 AND FOREIGNERS IN THE RUSSIAN RULING ELITE

In the article the author views the interrelation between the events of November 1741 and followed after that diminution of influence of foreigners who were in the ruling elite of the Russian Empire.

Key words: foreigners, Elizaveta Petrovna, palace revolution, ruling elite, generals.

* *Stolyarov Oleg Dmitrievich* (belomor2012@mail.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 94(47).066

В.Н. Зудина*

СВЕДЕНИЯ ОБ ОЙРАТСКО-КАЛМЫЦКОМ БУДДИЗМЕ, СОБРАННЫЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В 1768–1774 ГОДАХ НА РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ*?

В статье показано, что в результате деятельности Академической экспедиции 1768–1774 годов собраны сведения, позволившие комплексно рассмотреть северный (калмыцкий) буддизм на территории России: написаны очерки о калмыцкой вере, материалы для которых собраны и обработаны ставропольским православным священником Андреем Чубовским; приобретена коллекция бурханов и сакральных буддийских предметов для Кунсткамеры, выполненных монгольскими, непальскими, тибетскими мастерами; описаны культовые сооружения и природные объекты – места поклонения калмыков.

Ключевые слова: Академическая экспедиция, калмыцкая вера, северный буддизм, бурханы, монгольские письма, цаца, джунгарские монастыри.

Академические экспедиции, состав, цели и задачи

Возрождающийся интерес современного человека к религиозным системам неминуемо направляет мысль к истокам, в данном случае к историческим реалиям появления буддизма (в форме ламаизма) на российских территориях. Впервые известия о буддийских артефактах на территории России и прилегающем пограничье читаем у Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) и Иоганна Георга Гмелина (1709–1755) [1, с. 39].

Подобранная Миллером коллекция буддийской скульптуры и предметов культа положила начало собраниям такого рода в России и была помещена в Кунсткамеру [2, с. 234]. В 1720-х годах из развалин Аблай-кита поступили первые рукописи. В дальнейшем коллекции пополнились текстами, которые привез Миллер [3, с.72]. История сохранила нам возможность проследить самые первые материально зафиксированные проявления буддийских верований далеко на северо-западе от основного ареала. Это свидетельства, которые можно найти в многотомных описаниях путешествий по разным провинциям Российской империи, составленных академическими учеными по результатам более чем семилетних тяжелейших экспедиций (1768–1774 гг.) по землям России. В них при определенных усилиях возможно получить комплексные данные о существовании здесь буддизма.

Непосредственным поводом к возобновлению Академических экспедиций было редкое астрономическое явление: прохождение Венеры через Солнце, вызвавшее

---

* © Зудина В.Н., 2013

Зудина Валентина Николаевна (dubmane@mail.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

большой интерес европейских ученых и Екатерины II. Императорская Академия наук при поддержке Екатерины II разработала грандиозный проект по изучению юго-восточных районов России, включив в него и астрономические наблюдения. Это было в 1767 г., а в 1768 г. экспедиции, возглавляемые молодыми учеными-естествоиспытателями, двинулись из Санкт Петербурга по намеченным маршрутам. О составе экспедиции, маршрутах написано достаточно полно [4–5]. В рамках Академических экспедиций всего было образовано 5 отрядов: три в составе Оренбургской экспедиции и два – в Астраханской. Руководителями отрядов в Оренбургской экспедиции назначались Иван Иванович Лепехин (1740–1802) доктор медицины, адъюнкт (академик с 1771 г.); Петр Симон Паллас (1741–1811), недавно приглашенный в Россию молодой естествоиспытатель, избранный в состав Академии наук, и Иоганн Петер Фальк (1727–1774) – самый старший из участников, сорокаоднолетний смотритель Аптекарского сада при Медицинской коллегии. Два отряда Астраханской экспедиции возглавили приглашенные в Императорскую Академию наук по рекомендации Л. Эйлера ученые-ботаники: доктор медицины, адъюнкт по натуральной истории Самуэль Готлиб Гмелин (1745–1774), племянник известного участника II Камчатской экспедиции Иоганна Георга Гмелина (1709–1755), прибывший в Россию в 1766 г., и Иоганн Антон Гюльденштедт (Гильденштедт) (1745–1781) уроженец Риги, доктор медицины, приглашен на русскую службу в 1768 г., в 1771 г. произведен в академики. В 1770 г. к отряду И.П. Фалька присоединяется Иоганн Готлиб Георги (1729–1802) врач, ученик К. Линнея. В 1772 г. отряд Фалька расформировали из-за его болезни, и был создан небольшой отряд И.Г. Георги в подчинении Палласа. Цели, задачи, стоящие перед исследователями, были прописаны в «Инструкции». Ее по программе исследований составили П.С. Паллас и С.Г. Гмелин на основе дневников Д.Г. Мессершмидта, участника второй Камчатской экспедиции (1733–1743) [4, с. 8]. Они пользовались его дневниками, коллекциями, составленными при описании Сибири. В «Инструкции» определялись основные приоритеты, главные объекты внимания: изучение ландшафтных зон, климата, почв, природных ресурсов, поиск полезных ископаемых, хозяйственно-экономические, географические изыскания; обследование флоры и фауны. Предписывалось собирать коллекции по ботанике, зоологии, минералогии, вести дневники, записи, своевременно отправлять в АН отчеты и рапорты [5]. Также было необходимо составлять описания многочисленных народов, которые совсем недавно стали российскими подданными. И исследование религии, культов этих народов оказалось в списке поставленных задач едва ли не на последнем месте. Но для российского и европейского просвещенного общества полученные сведения стали открытием, давшим начало постижению мира Востока.

Территории

В зону обследований Академических экспедиций попали необозримые территории от Санкт Петербурга и Архангельска через Куманскую, Калмыцкую, Яицкую, Киргизскую, Джунгарскую степи до Забайкалья, Енисея; а также Грузия, Дагестан, Астрахань, часть Малороссии, Урал, Прикаспий. И это в то время, когда в Северном Причерноморье шла Русско-турецкая война (1768–1774), когда проигравшие войну с Китаем (1758) джунгары целым народом переходили на русские территории, внося сумятицу и передвижение в степи; когда в 1771 г. Калмыцкое ханство снялось со своей земли и «всем миром» пошло в Джунгарию, на свою историческую родину, а русские войска, киргизцы пытались ловить калмыков «и назад возвращать». В Яицкой степи начались волнения яицких казаков (1771/1772), переросшие в восстание под предводительством Е. Пугачева (1773–1775). Для нашей темы непосредственно важны описания, оставленные учеными в ареале Среднего Поволжья, Юж-

ного Урала, Нижнего Поволжья, Предкавказья, Северного Казахстана, Прииртышья, частей Алтая. По терминологии XVIII века – территории Куманской, Калмыцкой, Киргизской, Джунгарской степей, т. е. тот ареал, в котором перемещались калмыки, покинув Джунгарию в конце XVI в.; где были места их кочевий и где располагалось Калмыцкое ханство; где существовали ментальные и материальные следы присутствия их культуры и верований. Важно, что экспедиции, обследуя территории, в которых проходила жизнь кочующих калмыков, были здесь в 1768–1770 гг., в последние годы бытования Калмыцкого ханства, когда еще сохранялась хоть какая-то стабильность в калмыцком обществе. В 1771 г. степь стала другая. Из нее ушел целый народ. Исследователям удалось зафиксировать тот во многом первобытный ранний пласт северного буддизма (ламаизма) XVII–XVIII вв., каким он был у калмыков.

Источники

Основным источником для данной статьи стали сведения, собранные в многотомных сочинениях, выпускавшихся Императорской Академией наук в течение многих лет – с 1771 до 1825 гг. Они содержались как в соответствующих разделах томов, так и были записаны, по выражению путешественников, «проездом» [6–15]. Кроме того, сохранились письма, рапорты, опубликованные документы и материалы, которые также использовались при написании работы [4; 16]. Всю совокупность информации, имеющей отношение к буддизму калмыков, можно представить в виде нескольких блоков. Прежде всего это очерки о калмыцкой вере с описаниями космогонической мифологии, некоторых понятий и религиозных догм, отдельных бурханов, тенгри и пр; а также о духовенстве, службах, основной обрядности и всего с этим связанного. Их написали Паллас, Лепехин, Георги. Остались записи и у Гмелина. К следующему блоку относятся приобретенные и описанные артефакты, которые явятся базовым фондом для последующих исследователей. В данном случае это коллекция бурханов и других сакральных буддийских предметов, трудами Палласа выкупленная для Кунсткамеры, и небольшое по объему собрание буддийских книг, описанное Палласом и Лепехиным в качестве потенциальных источников недостающих знаний по буддизму. И в третий блок вошли описания «калмыцких сакральных мест», как рукотворных, так и природных. Такие места «проездом» фиксировали все исследователи.

Некоторые общие наблюдения при «описании калмыцкой веры»

Наиболее сложным вопросом для будущих академиков оказался вопрос о «калмыцкой вере» – о понимании сущности, основных идей буддизма в северном его варианте. В литературе при рассмотрении этого вопроса традиционно ссылаются на С.П. Палласа и И.Г. Георги и редко упоминают И.И. Лепехина. По факту прослеживается следующая ситуация: Георги в преамбуле своего небольшого и четко выписанного раздела о религии калмыков сразу оговаривается, что «для удовлетворения о сем предмете довольно будет сего краткого понятия об оной вере, почерпнутого из описаний г. академика Палласа» [15, с. 17]. Таким образом, заслуга Георги в этой части состоит в том, что он проработал текст Палласа, выбросил из него все не увязки, «баснословные утверждения» и представил адаптированный текст. С.Г. Гмелин собрал много материалов и, в частности, в предисловии ко второй части своего труда писал: «...по возвращении моем из Персии издам историю о Индейцах и Калмыках, и для того оная будет составлять главнейшую часть четвертого тома дневных моих записок. Ибо... о калмыках весьма много примечания достойного... усмотрел... собранные мною известия в такое уже пришли приращение, что я их здесь поместить не могу; и потому за лучшее почитаю со временем их дополнить и тем самым прият-

нейшую свету оказать услугу» [14, с. 1]. К величайшему сожалению, этим планам не суждено было осуществиться: молодой ученый со своей небольшой командой был взят в плен в Дагестане и погиб от истощения и болезней в 1774 г. в возрасте 29 лет, как и большинство членов группы. Часть вторая «Путешествий» вышла уже после его гибели, а большинство записей до сих пор ждет своего исследователя. В национальном архиве Калмыкии есть документы, свидетельствующие о том, что отряд Гмелина изучал быт кочевых калмыков. Сохранилось письмо к губернатору г. Астрахани А.А. Бекетову. Исследователь пишет: «На сих днях студента моей экспедиции Ивана Михайлова, который во время моего в Персии пребывания был у калмыков, намерен я опять отправить к калмыкам Дербетьева владения, для описания некоторых обстоятельств, которые для истории о сем народе исследовать осталось» [17, с. 30–31]. Паллас и Лепехин посвятили этой теме обстоятельные статьи, частичной основой которых стали наблюдения быта калмыков в 1768–1769 гг. Оба ученых писали свои очерки о калмыках и их верованиях практически одновременно, в августе 1669 г. Лепехин находился в районе Царицына в Нижнем Поволжье, вблизи кочующих калмыков, а Паллас – в Яицком городке, рядом с которым также располагались калмыцкие кочевья. Они выезжали к калмыкам, расспрашивали, наблюдали. Паллас «имел случай присутствовать на одном из главных праздников, с которого начинается новый год [6, с. 525]. Просматривая их очерки, космологическую их часть и все, что касается вопросов Учения, можно заметить, что тексты чрезвычайно близки по содержанию, структуре, даже заблуждениям; хотя путешественники не видели отчетов друг друга [6, с. 490–535; 11, с. 452–586]. *Исследователи ссылаются на единый источник*, из которого они черпали информацию. Паллас, приступая к описанию «ламайской веры», пишет, что он основывается на переводах краткого Монгольского духовного писания и разъяснения оной веры в бесчисленных письмах, которые предоставил ему ставропольский протопоп Андрей Чубовский. Проезжая через «Самарскую страну» весной 1669 г., он отмечает в дневнике, что «для собрания некоторых известий пробыл я в Ставрополе до 16 числа (марта)» [6, с. 491, 215]. Лепехин также эту часть работы основывает на материалах Андрея Губовского (Чубовского) [11, с. 447]. В частях раздела, где речь идет о бурханах и пр., начинаются разночтения в именах. Вообще следует сказать, что с именами собственными у авторов имеются такие расхождения, что зачастую, трудно узнать того или иного персонажа. Это обстоятельство объясняется тем, что имена собственные переводились с монгольского, тибетского, а подчас с китайского и санскрита на русский, потом на немецкий, затем снова на русский, в результате приобретая порой весьма причудливые формы. Даже Андрей Чубовский у Лепехина в одном случае пишется как Губовский, в другом – как Дубовский. Такое впечатление, что в разделе о калмыцкой вере, написанной Лепехиным, некоторые вещи можно объяснить, как сейчас говорят, «человеческим фактором». Например, Лепехин ошибочно пишет о последовательности земных будд: «В прошедшем веке был бурхан Майдари (Майтрейя), сейчас Сакжи Муни (Шакьямуни), а следующим будет Манзуриши (Манджушри) [11, с. 460–461, 464]. А на следующей странице читаем: «После оных перемен на место Мавзуширина вступил Сакжи Муни» [11, с. 465]. То есть он механически путает будд предыдущей и будущей эпох. Текст Палласа более выверен, содержит достаточно адекватную транскрипцию имен собственных, не имеет досадных искажений в описаниях и функциях основных божеств пантеона у калмыков. Именно поэтому он и получил широкое признание. А вышедший в свет в 1771 г. очерк о калмыцкой вере, написанный Лепехиным, уже не вошел в его часть труда, «Полного собрания ученых путешествий по России» [12]. Еще раз повторим, что все будущие академики пользовались материалами, предоставленными православным ставропольским священником-миссионером

Андреем Чубовским. Благодаря своим знаниям, он был информатором В.Н. Татищева, Рычкова старшего, С.П. Палласа, И.И. Лепехина, В.М. Бакунина по вопросам калмыцкой веры. П.И. Рычков отмечает в своей «Топографии», что Чубовский рассказывал ему историю калмыцкого переселения, как ему говорил Петр Тайшин в 1736 г. [18, с. 126]. И.И. Лепехину и П.С. Палласу Чубовский представил свое «калмыцкое собрание», включая оригинальные книги по буддизму, многочисленные монгольские письма, свои переводы некоторых религиозных текстов; объяснял те моменты, которые были ему известны. Практически до того времени, когда в России была создана особая область науки – востоковедение, Чубовский был одним из нескольких человек, имевших серьезные знания в данном вопросе. Соответственно, получается, что все первоначальные сведения о «ламайском законе» – буддизме у калмыков собраны и обобщены православным священником Андреем Чубовским, которого пересказывали ученые-натуралисты.

Чубовский Андрей Иванович родился в семье причетника храма Каменец-Подольского Яна (Ивана) Чубовского (происходил из польского рода герба *Лелива)*. Учился в московской славяно-латинской школе. Вошел в число школьников, отобранных Синодом для последующей миссионерской деятельности среди калмыков. 8 февраля 1725 г. он в составе 5 школьников выехал с Петром Тайшиным и иеромонахом Никодимом Ленкевичем в Астрахань для изучения калмыцкого языка. В 1730 г. А. Чубовского как отличившегося хорошим знанием калмыцкого языка взяли в качестве переводчика в Астраханскую губернскую канцелярию. Когда Анна Тайшина прибыла в Ставрополь в 1737 г., она попросила в качестве своего духовника прислать Андрея Чубовского. После смерти в 1739 г. архимандрита Никодима Ленкевича Священный Синод постановил избрать Чубовского главой Ставропольского духовенства. С этого времени Андрей Чубовский на долгие годы становится протоиереем и попечителем крещеных калмыков. Вместе с ним в Ставрополе с 1742 г. находился Иван Ляхов, с которым они вместе приехали из Москвы в Астрахань изучать калмыцкий язык [19, с. 975–977; 20]. Имя Андрея Чубовского упоминается в реестре Оренбургской губернской канцелярии «о раздаче пожитков покойной княгини А. Тайшиной». В документе говорится «Протопопу Чубовскому яко отцу духовному и на поминовение постеля со всем убором, на которой княгиня скончалась. 1744 г.» и расписка протоиерея в получении оных [16, с. 112–114]. Согласно Указу Сената от 6 июня 1741 г., он сыграл большую роль в открытии и существовании калмыцко-русской школы в Ставрополе. Обучал калмыцких детей и русскому, и калмыцкому языкам [21, с. 44–45]. Перевел на калмыцкий язык Евангелие и извлечения из Церковной истории, составил калмыцкий букварь. При соборной церкви протопоп, он же и правитель духовных дел, отмечается окладным жалованием в 300 руб. Сей «оклад полагается по особому достоинству и по довольному его в калмыцком языке искусству» [16, с. 117]. Как священник, он имел полномочия собирать у крещеных калмыков атрибуты их старой веры, в том числе и книги. В «Предписании» по этому поводу говорилось: «чтоб, по крайней мере, Протопопу по дважды в год, все улусы объезжая, свидетельствовать, все ль они себя в христианской должности содержат. А особливо б никаких прежних их идолаторских забобон ...между ними не было» [16, с. 130–131]. В результате такой деятельности у Чубовского складывается собрание письменных источников, освещающих различные стороны «ламайского учения». Чубовский был женат на ставропольской дворянке. Его сын, капитан Гурьевского полка Андрей Андреевич Чубовской, погиб в 1779 г. Протопоп Андрей Чубовский до конца своих дней трудился в Ставрополе. Скончался он в 1780(1781?) г. в Ставрополе и был похоронен на городском кладбище. Можно сказать, что вся начальная историография о калмыцком буддизме в Европейской России во многом обязана русскому право-

славному священнику-миссионеру Андрею Ивановичу Чубовскому, который не просто следил за соблюдением православных обрядов у новокрещен – калмыков, но пытался вникнуть в суть их традиционной веры; собирал буддийские книги, переводил с монгольского тексты священного писания, пытался осмыслить и понять их, чтобы иметь аргументацию при общении с новокрещенами. Известны письма П.С. Палласа к Г.Ф. Миллеру, где он говорит о том, «что если действительно есть желание углубиться в изучение ламаитской религии, то необходимо перевести книгу *Бодимер* и 4 монгольских религиозных сочинения, в числе коих должны быть и Ertjun –Zjun-Toali. Чубовский имеет все эти книги. Хорошо было бы под присмотром протопопа велеть перевести книгу *Бодимер* с монгольского языка тамошним переводчикам исторических книг с монгольского языка. Четыре других религиозных сочинения переведены самим протопопом с монгольского» [4, с. 118–119; 213–214]. Высказав эти соображения, обратимся к рассмотрению данных, собранных Академическими экспедициями о буддизме у калмыков. Они представляются в следующем виде: комплексное описание калмыцкой веры, сакральные предметы, включая статуи и письменные источники; культовые сооружения и места силы.

Калмыцкая вера

Как уже говорилось выше, Паллас, Лепехин при написании этого раздела пользовались одним источником, собранием переводов и информацией А. Чубовского. Георги опирался на труд Палласа. Эти работы достаточно широко известны, написаны по единой схеме и сходны по содержанию [6, с. 490–535; 11, с. 447–486; 15, с. 9–10, 15–20]. Поэтому мы сочли возможным изложить кратко основные положения, отмеченные исследователями так, как они поняли их в конце 60-х – 70 –х годах XVIII в. В Очерках «о ламайской вере» у всех исследователей выделяются две части: 1. Мифологическая, включая *космологические представления и божественный пантеон* (буддийский и древнемонгольский), описание ада и рая и т. п. 2. Конкретная. *О буддийской (ламайской) церкви, духовенстве, богослужении, о светских и духовных обрядах,* с верою связанных.

Космологические представления в общей схеме занимают особое место и являются одной из составляющих частей буддийского учения в целом, так как именно через них формируется сакрализованный мир, где существуют правила организации, структура пространства и времени. Переход от неорганизованного хаоса к упорядоченному космосу и составляет основной внутренний смысл мифологии. В решающие моменты жизни предполагалось повторение изначального процесса. И космологический миф здесь является сакральным прототипом вечного обновления жизни. Это модель и образец, оказывающие сильное влияние на способ интерпретации некосмологического материала [22, с. 17–18]. В них рассматривается природа (макрокосм) и человек (микрокосм). Будучи подобием Вселенной, человек – один из элементов космологической схемы [23, с. 7]. И именно в этой части, среди «баснословных речей жрецов» можно вычленить некоторые базовые идеи буддизма на самом простом уровне.

Космогоническая мифология в ойратско-калмыцкой среде в основе своей восходит к общебуддийской мифологии, которая, в свою очередь, близка брахманистско-индуистской. У Палласа встречаем: «ламайская вера и калмыцкая вера произошли от индийской брахманской, также и письмо индийское имеет великое сходство с тангутским (тибетским), и есть некоторые общие бурханы» [6, с. 492].

Она включает в себя мифологическое строение мира, возникновение Земли, космоса, сторон света; неисчислимое количество миров, группирующихся в огромные системы (сахалоки), легенды о происхождении животных, людей, богов, эпохи и

апокалипсис, ады и рай, появление главных богов буддийского пантеона: иерархию, функции, способы их изображений.

Строение мира схематично выглядит так: *Мир никем не создан*. Он воспринял начало свое от всеобщей смеси веществ, *сам собою без Создателя*: сначала было пространство, собрались златоцветные облака, испустили множество дождя. Отчего образовалось море. На море, как на молоке, образовалась пена, из пены возникли животные и люди. *Из человеческого рода появились боги*, которые до своего превращения в божество «были подвержены закону всякой строгости и пребывали во всех животных телах». *Переселение душ является особым преимуществом добродетельных людей,* таким образом очищая свои прегрешения. Буря на море привела к возникновению столба – Сюмер сула, вокруг которого ходят населенные планеты и 4 стороны света разного цвета, между ними попарно – малые. Между большими – наша Земля стоит, а напротив – Земля великанов. И так все земли населены разными существами. Понятие о видимом мире, из которого все другое по ступеням происходит. «Таких миров много и описывают нижнюю пропасть, воображая, что она никем не создана. Мысли их так глубоко в сию бездну проницают, что они поставили ей измерение» [11 с. 455]. Из одного света в другой могут переходить только боги – бурханы. Вся такая система утверждена железным кольцом, которое все окружает. Вначале был благоприятный век, и люди жили до 80 тыс. лет. В это время тысяча бурханов поднялись на небо [6, с. 496]. Но вследствие неправильного поведения людей годы их жизни сокращались, и наступил неблагополучный век. Кроме богов, еще существуют тенгри, или воздушные духи, суть средние существа между людьми и бурханами. Они не имеют плоти и крови, размножаются от взаимных объятий, могут быть и добрыми, и злыми. Все злоключения от злых тенгри, но они уступают тибетским молитвам [6, с. 507]. Тенгри смертны и доживают до глубокой старости.

Число бурханов весьма велико, они являют собой души богов или людей, достигших возрождения. Они разных чинов и благотворят и наказывают [15, с. 19]. Изображения их мужские и женские, миловидные и гнусные. Образы изготавливают из металлов, глины, дерева, внутри находятся пепел или мощи. Главные бурханы калмыков: Ади-Будда (первопричина), Шагджитуби (Шакьямуни), Майдар (Майтрейя), Арья Бало (Авалокитешвара), Манджушри. Из монгольского пантеона – Хормуста, Очирвани, Раху [6, с. 501–502]. Всего было несколько эпох, в каждой – свой будда. Настоящая благоприятная эпоха проходит под знаком будды Шакьямуни; будда предыдущей эпохи – Манджушри, последующей – Майтрейя. Многие эпохи кончаются огнем, таким образом происходит обновление. *Главное дело ламайской веры – учение о состоянии души по разлучении ее с телом*. Об аде и воздаяниях. Подробно разбираются все виды грехов, похождения души [6, с. 508–509]. Адом заведует Эрлик-хан. У него есть Дневные записки – книга Алган-Толи, куда он заглядывает и видит все содеянное человеком. Лепехин приводит легенду о том, как очень грешный пьяница предстал перед Эрлих-ханом и заслуживал страшных адских мучений, но вдруг вспомнил, что некогда он переписал книгу «Доржо Зодба», о чем доложили Эрлих-хану. Тот справился по «Алган-Толи», нашел слова пьяницы справедливыми и попросил у него прощения за причиненные мучения, посадил его возле себя на золотом престоле [11, с. 468–469]. В книге «Доржо Зодба» написано, как избавиться от ада. *Но адские мучения невечны*, для каждого наказания свое время. Часто при надлежащем поведении оказывает милосердие бурхан Хомшин – Боди-Сад (Авалокитешвара – санскр.) или помогает местный лама силою тангутских молитв [6, с. 512]. Раем или страной Сукхавати заведует Абида (Амитаба). Бурханы опять появились на земле для исправления рода человеческого. Они пришли в мир с проповедями [6, с. 498]. Шакьямуни проповедует учение 60 народам. В буддийский пантеон включены местные боги,

полубоги и другие мифологические существа. Они сохранили свои функции, но подчиняются принципам буддизма. *Боги также подвластны законам кармы.*

Надо отметить, что в очерках можно наблюдать и влияние идей буддизма на менталитет калмыков. Например, Георги замечает, «что употребляют калмыки больше хитрости, нежели насилия, и, веря в странствование душ, редко убивают». Они в рассуждении добрых и худых дней суеверны. Когда присягали, то прикладывали саблю к горлу, а стрелу к языку, или огнестрельное оружие ко рту, и говорили: «Да потребит меня Бог, и да не преселюся душею ни в какое животное, буде солгу и прочее» [15, с. 11]. Лепехин приводит их объяснение, почему калмыки едят падаль, а не убитую скотину, «говоря, что первая зарезана бурханами, а потому есть ее можно без греха» [6, с. 470].

О буддийской (ламайской) церкви и, духовенстве, богослужении, о светских и духовных обрядах с верою связанных*; о целителях и разного рода волшебниках.*

В той части работы, где речь идет о конкретных вещах, о калмыцких духовных лицах, о церкви и обрядности, о пережитках и пр., у исследователей практически не встречается разночтений и «затемненных мест». Для написания этого подраздела путешественники неоднократно выезжали в кочевья, наблюдали быт калмыков, задавали вопросы, участвовали в некоторых ритуалах, консультировались у знающих людей, изучали церковную иерархию; где, возможно, привлекали письменные источники.

Верховное духовное лицо – *Далай Лама*, «и его душа переходит из одного человеческого тела в другое». Ему поклоняются как живущему на земле бурхану. Далай Лама живет в Лхасе. К нему едут со всего буддийского мира для поклонения и учебы. В каждой Орде князь имеет *Ламу,* посланного от Далай Ламы и утвержденного российским правительством. Они имеют свои улусы и собирают дань. Под ним следуют *Цордшисы* (подобные протоиереям), под ним *геллунги* (имеющие паству от 150 до 200 кибиток). У них есть до 10 учеников *манджи,* которых лама обучает тибетскому языку и ламайскому богословию. Геллунг имеет помощника по службе – *гядзюля.* Каждый аймак содержит своего учителя *(Бакши),* который обучает детей читать, писать, арифметике, истории, географии, астрономии, астрологии, медицине и богословию, «сколько сии науки могут быть них преподаваемы». Есть также между калмыками и самовольные монахи *(сузьюки*), которые отличаются строгим содержанием поста, непрестанным молением и пр. Службы проходят на тибетском языке, «который никто из рядовых калмыков не знает. Жрецы, по крайней мере, должны уметь читать на этом языке. И подготовить нужные для службы молитвы и песни. Для таких случаев у духовных лиц имеется множество так называемых *монгольских писем*, в которых описаны церемонии богослужения и другие обыкновения». Жрецы имеют деревянные формы, коими печатают *бу* – лоскутки с молитвами. У каждого калмыка висит на груди ладанка, которую он получает от жреца [6, с. 518–519]. Богослужебные юрты у калмыков подвижные. Бурханы стоят на алтаре, а перед ними серебряные жертвенные чашки с приношениями. В круг расставлены знамена, бурханы, книги, бубны, гобои, трубы, бренчащие кружки, колокола и пр. В такие кибитки могут входить только жрецы и знатные калмыки. На службе бывает шумное пение и много перемен в богослужении. Кроме того, каждый жрец имеет *звездочетные книги.* Знатные калмыки приглашают духовных, для того, чтобы они этим книгам «именовывали для младенца духа-хранителя – тенгри», избирали имена, помогали при разных обстоятельствах. По звездочетным книгам назначается время погребения и «определяется будущая судьба по смертным часам» [15, с. 17]. Покойников хоронят разными способами. Сожжения удостаиваются тела только умерших князей, верховных священнослужителей и почитаемых между ними за святых обоего пола. Во время сжигания священники отправляют службу с шумною музыкой. На другой день

собираются остатки костей вместе с пеплом и посылаются с дарами в Тибет; откуда Далай Лама присылает известие, в какой рай вошла возродившаяся через огонь, без переселения в животных, душа умершего, и некоторые освященные мелочи.

Духовенство получает из Тибета «священные катышки (*шалир*) для больных и при разрешении души от тела». У калмыков есть чародеи и шаманы. Они не причисляются к духовным и состоят в презрении.

Таким образом, благодаря материалам, полученным в экспедициях, впервые в российской науке было сделано описание новой религии-буддизма, появившейся на территории России в форме ламаизма. Важно отметить, что в поле зрения ученых калмыцкая вера попала в первые годы их путешествий. И Лепехин, и Паллас, и Гмелин основные сведения собрали в 1768–1769 гг. до самоликвидации Калмыцкого ханства. Следуя доступным им источникам и пересказывая баснословное описание «ламайского закона», исследователи тем не менее смогли увидеть в них и рациональное зерно. Приступая к описанию новой религии, совершенно естественно было сравнить ее с чем-то более знакомым. Ученые подчеркивали сходство с брахманской верой (индуизмом), сопоставляя ее с обрядами индийских купцов, живущих в Астрахани. Выделяли и шаманские черты. Все отмечают, что ламайская религия напоминает несторианское христианство, основное положение которого сводилось к тому, что Иисус Христос был не сыном Божиим, но *человеком, в котором жил Бог.* Божественная и человеческая сущность Христа отделимы друг от друга. *Будда – это человек, который за правильную жизнь стал Богом.* И каждый человек может путем праведной жизни последовать его примеру. В этом виделось определенное сходство. Указывали на некоторые похожие черты в обрядности. Объяснением может служить тот факт, что буддизм к монголам пришел через уйгуров, где в то время были широко распространены христианские несторианские общины. Если внимательно читать очерки о вере, написанные участниками Академической экспедиции, то среди космогонических представлений и мифологических сюжетов можно выделить ряд основных догматических положений буддизма. *Мир никем не создан. Он конечен и обновляется.* Также можно проследить в повествовании и своеобразно представленное *учение о причинно-зависимом происхождении существ, о карме и воздаянии. Будда был человеком* и любой человек при соответствующей жизни, улучшая свою карму, может стать Буддой. *Вера в перерождение и странствие душ.* Сообщается и о «трех драгоценностях» веры, или «*Гурбан-ердени*» – *лама, бурханы и твердая вера* [6, с. 508–509]. В буддизме – будда, дхарма (учение), сандха(община), и добавляется часто четвертая – лама. В этих космологических очерках мы видим классический пример, когда теоретические идеи и концепции буддийской философии и психологии наполнялись мифологическим содержанием, что должно было облегчить их восприятие [24, с. 191].

Коллекция бурханов

Если начало знакомства с учением северного буддизма у П.С. Палласа происходило, вероятно, в Ставрополе, где жил Андрей Чубовский, то непосредственное общение с некрещеными калмыками было в окрестностях Яицкого городка. Одним из результатов экспедиции по сбору информации, связанной с «ламайским учением», является появление собрания буддийской скульптуры и сакральных предметов в Кунсткамере. Это отдельная страница деятельности Палласа. Известна целая детективная переписка С.П. Палласа с Академией наук и проф. Г.Ф. Миллером относительно приобретения коллекции калмыцких бурханов. Будучи в августе 1769 г. в Яицком городке, ученый вплотную занимается сбором материалов по некрещеным калмыкам. В Рапорте от 11 августа 1769 г. он пишет, что имеется возможность приобрести «прекрасную коллекцию литых, хорошо позолоченных монгольских и калмыцких

идолов или бурханов, которую продает здешний атаман». Он отобрал около 25 идолов, что лучше сохранились и отличаются один от другого [4, с. 89]. 28 декабря 1769 г. он опять возвращается к покупке бурханов: «...рад сообщить, что благодаря посредничеству г. генерал-майора фон Рейнсдорпа, владельцы коллекции согласны в течение нескольких месяцев доставить все это Императорской Академии Наук. Они очень настаивают на продаже коллекции целиком, а не в розницу. И хотя последний раз в Оренбурге владельцы просили у меня за всю коллекцию 800 рублей, я знаю-таки наверняка, что они охотно уступили бы все за 400 рублей; этим и следует руководствоваться при покупке. Целая их коллекция была под Новый год отправлена в Петербург. Упомянутая коллекция состоит из 80 с лишним предметов, все они великолепной работы, отлиты из меди и хорошо позолочены, а кое-какие небольших размеров, сделаны, кажется, из серебра» [4, с. 108, 119]. Кроме этого собрания, Паллас получил от капитана Исленьева конволют с сибирскими географическими картами, ящичек с 3 калмыцкими идолами из заброшенной пагоды Аблайкит на Иртыше [4, с. 152]. Такова история приобретения одной из самых старых ценных коллекций восточного искусства в собрании МАЭ РАН. В 1800 г. О. Беляев в своей книге об истории Кунсткамеры пишет про собрание «мунгальских и калмыцких вызолоченных, внутри пустых бурханов или идолов, которые куплены в 1770 г. за 1030 руб. и кои как своей редкостью, так и изъяснением знаменитого тибетского богослужения заслуживают примечания зрителей» [25, с. 37]. Д.В. Иванов, специально занимавшийся буддийскими артефактами в собрании МАЭ РАН, смог выделить коллекцию, добытую трудами С.П. Палласа. Это коллекция № 719, в которой 79 предметов можно определить как Палласовское собрание [26, с. 62, 64]. Практически вся коллекция, поступившая на хранение почти 250 лет назад, оказалась сохранной (благодарная память и низкий поклон сотрудникам музея). По заключению исследователя, в собрании имеются скульптуры школы знаменитейшего монгольского скульптора Дзанабадзара (1635–1723). Например, одиннадцатиглавый Авалокитешвара, отлитый из бронзы и позолоченный; литая ступа из бронзы с позолотой [26, с. 94–95]. Изображения их имеются в Т. 1 Трудов Палласа и в Атласе, изданном АН [6, таб. X, фиг.4, 8; 8, таб. X, фиг. 4, 8]. Дорогую и трудоемкую технику школы Дзанабадзара в к. 30-х годов XVIII в. в Монголии сменил более простой и экономный долоннорский стиль, также представленный в коллекции. Большая часть предметов изготовлена непальскими, тибетскими, китайскими мастерами в XV–XVIII вв. [26, с.96, 100] Благодаря серьезной работе Д.В. Иванова коллекция разобрана, атрибутирована. Кроме скульптур из металла, в собрании Палласа находятся культовые предметы из глины, камня, дерева [26, с. 114–115]. Важно понять, каким образом сформировалось собрание из 80 буддийских предметов у яицкого атамана Петра Владимировича Тамбовцева (1726–1772). Возможно, ответ можно найти у исследователей – П.С. Палласа, Г.Ф. Миллера. Палласу предложил яицкий атаман купить «коллекцию» летом 1769 г. В это же время ученый пишет, что в Яицком городке на рынке он видел множество статуй буддийских божеств, вылитых из меди, позолоченных, хорошей работы. «Но как киргизцы при разорении Сюнгарского владения (Джунгарского ханства. – *М.З.*) весьма много похитили бурханов и продавали на Российских пограничных торжищах, то калмыки охотно у российских купцов и притом по высокой цене их скупают, если только внутри бурханов все цело и не тронуто. Кроме литых истуканов, есть еще на китайской бумаге и других материалов нарисованные лица, и некоторые очень чисто написаны. Есть и глиняные бурханы, которые выкрашены красною краскою или позолочены...» [6, с. 502–504]. Из этой цитаты следует, что в связи с буддийскими артефактами присутствует военная линия. Как уже было отмечено выше, в Рапорте в Академии наук Паллас пишет о «владельцах коллекции» и посредничестве гене-

рал-майора. Таким образом, есть некое сообщество, которому принадлежат бурханы и которое при продаже коллекции будет учитывать мнение генерал-майора.

Следующая линия уводит нас далеко от Яицкой степи, в степи Джунгарии. Когда Джунгарское ханство сотрясали междоусобицы, а потом оно и вовсе прекратило свое существование, на его территории осталось много брошенных монастырей. Судя по серьезным исследованиям А.М. Позднеева, можно проследить традицию в том, что многие монгольские монастыри никто не содержит: и монахи, и паства появляются в них время от времени [27, с. 14–17]. В кочевых государствах при этом постоянно меняются границы, что также не способствует процветанию священных обителей. К примеру, Миллер пишет, что богатейший Аблай-кит на Иртыше был пуст уже в его время [28, с. 29], хотя был построен хошоутским Аблай-тайшой во второй половине XVII в. Когда отдельные территории Джунгарии оказались покинутыми, какое-то время их занимала Средняя киргизская орда. Именно эту ситуацию и отмечает Паллас, сообщая, что киргизцы продают бурханов русским купцам, которые ездили с товарами на ярмарки, описанные еще Миллером. Кроме того, из записей участников Академических экспедиций видно, что и русские войска устраивали свои лагеря на площадках брошенных джунгарских монастырей. Из исторических источников известно, что в степях Юго-восточного фронтира России постоянно шли стычки между разными группами кочевников, казаками; шла охота за торговыми караванами. С большой долей вероятности, можно предположить, что коллекция бурханов была военной добычей яицких казаков. Если статуи бурханов были пусты (в таком состоянии они находятся в настоящее время), то калмыки их не покупали, и для казаков заинтересованность Палласа и через него Академии наук была счастливой и едва ли не единственной возможностью продать специфическую добычу.

Письменные источники: письмена, рукописи, книги

В России первые рукописи с буддийскими текстами были получены в первой половине XVIII в. в результате деятельности Второй Камчатской экспедиции. Гмелин-старший описал калмыцкий монастырь Аблайн-хит на Иртыше, откуда участники экспедиции вывезли 2 ящика с тангутскими и мунгальскими печатными и письменными листами, с писанными досками и с печатными формами [2, с. 234]. В дальнейшем коллекции пополнились текстами, которые привез Миллер, позднее Паллас из Сибири. Во второй половине 1730-х – начале 1740-х годов участниками Камчатской экспедиции были подготовлены первые работы о буддизме. В центральных архивах имеется черновик Г.Ф. Миллера «История и описание тангутской или так называемой далайламской веры и в каком состоянии она находится у монголов и калмыков» на русском, немецком и латинском языках и труд И.Э. Фишера «О религии калмыков» на немецком языке [28, с. 530–531]. Они были написаны на основе собственных сборов исследователей. Участники II Академической экспедиции, вероятно, в беседах с Андреем Чубовским знакомятся с источниками буддийского учения, которые имелись у протопопа. И Паллас, и Лепехин упоминают одинаковые названия. Особое место отводится *Доджо Зодба*. Эта «чудесная книга “Джобово таинство” называется. Она прогоняет болезни, продолжает жизнь, сокращает духов, освобождает от адских мучений» [6, с. 514]. Его поддерживает Лепехин: «Но главное место между всеми книгами занимает “*Доржо Зодба*”». Сия книга содержит в себе непонятные вещи для калмыцкой головы, а значит, сокровенную тайну, которую никто разуметь не может, кроме великого бурхана. Польза от нее подтверждена многими примерами благополучных душ, возвратившихся с того света; и она в таком почтении у калмыков, что почти всякий ее изустно знает, хотя содержания никто не понимает; да и толковать ее за грех вменяется [11, с. 475]. Еще одна книга, заслуживающая

внимания, по мнению Палласа, имеющийся у калмыцких жрецов «*Бодимер» (тиб. Lam rim*), знаменитое сочинение Цзонкавы, означающее буквально «ступени, пути к просветлению». В ней описано житие буддийских святых. Сокращение всего «ламайского учения» прописано в книге «*Ертюнцюнь-тоали*» (*Ertjun-Zjun-Toali.)* – монгол. «Зеркало мира» [6, с. 520]. Это известное космологическое сочинение.

Есть еще книга «Эркетю», содержащая славные дела бурханов и «Дойшин Бурхани», – бурханское наставление [11, с. 475]. По приезде из экспедиции Паллас не оставил своего намерения углубить свои знания по буддийскому учению и отдал переводить некоторые добытые рукописи Иеригу. Результаты были опубликованы в труде «Собрание исторических сведений о монгольских народах» (1778). Впоследствии переводы вызвали нарекание востоковедов, в частности О. Ковалевского. По его мнению, «ученые нашего времени, отдавая полную справедливость заслугам знаменитого академика, советуют читателям критически отделять мнения и наблюдения его от сведений, доставленных Иеригом, указывая на значительные ошибки в переводах [29, с. 5–6].

В любом случае был выявлен, первоначально описан и, по возможности, привезен в хранилища материал, с которым впоследствии можно было работать специалистам-востоковедам. Так постепенно, во многом случайно, складывалась библиографическая подборка по буддизму.

Культовые сооружения, места силы

Интересна еще одна категория артефактов, напрямую связанная с калмыцкими верованиями. Это всякого рода остатки культовых сооружений и места силы. Они меньше привлекают внимание современных ученых, хотя сведения о них имеются у всех путешественников. Зачастую описания одного такого объекта повторяются у разных исследователей. Практически все отряды Академических экспедиций отмечали в степях развалины калмыцких *цац (*небольших храмов-часовен, рядом с которыми проводились главные праздники), а также *отдельные природные объекты – места силы*, где, по поверьям калмыков, живут духи природы. Такие места можно найти по следам развалин и жертвенных приношений. Следует упомянуть и заброшенные монастыри в Прииртышье в опустевшей Джунгарии. Менее часто встречаются в записях путешественников так называемые *«пирамиды» – ступы.*

Цацы – это остатки небольших часовен, которые строились к празднованию Великих хуралов. Их во время «проездов» по степи встречалось немало. Лепехин пишет, что три раза в год калмыки собираются на всеобщие богомолья. Из всех улусов съезжаются к ламе. Тут делают новые капища – *цацы.* Для этого выбирают угористое место. В тех местах, где построены цацы, всякий проезжающий калмык должен остановиться и заплатить бурханам подать, чем ни есть. Есть ли у кого не получится с собою денег, то в цаце оставляют или стрелу, или подкову, или другую какую вещь. В случае же недостатка бурхан должен довольствоваться конскими волосами или обрезанными ногтями [11, с. 476–478]. С.Г. Гмелин одним из первых описал известную гору Богдо, почитаемую всеми калмыками. «Наверху *Богды* находятся целые кучи каменья, которые некогда служили поводом к построению Калмыцкого храма, цаца называемого. *Таких храмов по тем местам, где калмыки кочуют, как, например, на Кубанской степи, по реке Сарпе, также на Яицкой степи против Дмитриевска, и на других местах есть много.* В оных калмыки приносят жертву своим Бурханам, кладут в оные деньги, обветшалые книги, изображения идольские, хотя бы они на простом только холсте писаны, или уже совсем испорчены были. Многие из мимо едущих, не имея ничего, отрывают или по лоскутку от своего платья, или по куску кожи от сапогов, или по клочку шерсти из лошадей и все сие кладут туда

вместо дара» [14, с. 17–18]. Паллас отмечает, что *близ Узеней* есть местечко *Чушкалы,* на другой стороне от которого, несколько в стороне от дороги, «осматривали мы из необожженных кирпичей поставленную калмыцкую цацу. Это четырехугольное здание, на южной стороне окошечко, через которое едва ли пролезть можно. Множество согнивших до половины тангутских и монгольских писаний, вырезанных кусков дерева, коробочек и т. п. валялось там, безо всякого порядка и перемешано лежало. Посреди оного, казалось, была яма, выложенная пестрыми кирпичами, в которые при заложении таких молитвенных домиков кладут нарочно для этого изготовленные духовенством из глины шарики» [10, с. 112–113]. Еще одну они встретили на *сарпинском берегу*. Калмыцкая часовня цаца сложена наподобие конуса и вокруг обвешана разными лоскутками [10, с. 190]. В Астраханской губернии, на Маджаре, в устье Байбалинского озера и р. Кумы находятся развалины *Цаган Балгазун,* известные из многих легенд. Но ехать туда без прикрытия, путешественники не отважились [10, с. 199–200].

Ступы. По заданию Палласа весной 1773 г. студент Быков ездил до Нарын песков, в 15 верстах от Тологой Кола (Прикаспий), нашел в степи почти обвалившуюся пирамиду, построенную калмыками из необожженного кирпича. Пирамида известна меж калмыками как *Шоролигин Болгассун (Земляной город)* [10, с. 329–330].

Монастыри. В сочинениях участников экспедиции мы не обнаружили ссылок на наличие калмыцких монастырей в Восточно-Европейских степях России. Но в 1771 г. под прикрытием войск, посланных в погоню за калмыками, члены отряда Палласа и Фалька добрались до Иртыша, пограничья Джунгарии, где нашли опустевшие полуразрушенные обители. В 800 верстах от Семипалатинска на р. Или «есть ныне китайский город Каргос, здесь ранее жил калмыцкий хан Галдан-Джерин, а в 30 верстах выше стоит построенный из необожженного кирпича монастырь *Тсаган сумэ* (Сумэ – кумирня или молитвенный храм, в котором монахи не живут постоянно, а ночуют и собираются только в праздники, в дни великих хуралов) [13, с. 49; 27, с. 1]. Вблизи при речке Дергаланг монастырь или местечко *Голча.* В нем был прекрасный сад, через который протекала река. В монастыре стоял медный идол мужской в человеческий рост. Другой монастырь на левом берегу Или при речке *Кайнух,* в 16 верстах от первого. В нем также находился прекрасный сад и медный бурхан Майдари (Майтрейя), который Х. Барданес, по заданию Фалька осматривающий эти места, ошибочно называет «женским идолом», т. к. его длинные одежды напоминали женские. Когда китайцы выгнали калмыков, тогда оные идолы были разбиты, но неизвестно кем, китайцами или бухарцами. При степном *ручье Алмиту* был прежде в 6 верстах от Каргоса калмыцкий сад и кумирня, где хранился прах калмыцкого хана Талуг-Темира. Ныне от кумирни и сада остались лишь следы [13, с. 49]. В Семипалатинске видны развалины 7 каменных татарских или монгольских домов. На седьмом строении, оно новее и в лучшем состоянии, на кирпичах находились тангутские письмена, которые сейчас изгладились [13, с. 23]. В Зюнгарии есть много недавно разрушенных развалин киргизских и других. «Генерал Бекевич во время своего несчастного похода в Хиву, нашел при Каспийском море развалины, состоявшие в четырех каменных башнях, лестницах и бурханах с тангутскими надписями» [13, с. 58]. Но самые известные «достопамятности Усть-Каменогорской стороны», которые они обследовали, это монастырь *Аблай-кит. Кит* – местопребывание монахов-отшельников, лам-созерцателей, или даянчи лам, которые «садятся на подвиг» [27, с. 1]. Остатки укрепленного монастыря обследовал по заданию Палласа, участник экспедиции студент Соколов. Аблай-кит лежит вне границы Российского государства, в степи, где прежде обитали сюнгарские калмыки, а теперь большей частью киргизцы средней Орды, которая граничит с левою стороною Иртыша, в 70 верстах к востоку и югу от Усть-

Каменогорской крепости. Монастырь построил на Иртыше хошоутский хан-Аблай. О нем писали Миллер и Гмелин-старший. Когда исследователи увидели Аблай-кит, это было «прекрасное строение, но теперь киргизскими и российскими промышленниками весьма повреждено и в запустение приведено» [7, с. 258–268], вдобавок там стояли лагеря эскадрона, что завершало разорение. Он был обнесен стеною из дикого камня. Внутри, кроме калмыцкого храма, сеней, жилого дома и некоторых стен, никаких следов дворов видно не видно. Несомненно, что прочее ровное пространство служило становым местом для кибиток. Даже в этом состоянии можно было судить о былой пышности монастыря. Стены сделаны из обожженных кирпичей, выбелены белой известью, и на них весьма искусно живыми красками изображены бурханы и разного рода боги. Здесь «изображения и небесных богов, и множество безобразных видов с синими лицами и пламя испускающим ртом и многоразличными членами». На трех стенах (южная стена разрушена) насчитывалось до 45 изображений. Сохранились подножия, на которых стояли статуи бурханов, частью вырубленные из камня, а также глиняные и из меди литые. «Сейчас все в развалинах и повсюду видно превеликое множество тангутских и мунгальских писем» [7, с. 258–268].

Места силы

Путешествуя по степям, экспедиция в определенных местах встречала остатки, связанные с приношениями духам. С.Г. Гмелин описал священный для калмыков природный *комплекс Богдо:* включающий *Богдо-гору,* возвышающуюся среди абсолютно ровной степи, *пещеру и озеро*. «В недалеком расстоянии с южной стороны горы *Богдо* и позади оной на ровном месте видна пещера, многими проходами поперек извиваясь и в землю идущая. Ее калмыки чрезвычайно почитают» [14, с. 18; 1]. Они кладут в нее деньги, целое платье, стрелы, луки, панцири, духовные книги, листы из оных, тангутским письмом исписанные холст и идольские изображения. Вообще всю гору Богду они имеют в великом почтении. «Нет ни одного из них, который бы мимо не прошел, при подошве ее не взял камня, и его наверх не внес (отчего и упомянутые кучи сделались), там не исправил своей молитвы, не пал ниц на землю, или монеты, из одной, двух, пяти и десяти копеек состоящей. Если есть деньги, или, по крайней мере, лоскут от своего платья в знак своего почтения не положил» [14, с. 18; 1]. Они почитают и гору, и находящееся вблизи озеро. Рассказывают, что раньше *гора Богда* стояла при реке Яик. Но двое калмыцких святых решили перенести ее к Волге. Они молились, постились, потом взяли ее на свои плечи и уже почти были близ Волги, но один из них осквернил себя злым помышлением, и гора оказалась на ровной степи [14, с. 18–19]. Есть описание *горы Богдо* и у Палласа [10, с. 310, 313; 6, с. 591–592]. Выше Черноярa, около 150 верст от Волги, в богатой солью стране есть не только озеро Баскунчак соленое озеро, но и посреди совершенно плоской степи стоит *Богда-гора*, а в 50 верстах далее к востоку – *Малая Богда*. Калмыки говорят, что их Далай Лама некогда на *Богда-горе* ночевал, а на *Малой Богде* обедал. Они уподобляют *Богду* лежащему льву [10, с. 314]. На вершине горы для приметы поставлены калмыками четырехугольные столбы из каменных плит высотою в сажень, кои видны издали. Сейчас на горе весьма мало видны следы их суеверий. В горе есть пещеры, и когда дует сильный ветер, то на высоте хребта стоящему человеку кажется, будто слышит он издали такой крик и шум, как будто несколько сотен вместе просящих различных голосов. Калмыки по преданию своих духовных верят, что в одной пространной пещере, под горой дух этой горы *Цааган Эбуген* (Белый Старец) имеет жилище, и бывают здесь собрания святых, на которых они беспрестанно молятся и поют. Отсюда калмыки как драгоценность вывозят краску, которой окрашивают в красный цвет остовы своих кибиток [10, с. 320]. Верстах 6 от горы к Волге виден один древний из

тростника и земли сооруженный *калмыцкий жертвенник Дендер,* оставленный тут после некоего празднества. Недалеко от горы имеются соленое и пресное озера. От пресного озера простирается приятная ложбина. Сюда, как и на буерак *Богд,о* вместо жертвоприношения бросают деньги и другие вещи [10, с. 328–329].

Озеро Баскунчак (по-калмыцки *озеро Богда*) описывает С.Г. Гмелин и рассказывает, как определяют калмыки его происхождение. По их мнению, Далай-лама вылил на землю в этом месте соленую похлебку [14, с. 20].

Солончаки на Чапчачи – Паллас видел, что при соленых ямах лежали по разным местам гладкие известковые камни и небольшие плиты, на коих были начертаны мунгальские и тангутские письмена. Новое средство умножать молитвы или оные содержать в памяти [10, с. 135].

Приведены неполные данные о культовых сооружениях, местах силы, почитаемых буддистами-калмыками. Но уже они позволяют при их анализе получить информацию об ареале кочевий, разнообразии верований и культуре буддийского мира того времени.

Выводы. Таким образом, результатами деятельности Академической экспедиции по заявленной теме явились написание очерков «О калмыцкой вере», которые опубликовали П.С. Паллас, И.И. Лепехин и И.Г. Георги. При работе с текстами оказалось, что все они в части «о ламайском законе» или буддийском учении имеют один общий источник: материалы (переводы с монгольского некоторых буддийских текстов, монгольских писем и т. п.), которые собрал и обработал ставропольский православный священник-миссионер Андрей Чубовский. Были описаны письменные источники: некоторые буддийские книги, которые в будущем могли быть переведены и «восполнили бы недостаточные знания о ламайской вере». Трудами П.С. Палласа для Кунсткамеры приобретена коллекция буддийской скульптуры и сакральных предметов. Сделано предположение, что она являлась военной добычей яицких казаков и когда- то находилась в джунгарских монастырях. Все исследователи «проездом» описывали остатки культовых сооружений: цацы, «пирамиду», природные объекты – «места силы», где, по калмыцким преданиям, жили духи. Эти записи расширяют наши знания о местах основных кочевий калмыков и конкретных проявлениях их религиозных традиций.

Работы Академической экспедиции позволили впервые познакомить просвещенное общество с северным буддизмом на территории России, так как сведения о буддизме у калмыков, имеющиеся у Г.Ф. Миллера и И.Э. Фишера, не получили широкого распространения.

Библиографический список

1. Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Г.Ф. Миллер. История Сибири. Изд. 3. Т. 1. М., 2005.

2. Сергеева Т.В. Знакомство России с тибетской культурой // Священные образы Тибета. Самара, 2002.

3. Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // История Сибири. Изд. 3. Т. 1. М.,2005.

4. Научное наследие П.С. Палласа. Письма 1768–1771 гг. / сост. В.И. Осипов. СПб., 1993.

5. Александровская О.А., Широкова В.А., Романова О. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века. М.: Софт, 2011.

6. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773.

7. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства (Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1770 г.). Ч. 2. Кн. 2. СПб., 1786.

8. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Атлас. СПб., 1788.

9. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. 1772 и 1773 годов. Ч. 3. Половина 1. СПб., 1788.

10. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. 1772 и 1773 годов. Ч. 3. Половина 2. СПб., 1788.

11. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, в 1768 и 1769 гг. СПб., 1771.

12. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией наук, по предложению ее президента». Записки путешествия академика Лепехина. Т. 3. СПб., 1821.

13. Полное собрание ученых путешествий по России. Том 7, заключающий в себе дополнительные статьи к Запискам путешествия академика Фалька. Т. 7. СПб., 1825.

14. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. 2. Путешествие от Черкасска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по 5 июня 1770 года. СПб., 1777.

15. Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве, народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. 4. СПб., 1799.

16. Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х годов XVIII – первая половина XIX века. Документы и материалы. Том 1. Ростов на/Д., 2011.

17. Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: Джангар, 2002.

18. Рычков П.И. Топография Оренбургская. Т. 1. Оренбург, 2010.

19. Дорджиева Е.В. Конфессиональный вопрос в имперской политике по отношению к традиционной калмыцкой элите в XVIII в. // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. Т. 10. № 4.

20. Сайт Православный Тольятти. URL: http://pravoslavie-tlt.ru/history.

21. Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. Самара, 2001.

22. Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. М.,1986.

23. Топоров В.Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира. Т. 2. М.,1994.

24. Мяль Л.Э. Буддийская мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М.,1994.

25. Иванов Д.В. Петр Симон Паллас и формирование первых буддийских коллекций в России // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008.

26. Иванов Д.В. Буддийские культовые предметы у монголоязычных народов в XVIII – первой половине XIX века в собрании МАЭ РАН (история собирания, атрибуция, особенности художественного стиля): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

27. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Элиста, 1993 (репринт: СПб., 1887).

28. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005.

29. Ковалевский О. Буддийская космология, изложенная Осипом Ковалевским. Казань, 1837.

V.N. Zudina*

INFORMATION ABOUT OIRATS AND KALMYK BUDDHISM THAT WERE COLLECTED BY THE NATURAL EXPEDITION OF IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCES IN 1768-1774 ON RUSSIAN TERRITORIES

In the article it is shown that as a result of activity of Academic Expedition of 1768–1774 data that allowed to fully consider Northern (Kalmyk) Buddhism on the territory of Russia were collected; studies on Kalmyk faith, materials for which were collected and processed by Stavropol Orthodox priest Andrey Chubovskiy were written; collection of burhans and sacral Buddhist things produced by Mongolian, Nepalese and Tibetan masters was bought for the Cabinet of curiosities; religious constructions and natural objects – places of worship of Kalmyks were described.

***Key words*:** academic expedition, Kalmyk faith, Northern Buddhism, burhans, Mongolian letters, tsatsa, Zunghar monasteries.

* *Zudina Valentina Nikolaevna* (dubmane@mail.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 947.07

Л.М. Артамонова*

ЗАКОН БОЖИЙ В ШКОЛАХ РОССИИ И ПОВОЛЖЬЯ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I**

В статье анализируется расширение участия священнослужителей в школьном деле при Александре I, меры по расширению и обеспечению преподавания предметов религиозного содержания в школах в начале XIX века.

Ключевые слова: Россия в первой четверти XIX в., история культуры, народное образование, Казанский учебный округ, Русская православная церковь, религиозное воспитание школьников.

В современной России важную общественную значимость приобретают вопросы духовно-нравственного воспитания. Их обсуждение зачастую ведется в форме острой полемики. Представляется полезным обратиться к опыту прошлого, в том числе к тем периодам истории страны, когда подготовка и проведение реформ в области народного просвещения вызывали не меньший интерес.

В исторической науке недостаточно изучена роль, которую играло духовенство в истории общеобразовательных школ дореволюционной России. Недостаточно точно определено место, которое занимало в школах изучение основ православного вероучения. Этим темам посвящена данная статья, которая рассматривает учебные заведения государственной системы народного образования, не учитывая из-за недостатка объема училищ, которые в нее не входили (церковным, ведомственным, сословным, частным и т. п.).

В литературе уже обращалось внимание на ограниченную роль православного русского духовенства в осуществлении первой общегосударственной реформы народного образования, проведенной при Екатерине II в 1780-е гг. Оно не было привлечено к преподаванию в новых общеобразовательных школах и участию в ее деятельности. Даже уроки Закона Божьего вели светские учителя. Светскими же людьми были написаны и соответствующие учебники. Сведения о единственном в конце XVIII в. духовном лице, работавшем преподавателем государственной школы, которые нам удалось встретить, относятся к Тобольскому главному народному училищу, где священник И. Гиганов был учителем татарского языка [6, с. 229–230].

При этом сама Екатерина II и ее сотрудники в деле народного просвещения вовсе не испытывали какого-либо негативного отношения к православной церкви и, более того, всячески заботились о религиозном воспитании учащихся. По мнению Д.А. Толстого, дело было в том, что само русское «духовенство апатично бездействовало» тогда в деле народного образования [12, с. 104].

---

* © Артамонова Л.М., 2013

Артамонова Людмила Михайловна (artamonovoi@mail.ru), кафедра истории Отечества Самарской государственной академии культуры и искусств, 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

С.В. Рождественский был согласен, что инициаторы и проводники школьной реформы в России ограничили роль духовенства в народных училищах вовсе не по принципиальным мотивам. Однако он не полагал тому причиной бездействие церкви и ее служителей. В учебный процесс священники не были вовлечены, как считал историк, в целях соблюдения новой классно-урочной методики, которой они не владели. Заведование же училищами не могло быть поручено им, поскольку Учреждение о губерниях 1775 года не предусматривало никакого участия духовного сословия в местном управлении и самоуправлении [7, с. 594–595]. Власти не видели причин делать исключения из этого правила для лиц духовного звания и в области школьного строительства.

Согласно Уставу народных училищ 1786 года, предметы, направленные на духовное воспитание и религиозное образование учащихся, преподавались в начальной двухклассной общеобразовательной школе (малом народном училище) и соответствующих им двух младших классах средней школы (главного народного училища). В первом классе предписывалось обучать «основаниям Христианского закона и добронравию», а по мере усвоения навыков грамоты «читать Сокращенный Катихизис и Священную Историю» (§ 2). Во втором классе следовало, «наблюдая те же предметы Христианского закона и добронравия, начинать читать Пространный Катихизис без доказательств из Священного Писания», а также повторять Священную историю (§ 4) [13].

Более глубоко основы вероучения постигались в третьем классе, который имелся только в главных народных училищах. Пространный Катихизис здесь повторялся уже «с доказательствами из Священного Писания», а также предусматривалось «чтение Изъяснений Евангелий» (§ 6). В программу завершающего четвертого класса, рассчитанную на двухлетнее обучение, предметы духовно-религиозного содержания не были включены (§ 8).

В начальных классах занятия по этим предметам проводили те же учителя, что вели остальные дисциплины (чтение, письмо, счет и т. д.). На каждый начальный класс полагался собственный учитель, но если учеников было мало, то один человек вел занятия в обоих классах малого народного училища (§ 26). В третьем классе главного народного училища специального преподавателя по «изъяснению Евангелия и Пространному Катихизису» также не предусматривалось, и эти предметы продолжал вести учитель второго класса (§ 20).

Сложившаяся при Екатерине II практика не привлекать священников в качестве учителей казенных училищ и не выделять время на предметы духовно-религиозного содержания в старших классах средней школы в определенной мере еще сохранялась в начале царствования Александра I. Однако эта практика начала постепенно изменяться в ходе новой реформы образования.

Согласно Предварительным правилам народного просвещения 1803 года, система образовательных ступеней включала элементарную школу (приходское училище), начальную (уездное училище) и среднюю (гимназию). В приходских училищах один учитель обучал детей всем предметам, а также наставлял их «в главных началах Закона Божия, в благонравии, в обязанностях Государю, начальству и ближнему» (ст. 32). Однако утверждалось, что «весьма полезно было, если б приходские священники и церковнослужители сами исправляли должность учителей», которая весьма соответствует «их званию», а для того следовало привлечь к школьному делу Святейший Синод (ст. 33). В перечне предметов уездных училищ порядок преподавания тех, которые относились к основам вероучения, не уточнялся (ст. 34). В отношении гимназий имелось не совсем ясное указание на то, что сверх основных предметов там «будут читаны и переводимы сочинения, служащие к образованию сердца и подаю-

щие чистое понятие о Законе Божием и гражданских обязанностях» (ст. 35) [8, стб. 13–21].

Вслед за Предварительными правилами были принят в 1804 г. новый школьный устав. Он внес определенные уточнения и дополнения в рассматриваемый вопрос. В приходских училищах обучение «главным началам Закона Божия и нравоучения» заключалось в том, что ежедневно в обычные дни один из уроков посвящался попеременно Сокращенному Катихизису или Священной Истории (ст. 128). В воскресные и праздничные дни в училищах проводился только один урок и обязательно по одному из этих двух предметов (ст. 130). Устанавливалось, что приходские училища, если они не расположены на территории крепостных помещичьих вотчин, «вверяются приходскому священнику и одному из почетнейших жителей» (ст. 118) [8, стб. 301–339].

Схожий набор предметов религиозного плана, а именно Закон Божий и Священная История, сохранялся в первом классе уездного училища (ст. 85). Однако там не было занятий в воскресные и праздничные дни (ст. 91), а на дисциплины духовно-нравственного содержания отводилось 4 часа в неделю (ст. 96). Занятия по этим предметам поручались одному из учителей, а именно тому, который вел в училище также грамматику, чистописание, правила слога, латинский и немецкий языки (ст. 86). Тот же учитель во втором классе уездного училища преподавал 3 часа в неделю Пространный Катихизис и Изъяснение Евангелий (ст. 96).

В самом Уставе 1804 года ничего не было сказано об участии собственно священнослужителей в преподавании вероучения и других предметов в приходских училищах. Видимо, за короткое время между выходом Предварительных правил и изданием Устава этот вопрос не успели согласовать со Святейшим Синодом. Итоги этого согласования были подведены в Сенатском указе от 31 января 1805 г. «Об учреждении сельских приходских училищ и о преподавании в оных учения священно- и церковнослужителями» [8, стб. 353–357].

По сути это был первый со времени создания государственной системы учебных заведений при Екатерине II закон не только допускавший, но даже приветствовавший работу священника в общеобразовательной школе в качестве учителя. Своеобразным дополнением к нему можно рассматривать решение Комитета Министров от 15 января 1816 г. «О наградах для благотворителей училищ», где отдельным пунктом рассматривались «пожертвования духовных особ... дабы таковые благонамеренные духовные особы награждены были Высочайше установленными для белого духовенства знаками отличия» [8, стб. 784].

Хотя к открытию сельских приходских училищ призывались представители разных сословий, но практически это дело сдвинулось с места именно усилиями духовенства. Так, к 1812 г. во всей Казанской губернии имелось всего два таких училища, оба они были в 1806–1807 гг. открыты местными священниками и помещались в домах, подаренных ими же. Сами устроители училищ, протопоп с. Ягодного Казанского уезда Иоанн Бельский и священник с. Буртасы Цивильского уезда Николай Михеев, являлись в них смотрителями (заведующими .– *Л.А.*). Учителями в Ягодном работали «дьякон и дьячек того села», которые вели занятия по Закону Божию, Священной Истории, чтению, письму и арифметике [4, л. 26 об.–27].

Все же надежды на широкое распространение начальных сельских школ в царствование Александра I не оправдались. Время их массового учреждения пришлось на следующее царствование [5, с. 109–111].

Правительство и Министерство народного просвещения поддержали частное домашнее обучение детей священниками, предоставив им определенные льготы по сравнению с другими частными учителями. Министерство разослало 13 мая 1814 г. всем

учебным округам и губернским дирекциям училищ «Циркулярное предложение относительно священно- и церковнослужителей, занимающихся приватным обучением чтению и письму». Училищному начальству на местах было предписано не требовать от священников и церковников, если те учат «детей прихожан своих Российскому чтению и письму, также нравоучению и христианскому закону», соблюдения довольно жестких правил, «какие существуют для содержателей пансионов и других домашних сего рода училищ» [10, стб. 239]. Также эти лица духовного звания освобождались от уплаты в казну пятипроцентного сбора с полученных за обучение денег, какой платили содержатели других частных школ. Позднее нормы этого циркуляра подтвердило новое «Циркулярное предложение о дозволении священно- и церковнослужителям обучать детей прихожан своих грамоте и Закону Божию» от 4 июня 1830 г. [10, стб. 734–735].

В учебном плане гимназий предметы духовно-религиозного содержания Уставом 1804 года по-прежнему не предусматривались, несмотря на намерения их ввести, отраженные в Предварительных правилах, о чем уже сказано выше, и в некоторых других законодательных актах. Например, в высочайше утвержденном 21 марта 1805 г. «Плане военного воспитания» говорилось, что воспитанники военных училищ обучаются общеобразовательным предметам в гимназиях, причем «предполагается также, что в гимназиях сии воспитанники наставлены будут и в Законе Божием» [9, стб. 35].

Хотя намерения распространить религиозное образование за рамки начальной школы до поры до времени в общегосударственном масштабе не реализовывались, но они реально воплощались в решениях по некоторым учебным заведениям, обладавшим особым статусом по сравнению с обычными губернскими гимназиями. Так, 12 марта 1804 г. был высочайше утвержден план устройства Московского коммерческого училища. Несмотря на то что сюда принимались дети, уже обладавшие начальной подготовкой и не моложе 10 лет, во всех четырех классах обучения, соответствующих уровню среднего образования, предусматривались предметы религиозно-нравственного содержания. В первом классе – «Познание веры», во втором – «Закон веры и краткие правила нравоучения», в третьем – «Изъяснение евангелий и апостола, также должностей человека к Богу, самому себе и ближним», в четвертом – «Закон Божий и всеобщая мораль». Для ведения перечисленных занятий полагался по штату особый учитель «Закону Божию и нравоучению», хотя и не уточнялось, будет ли тот духовным или светским лицом [9, стб. 13, 15–16, 21].

Более определенно последний вопрос решало Постановление о Царскосельском лицее от 12 августа 1810 г. Как и в предыдущем случае, возраст (от 10 до 12 лет) и уровень подготовки принимавшихся сюда воспитанников выходили за рамки начальной школы. Тем не менее среди предметов первых трех лет обучения были определены «Первоначальные основания Закона Божия», предусматривавшие изучение Пространного Катихизиса и Библейской Истории. Эти занятия должен был вести особый преподаватель, обязательно «из священнослужителей» [8, стб. 557–558, 560, 564, 570].

В 1810-е гг. тенденция к возрастанию роли и расширению сферы религиозного обучения усилилась. В 1811 г. обер-прокурор Синода А.Н. Голицын и митрополит Амвросий во время личной встречи подняли вопрос «о том, что по сие время не вошло в употребление в училищных местах Военного и Гражданского ведомства экзаменовать воспитанников в Законе Божием». Результатом стало высочайшее повеление, объявленное в Указе Святейшего Синода от 16 ноября 1811 г. Теперь устанавливалось «при ежегодных публичных испытаниях всегда начинать экзамен с сего предмета, яко заключающего в себе главную и существенную цель образования», а на экзамен приглашать «почетное духовенство, а где существует архиерейская кафедра, то и архиереев». Присутствующие на экзамене духовные лица должны были оцени-

вать не только знания учеников, но и работу преподавателя, вносить в нее необходимые исправления и «на будущее время делать им подробные наставления» [8, стб. 689–690].

Данное повеление оказало гораздо более сильное влияние, нежели предусматривал сам Указ об экзамене. Здесь содержалось принципиальное указание, «чтобы отныне навсегда постановлено было коренным и неизменяемым правилом во всех учебных заведениях... обучать Закону Божию», которое однозначно открывало для этого предмета двери гимназий. Не случайно, что о данном повелении руководство учебных округов и губернские дирекции училищ были оповещены еще до издания указа Святейшего Синода, поскольку обер-прокурор А.Н. Голицын поставил в известность об этом министра просвещения А.К. Разумовского еще в сентябре 1811 г. [3, л. 1].

В целом гимназическое начальство приветствовало нововведения. Так, на предписания, содержавшие текст вышеупомянутого повеления, последовали отзывы от директоров Пензенской и Нижегородской гимназий «одинакого содержания, состоящие в том, что как в гимназиях не положено обучению закону Божию, а назначено обучать оному в уездных училищах, и ученики, поступающие из оных в гимназии, хотя и получают начальные познания христианского закона, но или не будучи утверждены в правилах оного надлежащим образом, или по малолетству забывают оные, по их замечанию, пробыв в гимназии два или три года: по сему самому почитают они не только полезным, но и нужным, чтобы ученики гимназий утверждаемы были между прочими науками и в сем важном предмете» [10, стб. 209–210].

Это предложение поддержал Училищный комитет Казанского университета и попечитель Казанского учебного округа. В этот округ тогда входили губернии Поволжья, Урала, Сибири, Кавказа [8, стб. 22, 982–983, 1600]. Попечитель предложил отвести в гимназиях на наставление «в Законе Божием» от 4 до 6 часов в неделю и возложить данную учебную нагрузку на наставников, которые уже работали законоучителями уездных училищ в губернских городах. За дополнительный труд им назначалось по 100 руб. в год из средств Приказов общественного призрения – органов, которые ведали в губернии делами народного образования, здравоохранения, социальной защиты [11, с. 292], поскольку денег «в штате гимназий на сие ничего не положено» [10, стб. 211]. С данным предложением 27 января 1812 г. согласился и министр народного просвещения.

Расширение толкования высочайшего повеления на этом не закончилось. В марте 1812 г. гимназии тех городов, где они уже были созданы по Уставу 1804 года, и главные народные училища там, где они продолжали действовать в рамках Устава 1786 года, получили указания от училищных комитетов своих округов и университетов с принципиальным добавлением к этому повелению «относительно того, чтобы для преподавания Закона Божия юношеству, учащемуся как в гимназиях, так и в уездных училищах, директоры училищ приглашали достойных наставников из духовных лиц по одобрению духовного начальства». Впервые преподаватели из священников должны были появиться в российской общеобразовательной школе на более высоких уровнях, нежели приходское училище. О новизне этого говорит, например, директор Симбирской гимназии, сообщая о том, что «в Симбирске при училищах до сего времени из духовных особ для преподавания Закона Божия никого не имелось», однако «с сего времени непременное исполнение учинено быть имеет» [2, л. 11, 13].

21 октября 1814 г. было отдано распоряжение «О том, чтобы на аттестатах, выдаваемых ученикам гимназий и уездных училищ, законоучители подписывались выше других учителей». Распоряжение разъясняло, что оспаривать их «первенство и неприлично, и служит худым примером воспитанникам», и предупреждало, «дабы впредь никто не осмелился не оказывать духовному сану должного уважения» в учебных

заведениях [10, стб. 258]. 2 декабря 1816 г. последовала высочайшая резолюция на доклад «О дозволении Министерству просвещения представлять к наградам духовных, состоящих в звании законоучителей» в учебных заведениях [8, стб. 823].

Внимание властей к духовному образованию еще более было подчеркнуто Манифестом от 24 октября 1817 г., которым, «дабы Христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения», учреждалось объединенное Министерство духовных дел и народного просвещения во главе с обер-прокурором Священного Синода князем А.Н. Голицыным [8, стб. 971].

Активность нового министерства в деле религиозного обучения иногда отличалась торопливостью, приводившей к запутанным ситуациям. Так, министерское «Циркулярное предложение о введении по всем училищам чтения Нового Завета» от 7 февраля 1819 г. [10, стб. 346] появилось, когда занятия в гимназиях по Закону Божьему еще не были закреплены до конца ни законодательно, ни организационно, ни методически, ни финансово. 24 апреля последовало определение Главного правления училищ, поясняющее, что эти чтения проводятся сверх уроков Закона Божьего до начала классных занятий в воскресные и праздничные дни [10, стб. 378–381]. Вопреки этому пояснению, 5 июня новое «Циркулярное предложение о предметах преподавания в гимназиях, уездных и приходских училищах» объявило занятия с книгой под названием «Чтения из Евангелистов», выпущенной в качестве учебника массовым тиражом, обязательными для внесения в расписание всех училищ и гимназий [10, стб. 385–389].

В гимназиях восприняли введение нового обязательного предмета как окончательное разъяснение, каким образом и на каком основании должны проводиться уроки Закона Божьего. Однако очередное «Циркулярное предложение по предмету преподавания Закона Божия в гимназиях» от 13 августа 1819 г. строго указало, что часы на чтение Священного Писания отводятся отдельно, тем самым еще более затемнив организационно-методическую и финансовую сторону вопроса [10, стб. 395–396].

В этом августовском циркуляре отдавались следующие распоряжения:

– назначить «особенные часы» для Закона Божия в расписании;

– сделать его преподавание в средних учебных заведениях «несколько пространнее», чем в начальных, чтобы оно соответствовало «самой степени помянутых заведений», возрасту учащихся и уже «приобретенным ими знаниям»;

– разрешить привлечь к этим занятиям лиц духовного звания по согласованию с епархиальным начальством, «а жалованье производить им из остаточных или экономических училищных сумм» [1, л. 1 и об.].

Во исполнение министерского распоряжения попечитель Казанского учебного округа М. Магницкий довел эти предложения до сведения Совета Казанского университета. Он также потребовал отчета «об исполнении сего предписания как вообще, так и по каждой гимназии отдельно» [1, л. 3 об.].

Директор Казанского университета А.П. Владимирский в представлении попечителю учебного округа 4 декабря 1821 г. указывал, что когда распоряжением министра народного просвещения в 1812 г. «преподавание Закона Божия в губернских гимназиях получило начало свое», то методическая основа занятий, которые проводились вне норм Устава 1804 года, не была точно определена. В результате Пространный Катихизис, предназначенный Уставом для уездных училищ, попал «в губернские гимназии, и преемственно обращается доныне, как повторение того, что было преподано в уездных училищах» [1, л. 8, 9].

Среди основных затруднений Владимирский отметил то, что в полученных указаниях «нет ничего положительного, в чем должно состоять существо вероучения в гимназиях». Он же обратил внимание на то, что законоучители не получают достой-

ного вознаграждения за труд, процитировав Евангелие (Лука. X. 7): «Между тем и то истинно делатель достоин мзды своея» [1, л. 9 и об.].

Сам Владимирский полагал, что вопросы методического плана не играют главной роли при усвоении основ вероучения. На предложения дирекций училищ из различных губерний о введении в качестве учебника для гимназий «Богословия» митрополита Платона он ответил словами самого этого святителя из его «Наставления» о преподавании в семинарии: «Разные системы Богословские, ныне в школах преподаваемые, признаются быть ненужными: ибо пахнут школою и мудрованием человеческим. А богословие Христово, по Павлову учению, состоит не в препретельных словах и не мудрости человеческой, но в явлении духа и силы» [1, л. 10].

Директор Казанского университета в итоге отдал предпочтение в качестве учебника проверенному за 38 лет употребления в школах Пространному Катихизису [1, л. 29 об.]. В этом с ним был согласен бывший директор училищ Иркутской губернии, который «не находил никакой надобности расширять и увеличивать способы, прежде начальством введенные к наставлению в Законе Божием». Он приписывал «Пространному Катихизису самому по себе полноту христианского учения для юношества» [1, л. 8 об.].

Гораздо важнее, считал Владимирский и многие его коллеги, было привлечь к преподаванию Закона Божия в гимназиях самых достойных учителей из духовенства. В представлении попечителю учебного округа он просил «позволения оценить и труд, и достоинства наставников в Законе Божием, имеющих принять на себя образ, верным не одним уже словом, но и ... жизнию назидательною, или, так сказать, водительной». «Образованность ученая», особенно если при этом будет «нравственность отрицательная», не должна составлять «полноту характеристики законоучителя», а потому «потребны будут духовные люди по званию и по превосходству». Здесь директор университета вновь процитировал слова Евангелия о делателях, достойных «мзды своея» [1, л. 30 и об.].

Увеличение содержания законоучителей важно не само по себе, доказывал Владимирский, а необходимо для более тесной связи их с учебными заведениями, где они должны стать священниками и духовниками, отправляя как молитвословия в здании гимназии, так и служа литургии для учеников в ближайшей церкви. Одновременно они должны иметь для занятий в классах не менее 12 часов в неделю. Уроки духовного воспитания священник должен был, по мнению директора университета, продолжать и во внеурочное время, например, посещая «с избраннейшими учениками места общественного призрения, недужных и увечных, места заключения, частную нищету, беспомощных больных – принося всюду христианское утешение в слове и деле». Исходя из всего этого, следовал вывод, что «законоучители гимназии и уездного училища по возлагаемым на них обязанностям должны быть свободны от занятий приходского священника». Однако тогда становилось невозможным «содержать себя Законоучителем на одном жалованье от заведений», которое составляет в Гимназиях 100 рублей, а в уездных училищах – от 75 до 100 рублей в год. Несоответствие установленного законоучителям жалованья с реальными их нуждами объяснялось тем, что по букве ст. 128 Устава 1804 года «преподавать наставление в Законе Божием» поручалось «обычным учителям». Следовательно, «сие крайне недостаточное жалование полагалось прибавлением к главному жалованью» учителя уездного училища. «Равным образом и в гимназиях, – отмечал Владимирский, – предоставление законоучителям скудного содержания зависит от того же, что занимают должность сию духовные лица, имеющие положительное содержание от приходов или мест духовного ведомства». До тех пор пока такое положение не изменится, «вероучение в средних и низших заведениях» по-прежнему будет считаться «предметом побочным и

легким», хотя «он должен быть сам по себе и по видам правительства главным и труднейшим» [1, л. 31 об.].

В июле 1822 г. попечитель Казанского округа на основании вышеизложенного представления директора университета, где были учтены также мнения Совета университета и губернских дирекций училищ, вышел с ходатайством «о приумножении жалованья законоучителям и об уравнении их в том с учителями других высших предметов». А.Н. Голицын в августе 1822 г. обещал рассмотреть данное ходатайство, однако не в рамках одного учебного округа, а по всему своему ведомству, при этом потребовав, независимо от решения данного вопроса, определить преподавателей Закона Божьего в те учебные заведения, в которых их еще не было[1, л. 81 и об.].

Вопрос о переходе священников-законоучителей на постоянную работу в гимназии и уездные училища, а также, соответственно, об уравнивании их в окладе жалованья со штатными учителями других предметов так и не был решен А.Н. Голицыным положительно. Одной из причин стала отставка его с поста министра в 1824 г., что также привело к разделению его ведомства, из которого вновь было выделено самостоятельное Министерство народного просвещения.

Практическая работа по духовному воспитанию и религиозному образованию в гимназиях и других училищах велась в рамках прежних уставов, штатов и окладов. О реальной ситуации на местах свидетельствовало донесение из Симбирской гимназии от 20 сентября 1819 г. В нем сообщалось, что изучение Закона Божьего, предписанное августовским циркуляром 1819 г., «в гимназии имеет быть введено немедленно». Было решено, что «по средам и субботам 11 и 12 часы по утру назначены будут на преподавание Закона Божия совокупно всем ученикам гимназии, а по вторникам и четвергам 5 и 6 часов пополудни, как и ныне сие производится, на чтение из Священного Писания и из Евангелистов». Законоучитель гимназии священник Архангельский избрал в качестве учебного пособия «Скрижали Завета, изъясняющие существенную силу всего Священного Писания», а сверх того руководствовался упоминавшимся «Богословием» Платона. Поскольку «законоучителю гимназии в прохождении своей должности прибавлены против прежнего часы», то прозвучала, как и в других сообщениях с мест, просьба «о производстве ему жалованья по триста рублей в год». Эта просьба симбирской дирекцией была переадресована Совету Казанского университета, а от него – попечителю учебного округа за неимением средств в гимназии, где такие расходы не были предусмотрены [1, л. 65 и об.].

Следует указать, что изучение основ православного вероучения, равно как и обязанности соблюдать православные обряды, распространялось только на православных учеников. В предложениях по улучшению деятельности Главного правления училищ, высказанных новым министром народного просвещения А.С. Шишковым, который занял этот пост в 1824 г., было оговорено: «Греко-Католик, Римско-Католик и Лютеранин должны быть воспитаны, первый – в твердом и незыблемом православии, а второй и третий – во всей точности положительного исповедания своей веры» [10, стб. 535].

Это относилось не только к христианам. В «Высочайше утвержденном Положении для евреев» 1805 года в разделе «О просвещении» было установлено, что, во-первых, «все дети евреев могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, во всех российских народных училищах, гимназиях и университетах», а во-вторых, «никто из детей еврейских, быв в училище во время его воспитания, не должен быть ни под каким видом отвлекаем от своей религии, ни принуждаем учиться тому, что ей противно и даже несогласно с нею быть может» [10, стб. 28].

Следует обратить внимание на то, что инициатива в области расширения предметов духовного образования и типов общеобразовательных школ, им охваченных,

в начале XIX в., как и во времена Екатерины II, исходила прежде всего от светских властей и светских деятелей просвещения. Церковь и ее служители, в свою очередь, откликались на запросы общества и государства в деле школьного строительства. Конкретные формы, в которые выливалось религиозное образование, определялись тем социальным и политическим уровнем развития, на котором находилось тогда русское общество.

В целом же в царствование Александра I произошли серьезные изменения в преподавании предметов духовно-религиозного содержания в общеобразовательной школе России, важнейшие из которых заключались в следующем:

1) введение данных предметов в курс средних общеобразовательных и специальных школ: гимназий, лицеев, коммерческих училищ и т. п.;

2) привлечение священников в школы всех уровней в качестве законоучителей, а в элементарную (приходскую) школу – также для заведования и ведения общеобразовательных предметов.

Вышеперечисленные меры стимулировали привлечение священников в учебные заведения в качестве законоучителей, повышению их авторитета и значимости их предмета в учебных заведениях. Происшедшие перемены содействовали сближению усилий государства и церкви в школьном деле. Однако они же поставили перед правительством, ведомством народного просвещения и церковным начальством серьезные проблемы, которые не удалось решить сразу в силу объективных и субъективных причин. Дело дальнейшего развития духовного образования в светской школе досталось по наследству деятелям следующего царствования, но эта тема требует специального исследования.

Библиографический список

1. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 965.
2. НАРТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 4а.
3. НАРТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 41.
4. НАРТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 70.
5. Артамонова Л.М. Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2.
6. Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917. Т. 1.
7. Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912.
8. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. I. 1802–1825.
9. Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1867. Т. I. 1803–1864.
10. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. I. 1802–1834.
11. Смирнов Ю.Н. Органы власти и местного самоуправления в Самаре с XVIII столетия до получения ею статуса губернского города в середине XIX века // Самара: от прошлого к настоящему: сб. статей. Самара, 2007.
12. Толстой Д.А. Городские училища в царствование Екатерины II // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. XLI. № 2.
13. Устав народным училищам Российской империи, уложенный в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1786.

L.M. Artamonova*

GOD'S LAW IN SCHOOLS OF RUSSIA AND VOLGA REGION DURING ALEXANDER I

The extension of participation of clergymen in school education, measures for extension and providing teaching of subjects of religious matter in schools at the beginning of the XIX century are analyzed in the article.

Key words: Russia in the first quarter of the XIX century, history of culture, popular schooling, Kazan educational district, Russian Orthodox Church, religious training of school children.

* *Artamonova Lyudmila Mihailovna* (artamonovoi@mail.ru)**.** the Dept. of Native History, Samara State Academy of Culture and Arts, Samara, 443010, Russian Federation.

УДК 947.07

Ю.Н. Смирнов*

МАТЕРИАЛЫ О САМАРСКОМ КРЕСТЬЯНСТВЕ ДОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ В РУССКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ИХ АВТОРЫ**

В статье рассматриваются историко-культурные, статистические и этнографические материалы о сельском населении Самарского Поволжья, полученные в середине XIX в. в Русском Географическом обществе, социальный и профессиональный состав их авторов.

Ключевые слова: Россия в XVIII–XIX вв., история Поволжья, локальная история, источниковедение, провинциальная культура.

Труды по Самарскому Поволжью и его сельскому населению, созданные в середине XIX в., оставались долгое время не включенными в историографическую и источниковедческую базу локальной истории. Столетний промежуток от 40–70-х годов XVIII в., отмеченныq известными трудами П.И. Рычкова и описаниями путешествий П.С. Палласа, И.И. Лепехина и других участников академических экспедиций до появления во второй половине XIX в. довольно многочисленных фольклорно-этнографических изысканий и работ по региональной истории, географии и культуре, заполнялся позднейшими исследователями в основном сведениями из архивных дел или справочно-статистических обзоров. К ним добавлялось ограниченное число выписок из дневников, писем и воспоминаний, какое-то время живших или просто побывавших тогда в Самаре и ее ближней округе [1]. В начале XXI в. этот круг источников был расширен при подготовке обобщающих и специальных трудов, например публикациями в новом содержательном сборнике материалов по истории края [2]. Тем не менее труды людей, изучавших Самарский край с конца 18-го столетия до начала 1860-х гг., почти не упоминались в обобщающих работах и учебных пособиях по местному краеведению [4]. Ситуацию частично исправил выход антологии, в которой были переизданы некоторые публикации по истории края, вышедшие в 1840–1850-е гг. [5]

Среди путей поиска не введенных в научный оборот этнографических и историко-культурных материалов стало обращение к деятельности одного из самых влиятельных и эффективно действовавших научных обществ страны – Русского Географического общества (РГО), основанного в 1845 г. Постепенное включение жителей края в деятельность РГО началось еще до образования Самарской губернии в 1851 г., то есть до появления здесь средств активизации интеллектуальной жизни, присущих административному центру высокого ранга: газет, типографий, губернского статистического комитета и др. При этом корреспонденты РГО не были ограничены неболь-

* © Смирнов Ю.Н., 2013

Смирнов Юрий Николаевич (smirnov195503@yandex.ru), кафедра документоведения Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

шим объемом газетной публикации и заданностью тематики официальной статистики. Характер материалов, представленных в РГО, более соответствовал общественным и личным интересам, нежели заметки в прессе или справки для администрации. Деятельность научного общества часто опережала и обеспечивала провинциальные газеты готовыми краеведческими материалами. В измененном и сокращенном виде некоторые материалы, представленные в РГО, были затем опубликованы в «Губернских ведомостях» Симбирска [6] и Самары [7].

Издания самого РГО не могли растиражировать весь поток поступавшей информации. Из полученного в 1840–1850-е гг. и относящегося к интересующему нас региону в них не было напечатано почти ничего. Введение этих материалов в научный оборот стало делом позднейших исследователей при написании обобщающих трудов по истории Самарского края [10] и отдельных его территорий [8], освоения Поволжья [9] и управления этим регионом [3]. Осуществлялось и издание отдельных корреспонденций в РГО [11], но число таких публикаций остается небольшим, что требует изысканий непосредственно в Научном архиве Русского Географического общества (НА РГО). В данной статье представлен анализ обнаруженных этнографических, статистических и исторических материалов, относящихся к сельскому населению Самарского края.

Присланные с мест «Рукописи трудов членов РГО и отдельные документы» скомпонованы в научном архиве по разрядам, соответствующим административным единицам, хотя деление это условно, поскольку рукописи могли содержать сведения по разным губерниям, причем состав последних претерпевал изменения. Материалы по Самарскому Поволжью и Заволжью имеются в разрядах (так называются многие фонды НА РГО) № 26 «Оренбургская губерния», № 34 «Самарская губерния», № 36 «Саратовская губерния», №37 «Симбирская губерния», № 48А «Россия» (далее указания на эти фонды и дела даются в тексте в круглых скобках). Ориентировке в делах разрядов «Рукописей трудов членов РГО» помогает наличие опубликованной описи [12].

Некоторые из поступивших в РГО рукописей схожи с официальными или полуофициальными отчетами, документами, которые можно найти в государственных архивах и статистических изданиях. Нередко встречающееся оформление их в виде сборников облегчает сопоставление и сравнение их данных. Так, в «Сборнике описаний Оренбургской губернии» (Р. №26. Д. 19) сведены 4 статистических обзора первой трети XIX в., в том числе по заволжским Бугульминскому, Бугурусланскому и Бузулукскому уездам, разных составителей (П. Чичагов, А. Тимофеев, Оренбургская казенная палата, канцелярия военного губернатора). В отдельном деле находится еще одно «Краткое описание Оренбургской губернии, составленное в 1817 году» (Р. № 2 6. Д. 15).

Среди присланных рукописей есть копии распоряжений правительственных органов, выбранные в силу значимости поднятых проблем для населения Заволжья в целом. Таковы докладные записки об отдаче в аренду «казенных пустопорожих земель» (1842 г.), рисующие картину распахивания степей на юге Самарского Заволжья под посевы хлеба (Р. № 36. Д. 1–2). Вообще тема быстрого превращения края в житницу России и влияния этого процесса не только на экономику, но и на быт, нравы разных народов и сословий проходит красной нитью практически через все связанные с рассматриваемым временем материалы, в том числе этнографического характера.

Ряд рукописей был получен от должностных лиц, уже ушедших со своих постов в Заволжье, но продолжавших заниматься изучением этого края и стремившихся поделиться знаниями и опытом. Бывший губернатор А.М. Фадеев представил в РГО «Очерки статистического описания Саратовской губернии», в том числе ее заволжс-

кой части, впоследствии переданной в Самарскую губернию, пополнив данные официальных отчетов собственными замечаниями и наблюдениями (Р. № 36. Д. 9). Кроме современных сведений, здесь приведено немало исторических. Ряд рукописей, полученных РГО из Саратова, принадлежат уже упоминавшемуся А.Ф. Леопольдову (Р. № 36. Д. 10; Р. № 48А. Д. 41).

В том же архиве в личном фонде П.И. Кеппена (НА РГО. Ф. 2) хранятся неопубликованные материалы для этнографической карты России. Есть здесь сведения и по Самарской, а также по соседним губерниям (численность и размещение жителей разных национальностей), полученные из местных учреждений и других источников. Среди лиц, представивших эти материалы, вновь встречается имя А.Ф. Леопольдова.

Нижегородский (а прежде саратовский) епископ Иаков прислал «Статистический очерк Саратовской епархии 1845 года, извлеченный из актов, хранящихся при делах Саратовской консистории» (Р. № 36. Д. 23). От последнего были получены в 1846–1847 гг. еще два сочинения историко-полемического характера: «Записки о разных сектах» и «Записка о расколе беглопоповской секты по Саратовской епархии» (Р. № 36. Д. 42, 48), которые дополняют круг работ церковного деятеля об особой этноконфессиональной группе заволжских старообрядцев и их иргизском центре, введенных в научный оборот [13].

Еще более интересны работы, выполненные по просьбе и инициативе самого РГО, где преобладают сведения, как правило, не входившие в официальные отчеты и документы государственных учреждений. В материалах архива есть рукописи профессора Симбирской семинарии Д.Н. Орлова «История села Усолья, Сызранского уезда» и «Простонародные свадебные обряды и песни села У. Сызранского уезда», написанная в 1850-е гг. (Р. № 37. Д. 39,6). Речь в них идет не только о правобережном Усолье, но и о селениях на противоположном берегу Волги.

Отдельным селениям в Заволжье посвящены «Ответы на вопросы по разным частям сельского хозяйства», присланные в 1852 г. из сел Съезжего и Максимовки Бузулукского уезда, ныне Богатовского района Самарской области (Р. № 34. Д. 3,25). В предложенном из РГО вопроснике наряду с хозяйственными поднимались проблемы состояния нравственности, образования, «домоустройства», которые по мере сил были освещены корреспондентами, священниками Михаилом Спиридоновым и Федором Соколовым. Правда, некоторые этнографические и фольклорные запросы РГО вызвали у сельского духовенства неприятие и даже раздражение. Так, по поводу предложения сообщить «местные замечания и поверья относительно возделывания растений» максимовский священник ограничился заявлением, что «все эти замечания пред Всемогуществом Божиим ничто», а съезжинский с удовлетворением за своих прихожан заметил: «Но сии и подобные сим поверья отнюдь не укореняются в характере крестьян и не доходят до суеверий и предрассудков...» Правда, позднее, в конце 1850-х гг., М. Спиридонов, который перешел на службу в с. Козловку Бугурусланского уезда, написал в РГО большую статью «Нечто о русской народности в этнографическом отношении по Самарской губернии», уделив теперь внимание выяснению мест выхода переселенцев в Заволжье, их костюму, жилищу, говору, а также обычаям, поверьям и фольклору (Р. № 34. Д. 16).

Более подробно и охотно в 1852 г. священники описывали хозяйственную деятельность крестьян, основу которой здесь составляло земледелие. Основными культурами являлись рожь, овес, ячмень, пшеница, горох, просо, полба. Производство зерна было почти единственным источником доходов местных жителей. В Максимовке на душу м.п. приходилось у государственных крестьян 15 десятин «пахотной, сенокосной и подлесной земли», а у удельных крестьян того же села – по 7 десятин. В этом селе передел осуществлялся после каждой ревизии по числу установленных душ мужского пола «однажды навсегда» до следующей ревизии. К середине XIX в.

прочно утвердилось трехполье: «Земли у крестьян под посев хлебов разделяются на три поля; одно поле определяется для озимых хлебов, другое для яровых, третье оставляется под пар, который служит пастбищем для скота, особой же земли под пастбище не оставляется, если же оставляется, то в малом количестве только для прогона скота».

Пастьба скота по пару частично заменяла удобрение полей навозом, поскольку «крестьяне свою землю не удобряют, собственно потому что каждый старается посеять хлеба в большем количестве, а при большом посеве невозможно... удобрять почву». Борьба с сорняками, вредителями и болезнями растений не велась вовсе: «Ухода за растениями во время их роста никакого не производится. Дикорастущие травы произрастают в хлебах, именно пырей и острец в сухие года, молочай в дождливые года. Пшеница и овес страдают от головни в дождливые года. Мер к устранению этих болезней никаких не принимается... Временем появляются насекомые, как то черви и кобылки, которые совсем истребляют не только хлеба, но даже и травы, особенно в сухие года; пропадают насекомые после сильных холодных дождей; мер к истреблению их еще до сих пор никаких не предпринималось».

Среди орудий труда были известны русская соха, «которая состоит из 2-х сошников и полицы, которая отваливает землю в одну сторону», одно- и двуконный плуг («он состоит из лемеха, отреза и подмоги или винта, которым уравнивается лемех для правильного хода»), деревянные бороны с дубовыми зубьями или железными костылями «для сокрытия семян в землю». Иногда применялся каток. Для жатвы ржи использовались серпы. Косы с приделанными к ним 3–4 зубьями, называемыми «граблями», употреблялись для уборки гороха, гречихи, овса и чечевицы. Вообще же выбор серпа или косы осуществлялся, «смотря по высоте хлеба», а также от того, как скоро надо осуществить уборку. Жители исходили из следующего расчета: «Косою скорее убирается хлеб, но более тратится хлеба, поэтому выгоднее хлеб убирать серпом; один посредственный жнец сможет сжать десятину озимого хлеба в 10 и 11 дней, а хороший в 8 и 9, или 10 и 11 женщин могут сжать десятину в один день, а скосить десятину в один день могут два человека, две вязальщицы и один гребец». Из двух способов молотьбы, цепами и лошадьми, преобладал в данном районе второй способ. В заволжских степях особенно ценной товарной культурой была пшеница, она занимала в посеве особенно важную долю. А крестьяне считали пшеницу «хлебом крепким» при обмолоте, с трудом поддающимся ручной молотьбе.

Огородничество не носило товарного характера. Огородные культуры выращивались «только для домашних нужд, а не для продажи», и вообще, по мнению священника из Максимовки, «на эту отрасль хозяйства еще не обращено надлежащего внимания». Он же добавлял, что «садов в описываемой местности совсем нет». Животноводство здесь имело подсобное значение. Разводили домашний скот – лошадей, коров и овец. Лошадей использовали для полевых работ, коров держали ради молока, овец – на мясо, сало и шерсть. Выделка овчин долгое время местным населением не практиковалась. Но к середине XIX в. дубление овчин получило распространение. Правда, занимались этим в здешних селениях в основном пришлые из других губерний мастера. У русского и мордовского населения был «рогатой скот преимущественно... простой мелкой породы», а «на улучшение лошадей не обращено никакого внимания; лошади у крестьян обыкновенные – русской мелкой породы». Уже к середине XIX в. ощущался недостаток лугов и пастбищ, что сдерживало развитие животноводства в крестьянском хозяйстве: «Естественные луга в описываемой местности находятся прибрежные и притом поемные, степные, лесные, тех и других по количеству душ весьма мало... После уборки сена выгоняют в луга пасти скот. Этот обычай имеет вредные последствия для урожая травы на будущее время; впрочем это делается не из какой-нибудь прихоти, а собственно по малоземелию».

Охота и рыболовство не играли заметной роли в хозяйстве. Вот как описывал отношение своих прихожан к этим занятиям священник церкви в Максимовке: «Реки Самара, Съезжая и Ветлянка... озера проточные и стоячие, в которых водится рыба низшего разряда, как то: караси, щуки, лини, окуни, сорошки, только рыба эта не составляет особого промысла людей; есть, правда, и охотники, которые занимаются рыболовлею, но в малом количестве для себя и для продажи другим... Местность эта, как обильная реками и озерами, то ее летом посещают дикие утки, гуси, лебеди и другие птицы, но в малом количестве и остаются в покое». Относительно лесных обитателей отец Федор Соколов выразился тоже достаточно ясно, что «они не беспокоят жителей, а их не беспокоят жители. Только на случай нападения хищников на домашний скот крестьяне и держат небольшое количество ружей и копья, а «звериная охота особого промысла людей не составляет».

Более краткие сельскохозяйственные сведения и только о посеве хлеба были получены в 1852 г. от Модеста Раковского из с. Нового Семейкина близ Самары (Р. № 34. Д. 4). Две бытовые и этнографические заметки прислал священник села Пестравки Николаевского уезда (ныне – райцентр Самарской области) Николай Попов «Побывка русского солдата на родину и встреча ему от родных» и «Следствие суеверия (случай в селе М. Николаевского уезда)» (Р. № 34. Д. 1,17). Точно датирована вторая из этих заметок – 1857 г., а первая написана, видимо, также в 50-х гг. XIX в.

Из Николаевского же уезда были получены две рукописи от священника с. Рахмановки (Липовки) Марка Островидова (Р. № 34. Д. 20, 21). Одна написана в 1853 г. и называется «Об исследовании домашних лекарственных снадобий и других способов лечения, находящихся между простолюдинами». Вторая является записью, а точнее, прозаическим пересказом «Песни молодой жены».

Активно откликнулось на запросы РГО удельное ведомство, заведовавшее обширными владениями императорской фамилии. По материалам, представленным из селений Самарского и Ставропольского уездов, чиновник этого ведомства А. Каминский составил в 1854 г. «Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарской удельного имения» (Р. № 34. Д. 22). Этнографический интерес у него стал ведущим. Очерк делится на части, посвященные русскому, мордовскому, чувашскому, татарскому населению. Довольно подробно описаны жилище, одежда, утварь, празднества и другие приметы народного быта. Приведены образцы фольклора, в том числе записи на языках Поволжья с русским переводом, чертежи фасадов крестьянских домов и план размещения хозяйственных построек. Хозяйственные вопросы в этом очерке отодвинуты на второй план, но внимательно подчеркнуты перемены в образе всей жизни, связанные с переходом к товарному производству хлеба. Переломным стал, согласно сведениям Каминского, 1833 год, когда одновременно с большим урожаем поднялись цены на рожь и пшеницу, которые «обольстили крестьян». Те, кто позажиточнее, «удвоили у себя для пшеницы запашку; не жалея денег, нанимали в отдаленных местах на значительные сроки неподнятые земли, распахивали их наймом с большими для себя расходами». При этом «быт народа совсем изменился и, по-видимому, улучшился».

Однако старые патриархальные представления не сразу покидали сознание крестьян. «Остались при них в прежнем виде одни суеверия и предрассудки, – замечает автор и приводит следующий случай: – В достопамятный 1833 год, Ставропольского уезда в селе Новой Бинаратке мордвин Семен Буянов продал ржи на 10 тыс. рублей ассигнациями; на гумне у него осталось на такую же сумму... “Продай хлеб”, – говорили ему торговцы. – “Зачем? – отвечал Буянов, – денег у меня довольно, я лучше буду ходить на гумно и любоваться им!” Вскоре после того Буянов занемог. Почувствовав, что скоро умрет, призвал к себе своих детей и умолял их, чтобы

1000 руб. положены были с ним». Автор записки полагал, что «едва ли исполнена его просьба».

Впрочем, и без этого курьезного случая Каминский наблюдал, что мордва Заволжья любит и усердно занимается хлебопашеством, а их женщины «превосходно пекут ржаной хлеб». Из занятий, которые в целом отличают местную мордву от соседей-хлебопашцев из других национальностей, автор выделяет пристрастие к охоте, для чего «они держат много борзых и дворовых собак, с которыми по первовыпадшему снегу, или пороше, ездят... травить зайцев и волков». Чиновник удельного ведомства не очень доволен таким увлечением своих подопечных, из-за которого теряется «много времени» и крестьяне, «преследуя этих зверей, нередко портят своих лошадей».

Как еще одну особенность этого народа Каминский отмечает: «Мордва знают действия многих полезных и вредных трав». Это знание использовалось и в домашних промыслах (например, «на залогах вырывают они корни травы Марены и ими отлично красят в красный цвет шерстяные и льняные нитки для вышивания своих нарядов»), и в народной медицине, и в ворожбе, которой их «женский пол ... славился», что признавали даже русские соседи. Впрочем, утверждает Каминский, несмотря на приверженность суевериям, удельные крестьяне из мордвы – поголовно православные, высоконравственные и очень набожные люди, не начинающие никакого дела без молитвы: «Молитвы их просты, относятся к одному Вседержителю, всегда с твердым упованием на его милосердие и помощь. Они молятся не об одних самих себе, но о целом мире. Душа их проникнута чистою верою».

Очерк Каминского, рассмотренный выше, дополняется «Этнографическим описанием удельных крестьян Ставропольского уезда» (Р. № 34. Д. 24). Оно меньше по объему и касается только села Аврали с окрестностями.

Схожий по содержанию «Опыт описания экономического быта крестьян села Титовки Самарского уезда» был составлен Н.Е. Симаковым позднее, уже в 1878 г., но содержит этнографические сведения о местном мордовском населении и более раннего времени (Р. № 34. Д. 11). Этот уроженец Самарской губернии был выпускником Академии художеств. По основному месту службы Симаков работал чиновником удельного ведомства, но получил известность, прежде всего как художник-декоратор и педагог, собиратель и пропагандист народного художественного творчества. Даже в самом прославленном его произведении – эскизе Самарского знамени, врученном в 1877 г. болгарским ополченцам и ставшем национальной святыней Болгарии, символом ее освобождения от османского ига, были использованы наряду с иконописными мотивы народного орнамента, блестящим знатоком которого он являлся [14].

На мастерски выполненном цветном рисунке в рукописи Симакова изображены молодые женщины в традиционном мордовском и русском костюмах, причем последний, как пояснял автор, уже вытеснил из обихода старый национальный наряд. В качестве еще одной иллюстрации приложен подробный план мордовской крестьянской усадьбы в Титовке. Симаков считал мордву лучшими знатоками сельского хозяйства, находил у них больше «удобств и приспособлений для помещений скота и других продуктов», а устройство усадьбы полагал очень практичным, благодаря тому, что скот никогда не ходил по ней «чистым двором».

В 1847 г. участниками деятельности Русского Географического общества по сбору фольклорного и этнографического материала стали сами удельные крестьяне Самарского Поволжья. В Государственном архиве Ульяновской области сохранилось дело Сызранской удельной конторы «О собирании сведений для Географического общества». Оно содержит черновой материал, на основании которого чиновниками составлялся окончательный отчет для отсылки в РГО. При обработке этих материалов были получены интересные сведения о бытовавших здесь произведениях устного народного творчества [15].

Фольклорные записи, собранные здешними крестьянами для РГО в 1847 г., являются старейшими из сделанных в Самарском крае. Они предвосхитили будущую работу собирателей и исследователей местного фольклора.

Обширное «Описание Волжского прибрежья Самарской губернии и замечательнейших его местностей» было составлено коллежским секретарем Н.В. Вороновым (Р. № 34. Д. 6). О рукописи упоминал П.В. Алабин, но ошибочно называл ее кратким статистическим описанием Самарской губернии, что неправильно характеризует полноту и географические рамки работы. Труд Воронова, служившего чиновником по особым поручениям при губернаторе К.К. Гроте, выполнен после того, как последний в 1854 г. получил просьбу вице-президента РГО М.Н. Муравьева собрать сведения для предстоящей поездки по Волге великого князя Константина Николаевича, являвшегося президентом этого общества [16].

Подобно другим современникам, автор останавливается на последствиях триумфального шествия по заволжским полям твердой пшеницы «белотурки», называя десятилетие между 1835 и 1845 гг. «настоящей белотурочной лихорадкой». Возможные подозрения в использовании американизма стразу отпадают, так как до «золотой лихорадки» Клондайка, рассказов Джека Лондона и знаменитого фильма Чарли Чаплина оставалось еще более полувека.

Наряду с описанием географии и экономики края в рукопись Воронова включен и «Этнографический обзор». Он охватывает не только оседлые народы, но и кочевников-башкир.

Вороновым четко обозначены тенденции хозяйственного и культурного сближения различных этнических групп, обусловленные в значительной мере не только фактом совместного проживания, но и развитием товарного производства. Для тогдашней местной администрации подобные явления представлялись очевидными: «В отношении свойств этого населения должно сказать, что оно при всем разнообразии своего исторического происхождения уже достаточно слилось между собою, усвоило общие черты в характере. Развитие торговли и хлебопашества, принявшего промышленное (товарное. – *Ю.С.*) направление, более всего благоприятствовало в этих отношениях, возбудив новые потребности и новые понятия... Вследствие того здешний крестьянин является уже потребителем значительного количества фабричных предметов и всякого рода изделий, необходимых для его хозяйственного быта, доставляемых теперь из верховых губерний... При таком направлении быстро изглаживаются те особенности внешней и внутренней жизни народа, которые обыкновенно остаются неизменяемыми в местах, более удаленных от промышленных (товарных. – *Ю.С.*) центров». Подобные процессы приводили к тому, что «общие черты русского населения принадлежат в некоторых отношениях также инородцам», хотя «последние удерживают многие им только свойственные особенности».

В подсчетах численности этнических групп по отдельным территориям Воронов, в частности ,отмечает заметную долю мордвы. Так, в Самарском уезде она составляла вторую по количеству народность (7320 душ мужского и 7955 женского пола), уступая русским (соответственно 68 736 и 75 566 душ), но заметно превосходя чувашей (2964 мужчин и 3206 женщин) и татар (соответственно 2730 и 3049 чел.). Второй по численности этнической группой мордва, по сведениям Воронова, была и среди населения всей Самарской губернии, насчитывая 64 288 душ мужского и 68 977 женского пола.

Однако Воронов полагал, что численность жителей мордовского происхождения была еще выше, но ее сокращали процессы ассимиляции. Он писал, что «мордва исключительно занимается земледелием», что представители этого народа «трудолюбивы, отличаются простотою нрава, вообще высоки ростом и крепко сложены», и «там, где они живут в ближайшем сообщении с русскими, они не чуждаются

родственных отношений с последними и в таких случаях оставляет свою народную одежду и даже свой язык». Воронов приходит к выводу: «Мордва во многих селениях до такой степени обрусели, что совершенно изгладились следы их племенного происхождения, и потому в настоящее время невозможно получить об них верных численных данных. Для примера можно указать на два селения в Самарском уезде, Спиридоновку и Кануевку, в которых ныне состоит до 4 тыс. жителей, происходящих за самым малым исключением из мордвы, но они во всех официальных сведениях признаются за русских по невозможности отделить их число от сих последних. Такое стремление мордвы к восприятию русских нравов разительнее всего обнаруживается тем, что во всех мордовских селениях, даже там, где вовсе нет русских, можно услышать только русские песни. Новое поколение совершенно не знает мордовских песен, которые хранятся теперь только в памяти стариков».

Несвободно описание Воронова от некоторых неточностей, в том числе в отношении размещения мордовского населения по отдельным территориям Заволжья. Его утверждение, что в Самарской губернии мордва проживает «во всех уездах, кроме Николаевскаго и Новоузенского», опровергается другими источниками, включая находящиеся в том же архиве РГО и уже упоминавшиеся материалы П.И. Кеппена, в которых приводятся данные о наличии в вышеназванных южных уездах значительных по численности групп мордовских крестьян, соответственно 10 671 чел. обоего пола в первом из них и 2199 чел. – во втором. Присутствие мордвы среди жителей всех уездов Самарского Заволжья подтверждает и официальный «Список населенных мест» губернии [17].

К числу чиновников, обогативших своими изысканиями об этнографии народов Заволжья собрание рукописей РГО, относится землемер, титулярный советник Владимир Лосиевский. В 1849 г. им были представлены «Чувашские песни, собранные от чуваш Бугурусланского уезда», а в 1850 г. – «Праздник очищения калмык от грехов» (Р. № 34. Д. 23, 18).

Об участии провинциального учительства в работе РГО говорят рукописи преподавателя Самарского уездного училища Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» в РГО в 1854 г. (Р. № 26. Д. 15, 19). В них речь идет в основном о городе, но уделено внимание и сельскохозяйственному освоению его окрестностей, и отрицательному отношению простых горожан и местной интеллигенции к помещичьему произволу в отношении крепостных крестьян. Статья схожего содержания, но более краткая под заголовком «Несколько слов о жителях города Самары» была прислана в РГО в 1855 г. другим учителем Самарского уездного училища Н. Юнгом (Р. № 34. Д. 27). Также учителем, но из Петербурга, К.Г. Евлентьевым была записана в Бузулукском уезде и отослана в 1857 г. в РГО сказка «Похождение Федора Тырина» (Р. № 34. Д. 5).

В архивных фондах Русского Географического общества оказались собраны драгоценные свидетельства прошлого. Они свидетельствуют о наличии в середине XIX в. искреннего стремления соотечественников к познанию страны и ее отдельных территорий, благодаря чему в этих материалах достаточно полно отразились хозяйственные занятия, быт и культура самарского крестьянства.

Библиографический список

1. Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников. Самара, 1991.

2. Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сб. документов и материалов. Самара, 2000.

3. Смирнов Ю.Н. Эволюция государственного управления и административных структур (от временных комиссий 1730-х годов до внутренней губернии империи

середины XIX в.) // «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) Ч. 1. Самара, 2013.

4. Храмков Л.В. Введение в Самарское краеведение. Самара, 2003. С. 32, 164.

5. Классика Самарского краеведения: антология. Самара, 2002.

6. Орлов Д.Н. Простонародные свадебные обряды и песни села Усолья Симбирской губернии // Симбирские губернские ведомости. 1854. № 1. Часть неофиц.

7. Воронов Н.В. Самарский уезд // Самарские губернские ведомости. 1857. № 20–23. Часть неофиц.

8. Край Богатовский (Очерки истории Богатовского района с древности до начала XX века). Самара, 2001.

9. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX в.). Самара, 2007.

10. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. Самара, 2000.

11. Каминский А. Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарского удельного имения, 1854 г. Извлечение. Быт и нравственность татар // Самарская область. Этнос и культура: информационный вестник. 1996. № 3. С. 27–29

12. Зеленин Д.К. Описание рукописей архива императорского Русского Географического общества. Пг., 1916. Вып. 3.

13. Ряжев А.С. Епископ Иаков о поволжских старообрядцах // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 21.

14. Крылов Г.З. Автор Самарского знамени // Году России в Болгарии посвящается: 130-летие окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии. М., 2008. С. 44–48.

15. Артамонова Л.М. Сбор крестьянами правобережных селений Самарского края сведений для Русского Географического общества в 1847 г. // Самарская область. Этнос и культура: информационный вестник. 1996. № 3. С. 33–35.

16. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С. 302–303.

17. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1864. Т. XXXVI. Самарская губерния. С. XXXV, XXXVIII.

Yu.N. Smirnov*

MATERIALS ABOUT PRE-REFORM SAMARA PEASANTRY IN RUSSIAN GEOGRAPHIC SOCIETY AND THEIR AUTHORS

In the article historical and cultural, statistical and ethnographic materials about rural population of the Samara Volga region in the middle of the XIX century which were received in the Russian Geographical society and also social and professional composition of their authors is viewed.

Key words: Russia in the XIX century, history of Volga region. local history, source studies, provincial culture.

* *Smirnov Yuriy Nikolaevich* (smirnov195503@yandex.ru), the Dept. of Scientific Discipline of Documentation, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 94(47).08

Я.М. Цыганова*

РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ ПОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ**

В статье анализируются подходы к изучению российской провинции второй половины XIX в. как особого историко-культурного пространства. Освещены эволюция понятия «провинция» и ход полемики известных мыслителей XIX – начала XX вв. по вопросу о роли провинции в культурной жизни России. На основе анализа работ современных исследователей выявлены стереотипы в восприятии российской провинции и выделены перспективные методологические подходы, позволяющие изучить историко-культурный облик регионов пореформенной России во всем их многообразии.

Ключевые слова: историография, история России, региональная история, провинция, историко-культурное пространство.

Российская провинция – не только географический и административный, но и особый социально-психологический и культурный феномен. Поэтому она является объектом изучения для многих гуманитарных наук (исторических, социологических, психологических, литературоведческих и других). Культурные и исторические особенности жизни российской провинции, «глубинки», находили отражение не только в научных исследованиях, но также в искусстве (в частности, в художественной литературе).

В последние два десятилетия в отечественной науке наблюдается новый всплеск интереса к изучению региональной истории; свидетельством тому может служить, например, появление целого ряда энциклопедических изданий, разносторонне освещающих прошлое и настоящее того или иного региона [1–5]. Этот интерес, как нам представляется, обусловлен многими факторами. Среди них – формирование нового регионального самосознания на постсоветском пространстве и высокая общественная потребность в поиске так называемых «мест памяти», способных консолидировать современный социум.

Изучение конкретно-исторических аспектов жизни российской провинции в современной науке идет параллельно с поиском теоретико-методологического инструментария для решения новых научных задач. Одним из возможных путей и аспектов изучения провинции является ее рассмотрение как особого историко-культурного пространства.

«Историко-культурное пространство» – сравнительно новый термин, ставший в последнее время популярным в гуманитарных науках. Под ним понимают прежде

---

* © Цыганова Я.М., 2013

Цыганова Яна Михайловна (tym90@mail.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

всего пространство осуществления образа жизни общества в истории [6, с. 32]; совокупность социальных институтов, обеспечивающих воспроизводство и функционирование культурных ценностей; в том числе тех институтов, которые выполняют функцию сохранения и трансляции исторической памяти. Формирование духовной культуры того или иного региона невозможно без исторического измерения, без исторической памяти – того образа истории, который выражается в самосознании общества и включает в себя места памяти, традиции, праздники, обряды, ритуалы [7, с. 13–17].

В отечественной историографии российскую провинцию традиционно рассматривают как пространство, наделенное особыми культурными характеристиками. Так, историк М.А. Орешина характеризует провинциальный регион «как уникальный локальный хронотоп, которому свойственны внутренняя самодостаточность, самобытность, подвижность границ, его внемасштабность и одновременно разномасштабность, потенциальная целостность, культурная полифоничность» [8]. Региональное историко-культурное пространство рассматривается ею как «социально выраженное пространство духовно-культурной интеграции, как пространство, имеющее свои генетические корни» [8].

Сам по себе термин «провинция» в русском языке многозначен. Так, например, Г.М. Дробжева в своей работе выделяет два основных его значения: во-первых, единица административно-территориального деления в конкретных государствах в конкретный исторический период; во-вторых, местность, удаленная от столицы, культурных центров [9, с. 386]. В России возникновение понятия «провинция» относится к Петровскому времени, когда этим словом была названа единица административно-территориального деления Российской империи. Упразднение провинций в 1775 году не повлекло за собой исчезновения самого термина, хотя смысл его существенно изменился. Провинцией стали называть территории, находящиеся вне столиц: новой столицы – Петербурга – и Москвы, которая, уступив первенство Петербургу, сохранила свой столичный статус и осталась «древней первопрестольной». Термин «провинция» с конца XVIII в. и до сегодняшнего времени употребляется именно в этом смысле – все территории, находящиеся за пределами официальных границ обеих столиц. Фактически под провинцией в социально-политическом дискурсе XIX–XX вв. понимается почти вся Россия.

Кроме того, как отмечает Л. Зайонц, к середине XIX века термин «*провинция*» употреблялся в общественной мысли для обозначения широкого, но вполне определенного культурного континуума: под провинцией понимался культурный ландшафт, традиционно складывавшийся «из трех взаимодействующих миров – деревни, усадьбы и уездного/губернского города» [10]. В формировании такого образа провинции немаловажную роль сыграла художественная литература. Реформа 1861 г. изменила инфраструктуру провинциальных городов, ставших вскоре очагами социальной и политической нестабильности, мир дворянской усадьбы, которую ждали обнищание и разорение, и патриархальный деревенский уклад. Все эти процессы нашли отражение в резком расширении спектра негативных значений понятия «*провинция*». С тех пор в словосочетании «русская провинция» всегда будут присутствовать «два взаимоисключающих, но тем не менее неразрывно связанных друг с другом смысла – убогого никчемного захолустья и потерянного рая» [10, с. 70–88].

В силу этих причин в пореформенной публицистике началась полемика о культурной роли провинции в российской жизни. Так, уже в 1861 г. А.П. Щапов отмечал, что в российской истории действуют два начала: централизация – «пришедший вновь элемент для внешнего устройства, для обобщения областности», и областность –

«коренное непреходящее, только внутренне видоизменяющееся начало народного историко-географического самораспределения, местно-общинного развития» [11, с. 581]. Щапова не устраивало, что в современной ему исторической науке «на первом плане рисуются действия государственности, развитие единодержавия, централизации»; взамен он предлагал принципиально новый «областнический» подход к изучению и преподаванию русской истории – «истории различных областных масс народа, истории постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации» [12, с. 31–32]. Стремления Щапова нашли поддержку у историка Н.М. Костомарова, а также у идеологов сибирского общественного движения – «областничества» [13, с. 236–252].

Пореформенные годы стали периодом активности органов местного самоуправления (земское движение), проявления культурных особенностей земель, развития исторического самосознания, формирования краеведения. Не случайно именно в этот период развивается публицистическая кампания за право провинции на культурное самоопределение (ее ход подробно описан в работе Л. Зайонц). Эти дискуссии закрепили новый функциональный статус слова «*провинция*»: с этого времени данное понятие выступает уже как носитель специфической внутрикультурной проблематики и закрепляется в лексиконе политиков, идеологов, деятелей литературы и искусства [10, с. 70–88].

В философской публицистике того времени тема провинции и связанного с ней понятия «провинциальность» получает двойственное истолкование. Как обязательный элемент публицистического дискурса выступает противопоставление «отсталой» провинции «прогрессивной» столице. Однако это противопоставление могло трактоваться двояко. С одной стороны, провинция описывалась как захолустье, тормоз на пути прогресса, даже символ дикости. С другой стороны, та же самая провинция могла восприниматься как своеобразное хранилище народной культуры, оплот народного духа, который не столько препятствует дальнейшему развитию, сколько обеспечивает ему собственную национальную специфику.

Первая из этих двух точек зрения нашла отражение в творчестве идеолога пореформенного консерватизма К.Н. Леонтьева. Стоит отметить, что сам Леонтьев не выстраивал в своих работах цельной концепции роли и значения российской провинции. Однако, как полагает Г.М. Дробжева, на основании комплекса его произведений возможно реконструировать так называемую «философию провинции». Дробжева предлагает следующую интерпретацию взглядов Леонтьева: самобытная провинция, по его мнению, занимает более значимое место в культурном пространстве России, нежели центр [9, с. 391]. Леонтьев много писал именно о собственной культуре и некой самости русского народа, который «не подражал дворянам и чиновникам с их иноземными формами, упорно сохраняя свое», и потому «в удалении своем сохранил нам то полносочие, которым мы можем изумить весь мир, если сумеем им воспользоваться» [14, с. 183–184]. Эти элементы народности, по мнению не только Леонтьева, но и других мыслителей, сосредотачивались именно в провинции, а не в столицах, тяготеющих к Западу и его «общему культурному типу». По мнению Дробжевой, эта концепция, построенная вокруг принципа «разнообразия в единстве» [15, с. 302], представляет собой своеобразную социально-политическую программу сопротивления унификации и обезличению мировых культур. Леонтьев считал провинциальное культурное разнообразие показателем высокой стадии общественного развития и полагал, что для сохранения этого разнообразия провинции должны пребывать в состоянии некоторого застоя [9, с. 391–392]: «отсталые» регионы, сохранившие уникаль-

ность народа, могут стать залогом самостоятельного общественно-культурного развития страны.

Иной подход прослеживается в работах знаменитого философа Серебряного века Н.А. Бердяева. Он одним из первых поднял вопрос о культурно-общественном «равноправии» столицы и провинции, так как, по его мнению, полярность «полюсов русской жизни», «незрелость провинции и гнилость государственного центра» губительны для судеб страны. Как полагал Бердяев, Россия совмещает «в себе несколько исторических культурных возрастов, от раннего средневековья до XX века, от самых первоначальных стадий, предшествующих культурному состоянию, до самых вершин мировой культуры», а культурная жизнь и «свободные личные и общественные силы провинции задавлены централизацией и подчинением всей жизни государственному интересу» [16, с. 73]. Бердяев выражал надежды на возможность преодоления в будущем «метафизик» централизма и провинциализма, на уменьшение различий между центром и провинцией, что должно будет вызвать духовно-культурный подъем «огромной, неведомой, народной, провинциальной, «обывательской» России» [16, с. 75]. Бердяев в своих трудах очень остро поставил проблему отсталости российской провинции, видя в этом, в отличие от К.Н. Леонтьева, своеобразную «недоразвитость» и всей огромной страны.

Настоящий методологический прорыв в осмыслении феномена провинции был сделан в 1920-е гг. (так называемое «золотое десятилетие» отечественного краеведения) историком культуры, филологом и литературоведом Н.К. Пиксановым. Для отражения регионального своеобразия России им было введено понятие «культурное гнездо». Сам этот термин напоминает «культурно-исторические типы» Н.Я. Данилевского; если придерживаться данного подхода, «культурные гнезда» можно назвать подтипами одной из культурно-исторических форм, выделенных Данилевским. Областные культурные гнезда, о которых писал Пиксанов, представляют собой историко-культурные локусы с определенной территорией; выделяя эти гнезда, он исходил из того, оказывали ли они влияние на общерусскую культуру и насколько оно было значительным. Такое влияние могло иметь место, например, благодаря известным научным и культурным деятелям, которые выросли в каком-либо провинциальном регионе, «издавна накопившем местные культурные средства» [17, с. 19], а затем переехавшим в столицу. Помимо этого, историк отмечал и возможность обратной связи – влияния деятелей из столицы и других губерний на культурное развитие и обогащение того или иного региона.

Пиксанов приводил доказательства существования нескольких сильных культурных центров в допетровской Руси: новгородско-псковского, тверского, муромо-рязанского и др. По мнению Пиксанова, «допетровские культурные центры опирались не только на политическую независимость; скорее она сама была производной от других сил и условий. Географические особенности, своеобразие в организации народного хозяйства давали более устойчивые основы культурному обособлению», и именно поэтому «они сохранили свою силу и властность и в новое время» [17, с. 30].

К сожалению, «золотое десятилетие» отечественного краеведения оборвалось слишком быстро – на смену 1920-м годам с их относительной творческой свободой пришла долгая эпоха казенного единомыслия. Именно поэтому современная наука вынуждена заново искать методы и подходы к изучению российской провинции. Научный поиск осуществляется усилиями представителей различных гуманитарных дисциплин: «культурологический поворот», совершившийся в исторической науке в конце XX в., актуализировал поиск междисциплинарных связей, использование культурологических методов для реконструкции картины исторического прошлого.

Так, предметом анализа в современных работах может выступать не только понятие «провинция», но и «провинциальность» как особое качество жизненного уклада. По мнению Е.И. Кириченко и Е.Г. Щеболевой, «провинциальность» подразумевает вовсе не удаленность от столицы (значение, свойственное самому понятию «провинция»), а особый уклад жизни, быта, поведения, манеры одеваться, облик зданий, типичный для территорий, находящихся вдали от столицы, – словом, все то, что из столичного далека кажется смешным, старомодным, нелепым, патриархальным. Представление о «провинциальности» регионов зарождалось именно в столицах: Петербург, будучи самым европейским из российских городов, относился свысока, снобистски ко всему не столичному, не петербургскому. Отношение это несколько напоминало взгляд иностранцев на Россию как на не-Европу, «чужое» по отношению к «своему» – европейскому. Причем по петербургским меркам Москва тоже являлась провинцией. Москва же в имперский период, будучи второй столицей, с ее русскими традициями и менталитетом, в отличие от Петербурга, относилась к провинции значительно более терпимо и снисходительно. Таким образом, элементы провинциальности, как считают исследователи, могут быть присущи и столице, равно как некая «столичность» может быть выявлена и в провинции [18, с. 49].

Многие из современных исследований позволяют понять особенности структурирования историко-культурного пространства российской провинции. Центральную роль города в складывании историко-культурного пространства провинции отмечает пензенский историк Н.М. Инюшкин. По его мнению, город творит самосознание провинции; именно города от имени российской провинции вступают в диалогические отношения со столицей, в них осуществляется большая часть информационного обмена между людьми. В духовной, культурной, информационной ауре провинциального города остаются следы влияния носителей различных, иногда противоположных качеств; именно здесь становятся возможными познание и оценка другого, а также самопознание и самооценка [19, с. 23].

Роль и место провинциального российского города в системе пространственных и культурных взаимосвязей империи характеризуются в работах М.Л. Кагана. Он указывает, что исторически русская провинция была поставлена в противоречивое положение – культурной зависимости и пространственной удаленности от обеих столиц. С одной стороны, ей была несравненно ближе Москва – хранительница традиционного образа жизни и исторической памяти. С другой стороны, провинция должна была следовать образцам поведения, диктовавшимся Петербургом. Беспрецедентная пространственная удаленность провинциальных городов от столиц порождала у провинциалов амбивалентное ощущение заброшенности и независимости, свободы от притязаний центральной власти.

Каган также отмечает, что в России провинциальный город существует в поле притяжения двух сил – столичных и деревенских: и потому, что его население непрерывно пополняется из деревни; и потому, что он взращивает для деревни учителей, агрономов, врачей и т.д. – феномен «обратной связи»; и потому, что большинство горожан находятся в постоянных прямых контактах с деревенскими родственниками, да и сами участвуют в сельскохозяйственном производстве. Столь тесная связь с окружающей город деревенской средой непосредственно сказывалась в психологии горожан, характере провинциальной культуры. Следует учитывать и связанную с грандиозными размерами страны масштабную неоднородность провинции, различия между большими городами с многотысячным населением, крупными промышленными предприятиями, университетами, театрами – и маленькими тихими городками, лишенными всех этих объектов и ведущими полудеревенский образ жизни. Очевид-

но, что в провинциальных городах разного масштаба соотношение мобилизующей, стабилизирующей и охранительной функций различно: чем крупнее город, тем сильнее в нем потребность внедрения нового, прогрессивного, сближающего его со столицей, а чем он мельче, тем значительнее его тяготение к покою, стабильности, патриархальности, т. е. к идеалу сельского бытия [20, с. 22–25].

Противоречивость характеристик культурного пространства провинции подчеркивается и в работе И.В. Отставновой. Российская провинция рассматривается ею как своеобразный мир, которому присущи обозримость и замкнутость культурного горизонта, близость культурных процессов к человеку, а человека к природе, включенность явлений культуры в повседневное бытие провинциального общества, эмоциональность и консерватизм. Поэтому все культурное пространство провинции проникнуто особым духовным измерением – отдаленность от центра обусловливает ощущение временной замедленности, внесобытийности существования в ограниченном, замкнутом пространстве. Как считает исследовательница, провинциальная ментальность достаточно безынициативна, в провинции наблюдается лишь отражательная активность. В то же время любые новации в столицах неизбежно сталкиваются, соприкасаются с особенностями провинциальной культурной среды; мир российской провинции в значительной степени определяет модель русской культуры [21].

Следует отметить, что российская провинция никогда не представляла собой единого историко-культурного феномена: под этим понятием объединяются регионы, совершенно несхожие по своим природно-географическим, климатическим, этнодемографическим, социально-экономическим и культурным особенностям. Вследствие этого нельзя говорить обо всей российской провинции как об однородном культурном пространстве, так как каждый ее регион (Поволжье, Приуралье, Сибирь, Дальний Восток, Русский Север и т. д.) обладает своей особенной культурой и представляет собой специфический культурный тип.

Несколько характеристик, определяющих своеобразие культурного пространства регионов, выделяются в работе Т.А. Чичкановой. Во-первых, это географические и природные особенности, которые оказывают влияние на духовное существование регионов, специфику хозяйствования общества, формирования картины мира и т. д. Второй характеристикой является пространство, созданное человеком, – иными словами, архитектура. В архитектурном пространстве (прежде всего городов) находят отражение исторически сформированная эстетическая культура населения, его эстетические потребности, уровень вкуса, критерии поведения. Третья характеристика – сфера духовной жизни населения, главной составляющей которой является историческая память, традиции, культурно-исторические особенности [22, с. 11–17].

Особым направлением современной исторической регионалистики стало изучение так называемой «воображаемой географии» – образов тех или иных регионов, формировавшихся в сознании современников. Первопроходцем в этой сфере исследований стал американский ученый Э. Саид, проследивший в своей классической работе «Ориентализм» историю формирования образов Востока и стереотипов его восприятия в культуре Запада [23]. Как указывает современный российский специалист по данной проблематике Д.Н. Замятин, географические образы являются устойчивыми пространственными представлениями, которые формируются в различных сферах культуры в результате какой-либо человеческой деятельности. Географический образ в самом общем смысле – это совокупность ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства (территории, местности, регионы, страны, ландшафты и т. д.) [24, с. 92–94]. Образы представляют собой так называемое «четвертое измерение» историко-культурного пространства – измерение воображаемого; не случайно разделы по

«воображаемой географии», «образам пространства» и «образам Другого» в наше время зачастую включаются в обобщающие труды по истории того или иного региона [25; 26].

Образы региона, в свою очередь, складываются под влиянием многих обстоятельств. На формирование географического образа оказывают влияние такие факторы, как ментальные установки и стереотипы (порождающие определенные мифы о той или иной местности), социокультурные особенности конкретной эпохи, идеология, личные представления тех, кто писал о конкретном регионе. Так ,например, М.И. Орешина показывает, что Русский Север в общественном сознании начала XX века воспринимался как архаическая зона, территория консервации инородных русскому населению финно-угорских элементов и реликтовой культуры [8]. В свою очередь, Н.Н. Родигина выявляет внутреннюю противоречивость образа Сибири, сложившегося в отечественной журналистике второй половины XIX – начала XX в.: Сибирь в разное время воспринималась либо как далекая, суровая окраина – место ссылки и каторги, либо как богатейший край, ресурсная кладовая империи – в противопоставление страдающей от малоземелья европейской части страны [27, с. 94–104; 28, с. 45].

Неповторимый историко-культурный облик каждого провинциального региона определялся сочетанием многих факторов, в их числе – географические и природные особенности, этнокультурный облик населения, политика властей в отношении конкретных областей империи, структура социокультурных взаимоотношений между столичными, губернскими и уездными городами, между городом и деревней. Общественная мысль, историческая, философская и художественная литература способствовала формированию узнаваемых, выразительных образов регионов в общественном сознании, региональной идентичности и исторической памяти социума.

Таким образом, в современной исследовательской литературе историко-культурное пространство трактуется как обладающее внутренней целостностью пространство культурных объектов, где интегрирующая роль принадлежит исторической памяти. Внедрение этого понятия в методологический инструментарий исторической науки открывает новые перспективы для изучения российской провинции: она предстает как разнородное пространство, включавшее в себя множество уникальных «культурных гнезд» и в то же время обладавшее устойчивыми типологическими характеристиками.

Библиографический список

1. Историко-культурная энциклопедия Самарского края: в 4 т. Самара: Самар. Дом печати, 1993–1995.

2. Ульяновская – Симбирская энциклопедия: в 2 т. / ред.-сост. В.Н. Егоров. Ульяновск: Симбир. кн., 2000.

3. Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2001. 759 с.

4. Воронежская энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. М.Д. Карпачев. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008.

5. Энциклопедия Самарской области: в 6 т. Самара: СамЛюксПринт, 2010–2012.

6. Быстрова А.И. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. 2004. № 12.

7. Селезнева Е.Н. Историко-культурная среда как среда памяти // Памятники в контексте историко-культурной среды. М.: НИИК, 1990. 142 с.

8. Орешина М.А. Русский Север начала XX века как историко-культурное пространство: источниковедческие и методологические подходы к изучению проблем

регионалистики: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 333 с. URL: http://www.dslib.net/istoria-otechestva/russkij-sever-nachala-xx-veka-kak-istoriko-kulturnoe-prostranstvo.html (дата обращения: 18.05.13).

9. Дробжева Г.М. Русская философия XIX – начала XX вв. о роли провинции и сохранения национального своеобразия // Провинция в контексте истории и литературы / V Крапивенская конференция: материалы и доклады. Тула: Ясная Поляна, 2009. 407 с.

10. Зайонц Л. Провинция: опыт историографии // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 70–88.

11. Щапов А.П. Великорусские области и Смутное время (1606–1613 гг.) // Отечественные записки. Т. 138. СПб., 1861. № 10. С.579–616; № 11. С. 79–118.

12. Щапов А.П. Сочинения: в 3 т. Т. 3: С биографией А.П. Щапова. СПб.: М.В. Пирожков, 1908. 717 с.

13. Боярченков В.В. Историки-федералисты. Концепция местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 256 с.

14. Леонтьев К.Н. Поздняя осень России. М.: Аграф, 2000. 334 с.

15. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство: сборник статей. М.: АСТ, 2007. 571 с.

16. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, 2005. 336 с.

17. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М.–Л.: Госиздат, 1928. 148 с.

18. Кириченко Е.И., Щеболева Е.Г. Русская провинция. М.: Наш дом, 1997. 186 с.

19. Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза: [б. и.], 2004. 439 с.

20. Каган М.Л. Москва – Петербург – провинция: «двустоличность» России – ее историческая судьба и уникальный шанс // Российская провинция. 1993. № 1. С.16–28.

21. Отставнова И.В. Пространство российской провинции: «Жизнесмыслы»: дис. ... канд. культурол. наук. Саранск, 2006. 150 с. URL: http://www.dslib.net/teorja-kultury/prostranstvo-rossijskoj-provincii.html (дата обращения: 21.06.13).

22. Чичканова Т.А. Развитие российской провинции: культурологический подход. Самара: Поволж. отд-ние РАО, 1997. 44 с.

23. Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / пер. с англ. СПб.: Рус. міръ, 2006. 636 с.

24. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 485 с.

25. Северный Кавказ в составе Российской империи / ред. В.О. Бобровников, И.Л.Бабич. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 460 с.

26. Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю.Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 464 с.

27. Родигина Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: основные итоги изучения // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в. / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск: НГПУ, 2006. 263 с.

28. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: НГПУ, 2006. 343 с.

Ya.M. Tsyganova*

RUSSIAN PROVINCE IN POST-REFORM PERIOD AS HISTORICAL AND CULTURAL SPACE: APPROACHES TO THE STUDY

The paper analyzes approaches to the study of Russian province of the second half of the XIX century as a special historical and cultural space. The evolution of the concept «province» and the process of the debate between leading Russian thinkers of the XIX and early XX centuries on the role of province in the cultural life of Russia is highlighted. On the basis of analysis of works of modern scholars, the stereotypes in the perception of «province» are singled out and some promising methodological approaches to the study of historical and cultural identity of the regions of post-reform Russia in all their diversity are highlighted.

Key words: historiography, Russian history, regional studies, province, historical and cultural space.

* *Tsyganova Yana Mihailovna* (tym90@mail.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 94(47)

О.Б. Леонтьева*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. ПО ДАННЫМ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ**

В статье, основанной на материалах государственной и земской статистики второй половины XIX в., в том числе данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи, исследуется динамика национального состава населения Самарской губернии за период с 1850-х по 1897 гг.

Ключевые слова: Самарская губерния, национальный состав населения, статистические источники, динамика.

Территория Самарского Заволжья, где в середине XIX в. была образована Самарская губерния, на протяжении длительного исторического периода представляла собой типичный фронтир континентальной империи – огромные слабозаселенные пространства, «ничейную землю» между ареалами обитания земледельческих народов и степных кочевников. Период интенсивного заселения и аграрного освоения Левобережного Заволжья начался лишь со второй половины XVIII в. – существенно позже официального закрепления этих земель в составе Российского государства и только тогда, когда они перестали быть опасным степным порубежьем.

Население региона формировалось как полиэтничное; переселенцы, приходившие на заволжские земли, принадлежали к разным этносам и были выходцами из разных губерний России. Современные ученые пришли к обоснованному выводу, что в основных чертах этнический состав населения Самарской губернии определился в конце XVIII – первой половине XIX в.; тогда же сложились и районы компактного проживания различных этнических групп [1, с. 272; 2; 19, с. 178–179]. Но и после этого, в пореформенный период, территория Самарской губернии продолжала оставаться зоной миграций, активного движения населения. Земские статистики, исследовавшие в 1880-е гг. состояние крестьянских хозяйств различных уездов губернии, отмечали, что «процесс колонизации Самарского уезда не закончился еще и до настоящего момента»; «процесс колонизации [Ставропольского] уезда и до сих пор еще не закончился»; «переселенческое движение крестьян Бузулукского уезда не прекратилось и до настоящего времени», «прилив новых переселенцев в Николаевский уезд не прекращается»; «процесс колонизации [Новоузенского] уезда далеко еще не закончился» [11, с. 10; 12, с. 18; 13, с. 14, 121; 14, с. 172–177; 16, с. 14; 17, с. 15]. Следовательно, продолжались и изменения в национальном составе населения губернии, хотя уже не в таких масштабах, как прежде.

---

* © Леонтьева О.Б., 2013

Леонтьева Ольга Борисовна (oleontieva@yandex.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

Проследить эти изменения на протяжении второй половины XIX в. позволяют статистические источники. Трудность их использования заключается в том, что для выявления динамики явлений необходимы не просто достоверные, а непременно сопоставимые данные. Однако сведения статистического характера на протяжении XIX в. собирали разные учреждения, исходя при этом из разных задач и используя неодинаковые методики. В интересующий нас период, с 1857 г., сбор и обработка статистических материалов были сосредоточены в руках Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, который координировал работу губернских статистических комитетов (Самарский губернский статистический комитет был создан в 1854 г., вскоре после образования Самарской губернии) [4, с. 50]. В 1870–1880-е гг., после проведения земской реформы, при губернских земских управах сложилась система земских статистических бюро; преимущественной сферой их интересов было проведение обследований крестьянских хозяйств. Земское статистическое бюро в Самарской губернии было сформировано в 1882 г. [3]; с этого времени в губернии действовали две статистические службы – государственная (губернский статистический комитет) и общественная (земская).

Далеко не всегда при сборе сведений о населении империи статистики или чиновники интересовались его национальным составом: в XIX в. для идентификации и классификации подданных Российской империи чаще применялись такие характеристики, как сословный статус и вероисповедание [22]. В силу этого такие интересные статистические источники, как «Памятные книжки» и «Адрес-календари» Самарской губернии, оказываются совершенно бесполезны для выяснения именно национального состава населения. В «Списках населенных мест Самарской губернии», подробнейших и крайне информативных источниках по истории края, приведены лишь общие сведения о том, представители каких народов и конфессий проживают в том или ином населенном пункте, без указания точной численности каждой этнической группы (например, «русские, чуваши, православные, раскольники» или «немцы, татары, меннониты, лютеране, католики, магометане») [21, с. 1]. Тем не менее ряд источников содержит достаточно полную и подробную статистическую информацию о национальном составе населения Самарской губернии.

В «Материалах для статистического описания Самарской губернии», составленных Б. Лясковским, «число жителей показано согласно официальным сведениям, собранным Самарским Губернским Статистическим Комитетом, за 1858 год» [5, с. 52]. Сведения о национальном составе населения приводятся Лясковским по Самарской губернии в целом, без выделения данных по отдельным уездам. Всего им выделено 12 этнических групп: русские (великороссы), малороссияне, поляки, мордва, чуваши, вотяки (в современной терминологии – удмурты), татары, тептяри (небашкирское население, жившее среди башкир), башкиры, «киргизы» (в современной терминологии – казахи), немцы и евреи. Графа «прочие» не предусмотрена. Лясковский особо уточнял, что данные о численности мордвы и чувашей, приведенные в указанном издании, относятся к более раннему периоду: сведения о численности государственных крестьян из мордвы и чувашей были получены в 1856 г. от управляющего Самарской палатой государственных имуществ Н.А. Кояндера, а о численности удельных крестьян из мордвы и чувашей – в 1857 г. от чиновников удельного ведомства [5, с. 62–63].

«Статистические таблицы Самарской губернии» (в шести томах, 1870-1871 гг.) были изданы по итогам подворной переписи, проведенной Самарским губернским статистическим комитетом в 1866 г.; программа переписи была составлена помощником председателя комитета П.А. Рихтером [4, с. 55]. Этот труд содержит сведения о национальном составе населения каждого из семи уездов Самарской губернии,

а также сводные данные по губернии в целом [20, с. 278–279]. Здесь выделены 10 национальных групп: «великороссияне», «малороссияне», поляки, немцы, мордва, чуваши, вотяки, эсты, татары, башкиры; данные приводятся по мужчинам и женщинам отдельно. Графа «прочие» отсутствует.

«Сборники статистических сведений по Самарской губернии» (в семи томах, каждый из которых посвящен одному из уездов) были составлены земским статистическим бюро губернии по данным подворной переписи, осуществлявшейся в течение 1883–1889 гг. Эта масштабная работа была начата под руководством известного земского статистика В.Н. Орлова, а после его отъезда из Самары продолжена по установленной им программе статистиками И.М. Красноперовым, К.Э. фон Паприцем, А.Ф. Фортунатовым и другими [10, с. 167–180]. Затем, в 1892 г., ими был опубликован «Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии» [18]. Таким образом, представленные в этом сборнике данные нельзя рассматривать как некий единовременный срез. На страницах «Сводного сборника статистических сведений по Самарской губернии» были выделены следующие этнические группы населения губернии: великорусы и малороссы (объединены в одну группу); мордва; чуваши; немцы; татары и башкиры (объединены в одну группу); эстонцы; поляки; вотяки. Графа «прочие» и здесь не была предусмотрена.

Следует отметить, что в сборниках статистических сведений по отдельным уездам данные могли быть сгруппированы несколько иначе, чем в сводном сборнике. Так, например, в сборнике статистических сведений по Самарскому и Новоузенскому уездам данные о великорусах и малороссах указывались по отдельности; в сборнике по Бузулукскому уезду данные о численности татар и башкир приводились по отдельности, а в сборниках по Бугурусланскому и Бугульминскому уездам татары и башкиры были объединены в одну группу, как и в «Сводном сборнике статистических сведений по Самарской губернии». Безусловно, такая группировка затрудняет сопоставление данных за 1883–1889 гг. с данными за 1856–1858 и 1866 годы.

Уникальным по полноте представленного материала и по качеству его обработки является такой источник, как данные Всероссийской переписи населения 1897 г. (первой и единственной такой переписи в Российской империи). Общее руководство подготовительными работами для проведения переписи осуществляла Главная переписная комиссия во главе с министром внутренних дел; обработка собранных материалов была поручена отделу переписи Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел. Предварительные итоги переписи были опубликованы уже в 1898 г.; затем с 1899 по 1904 гг. публиковались основные результаты переписи в 89 томах (119 книгах) по отдельным губерниям и областям Российской империи [8]; наконец, в 1905 г. был издан «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.» [7]. Среди 14 признаков каждого переписываемого лица, которые должны были указываться в переписных листах, значилась не национальность, а «родной язык»: как указывала инструкция, «здесь вписывается название того языка, который каждый считает для себя родным». При обработке данных переписи население Российской империи и ее отдельных регионов группировали «по родному языку», а также «по народностям (на основании показаний о родном языке)» или «по национальностям (на основании показаний о родном языке)» [8, с. V, 2–3, 56, 122]. Хотя организаторы переписи осознавали, что национальная идентичность человека определяется не только тем, какой язык он или она считает родным (и что одно не всегда совпадает с другим) [7, т. 2, с. I], следует признать, что именно материалы переписи содержат наиболее подробные и полные данные, которые могут быть использованы для анализа национального состава населения Российской империи и ее отдельных регионов.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении статистические источники, относящиеся ко второй половине XIX в., составлены различными статистическими органами. Приведенные в них сведения получены путем применения разных методик обследования (в большинстве случаев это были подворные переписи, в случае переписи 1897 г. – непосредственный опрос населения). Имеются некоторые различия и в классификации этнических групп. Тем не менее, на наш взгляд, содержащиеся в этих источниках данные [5, с. 89; 20, с. 278–279; 18, с. 14; 8, с. 2–3, 58–59] позволяют с достаточной степенью достоверности воссоздать картину этнического состава населения Самарской губернии и сделать некоторые важные выводы о динамике абсолютных и относительных показателей, характеризующих национальную структуру населения губернии (табл. 1, 2).

Таблица 1

Национальный состав населения Самарской губернии во второй половине XIX в.

Национальность	1856–1858 гг.		1866 г.		1883–1889 гг.		1897 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
русские	1 052 013	68,75	1 032 293	62,72	} 1 433 009	67,88	1 775 839	64,54
украинцы	45 000	2,94	68 573	4,17			119 301	4,34
белорусы	…[1]		…		…		418	0,02
поляки	1 385	0,09	155	0,01	376	0,02	1 940	0,07
удмурты	1 062	0,07	1 292	0,08	1 740	0,08	2 118	0,08
мордва	127 398	8,33	180 971	11,00	156 636	7,42	238 598	8,67
чуваши	60 318	3,94	59 328	3,60	67 745	3,21	91 839	3,34
тептяри	36 520	2,39	} 70 184	}4,26	…		47 684	1,73
башкиры	20 934	1,37			} 217 742	10,31	57 242	2,08
татары	95 454	6,24	96 810	5,88			165 191	6,00
мещеряки	…		…		…		6 580	0,24
немцы	89 134	5,83	135 299	8,22	180 422	8,55	224 336	8,15
казахи	750	0,05	…		…		7 843	0,29
евреи	125	0,01	…		…		1 669	0,06
эстонцы	…		693	0,04	1 713	0,08	2 029	0,07
литовцы	…		…		…		650	0,02
латыши	…		…		…		183	0,01
цыгане	…		…		…		802	0,03
турки	…		…		…		2 906	0,11
туркмены	…		…		…		3 539	0,13
Общая численность населения[2]	1 530 093	100	1 645 598	100	2 111 043	100	2 751 336	100

Как можно заключить из этих данных, численность населения Самарской губернии в целом и отдельных этнических групп на протяжении второй половины XIX в. неуклонно возрастала. Скачкообразные колебания численности поляков, башкир и (в меньшей степени) русских могут объясняться тем, что «в статистических данных того времени не совсем точно определялась этническая принадлежность, особенно грани между представителями близких по языку или культуре этнических групп»:

[1] Многоточием помечены клетки таблицы в тех случаях, когда данные о численности национальной группы в источниках отсутствуют.

[2] Графа «Общая численность населения» не является суммарной (итоговой) по отношению к остальным графам, т. к. при определении общей численности населения статистиками учитывалась и численность малых этнических групп, не приведенная в данной таблице.

например, грани между русскими и украинцами, поляками и белорусами, тептярями и башкирами, даже между русскими и «обрусевшей» мордвой [19, с. 177–178].

Динамику национального состава населения Самарской губернии во второй половине XIX в. характеризуют показатели абсолютного прироста (разности сопоставляемых величин) и темпов роста населения (соотношения сопоставляемых показателей) по каждой из этнических групп. Безусловно, расчет произведен лишь в тех случаях, когда в нашем распоряжении имеются сопоставимые данные по разным временным периодам.

Таблица 2

Динамика численности населения Самарской губернии во второй половине XIX в.

Национальность	Абсолютный прирост (+/–), чел.			Темпы роста населения, %		
	1866 г. к 1856–1858 гг.	1897 г. к 1866 г.	1897 г. к 1856–1858 гг.	1866 г. к 1856–1858 гг.	1897 г. к 1866 г.	1897 г. к 1856–1858 гг.
русские	– 19 720	+ 723 826	+ 743 546	98,1	172,0	168,8
украинцы	+ 23 573	+ 50 728	+ 74 301	152,4	174,0	265,1
белорусы		+ 418	+ 418			
поляки			+ 555			140,1
удмурты	+ 230	+ 826	+ 1 056	121,6	163,9	199,4
мордва	+ 53 573	+ 57 627	+ 111 200	142,0	131,8	187,3
чуваши	– 990	+ 32 511	+ 31 521	98,3	154,8	152,3
тептяри			+ 11 154			130,6
башкиры			+ 36 308			273,4
татары	+ 1 356	+ 68 381	+ 69 737	101,4	170,6	173,1
немцы	+ 46 165	+ 89 037	+ 135 202	151,8	165,8	251,7
казахи			+ 7 093			1045,7
евреи			+ 1 544			1335,2
эстонцы		+ 1 336			292,8	
Общая численность населения	+ 115 505	+ 1 105 738	+ 1 221 243	107,5	167,2	179,8

Таким образом, общая численность населения губернии в 1897 г. по сравнению с 1858 г. увеличилась более чем на 1 221 тыс. чел., или на 79,8 %. Наиболее существенным оказался абсолютный прирост численности русского населения Самарской губернии, составивший за период 1856–1897 гг. более 743 тыс. чел., или 68,8 %. В «первую пятерку» по показателям абсолютного прироста численности населения вошли также немцы (прирост более чем на 135 тыс. чел.), мордва (прирост более чем на 111 тыс. чел.), украинцы (прирост более чем на 74 тыс. чел.) и татары (прирост более чем на 69 тыс. чел.). Заметным оказался и абсолютный прирост численности башкирского населения: более чем на 36 тыс. чел.

Относительные показатели темпов роста численности населения за период 1856–1897 гг. выше среднегубернских (179,8 %) по таким национальным группам, как башкиры (273,4 %), украинцы (265,1 %), немцы (251,7 %), удмурты (199,4 %) и мордва (187,3 %). Крайне высокие темпы роста численности таких этнических групп, как казахи (более чем в 10 раз) и евреи (более чем в 13 раз), при небольшом абсолютном приросте объясняются весьма низким «стартовым уровнем» их численности в 1856–1858 гг.

Если обратиться не только к итоговым (1856–1897 гг.), но и к промежуточным данным, можно увидеть, что на разных временных отрезках первенство по темпам роста численности населения принадлежало разным народам. Так, за период 1856–

1866 гг. темпы роста существенно выше среднегубернских (107,5 %) зафиксированы по таким национальным группам, как украинцы (152,4 %), немцы (151,8 %), мордва (142,0 %), удмурты (121,6 %). Эта картина существенно изменилась в период 1866–1897 гг.: выше среднегубернского уровня темпов роста населения (167,2 %) поднялись эстонцы (292,8 %), украинцы (174,0 %), русские (172,0 %), татары (170,6 %), тогда как темпы роста немецкого, мордовского, удмуртского населения оказались ниже среднегубернских показателей.

О факторах роста численности населения отдельных этнических групп можно судить по наблюдениям земских статистиков. Так, ими была отмечена «неравномерность естественного приращения населения» у разных народов: например, в Ставропольском уезде за 25-летний период от X ревизии 1857 г. до подворной переписи 1883 г. «русское крестьянское население возросло на 36,4 %, мордовское – на 48,5 %, чувашское – на 40,8 % и татарское – на 51,5 %» [12, с. 9]. По Бугульминскому уезду, как констатировали статистики, «из племенных групп самый значительный прирост населения обнаруживается у татар, за которыми следуют русские и мордва; чуваши же и вотяки по приросту населения занимают последнее место» [15, с. 16].

Кроме того, динамику численности населения определял не только естественный прирост населения (за счет превышения рождаемости над смертностью), но и механический (за счет миграций). Так, отмечая «чрезвычайно резкую разницу в величине прироста населения у двух господствующих групп [населения Новоузенского уезда] – русских и немцев» за 30 лет, прошедших после ревизии 1858 г., земские статистики указывали: «У первых население увеличилось за описанный период времени на 46,3 %, у последних на 66,4 %, или иначе в первой группе оно ежегодно увеличивалось на 1,35, в последней на 2,21 %. На сильное увеличение немецкого населения влиял помимо естественного прироста еще механический путем переселения немцев из Саратовской губ. в Новоузенский уезд уже после X ревизии, так что в течение 60 и 70 годов из таких переселенцев образовалось в уезде 16 новых колоний» [17, с. 22–23].

К сожалению, материалы государственной и земской статистики за 1856–1858, 1866, 1883–1889 гг. не содержат систематизированной информации о миграции отдельных национальных групп населения, а также о соотношении естественного и механического прироста населения. Определить масштабы миграционного движения можно по материалам Всеобщей переписи населения 1897 г.: переписные листы содержали вопросы «Родился ли здесь, а если не здесь, то где именно? (губерния, уезд, город)»; «Приписан ли здесь, а если не здесь, то где именно?»; «Где обыкновенно проживает: здесь ли, а если не здесь, то где именно? (губерния, уезд, город)». В совокупности ответы на эти вопросы позволяли определить численность и удельный вес неместных уроженцев по каждой губернии и уезду империи и тем самым «подвести итог внутренним миграциям населения» на протяжении почти всего пореформенного периода [23, с. 23].

Согласно данным переписи, на 1897 г. в составе населения Самарской губернии было 244 974 чел. неместных уроженцев (8,9 % всего населения губернии) [7, т. 1, с. 58], в том числе 115 133 чел. (47 %) – выходцев из-за пределов Поволжья, и 129 841 чел. (53 %) – уроженцев Поволжья. Численность неместных уроженцев, проживавших в Самарской губернии, была выше, чем численность местных уроженцев, выехавших в иные регионы Российской империи; следовательно, наблюдался «прилив» населения в губернию, составлявший 5 304 чел. [23, с. 177–179; 9, с. 117–119]. Это отличало Самарскую губернию от других губерний Поволжья: по Казанской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерниям, как и по региону в целом, к концу XIX в. наблюдался «отлив» населения [23, с. 177–179; 6, с. 88–89]. Как отмечает П.И. Савельев, во второй половине XIX в. «из всех губерний Поволжья лишь Самар-

ская сохранила статус колонизуемой территории, только здесь наблюдался прилив населения, хотя разность между приходом и выходом была невелика» [9, с. 117–119].

Как указывают Б.В. Тихонов и П.И. Савельев, у Самарской губернии был положительный баланс взаимного обмена переселенцами с губерниями Центрально-Черноземного и Центрально-Промышленного районов – Тамбовской, Нижегородской, Курской, Рязанской, Владимирской, а также с губерниями Поволжья – Симбирской, Саратовской, Пензенской и Казанской. Этот вывод соответствует данным, приводимым в «Сборниках статистических сведений по Самарской губернии» 1883–1889 гг.: как отмечали земские статистики, в числе переселенцев, селившихся на землях Самарской губернии в пореформенный период, были представлены уроженцы Тульской, Калужской, Рязанской, Орловской, Курской, Тамбовской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Уфимской, Вятской и других губерний. В статистических сборниках того периода особо оговаривается национальная принадлежность нескольких групп переселенцев: «малороссов» (из Киевской губернии), мордвы (из Казанской губернии и других «губерний промышленного района»), немцев (переселенцев из соседней Саратовской губернии), эстонцев (переселенцев из Эстляндии, Лифляндии и Ревеля), евреев и латышей [11, с. 10; 13, с. 14–16; 15, с. 9–12; 16, с. 12–14; 17, с. 12–20]. Показательно, что именно по украинскому, немецкому, мордовскому и еврейскому населению губернии нами были отмечены высокие темпы роста (выше среднегубернских) за период 1856–1897 гг., а по эстонскому – за период 1866–1897 гг. В большинстве же случаев национальная принадлежность переселенцев не уточнялась; судя по географии регионов выхода, можно предположить, что среди мигрантов преобладали русские и украинцы.

Следствием различной интенсивности изменений численности национальных групп стали сдвиги в национальном составе населения губернии. Можно отметить, что на протяжении всего исследуемого периода большинство населения губернии составляли русские, хотя доля этой национальной группы в общем составе населения несколько снизилась (с 68,75 % в конце 1850-х гг. до 64,54 % по данным 1897 г.). Заметно вырос за полвека удельный вес немецкого населения губернии (с 5,83 до 8,15 %), украинцев (с 2,94 до 4,34 %), а также башкир (с 1,37 до 2,08 %). Доля мордвы в составе населения губернии существенно повысилась в промежуток между 1856–1857 и 1866 гг. (с 8,33 до 11 %) и вновь снизилась к 1897 г. до 8,67 %. Несколько снизился к 1897 г. по сравнению с серединой XIX в. удельный вес татарского (с 6,24 до 6,00 %) и чувашского (с 3,94 до 3,34 %) населения. В целом же картину распределения различных национальных групп в составе населения губернии за вторую половину XIX в. можно признать достаточно стабильной. Это подтверждает вывод самарских исследователей о том, что в основных чертах этнический состав населения Самарской губернии сложился к середине XIX в.

Библиографический список

1. Ведерникова Т.И. Формирование этнически смешанного населения Самарского края в XVII–XIX веках // Этносы Самарского края: Историко-этнографические очерки / рук. проекта Н.П. Осипова, М. Г. Федоров. Самара: [б. и.], 2003. 288 с.

2. Ведерникова Т.И. Формирование этнически смешанного населения степного Заволжья (Самарской губернии) в середине XVII – середине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.

3. Левин С.В. Организация земского статистического бюро в Самарской губернии // Вестник Самарского государственного университета. Сер.: Гуманитарная. 2011. № 7 (88). С. 49–53.

4. Леонов М.И. Из истории Самарского областного комитета госстатистики // Статистика и статистики Самарской области (Энциклопедия Самарской статистики): сборник-эссе. Самара: Госкомстат России, Самарский областной комитет государственной статистики, 1998. С. 50–59.

5. Лясковский Б. Материалы для статистического описания Самарской губернии [Из Журнала МВД, ч. XLIII, кн. 8 – 1860]. СПб.: Типо-лит. Имп. ун-та, 1894. 96 с.

6. Морозов С.Д. Численность и этнодемографический состав населения Поволжья в период империализма // Социально-экономическое положение трудящихся Среднего Поволжья (дооктябрьский период). Саранск: Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 1989. С. 80–96.

7. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / Изд-е Центр. стат. к-та Минва внутр. дел под ред. Н.А.Тройницкого. СПб., 1905. Т.1. xxi, 288, 6, 89 с.; Т.2. lix, 417 с.

8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд-е Центр. стат. к-та Мин-ва внутр. дел под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 36: Самарская губерния. СПб., 1904. xi, 201 с.

9. Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара: Изд-во «Самарский университет», 1994. 365 с.

10. Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.). Самара: СГД, 2009. 368 с.

11. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Вып. 1: Самарский уезд. М.: Издание Самарского губернского земства, 1883. 204 с.

12. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 2: Ставропольский уезд / Самар. губерн. земство, Отд. хоз. статистики. М.: Издание Самарского губернского земства, 1884. iv, 254, 261 с.

13. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 3: Бузулукский уезд / Самар. губерн. земство, Отд. хоз. статистики. Самара: Земская тип., 1885. iii, 212, 343, i с.

14. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 4: Бугурусланский уезд / Самар. губерн. земство, Отд. хоз. статистики. Самара: Зем. тип., 1886. ii, 200, 307, viii, 123 с.

15. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5: Бугульминский уезд. Самара: Издание Самарского губернского земства, 1887. 178, 510 с.

16. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 6: Николаевский уезд / Самар. губерн. земство, Отд. хоз. статистики. Самара: Земская тип., 1889. iii, 239, 889, iii с.

17. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 7: Новоузенский уезд / Самар. губерн. земство, Отд. хоз. статистики. Самара: Земская тип., 1890. II, 64, 453, V с.

18. Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 8, вып. 1 / Самар. губерн. земство. Самара: Земская тип., 1892. X, 2, 129, 9, 7, 9, 13, 13, 15, 15, 6, 7 с.

19. Смирнов Ю.Н. Заволжье во второй трети XVIII – первой половине XIX вв.: от пограничья до «внутренней губернии» Российской Империи // Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX в.) / под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара: Самар. отд-ние Литфонда, 2007. С. 118–193.

20. Состав народонаселения Самарской губернии по племенам. Общий свод по уездам и губернии // Статистические таблицы Самарской губернии / Изд. Самар.

губерн. стат. ком.; (табл. обраб. П. Рихтером, Е. Анучиным). Самара, 1870. Отд. 1, [ч.] 1. С. 278–279.

21. Список населенных мест Самарской губернии по сведениям 1889 года / сост. П.В. Кругликов, секретарь Самар. губерн. статистич. комитета. Самара: Тип. И.П. Новикова, 1890. XXVIII, 243, [2],18, V, [2] с.

22. Стейнведел Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. М., 2005. С. 610–633.

23. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в.: по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М.: Наука, 1978. 214 с.

O.B. Leontieva*

NATIONAL COMPOSITION OF POPULATION OF THE SAMARA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY ACCORDING TO THE STATISTICAL SOURCES

In the paper based on the data of state and zemstvo statistics of the second half of the XIX century, including the data of the I General Census of the Russian Empire, the author analyses the dynamics of national composition of population of the Samara province from 1850 to 1897.

Key words: Samara province, national composition of population, statistical sources, dynamics.

* *Leontieva Olga Borisovna* (oleontieva@yandex.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 94 (47).082

В.А. Тюрин*

СТРУКТУРА, ЧИСЛЕННОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

В статье изучается структура и численность городского населения Среднего Поволжья второй половины XIX – начала XX в., дается характеристика облика основных городских сословий.

Ключевые слова: город, социум, Среднее Поволжье, дворянство, мещанство, купечество.

Изучение процессов социально-экономического, административного, культурного развития городов Российской империи невозможно без учета социальной стратификации горожан и воссоздания облика социокультурного пространства города. Особенно важен этот подход при изучении губерний Среднего Поволжья (Самарской, Саратовской, Симбирской) – региона, в городах которого в конце XIX – начала XX в. происходило стремительное промышленное развитие, серьезно возрастали обороты торговых операций, совершенствовалась инфраструктура, активно протекал процесс урбанизации. Безусловно, эти явления значительно изменили облик местного населения. Рассмотрим основные характеристики социального состава городов Среднего Поволжья.

Население Самары в первой половине XIX в. росло достаточно быстро: если в 1801 г. население города составляло около 4000 чел., а в 1839 г. – 10 530 чел., то в 1850 г. – около 15 000 чел. Правда, в 1861 г. жителей обоих полов указывается уже 13 732 чел. [1, с. 4]. Такое уменьшение, видимо, было вызвано опустошившим 13 июня 1850 г. Самару страшным пожаром. В 1875 г. самарских жителей становится 54 722 чел., а в 1897 г. численность жителей достигла уже 89 999 чел. Полученные данные свидетельствуют о том, что Самара была одним из самых динамично развивающихся городов Среднего Поволжья – прирост ее жителей в 1851–1897 гг. составил 226,1 % [2, с. 1]. Не менее стремительно увеличивалось население Саратова. В конце 1850-х гг. в городе насчитывало около 72 тыс. жителей, в 1870 г. – 85 220 чел., в 1879 г. – 108 578 чел. Наиболее впечатляющ прирост населения Саратова на рубеже XIX–XX вв.: в 1897 г. в городе проживало 137 147 чел., в 1909 г. – уже 215 201 (с размещенным гарнизоном) [3, с. 52].

Быстрое развитие Самары и Саратова объяснялось выгодным транспортно-географическим расположением, возрастанием промышленной роли этих городов и общим стремительным экономическим ростом Поволжско-Уральского региона во второй по-

---

* © Тюрин В.А., 2013

Тюрин Вадим Александрович (vad.im@inbox.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

ловине XIX в. Важным фактором социального развития Саратова и Самары являлось огромное количество сезонных рабочих, преимущественно крестьян, которые в летние месяцы прибывали в города в поисках заработка (до 500 тыс. чел в год прибывало в Саратов на заработкиа 500 тыс. е месяцы прибывалос в города в поисках зароаботка ()ромное количесто сезонных рабочим, преимущетсвенно крестья, кот), значительная часть которых оставалась в городе и в зимние месяцы.

Проведенная в 1897 г. первая Всеобщая перепись населения Российской империи дала точную картину городского социума Среднего Поволжья. По данным переписи, в Самарской губернии проживало 2 751 336 чел. (1 351 438 мужчин и 1 399 898 женщин). Численность городского населения в губернии составляла всего 158 842 чел. (5,8 %), проживавших в городах Самара, Бугульма, Бугуруслан, Бузулук, Николаевск, Новоузенск и Ставрополь.

В Саратовской губернии всего проживало 2 405 829 чел. (1 174 304 мужчин и 1 231 525 женщин). Численность городского населения в губернии составляла 309 549 чел. (12,9 % от всего населения), проживавших в городах Саратов, Аткарск, Балашов, Вольск, Камышин, Кузнецк, Петровск, Сердобск, Хвалынск, Царицын [4, с. 1].

В Симбирской губернии всего проживало 1 527 848 чел. (728 909 мужчин и 798 939 женщин). Численность городского населения в губернии составляла 108 049 чел. (7,1 % от всего населения), проживавших в городах Симбирск, Алатырь, Ардатов, Буинск, Корсунь, Курмыш, Сенгилей, Сызрань [5, с. 1].

Данный фактический материал позволяет выявить общий вектор развития городского пространства Среднего Поволжья. Прежде всего отметим очевидный факт роста урбанизации. Еще в 1860-е гг. показатель урбанизации составлял 3,8 % в Самарской губернии, около 5 % – в Саратовской, 6 % – в Симбирской, в 1897 г. эти показатели выросли соответственно до 5,8, 12,9, 7,1 %. Темпы увеличения населения губернского города были наиболее высоки в Самаре, а скорость увеличения городского населения в целом – в Саратовской губернии. Самые низкий прирост городского населения продемонстрировала Симбирская губерния – с 6 до 7,1 % за 40 лет.

Любопытен и еще один показатель – соотношение жителей губернского города и уездных городов губернии. Так, в губернской Самаре проживало 56,7 % от всех городских жителей губернии, вторым по численности населения был Бузулук (14 362 чел.), третьим – Новоузенск (13 261 чел.), самым скромным по числу жителей – Ставрополь (5 969 чел.) [2].

В Саратове проживало 44,3 % горожан губернии, что объясняется наличием в губернии значительного числа довольно крупных уездных городов. На втором месте после Саратова по числу жителей располагался Царицын (55 186 чел.), на третьем – Вольск (27 058 чел.), на четвертом – Кузнецк (20 473 чел.), на последнем месте – Аткарск (7 300 чел.) [4].

В Симбирской губернии большинство горожан концентрировалось в двух поселениях: 38,6 % в губернском Симбирске и 30 % – в уездной Сызрани (32 383 чел.), на остальные города приходилось 31,4 % горожан, самый маленький уездный город – Курмыш (3 166 чел.) [5]. При этом, по сравнению с 1860-ми гг., значительно сокращалась доля жителей уездных городов в общей численности горожан губернии: в Самарской губернии – с 64,6 до 41,4 %, в Симбирской – с 67,2 до 61,4 % [6, с. 121].

Перепись исчерпывающе описала этническую и конфессиональную картину. В Самаре из 89 999 чел. жителей было 82 907 русских (92,1 %), 2 301 татарин (2,6 %), 1119 евреев (1,2 %), 995 немцев (1,1 %), 958 поляков (1,1 %), 636 мордвы (0,7 %), 402 украинца (0,4 %), 87 чувашей (0,1 %), 28 башкир, 16 вотяков, 7 марийцев, 1 киргиз и 542 представителя прочих народов (0,6 %) [2, с. 50, 56–59]. В Саратове около 84 % горожан были православными, 5,6 % – раскольниками, 3,2 % – единоверца-

ми, 2,7 % – католиками, 2,4 % – лютеранами, 1,2 % – мусульманами, 0,5 % – иудеями [3, с. 53]. Городское население демонстрировало довольно высокую долю грамотных, в Самаре этот показатель составлял 41,4 %. Удельный вес грамотных был выше среди молодежи, среднее и высшее образование имело 0,5 % населения.

Социальная структура городов Среднего Поволжья второй половины XIX в. была разнообразной. В число горожан традиционно входили дворяне, чиновники, купцы, духовенство, мещане; кроме того, в традиционную стратификацию активно вливались новые категории – отхожие крестьяне, наемные рабочие, разночинцы, отставные чины.

Таблица 1

Социальная стратификация населения городов губерний

Губерния	Всего в городах губернии, чел.	Из них:					
		Мещан, чел. (%)	Крестьян, чел. (%)	Дворян потомственных, чел. (%)	Дворян личных, чиновников не из дворян, чел. (%)	Духовенства, чел. (%)	Купцов, чел. (%)
Самарская	158 842	80 670 (51 %)	62 374 (39,3 %)	2 651 (1,7 %)	4 347 (2,4 %)	2 645 (1,7 %)	2 059 (1,3 %)
Саратовская	309 549	145 661 (47,1 %)	135 478 (43,8 %)	4 530 (1,5 %)	7 832 (2,5 %)	2 978 (1 %)	4 102 (1,3 %)
Симбирская	108 049	42 587 (39,4 %)	52 743 (48,8 %)	2 276 (2,1 %)	4 198 (3,9 %)	2 122 (2 %)	1 133 (1,1 %)

Примечание. Подсчитано автором по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи [2; 4–5].

Таблица 1 позволяет сделать вывод, что основной категорией городского населения являлись мещане, задействованные в процессе стремительного промышленного развития России конца XIX в. Второй по численности категорией городского населения (лишь в Симбирской губернии – первой) были крестьяне, давно покинувшие деревни и села, прочно осевшие в городах, занимавшиеся теми же видами деятельности, что и мещане, но по разным причинам не пожелавшие или не сумевшие перейти в мещанское сословие. Привилегированные сословия занимали скромную долю (5–6 %) от общего числа горожан.

Минимальные отличия долей основных категорий городского социума Самарской и Саратовской губерний (несмотря на двукратное преобладание горожан в последней) говорит о схожести социально-экономических процессов в городах этих губерний, похожем экономическом укладе и образе жизни. Симбирская губерния, гораздо менее вовлеченная в новые, пореформенные экономические процессы, бурно протекавшие в Среднем Поволжье, демонстрировала большую долю привилегированных сословий и заметно отставала по количеству мещан (39,4 %).

Таблица 2

Социальная стратификация населения уездных городов Самарской и Симбирской губерний

Губерния	Всего в губернии, чел.	Всего в уездных городах, чел.	Из них:				
			мещан, в %	крестьян, в %	дворян, %	духовенства, %	купцов, %
Самарская	2 751336	65 786	62,2	30,5	2,5	1,2	1,2
Симбирская	1 527 848	66 365	39,8	52	3,6	1,3	1,1

В дополнение к проделанным подсчетам приведем интересные статистические данные о социальной стратификации уездных городов Самарской и Симбирской губерний на 1897 г. из исследования Т.М. Гусевой, которые в целом подтверждают сделанные выводы [6, с. 128].

Рассмотрим социальную стратификацию в губернских городах Среднего Поволжья. В Самаре на 1897 г. проживало 89 999 чел., из них 45 836 мужчин и 44 163 женщины. Доля мещан составляла 56,4 %, что соответствовало среднему показателю по губернии. Категория цеховых ремесленников составляла 3,5 %. Купеческий паспорт имело 1,3 % горожан. Самарский военный гарнизон насчитывал 1350 чел. По семейному положению преобладали люди, состоящие в браке, число официально разведенных составляло 70 женщин и 34 мужчин. Были в Самаре и долгожители – 7 человек старше 100 лет и 3 человека старше 110 лет. По сравнению с концом XIX в. в начале XX в. очевиден планомерный рост численности населения (по несколько тысяч ежегодного прироста) до 1914 года. Тогда начало Первой мировой войны вызвало резкий скачок эвакуированных в Самарскую губернию, за год войны увеличивших население Самары со 170 до 250 тысяч чел., то есть прирост составил 47 %.

В Саратове в 1897 г. проживало 137 147 чел., а уже в 1909 г. – 215 201 чел. Лишь 40 % горожан были местными уроженцами, что демонстрирует высокую динамику внутренней трудовой миграции в регионе. Рассмотрим социальную структуру Саратова. Как и в Самаре, наибольшее количество горожан представляло мещанство – 57,5 %, крестьяне составляли 49,5 % жителей Саратова, дворянство – 3 %, купечество – 1,7 %, цеховые ремесленники – 4 %, отставные чины – 4,5 % [3, с. 52]; в целом социальная структура была идентична самарской.

Население Симбирска на 1897 г. составляло 43 298 чел., в том числе 21 859 мужчин и 21 439 женщин. Из этого числа дворяне – 8,8 %, лица духовного звания – 0,8 %, купцы и почетные граждане – 3,2 %, мещане – 57,5 %, крестьяне – 11,0 %, военные (размещенный в городе гарнизон) – 17,7 %. Социальная структура Симбирска, по сравнению с Самарой и Саратовом, имела свою специфику. Так, более чем в два раза была выше доля дворянства и купечества, значительно меньше проживало в Симбирске горожан, причисленных к крестьянству. Иными словами, статистика доказывает тезис о «дворянско-аристократичном», замершем в социальном и экономическом развитии Симбирске.

Рассмотрим облик и общие характеристики основных городских сословий региона. Дворянство являлось немногочисленной, но заметной и влиятельной, в основной своей массе финансово устойчивой и родовитой стратой. Доля дворян в городском населении быстро возрастала. Так, если в 1861 г. дворян и чиновников в Самаре было 848 чел. на 27 597 жителей (3,1 %), то в 1897 г. – 5 319 чел. на 89 999 жителей (5,9 %). Этот процесс вызван к жизни, скорее всего, отменой крепостного права: в Самарской губернии за 1859–1895 гг. площадь дворянских земель сократилась на 44 %, началось знаменитое «оскудение» дворян и переселение их в города [7, с. 208]. В Саратове доля дворян составляла 3 %, в «аристократичном» Симбирске – 8,8 %.

Городская элита – прежде всего дворянство, чиновничество, купечество – предпочитала селиться в определенных районах города. Как отмечает О.Р. Будина, «в XIX в. во всех русских городах были улицы и кварталы, где селилась привилегированная часть городского населения: богатое дворянство, крупные промышленники, торговцы. Эти улицы располагались в центральной части города и нередко именовались дворянскими» [8, с. 54]. Была Дворянская (ныне Куйбышева) улица и в центре Самары. На ней размещалось губернское правление с канцелярией и квартирой губернатора, дом губернского предводителя дворянства, городские управа и дума, окружной суд, банки (Государственный, Крестьянский Поземельный, Волго-Камский

коммерческий, Санкт-Петербургский коммерческий, Азово-Донской коммерческий), Коммерческое собрание, Александровская публичная библиотека, лучшие в городе магазины.

В городах располагались органы дворянского сословного управления (губернские и уездные дворянские собрания), канцелярии предводителей дворянства, функционировали дворянские опеки, состоявшие из предводителей дворянства и заседателей. Представители дворянства играли важную роль в общественных организациях, действовавших в городах, и фактически направляли интеллектуально-культурную жизнь города. Основной сферой занятий дворянства в городах являлась государственная либо общественная служба. В уездных городах располагались органы местного управления и полиции, ряд судебных инстанций, учебные заведения, почтово-телеграфные конторы и казначейства; большинство чиновников уездной администрации были дворянами [7, с. 141]. Чиновничество было важной частью городского социума: в 1897 г. в Самаре было 3292 чел. (с членами семей) чиновников (3,7 % от числа горожан).

Не менее значимой социальной группой в русских городах XIX – начала XX в. являлось купечество. В городах Самарской и Саратовской губерний купечество составляло 1,3 % населения, в городах Симбирской губернии – 1,1 %. Однако, несмотря на скромное количество купцов, их влияние на городскую жизнь было огромным, в силу владения ими значительной частью городской недвижимости и ведущей роли в городской экономике. Кроме того, в составе городских дум насчитывалось, в среднем 60–70 % представителей купечества, а городские головы в подавляющем большинстве случаев являлись купцами.

По «Положению о пошлинах на право торговли и других промыслов» 1863 г. в России оставалось только 2 купеческие гильдии. К 1-й гильдии относились оптовые торговцы (с платой 565 рублей), ко 2-й гильдии – розничные торговцы и владельцы фабрик и заводов с численностью рабочих более 16 чел. (с платой от 40 до 120 рублей). Положение 1863 г. открыло доступ в купечество всем сословиям и упразднило купеческие сословные преимущества при уплате торговых сборов. Однако эта мера не привела к росту численности сословия. Б.Н. Миронов объясняет это тем, что в глазах обывателей упала привлекательность купеческого звания: почетное гражданство давало те же привилегии, что и купеческое, а получить его было легче. Кроме того, многие горожане вступали в купеческое сословие с целью избежать рекрутской повинности. После введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности этот мотив перестал быть актуальным.

Купеческие капиталы заметно влияли на облик города. Центральные улицы поволжских городов были украшены роскошными купеческими особняками и доходными домами. В Самаре это были улицы Саратовская и Дворянская, в Саратове – Немецкая и Московская.

В пригородах Самары, вдоль Волги, размещались дачи-дворцы богатейших самарских купцов: Е.Н. Аннаева, К.П. Головкина, И.Я. Соколова, П.И. Шихобалова и других. Социальные портреты самарского купечества были очень разными – от строго консервативного старообрядчества (Шихобаловы, Аржановы, Санины, Челышевы) до типа просвещенного, европеизированного либерала (К.П. Головкин, А.Ф. Вакано, А.Г. Курлин, братья Клодт) [11]. При этом в массе купечество менялось, ориентируясь как раз на второй тип. Купеческие дети учились в гимназиях, коммерческих училищах и даже в университетах. Русские провинциальные купцы активно потянулись к западному уровню культуры – создавали в своих городах яхт-клубы, ипподромы, музеи, театры и библиотеки, обзаводились первыми в провинции автомобилями, электростанциями. В Самаре сохранились десятки купеческих особняков, став-

ших настоящим украшением города, а ныне памятниками культуры: Н.И. Белоусова, И.А. Клодта, Е.Ф. Бема, Курлиных, В.М. Сурошникова, Ф. Наймушина.

Одним из наиболее многочисленных слоев городского населения в Среднем Поволжье являлись мещане. На 1897 г. мещанство преобладало в городах Самарской и Саратовской губерний, где составляло соответственно 51 и 47,1 % от всех горожан. В Симбирской губернии среди городских жителей преобладали крестьяне (48,8 %), на втором месте находились мещане (39,4 %). Сословие мещан включало в себя разные категории – ремесленников, мелких торговцев, домовладельцев. Мещане платили подушную подать и подлежали воинской повинности, до 1863 г. к ним применялись телесные наказания. Мещане могли свободно переходить в гильдейское купечество, в свою очередь, разорившиеся купцы переводились в мещанство. Часть представителей других сословий (чаще всего предприниматели), чтобы не платить лишних налогов, «прятались» в мещанах.

Пополнялось сословие мещан главным образом за счет крестьянства, переселявшегося в города. Симбирский губернатор писал в 1870 г., что главная причина и цель стремления крестьян приписаться в мещане есть надежда заняться с выгодою разными работами, промыслами и торговлей [6, с. 136]. Часть мещанства по уровню своего дохода представляла собой мелкую буржуазию города, вместе с тем многие выходцы из мещан становились лицами свободных профессий, получали неплохое образование и формировали городскую интеллигенцию. Мещане имели право поступать на государственную службу с приобретением личного и потомственного дворянства.

К сожалению, термин «мещанство» со временем приобрел негативную окраску. В советский период истории этот термин стал нарицательным: под мещанами стали понимать людей с мелкими, ограниченными, собственниче□скими интересами и узким идейным и общественным кругозором. А между тем, именно эта страта была «родиной» для разночинцев и интеллигенции дореволюционной России. Кроме того, именно эта страта (как в России в целом, так и в Поволжье) являлась основной прослойкой городских налогоплательщиков.

К числу традиционных мещанских ценностей, составлявших основу менталитета средних городских слоев, можно отнести личную ответственность, чувство долга в семейной жизни, уважение к труду, почитание старших по возрасту, религиозность. Мещане ценили труд не только как источник средств к существованию, но и как возможность помочь своим близким, соседям. Усыновление сирот, раздача милостыни были обычными в мещанской среде. Широко употреблявшееся ранее выражение «мещанский стиль» характеризовало комплекс эстетических воззрений, присущих основной массе мещанства, и «низким» этот стиль назвать нельзя. [10, с. 234]

С развитием самарской промышленности численность самарских мещан росла пропорционально росту города. Основная масса мещан имела доходы, незначительно превышающие прожиточный уровень, соответственно, местом их проживания становились пригороды. В Самаре мещанские поселки (зачастую самовольные) появились в северо-восточной части города – Мещанский, Кавказ, Новый Оренбург, Афон (на земле мужского монастыря), Молоканский (на земле братьев-молокан Грачевых) – и в юго-восточной его части (поселок Запанской). При этом следует отметить некоторое отставание самарской промышленности от саратовской. Так, Л.Н. Гончаренко считает, что «...по количеству промышленных предприятий выделялись Казань, Астрахань и Саратов. Почти вдвое уступала им в этом отношении Самара» [9, с. 14]. Действительно, в 1890-е гг. в Саратове было 156 заводов и фабрик, в Самаре – 90, в Симбирске – 42.

Таким образом, структура городского социума городов Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в. представляла собой традиционный набор социальных групп.

При этом интенсивные экономические процессы, начиная с 1860-х гг. стали оказывать существенное влияние на соотношение и статус городских страт. Прежде всего стоит отметить процессы урбанизации и лавинообразный рост населения губернских центров. В отличие от мало вовлеченного в процесс экономической модернизации Симбирска, в социальной структуре Самары и Саратова возрастала доля мещанства и крестьянства, заявляла о себе значительная трудовая миграция. Менялось и положение основных социальных групп: дворянство активно переселялось в города и включалось в новые для себя виды деятельности, купечество просвещалось и «европеизировалось», приближаясь к дворянской модели поведения и образа жизни, из среды мещанства рекрутировались образованные «разночинцы» – новая городская интеллигенция. Иными словами, на рубеже XIX – XX в. мы видим процесс обновления городского социума, приспособления его к новому типу экономических отношений.

Библиографический список

1. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. СПб., 1863. Ч. 2. Разд. 35.
2. Первая всеобщая перепись населения. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1904.
3. Местное управление Саратова: история и современность. Саратов, 2005.
4. Первая всеобщая перепись населения. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб., 1904.
5. Первая всеобщая перепись населения. XXXIX. Симбирская губерния. СПб., 1904.
6. Гусева Т.М. Городские сословия и формирование социокультурной среды уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2012.
7. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. VI. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901.
8. Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских. М., 1989.
9. Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX века. Чебоксары, 1994.
10. Шредер Г.И. Город и Городовое Положение 1870 г. СПб., 1908.
11. Самарское купечество: вехи истории / под ред. Е.П. Бариновой. Самара, 2006.

V.A. Tyurin*

STRUCTURE, QUANTITY, SOCIAL COMPOSITION OF URBAN POPULATION OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

In the article the structure and quantity of social composition of urban population of the Middle Volga region in the second half of XIX – early XX centuries is studied, the characteristics of image of main urban estates is given.

Key words: city, society, Middle Volga region, nobility, petty bourgeoisie, merchant class.

* *Tyurin Vadim Alexandrovich* (vad.im@inbox.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 947

П.С. Кабытов, Е.П. Баринова*

ТОРГОВО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СРЕДНЕВОЛЖСКОГО КУПЕЧЕСТВА**

В статье рассмотрены основные направления торгово-предпринимательской деятельности средневолжского купечества. Особое внимание уделяется становлению новых форм предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: купечество, торговые дома, товарищества, биржа, предпринимательство.

Среднее Поволжье характеризовалось выгодным географическим положением и почвенно-климатическими условиями, которые позволяли осуществлять самую разнообразную производственную деятельность; наличием мощной естественной транспортной артерии, Волги, и значительных сырьевых ресурсов; благоприятной демографической обстановкой. Все это способствовало превращению Среднего Поволжья в динамично развивающийся регион Российской империи, экономическое значение которого было обусловлено успешным развитием аграрного сектора экономики. Хотя почвенно-климатические условия предопределили многоотраслевую структуру сельского хозяйства, на первый план вышло зерновое производство, составлявшее основу российского экспорта. В пореформенный период экономическое развитие Самарской, Саратовской и Симбирской губерний еще не достигло того уровня, при котором было бы возможно беспрепятственное функционирование частного предпринимательства. Это обусловливалось тем, что здесь еще не был исчерпан запас свободных государственных земель для размещения сельского населения из других частей Поволжья и из-за его пределов. В связи с этим ощущалась нехватка свободных рабочих рук в промышленном и торговом секторах экономики, что влияло на характер развития сельского хозяйства, которое по-прежнему оставалось экстенсивным. Транспортная система была еще очень слабо развита. Однако в конце XIX – начале XX века Среднее Поволжье превратилось в динамично развивающийся регион страны, промышленность которого была ориентирована в основном на переработку сельскохозяйственного сырья и обслуживание земледелия. Не являлись исключением и исследуемые губернии, значение которых в российской экономике начала XX века определяла не промышленность, а земледелие. Именно зерновое производство являлось ведущей отраслью хозяйства в губерниях и важной сферой приложения капиталов как местных, так и иногородних предпринимателей.

---

* © Кабытов П.С., Баринова Е.П., 2013

Кабытов Петр Серафимович (kabpetr@samsu.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Баринова Екатерина Петровна (sirgteu@vss-63.ru), кафедра гуманитарных дисциплин Самарского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета, 443036, Российская Федерация, г. Самара, ул. Неверова/Линейная, 87/35.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

Во второй половине XIX в. главной отраслью хозяйства района стало земледелие, а товарной специализацией – производство продовольственного зерна. Изучаемые губернии превратились в поставщиков пшеницы высоких сортов на внутренний рынок страны и на экспорт. Производство пшеницы и торговля ею привлекали свободные капиталы. Но в первую очередь капиталистов интересовала земля.

Развитие предпринимательских хозяйств активно проходило в Заволжье, поскольку здесь было относительно мало помещичьих имений, государственные крестьяне были лучше обеспечены землей, существовал огромный арендный фонд казенных земель (2,5 млн десятин). Помещичьи земли предлагались для продажи в большом количестве – дворянское землевладение к 1905 г. сократилось в 2,4 раза. Торговля землей, спекуляция ею (покупка для перепродажи) приобрели ажиотажный характер. За 30 лет зарегистрировано 6962 сделки, «в обороте» было 3,5 млн десятин, т. е. больше частного земельного фонда. Немало довольно значительных капиталов было создано путем земельных спекуляций. В пореформенный период купцы стали уделять много внимания покупке земли, а затем устройству собственных сельскохозяйственных заведений. Средний размер купеческого землевладения составлял в 1877 г. 2522,9 десятины, а в 1905 г. – 2300 десятин на одно имение [20, с. 32].

В 1899 г. у 56 семей земельные владения превышали 10 тыс. десятин, среди них было по 24 семьи купцов и дворян. Самарские «хлебопромышленники» (купеческие семьи и торговые дома, занимавшиеся торговлей зерном) стали землевладельцами. Купцы Аржановы приобрели в разное время 154,6 тыс. десятин, Шихобаловы – 162,8 тыс. десятин, крестьянин А.А. Мальцев –108 тыс. десятин. По 20–30 тыс. десятин имели Курлины, Неклютины, Субботины, Журавлевы, крестьяне Кобзарь, Пшеничный, Овчинников. Землю скупали и для организации собственного хозяйства, и для сдачи в аренду крестьянам.

Однотипные способы ведения земледельческого хозяйства были характерны для «чумазых лендлордов». В этих латифундиях только часть земли использовалась для организации высокорентабельного производства с чередованием посевов, многопольными севооборотами и техническими новшествами. На первых порах с тучных заволжских черноземов доход можно было получить без особых хлопот. Для этого существовали разные способы. Первый способ – использование залежных земель как сезонных пастбищ. Бизнес состоял в том, что весной у кочевников-скотоводов скупали молодняк, его откармливали на бескрайних просторах (много ли расходов – только содержание пастухов-гуртовщиков), а осенью отправляли на продажу, продукты питания, сырье для переработки на кожевенных, салотопенных, мыловаренных и других предприятиях. Другой способ – экстенсивное земледельческое хозяйство. Весной засевали огромные площади. Для работы нанимали артели батраков, которые передвигались, как кочующие таборы, по степи: только вспахать и засеять, а там, что бог даст. Кстати, сеяли по стерне и тем предупреждали пыльные бури, бич степного земледелия. Осенью таким же, «наездом», собирали урожай. Если за лето выпадало два дождя, урожай мог быть прекрасным.

Аренда земель из государственного фонда стала типичной формой предпринимательского бизнеса в Заволжье. «Оброчные статьи» большими площадями сдавались в долгосрочную аренду на 10–20 лет. Для этого была организована система конкурентных торгов. Чтобы принять участие в них, следовало внести солидный залог, чего крестьяне обычно сделать не могли. К тому же крупные претенденты, как правило, заранее договаривались между собой, кто какой участок арендует, и тем сводили на нет сам принцип конкурентности и желание казны получить доход. Фактически аренда казенных земель в южном Заволжье стала монополией немногих капиталистов. К примеру, у Мальцевых в аренде было 36 тыс. десятин. Арендованные земли сдава-

лись в краткосрочную субаренду общинам и отдельным крестьянам. Такая операция приносила огромные прибыли (не менее 75 %), но обычно субарендаторы платили за каждую десятину в 2–4 раза больше.

По мнению П.В. Алабина, благоприятное развитие хлебной промышленности в Самарской губернии было связано с «естественным положением Самарского края и ему соседних», что обеспечивало возможность «разводить в нем хлеба различных качеств, начиная от черных и серых, до высших сортов красного». Помимо природно-климатических условий и особенностей колонизации, немаловажным явился и тот факт, что производители смогли наладить сбыт зерна в столицах и на заграничных рынках [1, с. 334–335]. В итоге уже в конце XIX века Самарская и Саратовская губернии стали районами торгового зернового земледелия, крупнейшими житницами Европейской России, известными своим хлебом не только в России, но и за ее пределами.

Несмотря на рост промышленного производства, все же традиционной отраслью экономики оставалась торговля, на которую оказывала влияние аграрная специализация региона: основным предметом торговли являлся хлеб.

Материалы середины XIX в. по Поволжью свидетельствуют о преобладании в хлебной торговле крупного капитала и обилии посредников. В Симбирской губернии в 1860-е гг. всем вывозом ведали иногородние предприниматели, местное «малосильное» купечество имело влияние на хлебные закупки лишь в районе губернского центра. Здесь были мелкие лавочки, велась перепродажа, сюда помещики приезжали продавать свой хлеб, сделки можно было совершать небольшим оптом [15]. В Самарской губернии «мощные хлебопотоки рождались из мелких и мельчайших ручейков крестьянских поставок по базарным дням в ближайшие к ним центры внутреннего потребления. Здесь хлеб попадал в руки скупщиков всех мастей, хозяйничавших на внутреннем рынке края» [20, с. 177]. В Саратовской губернии большая часть грузов шла транзитом, а местные товары покупали также скупщики [16, с. 148].

В последующие два десятилетия ситуация принципиально не изменилась. Можно говорить о формировании в 1880-е гг. специализированных хлебных пунктов по купле-продаже разного зерна. По данным казанских податных инспекторов, в это время выделились и стали известны окрестному населению пункты, куда привозили для продажи зерно, не выращиваемое в данной местности: в Казанскую губернию – пшеницу, пшено и ячмень, в Саратовскую – рожь и овес для потребления, пшеницу для переработки [24, д. 27410, л. 8; д. 27405, л. 3]. Торговлей по-прежнему ведали немногие. Между производителем и потребителем крупчатки стояло как минимум три посредника, каждый из которых имел по 2–3 копейки дохода с пуда.

Среди покупателей крестьянского хлеба главенствовали крупные дельцы. В Казани это были купцы Чунашев и Курзаев, в Саратовской губернии «при покупке ржи, овса определяли ход торговли Юренков и Решетников. Были и мелкие покупатели, но при незначительном повышении цены рожь поступала все к тем же крупным торговцам. Даже комиссионеры и иногородние фирмы, составляя партии, «всегда дополняли покупку ржи у главных скупщиков» [24, д. 27405, л.3]. Аналогичные сведения поступали из Симбирской губернии, где тамошние крупные торговцы всегда ориентировались на настроения в Рыбинске и Петербурге [24, д. 27403, л. 5]. Такой была ситуация в губернских центрах, а в глухих и отдаленных уездах хлеботорговый аппарат состоял из еще большего числа ступеней, который в 1880-е гг. инспектора связывали с состоянием путей сообщения. При урожае хлеба сбыт его был вполне обеспечен, хотя он и сопровождался «падением цен, доводимых скупщиками, в руках которых при настоящих условиях сосредоточены все операции по хлебной торговле, до крайних пределов» [8, с. 10]. «Скупщик безжалостен», «скуп-

щик-кулак понижает цены на продукты питания до последней возможности», – вторил саратовский губернатор [5, с. 10].

Серьезные изменения в организации хлебной торговли пришлись на последнее десятилетие XIX века. Современные исследователи связывают их, во-первых, с оформлением системы государственных закупок зерна для армии (сначала через земства, а с 1905 г. через интендантства); во-вторых, с реорганизацией структуры продовольственных магазинов; в-третьих, с появлением на хлебном рынке новых участников в лице государственного и коммерческих банков. Изменилась и географическая ориентация поставок зерна в связи с пуском железнодорожных линий в крае. Несомненно, новые участники создавали иную ситуацию на хлебном рынке и требовали корректировки «правил игры».

Все большее влияние на рынке в начале XX в. стали получать крупные промышленные дельцы, которые стремились соединить хлебную торговлю с производством. Покупка хлеба для них была лишь первым шагом в длинной цепочке переработки, транспортировки и продажи зерна и хлебной продукции.

Практически все крупные хлеботорговцы были связаны с банковским капиталом [20, с. 128–134; 16, с. 155]. Фактически это были тенденции концентрации и монополизации хлебной торговли и производства. В конце XIX века купечество оценило выгоду совмещения торговой деятельности с промышленным производством. Объекты приложения своих капиталов они зачастую выбирали в тех сферах, которые были хорошо известны им по торговой деятельности. В итоге в конце XIX – начале XX века особенно активно стали функционировать те купцы, которые стремились соединить хлебную торговлю с производством муки.

Только в 1880-х гг. произошел отраслевой сдвиг в сторону переработки продукции земледелия. Начало «индустриализации» Самарской губернии связано с мукомольем, выражалось в появлении паровых мукомольных мельниц. Первую построил П.С. Субботин с переработкой до 18 тыс. пудов в сутки. Всего же в Самаре было построено 10 мельниц, на которых можно было перемолоть 10 млн пудов зерна в год. Самара стала крупным центром мукомольного производства.

К строительству паровых мукомолок приступили известные в Самаре купцы-хлебопромышленники. Их предпринимательский расчет включал такие факторы. Увеличение городского населения обусловило рост потребности в печеном хлебе, а с вводом в эксплуатацию Самаро-Златоустовской железной дороги доступным становился еще и рынок горнозаводского Урала. Примитивные ветрянки и водяные мельницы обеспечить перемол нужного количества зерна не могли. На внутреннем рынке страны к этому времени (был мировой аграрный кризис) обострилась конкуренция «зерновщиков», сбыт муки был предпочтительнее и на мировом рынке. У будущих мукомолов были и другие преимущества: близость к районам производства зерна, отличное качество заволжской твердой пшеницы «белотурки», из которой получались высокие сорта муки, в том числе крупчатка. Уже установившиеся связи, традиции скупки зерна, вся многолетняя практика хлебного дела гарантировали то, что без сырья они не останутся даже при сильной конкуренции скупщиков зерна из верхневолжских городов и экспортеров. Проблемы рабочих рук не было: малоземельная деревня постоянно выталкивала на заработки «свежих» людей. На мельницах же требовалось немного специалистов (мастеров, механиков, счетоводов), зато в большом количестве были нужны неквалифицированные физически сильные люди (таскалы, выбойщики и т. д., короче говоря, грузчики). К тому же мельницы работали сезонно, с осени, когда поступало зерно нового урожая.

К мукомолью удачно или неудачно приобщились многие хлебопромышленники. Так, субботинскую мельницу сначала купил Аржанов, потом Ф.Ф. Красиков, за ним

А.М. Эрландер, а еще позднее товарищество Шахова и Попенова. В 1910 г. последние мельничное дело прекратили, а помещение было передано под казарму. В Засамарской слободе мельницу Светлова в 1889 г. купило Товарищество паровой мельницы в Самаре. В него входили П.С. Субботин, А.Н. и М.Н. Шихобаловы и Г.И. Курлин. Впоследствии в компании остались М.Н. Шихобалов и А.М. Шихобалова-Неклютина. Построенная Е.Н. Шихобаловым в 1883 г. мельница дольше других оставалась семейной собственностью и по наследству перешла к внукам. Мукомольным делом занималось несколько поколений Башкировых и Журавлевых, а кроме того, Соколовы, А.Н. Шадрин, А.Г. Курлин, братья Ромашевы, Стройковы-Якимовы, Боберман.

Положение ухудшилось после двух неурожайных годов (1906 и 1907 гг.). Уменьшилось количество товарного зерна, упал спрос, выросли цены на нефть, усилилась конкуренция между поволжскими мукомолами из разных городов из-за заволжской пшеницы. К 1910 г. объявили себя несостоятельными И. И. Шихобалов и Боберман, прекратили мукомольное дело хлебопромышленники Смирнов и Ромашевы, сгорела и не была восстановлена мельница Журавлева. В то же время укрепилось положение торговых домов Башкировых и Соколовых, товарищества Неклютиных. К 1911 г. в городе из 10 работало 5 паровых мельниц, которые могли перемолоть 40,5 тыс. пудов. Норма прибыли мукомольных фирм в 1911–1912 гг. составила в среднем 14 %, а у некоторых поднялась до 20 %. Кризис выдержали те предприятия, которые к тому времени успели модернизировать технику, рационализировать производство. Кроме того, хозяева применили и такой тактический маневр – построили мельницы или перенесли предприятия в сельские местности, поближе к источникам сырья. Новые предприятия размещались преимущественно вблизи пристаней и крупных станций Оренбургской железной дороги, в местах подвоза зерна из глубины уездов. На таких станциях обычно были большие зернохранилища, строились элеваторы. Так, торговый дом Соколовых, владея в Самаре мельницей с годовым перемолом 2 млн пудов, построил еще большую в Бузулукском уезде. Смирнову принадлежала мельница в Кинеле, а Шихобалову – в Богатом. В 1896 г. 8 мельниц, построенных в уездах, по объему производства стали перегонять самарские городские. Губерния сохранила славу одного из центров мукомолья всероссийского масштаба. В 1901 г. доля мукомолья в стоимости промышленной продукции превысила 56 %, а в 1913 г. – 63,3 %. Для тех, кто закрывал мукомольное дело в Самаре, это не означало полного разорения, они просто сосредоточивались на других видах предпринимательства. Все основатели паровых мельниц и в 1913 г. числились среди «первых людей города». Такая устойчивость обусловливалась значительными капиталами и многогранностью коммерческой деятельности.

Предпринимательство постепенно переходит на новую стадию своего развития – торгово-промышленную. Соединив в себе функции торговцев и промышленников, предприниматели объединили в своих руках закупку зерна, его переработку на собственных мельницах, транспортировку товара, а также его продажу как в губерниях, так и за их пределами. Торговые дома, будучи главными покупателями зерна в Поволжье, превратились в мукомольные фирмы. Своими закупками выделялись нижегородцы Башкировы и Бугровы, Калашников, Меньковы из Балаково, Аржановы и Шихобаловы из Самары.

Крупные мукомолы стремились делать покупки из первых рук, так как для них был важен сорт зерна. Они либо ездили сами по рынкам, либо посылали своих приказчиков. Так было в Самарской, Саратовской губерниях. У ссыпщиков и перекупщиков брали зерно только в случаях недостатка его на рынке и срочности покупки [14, с. 325]. Часто мукомолы имели и собственные флотилии судов для отправки

хлеба. Мукомолы же средней руки иногда действовали так: брали у крестьян зерно и расплачивались не деньгами (или частично деньгами), а мукой.

В Самарскую губернию зерно привозилось в основном из Самарского, Бузулукского, Николаевского уездов. А из Самары оно поставлялось по воде в Казань, Нижний Новгород, Муром, Ярославль, Кострому [9]. Начиная с конца XIX века большую популярность стала приобретать продажа продуктов переработки зерна – муки и отрубей. Самара постепенно заняла одно из первых мест по стране по объему покупок и продаж пшеницы. Ассортимент зерна отличался большим разнообразием, но особенно высоко ценился сорт пшеницы белотурка, из которой получалась мука, не уступавшая по своим качествам американской, голландской и английской [20, с. 122–123].

Находясь в центре хлебородной полосы России, Саратов перерабатывал огромное количество зерна и отличнейшую муку доставлял на продажу не только потребителям внутри России, но и на заграничные рынки. В 1904–1907 годах только по Волге с саратовских пристаней вывозилось ежегодно пшеничной муки 7 100 тыс. пудов, ржаной муки по 700 тыс. пудов. Среди отправляемых из Саратова по железной дороге грузов почти 14 % составляла мука. «Пшеничной столицей» региона называлось Балаково, с пристаней которого в начале нынешнего века отправлялось около 10 млн пудов хлеба. Как указывает А.Я. Майзульс, «крестьяне прилегающего к нему части Николаевского уезда в результате хлебной торговли были зажиточны и даже богаты» [19, с. 21]. Слобода Покровская (с 1914 года – город) тоже считалась крупным хлебным рынком, куда стал поступать уральский хлеб после проведения Покровско-Уральской линии железной дороги. Крупные партии муки производили и продавали торговый дом «Ф.А. Рыбакин и сыновья» из Аткарска, «Первое товарищество мукомолов» в Балашове, товарищество николаевского купца 1-й гильдии Н.С. Менькова, вольские купцы братья А.В. и И.В. Меркульевы. В Петровске крупным мукомольным предприятием был торговый дом «Ф. Александров с сыновьями», производивший до 1 675 тыс. пудов муки и сбывавший ее на многих внутренних рынках России [17, с. 56].

Второе место из пищевых продуктов занимала в торговом обороте Саратова соль, которая поступала по Волге с Эльтонского и Астраханских соляных озер по 2–3 млн пудов в разные годы. Отсюда соль развозилась по городам и весям европейской части России. В сравнении с прошлыми годами саратовская торговля солью пошла на убыль. А ведь солью жило и торговое, и рабочее население. Целые кварталы губернского города были заняты складами, и, как память о том времени, одна из саратовских улиц сохранила название Соляной. Причинами упадка соляной торговли явились, во-первых, переход с Эльтонского озера на новый соляной источник – озеро Баскунчак, с неоднократной перегрузкой продукта на пути до Царицына, что удорожало баскунчакскую соль; во-вторых, конкуренция дешевой донецкой (бахмутской) соли, которая проникла в те регионы, куда ранее доставлялась соль из Поволжья. Тарифные затруднения Грязе-Царицынской и Рязано-Уральской железных дорог явственно влияли на поставки соли.

В 1892 году правительство отменяет акциз на соль. Добыча соли увеличивается в России почти в два раза, цена за пуд снизилась в 3–4 раза. В этих условиях крупные саратовские солепромышленники, такие как Аносов, Кокуев, стали сокращать и постепенно ликвидировать свое соляное дело. Солью в Саратове стали торговать В.А. Шишкин и В.В. Сапожников. В 1900 году по Волге прибыло соли в Царицын 329 тыс. пудов, в Камышин – 96 тыс. пудов и в Саратов – 3 863 тыс. пудов; в 1909 году в Царицыне было получено с Баскунчака 1 274 тыс. пудов соли, в Камышине – 885 тыс. пудов, в Саратове – 1 265 тыс. пудов [17, с. 57].

Немалое место в саратовской торговле занимало подсолнечное масло. Только по Волге ежегодно отправлялось 150–200 тыс. пудов этого ценного продукта. На железной дороге масло и жмых подсолнечника составляли почти 10 % отправленных грузов. Но в начале XX века вследствие упадка отрасли из-за сокращения посевов на истощенных почвах, появления вредителей подсолнечника и конкуренции со стороны развитого маслобойного производства в уездах губернии произошло сокращение объемов продажи масла. Если в 1904 году было вывезено из Саратова подсолнечного масла 247 976 пудов, то в 1907 году – 210 491 пудов. К тому же конкуренция со стороны Воронежской и Кубанской подсолнечно-маслобойной промышленности лишила саратовских маслозаводчиков целого ряда постоянных рынков сбыта.

В значительном количестве вывозился из Саратова спирт, который закупали оптовые торговцы на винокуренных заводах. Всего производилось до 300 тыс. ведер 80 %-ного спирта. В основном этот продукт сбывался в Астраханской, Самарской, Бакинской губерниях и Закаспийском крае. С отходом Самарского Заволжья в казну и введением винной монополии торговля спиртом несколько понизилась. Но немало крепкого вина (водки) расходилось внутри самой Саратовской губернии. Например, только один Саратов в 1902 году потребил 213 807 ведер на сумму 1 678 381 руб., а в 1913 году за 11 месяцев саратовцы выпили 505 699 ведер водки, за которую было выручено 4 040 000 рублей.

К концу XIX в. упала в Саратове торговля рыбой из-за хищнического лова в Волге. У саратовских берегов уловы, за исключением сельди и воблы, были невысоки. Красная рыба почти исчезла, и цены на нее поднялись. Но, несмотря на это, спрос на рыбу и рыбные продукты увеличивался. Рыбу приходилось привозить из Астрахани. В 1893 году ее поступило соленой 500 тыс. пудов, свежей – 30 тыс. пудов. Немного, 50 тыс. пудов свежей рыбы, было доставлено из Уральска. Сухой воблы продано было 20 млн штук. Чтобы удовлетворить спрос, саратовские купцы стали искать новые источники поступления рыбы и рыбных продуктов. Однако привоз из Ростова-на-Дону по несколько тысяч пудов свежей рыбы не помог поднять эту отрасль до нужного уровня.

К 1905 году рыбная торговля несколько оживляется за счет продажи воблы до 100 тыс. пудов. Среди соленой и свежей рыбы, привозимой в Саратов, преобладала частиковая. В 1909 году ввезено для внутреннего потребления 1 535 672 пуда рыбы, из которой 80 % – частиковая и сельдь, 20 % – красная (осетр, белуга, севрюга). По сравнению с предыдущим годом ввоз красной рыбы снизился на 15 %, а частиковой возрос на 10 % [17, с. 59]. Строительство Грязе-Царицынской железной дороги способствовало перемещению рыбного рынка, как и соляного, в Царицын. Из других товаров следует назвать сахар, ввозимый с Украины для местного рынка Саратовской губернии и Самарского Заволжья. Сахара – рафинада и песка – расходилось до 650 тыс. пудов, распределительным рынком сахара являлся Саратов.

Еще в середине XIX в. Саратов был главным торговым пунктом, снабжавшим сахаром все Нижнее Поволжье, но в последней четверти века приоритет в торговле сахаром перешел к Царицыну, имевшему пониженные железнодорожные тарифы, а Саратов стал снабжать только свой район. Сахара поступало до 650 тыс. пудов (без Царицына), однако крупных сделок на Саратовской бирже было мало. Сделки на его поставки производились в Киеве и Харькове, и затем из южных губерний Украины – Черниговской, Киевской, Полтавской, Харьковской – сахар поступал в Саратов частично по железной дороге, частично водою. Некоторые сахарозаводчики имели в Саратове свои оптовые склады. Таким же распределителем являлся Саратов в бакалейной, гастрономической торговле и в снабжении китайским и цейлонским чаем.

Некоторые фирмы в Саратове чай развешивали и сортировали сами. Поэтому в уездах торговля проходила уже развешанными чаями саратовских и московских фирм.

Особо следует выделить торговлю фруктами: яблоками, сливами, ягодами, поскольку садоводством в губернии занимались многие города и селения: Вольск и его округа, Хвалынск, Новая и Старая Яблонки, Золотое и многие другие. Купцы этой отрасли торговли отправляли деликатный товар в основном в Москву и Петербург, но случались поставки даже во Владивосток. В урожайные годы только из одного Хвалынска реализовывалось более миллиона пудов яблок. Здесь снятые в садах яблоки упаковывались в ящики, вывозились на пристань для отправления по Волге. Десятки тысяч пудов продавались на саратовском рынке. Купцы из Москвы и других городов производили в Саратове все лето скупку ягод, варку из них варенья, которое крупными партиями отправлялось по железной дороге по назначению. Согласно отчету Саратовского биржевого комитета, среди преобладающих грузов на саратовской пристани значились арбузы: в 1905 году – 786 тыс. пудов, в 1906-м – немногим более 1 млн пудов и в 1907-м – 559 тыс. пудов.

В начале XX века произошли некоторые изменения: в торговле возросла роль товаров местного производства. Предприниматели начали поставлять на рынок кожи, кожевенные изделия, сукно, но все же самым доходным делом оставалась продажа хлеба.

Промышленность исследуемых губерний развивалась в тесной связи и зависимости от аграрной специализации хозяйства. Даже металлообрабатывающие предприятия приспосабливались к обслуживанию ведущих отраслей хозяйства губерний и занимались производством сельскохозяйственных орудий, паровых котлов, ремонтом техники [13, с. 366–367]. По сведениям современников, наиболее активно в губернии начала XX века функционировало мукомольное производство [3, с. 26–28]. Главной тенденцией в мукомольном деле в это время было «сокращение переработки пшеницы на мелких мельницах... и сосредоточение этой переработки в крупных заведениях, располагающихся у речных пристаней и станций железной дороги и отправляющих приготовляемый продукт на отдаленные рынки» [21, с. 81]. Второе место после мукомолья в Самарской губернии занимали пивоварение и лесопильное производство. В 1880 году в Самаре благодаря стараниям австрийцев А.Ф. Вакано и М.М. Фабера возник Жигулевский пивоваренный завод, который выпускал пиво высокого качества.

Возрос спрос на лесные материалы, как на внешнем, так и на внутреннем рынке, соответственно, увеличились объемы продаж лесных материалов. Этот резко увеличившийся спрос мог удовлетвориться исключительно за счет частновладельческих и казенных лесов. Выгодную ситуацию на лесном рынке старались использовать прежде всего частные владельцы. Так, в 1900 году из нашей губернии было вывезено 2671 тыс. пудов, а в 1913 году – уже 5387 тыс. пудов [2, с. 253]. В связи с развитием торговли предприниматели стремились расширять рынок сбыта. Особой популярностью у них пользовались Приуралье, Зауралье, Средняя Азия. Там они создавали опорные пункты в виде агентств, контор и складов [12, с. 121].

Кроме этого, в губернии работали небольшие маслобойки (изготовляли подсолнечное масло), крупорушки, крахмалопаточные, винокуренные, дрожжевые предприятия. Начало развиваться фабрично-заводское производство. В Самаре появились новые виды современных пищевых фабрик. Это были макаронная Кеницера и кондитерская Савинова, которые обслуживали весь средневолжский рынок.

Новым видом товаров стали нефть и нефтепродукты. В середине 80-х годов XIX века двинулся по Волге поток бакинской нефти, наиболее экономичного топлива, оказавшего влияние на экономику Поволжья. Саратов и Царицын становятся

крупными перевалочными пунктами нефтепродуктов. В начале XX века в Саратове «Восточное общество» имело 28 железных резервуаров (общей емкостью 4,1 млн пудов), товарищество «Братья Нобель» – 8 (общей емкостью 1,1 млн пудов), общество «Мазут» – 2 (общей емкостью 300 тыс. пудов) и другие. 20 резервуаров (общая емкость 1,75 млн пудов) построило Общество РУжд. Кроме этого, было 6 ям-хранилищ мазута, вмещавших до 10 млн пудов. Такая же картина была и в Царицыне. В Саратове почти все заводы заменили дровяное отопление на нефтяные остатки. «Нефтезированы» были волжский флот и железная дорога. В 1904 году через Саратов прошло 22,8 млн пудов мазута и 10,9 млн пудов керосина. Часть нефтепродуктов расходилась в Поволжском регионе, а остальные отправлялись по железной дороге в Московский, Варшавский и Петербургский регионы [17, с. 61].

В торговле долгое время сохранялись традиционные формы организации. В ней участвовали торговые дома, перекупщики (покупка хлеба, к примеру, осуществлялась в основном через посредников), мелкие розничные торговцы. Торговля происходила в лавках, магазинах, на ярмарках. С основанием в 1893 году биржи оптовая торговля, первоначально хлебом, а позже и другими товарами, в основном переместилась туда.

Особенностью в развитии предпринимательства являлось возникновение комплексного торгово-промышленного предпринимательства. Оно формировалось преимущественно в мукомольной, лесопильной, пивоваренной, винокуренной и других отраслях промышленности. Примерами таких предприятий были пивоваренный завод, принадлежавший А.Ф. фон Вакано, винокуренные заводы Марковых, мукомольные предприятия Соколовых и Башкировых. Многие предприниматели оставались землевладельцами. Тем самым присутствует явная взаимосвязь между торгово-промышленным предпринимательством и сельскохозяйственным, которая прослеживалась как на уровне крупных торгово-промышленных фирм, так и на уровне мелких хозяйств. Кроме того, для многих предпринимателей была характерна многоотраслевая промышленная деятельность, которая выражалась в совмещении ряда производственных сфер, не связанных друг с другом. Примером этого является торговый дом «Челышов с С-ми», основной профиль которого определялся как строительный, однако наряду с этим он занимался мукомольным делом, содержал бани.

Другой характерной чертой развития предпринимательства являлось активное участие купечества в общественных делах. Предпринимателей привлекали для решения различных экономических вопросов. Они участвовали в заседаниях Общего присутствия Казенной Палаты для утверждения процента средней прибыльности с предприятий. По мнению управляющего Самарской Казенной Палаты, приглашение «компетентных и вполне добросовестных лиц из торговцев каждого податного участка» позволило бы прийти к оптимальному решению данного вопроса. В 1911 году среди приглашенных фигурировали купеческие сыновья Н.И. и А.И. Афанасьевы из Бугульминского уезда, занимающиеся мукомольем и торгующие зерновым хлебом; Н.Д. Юшков из Бугурусланского уезда, имеющий мукомольную мельницу и осуществляющий торговлю мукой; владельцы мукомольных мельниц Ф.Х. Лейсле и С.И. Балдин из Новоузенского уезда; И.С. Шнырев, владелец мукомольной мельницы, и сын самарского купца, инженера-технолога М.Т. Миронова, заведующего мукомольной мельницей и молотилкой из Самарского уезда [22, д. 893, л. 14–16, 18–22, 33, 35, 37]. К тому же многие предприниматели (В.Н. Башкиров, К.Н. Неклютин и другие) входили в состав Самарской городской думы, принимали участие в решении важных для города вопросов [23, д. 3, л. 58–59].

Постепенно расширяя сферу деятельности, совмещая торговую и производственную функции, торговопромышленники нуждались в более сложных институциональных формах, что выразилось в преобразовании многих торговых домов и единолич-

ных предприятий в торгово-промышленные товарищества на паях. В свою очередь, оформление бизнеса в такой организационно-правовой форме способствовало концентрации производства и выделению крупных торгово-промышленных фирм, сосредоточивших в своих руках значительные капиталы и производственные ресурсы. Таким фирмам было проще выходить за рамки губернии, в итоге сфера их деятельности перестает ограничиваться местным рынком, а начинает осуществляться в масштабах всей страны. В результате представители крупного торгово-промышленного предпринимательства губерний стремятся найти свое место на всероссийском рынке.

Наиболее типичные институциональные формы торгово-промышленной предпринимательской деятельности в конце XIX –начале XX века можно представить как восходящие от более простых (единоличные предприятия) к более сложным (товарищества на паях или торгово-промышленные товарищества). Предприниматели самостоятельно выбирали наиболее оптимальные из них соответственно размерам своего предприятия, наличию свободного капитала и развитию экономических отношений в регионе. Ведущей формой торгово-промышленного предпринимательства были торговые дома в виде полных товариществ на вере, хотя более крупные предприятия с начала 1910-х годов стремились преобразовать свои фирмы в товарищества на паях.

Одним из крупных в Самарской губернии по размеру основного капитала являлось торгово-промышленное товарищество «Н.Е. Башкирова наследники», преобразованное из одноименного торгового дома и зарегистрированное в новом качестве 18 сентября 1912 года. Торговый дом «Николая Емельяновича Башкирова наследники» имел в собственности паровую мукомольную мельницу I разряда, оборот которой в 1906 году составил 2,5 млн рублей, а в 1907 – 2 млн рублей. Кроме этого, торговый дом осуществлял в Самаре торговлю хлебом собственного производства в своем доме на углу Старо-Самарской улицы и набережной реки Волги (оборот в 1906 году равнялся 88 тысячам рублей, а в 1907-м – 106 тысячам рублей), и в доме Попова на Заводской улице (оборот в 1906 году составил 183 тысячи рублей, в 1907 – 248 тыс. рублей). В собственности ТД находились два парохода – «Н.Е.Башкиров» и «Самарец» [25, оп. 4, д. 257, л. 86 об.].

В 1912 году полные товарищи ТД «Н.Е. Башкирова наследники» приняли решение реорганизовать свою фирму и передать «учреждаемому торгово-промышленному товариществу права пользования всеми, как высочайше пожалованными, так и всякими другими наградами, которыми пользовался ТД до сих пор». Они передали все принадлежащее торговому дому имущество в собственность торгово-промышленного товарищества за общую сумму 1 586 031 рубль 55 копеек. Товарищество приняло на себя ответственность по всем обязательствам ТД. Информация об открытии торгово-промышленного товарищества была донесена до сведения министра торговли и промышленности, а также до всеобщего сведения через публикацию в печатных изданиях. Основной капитал товарищества, 3 млн рублей, состоял из 600 паев стоимостью 5000 рублей каждый. Учредителями товарищества являлись потомственная почетная гражданка А.Д. Пятова, потомственные почетные граждане В.Н. Башкиров и В.М. Сурошников [26, д. 1376, л. 52 об.]. Директорами правления товарищества были избраны А.Д. Пятова, В.Н. Башкиров, а кандидатом в директора – П.В. Сурошников. Председателем правления стал В.М. Сурошников. Торгово-промышленному товариществу принадлежала паровая мукомольная мельница, 6 лавок в Самаре (Воскресенская, Заводская, За-Самарская, Ильинская, Ново-Троицкая, Троицкая) паровое судно «Н.Е. Башкиров», два склада в Петербурге и один в Рыбинске, также оно продавало хлеб с астраханской пристани и с баржи на реке Ока. В 1914 году товарищество приобрело в Кинешемской и Казанской городских управах по одному свиде-

тельству на осуществление хлебной торговли на местах. В 1915 году всего насчитывалось 24 заведения, принадлежащие торгово-промышленному товариществу.

Мукомольное товарищество «Н.Е. Башкирова наследники» закупало пшеницу в основном в Покровской слободе и в Балакове. Однако, помимо производства муки, товарищество иногда приобретало уже готовые переработанные товары: пшеничную и ржаную муку, различную крупу, солод, пшено, овес, горох, отруби, которые впоследствии продавались как в Самарской губернии, так и за ее пределами. Также товарищество занималось продажей зерна и соли [25, оп. 3, д. 1464, л. 38; д. 1483, л. 9 об.-10, 13 об.-16]. На товариществе лежали производственные, торговые, товарные расходы, расходы по учреждению и организации товарищества, расходы, связанные с покупкой зерна, а также налоговые расходы, которые погашались из прибыли. Прибыль товарищества за первый операционный год (1912–1913) составила 289 684 рублей 93 копеек, за второй (1913–1914) – 220 203 рубля 21 копейку, за третий (1914–1915) – 566 468 рублей 50 копеек. Прибыль распределялась следующим образом: средства отчислялись в запасной капитал, на амортизацию движимого и недвижимого имущества, на содержание машин и аппаратов, парохода и барж, на погашение расходов по учреждению и организации товарищества, в особый запасный капитал, в пользу членов правления и ревизионной комиссии, на дивиденды по паям, на работы по ремонту мельницы, на страхование мельницы, машин и товаров, на вознаграждение служащим в товариществе. В течение 1913 года на службе товарищества (без учета членов правления) состояло 63 человека, в 1914 году – 78, а в 1915-м – 74. Среди них были бухгалтер, конторщик, приемщик зерна, покупатель зерна, приказчики, кассиры и другие [25, оп. 3, д. 1483, л. 87; д. 1454, л. 71]. Помимо производственных и торговых, товарищество имело такие статьи расхода, как аренда квартир для своих служащих, жалование и страхование рабочих, образование вспомогательного пенсионного фонда, из которого оплачивалась медицинская помощь, пенсии и пособия увечным работникам.

К тому же товарищество жертвовало средства на благотворительные цели: оно учредило стипендию имени Н.Е. Башкирова в местном Коммерческом училище в размере 1000 рублей, содержало койку имени А.Н. Шихобалова в местной больнице его же имени, на что также выделялась 1000 рублей.

Таким образом, товарищество «Н.Е. Башкирова наследники» являлось крупной торгово-промышленной фирмой, занимавшейся переработкой зерна, транспортировкой товаров на собственных или арендованных судах, продажей товаров, в том числе и собственного производства. Оно, имея торговые отделения в Петербурге, Рыбинске, Гельсингфорсе, в больших объемах осуществляло продажу хлебных товаров собственного производства, тем самым способствуя получению значительной прибыли, которая шла на дальнейшее развитие дела и на общественные цели.

Рассматривая материалы за 1902–1907 гг., можно констатировать наличие в Самаре 45 торговых домов и товариществ, из которых торговый дом «Г.Н. Фрезе и К°», учрежденный со сроком действия 40 лет, не выполнял свои функции. Существовавшие в этот период в Самаре совместные предприятия осуществляли производство и торговали различными видами продукции. Из 45 торговых домов и товариществ 15 предприятий (33,3 %) были учреждены с целью производства продукции. Соответственно 30 совместных предприятий (66,7 %) занимались куплей-продажей товаров, подрядами и поставками, оказанием услуг. Среди 15 торговых домов и товариществ, нацеленных на производство и продажу продукции, преобладали мукомольные предприятия – 9 (60 %), хотя торговый дом «Братья Шихобаловы», помимо эксплуатации мельниц, использовал собственные земли «для хлебопашества» [26, д.1033, л. 59].

Среди остальных предприятий был «Машиностроительный завод братьев Журавлевых и К°», производящий различные речные суда, двигатели, машины и запчасти к ним, исполнявший разного рода технические работы. Торговый дом «Братья Пиннекер» производил саратовские сарпинки. «Я. Катык и К°» – производство папиросных гильз. ТД «Шишкин и Корнева» осуществлял выработку альбумина на заводе при городской скотобойне. «Товарищество искусственных минеральных и газированных вод» объединяло все заводики этой отрасли. А «Товарищество Жигулевского Пивоваренного Завода» являлось крупнейшим производителем пивоваренной продукции в Самаре.

Таким образом, очевидно, что среди занятий совместных предприятий преобладала торговля. Производство, в котором первенство принадлежало мукомольному делу, не имело значительного веса в сфере деятельности торговых домов.

Среди торговых домов и товариществ, ориентированных на куплю-продажу различных видов продукции, нет ярко выраженного лидера. Три предприятия занимались торговлей хлебом. Три торговых дома предлагали для продажи готовое мужское и женское платье, обувь. Один торговый дом представлял собой типографию. Торговые дома и товарищества занимались продажей колониальных и гастрономических товаров (2), бакалейных товаров (2), торговали мануфактурой (2), реализовывали весь возможный ассортимент металлургического производства (1), принимали к выполнению подряды, в том числе и на работы по постройке Самаро-Златоустовской железной дороги, занимались поставками (2). Создавались товарищества для проверки железнодорожных накладных – «Тарифное бюро». Одно из совместных предприятий поставляло в Самару сельскохозяйственные машины отечественного и импортного производства. Торговали дома и товарищества посудой, хозяйственными товарами, бытовой техникой [26, д. 1033].

Очевидно, что совместные предприятия по реализации различных видов продукции и услуг охватывали в той или иной степени все сферы потребления и оптово-розничной торговли. Однако если учитывать, что занимающиеся мукомольным производством совместные предприятия также реализовывали свою продукцию, то наиболее многочисленную группу образовывали торговые дома, ведущие торговлю хлебом, «хлебными и зерновыми фабрикатами» – 12 (26,7 %). По видам товариществ в 1902–1907 гг. небольшим преимуществом пользовались полные торговые дома и товарищества – 24.

В числе учредителей 29 торговых домов и товариществ, зарегистрированных Самарской Городской Управой в период с 1902–1907 гг., состояло 97 человек, среди которых 46 иногородних и 2 иностранных подданных, 30 представителей купеческого сословия, из них иногородних купцов – 11; 26 мещан, из них иногородних – 19; 15 крестьян, из них иногородних – 12; 14 потомственных и личных почетных граждан; 5 чиновников и их вдов, один инженер-механик, два аптекарских работника; 4 иногородних поселянина. Число учредителей в рассматриваемых совместных предприятиях колебалось от 2 до 9 человек. В исследуемый период в основном преобладали предприятия с числом учредителей не более 2 человек. Состав учредителей торговых домов и товариществ в сословном отношении можно охарактеризовать как смешанный. Из 29 торговых домов только 7 имели однородный сословный состав: учредителями 5 предприятий являлись купцы, 2 – мещане.

В Саратовской губернии в 1910–1913 гг. было открыто 78 товариществ. Однако к январю 1915 г. в Саратовской губернии уже действовало 240 торговых домов, или 2,6 % от общего числа предприятий данного вида в России. Основными центрами регистрации товариществ являлись: Царицын – 102 фирмы, Саратов – 49, Вольск – 22, Балашов – 20. Статистические данные свидетельствуют о том, что в крае преобла-

дали товарищества, заявленные капиталы которых редко превышали 50 тыс. руб. Тем не менее в губернии действовали и крупнейшие в масштабах страны торговые дома, в основном в мукомольном производстве.

Среди саратовских миллионеров преобладали предприниматели, которые были обязаны своим успехом мукомолью и хлебной торговле. А.Н. Боханов в списке крупнейших торговых домов России в 1911 году указывает, что торговые дома имели капиталы: «Э.И. Борель» – 1,2 млн рублей, «К. Рейнеке и сыновья» – 1,8 млн рублей, «Братья Шмидт» – 1,2 млн рублей [5, с. 114]. Торговый дом «Э.И. Борель» являлся владельцем огромного торгово-промышленного концерна, который олицетворял предпринимательские усилия не одного поколения. Этот торговый дом занимался производством разных сортов муки, преимущественно из пшеницы, на четырех мощных мельницах: в Саратове (паровая), в селе Александровка Саратовского уезда (водно-турбинная), в селе Нижняя Добринка Камышинского уезда (паро-водяная), на ст. Бурасы (паровая) на Вольской ветке железной дороги.

Главная контора торгового дома находилась в Саратове, а отделения были в Саратовской губернии и в волжских торговых городах: Нижнем Новгороде, Покровске, Астрахани и в обеих столицах. Все отделения имели сеть складов и магазинов и занимались сбытом зерна и изготовленной на мельницах продукции. Для хранения зерна склады и вместительные амбары имелись в Покровске, Екатериненштадте и Николаевске, а в Камышине содержали склад товаров. Для обслуживания нужд производства Борели располагали собственным пароходством из двух буксирных пароходов и караваном из 15–19 барж. В Уфимской области торговый Дом «Э. И. Борель» владел Южно-Глухоозерским и Уральским портландцементными заводами. Там же, в селе Петровском, имелась большая сельскохозяйственная экономия стоимостью до 800 тыс. рублей. Еще одна экономия находилась в селе Преображенское (Разбойщина) под Саратовом. Кроме того, в разных уездах Саратовской губернии у Борелей числилось до 27 тыс. десятин земельной собственности. Различного рода ценных бумаг у торгового дом имелось на сумму 208,3 тыс. рублей, в том числе акций бумажно-прядильной фабрики «Саратовская мануфактура» – на 160 тыс. рублей.

По архивным материалам, в 1913 году личные капиталы Борелей составляли 4 425 тыс. рублей, а имущество торгового дома оценивалось в 6 883 тыс. рублей, не считая ценных бумаг[17, с. 68–70]. Под стать Борелям были и другие торговые дома и товарищества саратовских купеческих семейств: Рейнеке, Шмидтов, Богословского, Степашкина, Шумилина. Саратовские купцы вкладывали свои капиталы в предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, которые при большом уровне эксплуатации давали высокие прибыли. Промышленная деятельность крупных купцов обычно совмещалась с торговлей самыми разнородными товарами. Например, братья Шмидт владели мельницами и торговали сарпинкой, Шумилин имел маслозавод и, кроме растительного масла, торговал тертыми красками и бондарными изделиями, Селиванов содержал изразцовый завод и вел продажу нефтепродуктов. На основе соединения промышленных и торговых операций и вырастали огромные состояния.

Большая часть товариществ – 139 предприятий (58 %) – занималась чисто торговыми операциями. В нижневолжском регионе первые места в данной сфере принадлежали продаже леса, металлических и скобяных изделий, кожаных изделий, хлеба, рыбы, соли, растительного масла. Наиболее крупными торговыми фирмами считались: торговый дом на вере «Бондаренко и К°», специализировавшийся на продаже шляп и изделий из кожи, а также полный торговый дом «Тренин и К°», занимавшийся реализацией железно-скобяных товаров. Основной капитал каждого из этих товариществ составлял 120 тыс. руб.

Характерным для России начала XX века было возникновение крупных предприятий, активно внедрявшихся в экономику тех губерний, которые входили в сферу их интересов. Одним из таких являлся концерн Стахеева, действовавший в том числе и на территории Самарской губернии, которая привлекала предприимчивых людей развитым мукомольем. Торговый дом елабужского купца И.Г. Стахеева начинал свою деятельность с хлеботорговли. Зерно перерабатывалось на собственных мельницах и винокуренных заводах, продавалось в центральные районы страны и шло на экспорт. В Поволжских губерниях, в том числе и в Самарской, создавались хлебные склады, зерносушилки, элеваторы. Впоследствии уже торгово-промышленное товарищество, членом которого стал Батолин, объединило предприятия различных отраслей: им принадлежали пароходы на Волге, частные акционерные железные дороги, хлопкоочистительные заводы, хлопчатобумажные мануфактуры, нефтепромыслы, два собственных банка. Товарищество занималось лесоразработками на побережье Белого моря, угледобычей на Сахалине, металлургическим производством на Урале. В годы Первой мировой войны Стахеев с Батолиным и Путиловым создали концерн, деятельность которого была тесным образом связана с Русско-Азиатским банком. Несмотря на успехи в промышленной сфере, концерн не перестал заниматься хлебной торговлей в Поволжье, которая продолжала приносить большие прибыли. В 1914 году под хлебные операции Русско-Азиатский банк выдал Стахееву кредит на сумму 2 миллиона рублей [11, с. 162]. В результате губернские хлебопромышленники, заключавшие сделки с товариществом Стахеева, принимали участие в формировании крупного концерна всероссийского масштаба. Хотя это сотрудничество и было не на равных, поскольку даже крупные самарские торгово-промышленные предприятия уступали концернам по своим оборотам и масштабам деятельности, однако оно свидетельствовало о вовлечении губернских предпринимателей в процесс развития новых форм организации предпринимательства в империи.

Биржевая торговля, получившая особое распространение в России в конце XIX – начале XX века, способствовала развитию более высокого уровня коммерческих связей. Биржа облегчала поиски партнеров и оформление сделок, позволяла осуществлять торговлю в масштабах всей страны. Губернские биржи, объединяя крупных предпринимателей, как местных, так и иногородних, обеспечивали оптовую торговлю между самарскими предпринимателями и предпринимателями из Саратова, Ярославля, Баку, Рыбинска, Нижнего Новгорода, Костромы, Петрограда, Харькова и многих других городов Российской империи. Самарское Биржевое Общество было сформировано частным совещанием «господ купцов города Самары» 8 марта 1893 г. в помещении Самарской Городской Управы под председательством городского головы купца Неклютина. В обращении на бирже находились разные промышленные товары и сельскохозяйственные продукты. Главными же объектами биржевой торговли, исходя из специфики регионов, были зерновые продукты (пшеница, рожь, овес, ячмень), отвечающие определенным сортам и типам и соответствующим образцам и пробам, приложенным к биржевым сделкам. Кроме обычных товарно-сырьевых бирж, как, например, Саратовская, были открыты хлебные биржи в Балашове, Покровске, Балакове. Здесь саратовские мукомолы закупали до четверти годового оборота каждой биржи. На биржах существовали котировочные комиссии, занимавшиеся организацией ценообразования, т. е. на основе имеющихся сведений о ценах на других биржах выводились биржевые цены на товары на данный день торга. При заключении биржевых сделок посредниками являлись биржевые маклеры, к которым предъявлялись высокие требования профессионализма и честности. Все сведения о совершенных сделках записывались маклером в особую прошнурованную книгу.

Первоначальная деятельность Биржевого Общества была направлена на упорядочение торговли в губернии и основной ее отрасли – хлебной торговли. В первое пятилетие Биржевому комитету пришлось работать в тяжелых условиях: предприниматели чуждались огласки торговых операций и условий сделок.

Первым председателем был избран купец первой гильдии Углов Н.Ф. За период с 1894 по 1912 гг., кроме Н.Ф. Углова, в Обществе председательствовали: А.Г. Курлин – почетный потомственный гражданин, купец первой гильдии (1895–1908); В.И. Ромашев – купец второй гильдии (1908–1911); В.Н. Башкиров – купец второй гильдии (1911–1917). Старшинами Биржевого Комитета за исследуемый период состояли: П.И. Шихобалов – купец второй гильдии; Н.Д. Батюшков – купец второй гильдии; Н.М. Михайлов, С.Е. Ромашев – купец первой гильдии; И.П. Журавлев – почетный потомственный гражданин и купец первой гильдии; А.С. Медведев, И.И. Бордмейер, И.М. Боберман – купец первой гильдии; Шадрин М.А. – купец второй гильдии; И.П. Самойлов, М.Е. Ягодкин – купец первой гильдии; В.И. Ромашев – купец второй гильдии; Н.И. Батурлин, О.Л. Поленов, Н.Ф. Колесников, М.Л. Боберман – купец первой гильдии; В.Н. Башкиров, Н.И. Васильев, С.Н. Чемодуров, К.Г. Немальцев [6, с. 15–16].

На первых порах работы Комитета ему пришлось выступать в роли арбитра. Члены биржевого общества часто обращались с различными торговыми недоразумениями. Чаще всего споры и тяжбы возникали при приеме и сдаче пшеницы, а также о погрузке различных грузов, принятии отрубей, поставках мазута и т. д. Самарская биржа объединяла вокруг себя как местных предпринимателей, так и иногородних. Данные 1913–1914 годов свидетельствуют, что наиболее крупными местными покупателями белотурки, русской пшеницы, ржи и льняных семян на бирже были Товарищество «Н.Е. Башкирова наследники» (его оборот на бирже за это время составил 9 028 482 пудов), Товарищество «Я.Г. и И.Я. Соколовы» (3 871 886 пудов), Д.П. Смирнов (4 197 950 пудов), ТД «О.В. Шадрина и С» (1 827 726 пудов) и другие.

Самарская биржа находилась в тесном взаимодействии с соседними хлебными рынками губернии, из которых первое место занимала хлебная биржа в слободе Покровской в Новоузенском уезде. Новоузенский уезд располагал большими площадями земли с плодородным пластом, дающим одни из лучших сортов белотурки в России. В торговом отношении Покровская слобода была важной приволжской хлебной пристанью, к которой с проведением железной дороги начали подвозить хлебные грузы с Новоузенского и Николаевского уездов, с Уральской области [10, с. 64].

На Покровской бирже, объединявшей вокруг себя торгово-промышленные слои, как местные, так и иногородние, велась активная оптовая торговля зерном. С 1 октября 1913 по 1 октября 1914 года главными и наиболее многочисленными покупателями на покровской хлебной бирже были саратовские мукомолы, самыми крупными из которых являлись В.В. Богословский, Товарищество «С.И. Степашкин», Товарищество «Братья Шмидт». Они покупали на бирже белотурку, русскую пшеницу, рожь. Так, Товарищество «С.И. Степашкин» за этот период на бирже приобрел 1 387 940 пудов зерна, Товарищество «Братья Шмидт» – 1 379 440 пудов, В.В. Богословский – 1 042 660 пудов. Помимо саратовских мукомолов, существенную роль на бирже играли и нижегородские мукомолы: товариществом «Я.Е. Башкиров» было за год куплено 1 592 608 пудов зерна, товариществом «Н.А. Бугров» – 1 592 500 пудов. К тому же на бирже активно действовали и симбирские, костромские, ярославские, рыбинские, казанские, петроградские и, безусловно, самарские предприниматели. Среди последних заметную роль играли купцы Соколовы. Товарищество «Я.Г. и И.Я. Соколовы» с 10 июля по 10 октября 1914 года закупило 330 000 пудов пшеницы. Из покровских хлеботорговцев вели закупки на бирже П.П. Головачанский, Б.И. Дрезденко, «Думлера Н.Е. Наследники»,

И.В. Алипов, В.И. Кравченко. Общий оборот покровской хлебной биржи с 10 июля 1913 года по 10 октября 1914 года составил 20 592 951 пудов зерна [7, с. 142–145].

Третьей по количеству оборотов хлебной биржей в Самарской губернии была Балаковская хлебная биржа в Николаевском уезде. В 1910 году председателем правления балаковской биржи являлся потомственный почетный гражданин С.Г. Мельников, его замом – В.Д. Поликарпов, старшинами были Н.М. Карлинский, И.В. Голованов, И.В. Мамин, В.Е. Смирнов, Д.А. Масленников, П.А. Беляков. В состав Балаковского биржевого общества входили суконные фабриканты, хлеботорговцы, землевладельцы, судовладельцы, агенты страховых и пароходных обществ [18, с. 141]. На хлебной бирже в Балаково торговали исключительно пшеницей – русской и белотуркой, которую покупали главным образом иногородние мукомолы. В основном сюда съезжались предприниматели Среднего и Верхнего Поволжья. Местное же мукомолье не отличалось большими масштабами: в Балакове имелась всего одна небольшая мельница, а в Вольске – одна крупная мельница. Торговые обороты на балаковской бирже достигали 20–30 млн рублей в год. Новейшие формы оптовой торговли преобладали в районах, специализировавшихся на производстве пшеницы.

Хотя по уставу биржа и являлась местом для заключения сделок и обмена коммерческой информацией, но фактически ее функции выходили за рамки торгово-посреднических операций. Роль губернских бирж как хозяйственных институтов не ограничивалась организацией и координацией торговли в губерниях: биржевые общества и биржевые комитеты, сформированные местными предпринимателями сразу же после начала функционирования биржи, являлись основными наиболее развитыми представительными организациями предпринимателей в Самарской и Саратовской губерниях, оказывающими влияние практически на все сферы хозяйственной деятельности.

Помимо занятий на бирже, представители купечества вели общественные дела как гласные городской думы и члены управы, работая в разных комиссиях этих органов, состояли членами учетных и учетно-ссудных комиссий разных банков, раскладочных по промысловому налогу присутствиях, уполномоченными или членами правлений банков и кредитных обществ и пр. По возможности биржевой комитет и биржевое общество активно участвовали и в общественной жизни губерний, занимались благотворительностью. Биржевики ратовали за открытие в Самаре коммерческого училища и торговой школы. Они осознавали, что при наличии хорошо подготовленных профессионалов торговля и промышленность будут интенсивнее развиваться. Представители биржевого общества вошли в состав попечительского совета коммерческого училища, помогли торговой школе сформировать библиотеку. На нужды училища комитет ежегодно ассигновал 2000 рублей (позже эта сумма возросла до 2500 рублей). В 1913 году общим собранием биржевого общества были учреждены стипендии: для коммерческого училища – 120 рублей, для торговой школы – 40 рублей. Вопрос о нуждах коммерческого образования с подачи биржевого комитета был внесен в повестку VIII Всероссийского съезда представителей биржевой торговли, который открылся в 1914 году. В докладной записке, подготовленной самарским комитетом, определялись основные нормы коммерческого образования в России. Съезд принял решение обсудить более подробно все проблемы на Съезде по коммерческому образованию.

Из группы видных биржевых деятелей в эти годы в Саратове большим авторитетом пользовался коммерции советник Н.И. Селиванов, бывший в 1897–1906 годах председателем биржевого комитета. Он происходил из семьи владельца маленького заводика и после смерти отца продолжил его дело, занявшись еще винной торговлей, стал купцом 1-й гильдии, занимаясь продажей изразцов производства своего завода и

нефтяными продуктами. В Селиванове было много природного такта, знания людей, умения и работоспособности. Четверть века он состоял гласным Саратовской городской думы и проявил себя на ниве городского управления, плодотворно трудясь в его финансовых комиссиях. Его деятельность в правлении Саратовского общества взаимного кредита дала блестящие результаты – крепко и прочно было поставлено общество. Много преуспел Н.И. Селиванов на поприще биржевого комитета в своем стремлении к широкому развитию торговли и промышленности Саратова. Среди членов биржи он пользовался глубоким уважением. Члены биржевого общества образовали капитал, на проценты с которого учредили стипендии имени коммерции советника Н.И. Селиванова в коммерческом училище, созданном настоянием и заботой Николая Ивановича. Среди других выбранных на различные должности биржевого комитета можно назвать имена представителей самых богатых купеческих родов: Н.П. Кокуев, И.И. Зейферт, Э.Э. Борель, А.И. Шумилин, А.М. Оленев и другие [17, с. 67–68].

Принимая решения по каким-либо вопросам, члены биржевого общества и комитета руководствовались собственными экономическими интересами, поскольку все они являлись предпринимателями, но, безусловно, их деятельность отвечала и экономическим интересам губерний. Они большое внимание уделяли разрешению транспортных проблем, связанных с обеспечением навигации на Волге; способствовали развитию коммерческого образования и подготовке специалистов в этой области; следили за городским благоустройством; занимались изучением хозяйственного потенциала края, участвовали в благотворительных акциях, то есть принимали активное участие в общественной жизни губерний.

Значение биржевого общества и биржевого комитета как экономических институтов очень велико: они сформулировали новые правила ведения торговли; придали своим членам новый социальный статус (биржевики стали ассоциироваться с деловой элитой губернии); сумели объединить представителей торгово-промышленного класса, защищая их экономические интересы перед государством, став в конечном итоге основными представительными организациями, выступающими в роли связующего звена между торгово-промышленным классом губернии и государственной властью. Следовательно, сразу же после возникновения биржевое общество и биржевой комитет взяли на себя исполнение задач, выходивших далеко за рамки контроля над торгово-посредническими операциями. В их функции входила организационная, консолидационная, координационная, информационная, представительская и общественная деятельность.

В развитии рыночных отношений, транспортной инфраструктуры, кредитно-банковской системы, научно-технического прогресса непосредственное участие принимали сами предприниматели. То есть им принадлежала двойная роль: с одной стороны, они подчинялись новым экономическим условиям, в которых им приходилось реализовывать свою деловую инициативу, а с другой стороны, они сами формировали предпринимательскую среду в губернии, создавая перспективные формы торговли, организовывая предприятия новых типов в сельском хозяйстве, торговой, промышленной и банковской сферах. Например, известный купец и предприниматель Л.С. Аржанов с 1908 года являлся председателем совета Самарского купеческого банка; А.Ф. фон Вакано, владелец пивоваренного завода, использовал на своем предприятии современное оборудование, внедрял технологические новшества [18, с. 38; 27, д. 514, л. 2–3]. Таких примеров очень много, и свидетельствуют они о том, что предпринимательская среда формировалась не только под воздействием государственной экономической политики, но и при деятельном участии в этом процессе торгового и промышленного предпринимательства.

Библиографический список

1. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (Историко-статистический очерк). Самара, 1877.

2. Анфимов А.М. Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX – начале XX века // Исторические записки. Т. 63. М., 1958.

3. Архангельский Н.А. Город Самара. Краткий очерк. Самара, 1913.

4. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX в. – 1914. М., 1992.

5. Всеподданнейший отчет губернатора Саратовской губернии за 1887 год. Саратов, 1887.

6. За 20 лет. Юбилейный сборник очерков деятельности Самарского Биржевого Комитета и общества 1893–1913 гг. Самара, 1914.

7. За два года. Очерки общественно-экономической жизни Самарской биржи. 1911–1914 гг. Самара, 1915.

8. Записка Симбирского губернатора к Всеподданнейшему отчету об обозрении губернии в 1893 году. Симбирск, 1893..

9. Ильин С. Хлебный торг // Былое. 1992. № 5. С. 8.

10. Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. Самара, 1899.

11. Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина. Л., 1969.

12. Клейн Н.Л. Предпринимательство в Поволжье на рубеже XIX – XX столетий: некоторые особенности // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития: материалы научной конференции. Чебоксары, 1998.

13. Клейн Н.Л. Государство и частное предпринимательство в капиталистической России. Опыт Поволжья // Экономическая история России на рубеже XIX–XX веков: современный взгляд. М., 2000.

14. Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. СПб., 1912.

15. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. Ч. 1 и 2. СПб., 1868. С. 196–198.

16. Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1: С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993.

17. Очерки истории Саратовского Поволжья. 1894–1917. Т. 2: Саратов. Саратов, 1999.

18. Памятная книжка Самарской губернии на 1910 год. Самара, 1910.

19. Путеводитель по Саратову. Саратов, 1917.

20. Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней. Самара, 1993. Кн. 2.

21. Тагирова Н.Ф. Торгово-экономические связи губерний Поволжья во второй половине XIX века // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития: материалы научной конференции. Чебоксары, 1998. С. 81.

22. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 150. Оп. 3.

23. ГАСО. Ф. 170. Оп. 7.

24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 573. Оп. 18.

25. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.150.

26. ЦГАСО. Ф.153. Оп. 36.

27. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 45.

P.S. Kabytov, E.P. Barinova*

TRADE AND ENTREPRENEURSHIP ACTIVITY OF MIDDLE VOLGA MERCHANTS

In the article the basic directions of trade and business activities of Middle Volga merchants are viewed. Special attention is given to the establishment of new forms of business activities.

Key words: merchant class, trading houses, partnerships, exchange, entrepreneurship.

* *Kabytov Petr Serafimovich* (kabpetr@samsu.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

Barinova Ekaterina Petrovna (sirgteu@vss-63.ru), the Dept. of Humanitarian Disciplines, Samara Institute (branch) of Russian State University of Trade and Economics, Samara, 443036, Russian Federation.

УДК 94(47).08

З.М. Кобозева*

ТЕЛЕСНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ МЕЩАНСКОГО СОСЛОВИЯ г. САМАРЫ: СТОЛКНОВЕНИЕ С БОЛЕЗНЯМИ И СМЕРТЬЮ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)**

В статье анализируется антропология повседневного мещанского быта на примере сословного столкновения с болезнями и смертью. Доказывается, что, несмотря на всеобщность болезни и смерти как испытания, с которым сталкивается любой человек в своей жизни, существовала сословная специфика, связанная с социальной незащищенностью данного городского слоя в эпоху разрушения городского мещанского общества и становления всесословного организма модернизированного города.

Ключевые слова: мещанство, тело, болезнь, смерть, антропология сословного быта.

Тело мещанина – это тело, предоставленное болезням, старости и смерти. И в этой ипостаси оно чрезвычайно одиноко, как одиноки все мы, наедине с болезнями, старостью и смертью. Но обстоятельства, в которые человек оказывается поставленным в силу своего социального статуса, позволяют говорить о теле как о коллективном явлении. «На наши тела глубоко влияет как социальный опыт, так и нормы и ценности тех групп населения, к которым мы принадлежим» [1, с. 132]. Каждая социальная среда вырабатывает свой символический язык телесности, в котором общие понятия приобретают специфическую коннотацию. Для интеллигента, рефлексирующего на тему тела, принципиальным становится разведение понятий «обнаженность» и «оголенность»: слово «голая», по мнению Н. Евреинова, «отдает запахом банного веника; слово «нагая» – жертвенным фимиамом... Несомненно, что всякая нагая женщина вместе с тем и голая; но отнюдь не всегда и не всякая голая женщина одновременно и нагая» [2, с. 110]. Мещан, проживавших в городе, расположенном на берегу реки, не только не волновала грань между «наготой» и «оголенностью», но и не вызывало смущения публичное купание, чему находим косвенное подтверждение у переживающего на эту тему самарского губернатора Аксакова, обратившегося в 1869 г. к городскому голове: *«С наступлением жаркого времени по всему берегу Волги, прилегающему к городской набережной, началось купание простого и рабочего народа без различия пола и возраста, чт,о кроме известных неудобств в нравственном отношении, представляет далеко неприличное зрелище для постоянно проходящей и проезжающей по берегу публики. Для устранения этих неудобств, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, немедленно отвести на б. Волги места для купания отдельно для женщин и мужчин и*

* © Кобозева З.М., 2013

Кобозева Зоя Михайловна (zoya_kobozeva@mail.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

загородить оныя с берега досчатым или лубочным забором, так чтобы не было видно купающихся, и о сделанном известить полицию для надлежащего с ея стороны наблюдения. Вместе с тем принимая во внимание, что при неровности речного дна и жарком климате, вызывающем здесь потребность в частом купании, в Самаре, более чем в других местах, часты случаи утопления не только детей, но и взрослых – я покорнейше прошу Вас предложить городскому обществу просьбу мою устроить на средства городской казны общественные бесплатные купальни мужскую и женскую, что при малоценности таких сооружений не послужит обременением для городской кассы» [3, л. 1].

Главную тенденцию, связанную с эволюцией отношения к «сословному» телу на протяжении пореформенного периода, можно определить как гуманизацию, что выразилось в первую очередь в освобождении сословия от телесных наказаний, которое началось с Положения от 10 марта 1897 г. и закончилось Манифестом от 11 августа 1904 г., освобождавшим бывшие податные сословия, в том числе и мещан, от телесных наказаний [4, с. 466]. Телесная эмансипация от власти является важным моментом в генезисе личности. Применительно к дворянскому сословию об этом размышлял С.О. Шмидт в статье «Общественное самосознание noblesse russe в XVI – первой трети XIX в.» [5, p. 11–32], отмечая, что кодекс дворянской чести (не связанной с моралью воинского сословия) начинает складываться с того момента, когда никто больше не смеет ударить дворянина по лицу. Русский дворянин был телесно эмансипирован в конце XVIII в., а русский мещанин – в начале XX в. В стоящий между этими событиями XIX в. происходит другое важное событие: исчезает физическое наказание тела как грандиозное зрелище [6, с. 22]. «Последняя экзекуция» на самарском эшафоте была произведена в 1865 г.: «наказуемый был положен на наклонно поставленную доску, так что голова была выше ног, руки были привязаны к доске. Присутствовал доктор. Нанесено было 63 удара розгами. Эшафот, будучи разборным, был поставлен там, где теперь находятся городские весы» [7, с. 306].

До этого исторического момента публичная казнь на самарском эшафоте не уступала в зрелищности казне богохульника Дамьена, казненного на Гревской площади второго марта 1757 г., которую описывает М. Фуко в главе «Тело осужденного» [6, с. 7–11]. Лобное место в Самаре, на котором возвышался эшафот, было огорожено «городьбой, за которой обыкновенно теснился народ. На помост вела лестница. Привезенного из острога преступника на особого черного цвета «позорных дрогах» «выводили» на возвышение. На груди его висела доска с обозначением его преступления... После прочтения приговора его привязывали к столбу и производили экзекуцию. Толстый палач в красной рубахе с засученными рукавами, в широких черных шароварах, с 3-конечной плетью в руке приступал к делу. Перед ударом он вскрикивал: «Берегись!» – и наносил удар, затем, не торопясь, переходил на другую сторону столба, снова произносил: «Берегись!» – и снова наносил удар. Привозили преступника с барабанным боем. На «позорных дрогах» была сделана скамья, благодаря чему везомый возвышался над толпой. Сидел он задом к лошади» [7, с. 305]. Народу зрелище нравилось. Народ вслух считал удары [7, с. 305]. К концу XIX в. система наказания «уже не обращена на тело» [6, с. 26]. «Тогда за что же она цепляется? – вопрошает М. Фуко и отвечает: – Если не тело, то душа» [6, с. 26]. В изменившихся обстоятельствах, когда сословная рефлексия становится глубже и тоньше, государство апеллирует к душе, провозглашая, что «добродетель есть дело государственное» [8, с. 94]. Освобождая тело мещанина, государство рассчитывало на его душу. Но душа в начале XX в. становилась пленницей общего безумия: «безумие притягательно... другой своей стороной... это не только темные глубины человеческой природы, но и знание» [8, с. 31]. Знание мещанина о мире многократно умножалось с помощью растущего количества информационных каналов, пронизывающих его повсед-

невность. Перефразируя поговорку, получаем правило: чем больше знаем, тем хуже спим. На мещанина обрушивалась информация о войнах, революциях, трагедиях, преступлениях, болезнях, событиях. Научные открытия изменяли быт. Однако душевная болезнь всего общества не признавалась болезнью, «философская и научная мысль отказывается принимать это узнавание себя в безумце» [8, с. 606]. Отношение же общества к безумцам было определено сегрегацией, изоляцией таковых. Лица, «подвергшиеся расстройству умственных способностей», представляли и представляют, помимо объекта приложения сил медицины, часть социального пейзажа города. Безумие в среде нормы воспринималось как отклонение от нормы, а следовательно, угроза. Как пишет М. Фуко в «Истории безумия в классическую эпоху», на майнцском смирительном доме была прикреплена надпись: «Если возможно было усмирить в свете Божием диких зверей, то никогда нельзя отчаиваться в исправлении заблудшего человека» [8, с. 96]. «Как для католической церкви, так и для протестантизма изоляция воплощает в себе в авторитарной форме миф об общественном благоденствии: это социальный порядок, целиком проникнутый принципами религии, и религия, чьи требования получат полное удовлетворение в системе правопорядка и тех принудительных мер, которые будут взяты им на вооружение» [8, с. 96]. Так называемый «старый дом умалишенных» был выстроен в Самаре в 1860 г. «по инициативе губернатора Арцимовича на пожертвования частных лиц и имел вид летнего барака, из тонкого леса, для выздоравливающих и хронических больных, находился на двух местах, определенных по высочайше утвержденному плану на город Самару под богоугодные заведения... Каково было содержание душевнобольных в Самаре, видно из доклада ревизионной комиссии земского собрания в 1876 году: «1) употреблявшиеся до сего времени цепи в отделении дома для умалишенных выведены их употребления новым врачом» [7, с. 148]. Как писал в своей краеведческой картотеке К.П. Головкин, «по рассказам старожилов, около ветхой изгороди больницы всегда с одной стороны толпились прохожие и ребятишки, смотря на больных сквозь щели, с другой – больные, глядя на улицу и проходящих. Изводя друг друга разными способами, они громко и долго ругались» [7, с. 148–149]. М. Фуко обращает внимание на непростой путь психиатрии в дофрейдовский период: «Проступок, вынесенное ему обвинение и сопровождающее его узнавание, равно и явленные, и скрытые в объективности органического: таково наиболее удачное выражение того, что XIX век понимал и хотел понимать под безумием» [8, с. 611]. Самарские врачи также были поставлены в ситуацию, когда необходимо было в многочисленных случаях их практики подтвердить «расстройство умственных способностей» или доказать «притворное сумасшествие» [9, л. 1]. Приходилось обращаться в полицию, чтобы вместе с умалишенным в больницу доставлялись сведения «об образе жизни в домашнем быту и об обстоятельствах, лиц этих окружающих» [9, л. 1]. Медики предлагали полицейским разобраться в таких вопросах, как: *«не было ли вражды или другой побудительной причины / не находился ли он в таком положении, которое могло бы его довести до отчаяния и до умоступления»* [9, л. 2]. Несмотря на тот факт, что в деле «Об умалишенной мещанке Анне Хрунтяевой» за 1884 г. речь идет об имущественных вопросах, прослеживается реакция городской семьи на подобное заболевание. И в первую очередь это касается уверенности близких в неизлечимости таких больных и роковой случайности, связанной с проявлением болезни. В массовом сознании и у современного российского горожанина начала XXI в. сохраняется стойкое убеждение в том, что сумасшествие врачи не лечат, а превращают медикаментозно пациентов «в растения» или закрывают в страшных палатах с решетками на окнах. Во второй половине XIX в. отношение к сумасшедшим было такое же. Самарский мещанин Михаил Степанов Цыков в своем Прошении писал: *«Родная моя дочь, Анна Михайлова, бывши в замужестве за Самар-*

ским мещанином Афанасием Хрунтяевым – после выхода в замужество впала в сумашествие, и хотя была помещена для лечения в г. Казани в больницу душевнобольных доктора Фризе и в Самарской городской больнице сумашедших, но болезнь ее не излечилась... помер бездетный муж моей дочери Андрей Хрунтяев, и я поставлен был в необходимость взять мою сумасшедшую дочь на мое попечение, так как родные ея мужа, жившие с ним в одном доме... тяготятся уходом и надзором за больной» [10, л. 2]. Отец просил сделать врачебное освидетельствование дочери и на этом основании *«вернуть имущество от той родни»*. Речь шла о приданом в виде капитала в 3 тыс. руб., одежде и мебели. Судебные приставы описали все имущество несчастной сумасшедшей и передали отцу. К делу были прикреплены материалы врачебного освидетельствования, проведенного в Присутствии Самарского губернского правления. Больной задавали вопросы, на которые она давала ответы: «*Как зовут тебя? – Я не знаю как. – Меня Вы узнали? – Доктор. – А меня узнали? Пустите меня! (не отвечая на вопросы, больная просит отпустить ее) – Не хочется покурить? – Не хочу. – Чаю пить не хотите? – Не хочу! Не хочу!*» [10, л. 11].

Э. Гидденс обращает внимание на четкую взаимосвязь между показателями смертности и заболеваемости «и тем социальным классом, к которому принадлежит человек», так как «между разными классами существует значительное неравенство, влияющее на показатели здоровья – от веса при рождении до артериального давления...» [1, с. 133–134]. О болезнях, которые тревожили мещан второй половины XIX – начала XX в., можно узнать из той части делопроизводственной документации, которая касается просьб об освобождении от тех или иных повинностей на основании состояния здоровья. Так, мещанин Никита Кузьмин Малышев, прося освободить его от податей, писал в 1858 г. в Думу: *«всего я плачу податей за 3 души, тогда как я сам человек нездоровый и разбитый параличом, от которого лишен владением правой ноги и правой руки... а сын мой еще человек молодой и тоже на родителях»* [11, л. 1]. В 1896 г. мещанская управа выдала свидетельство о том, что Захар Красных был причислен в самарские мещане из отставных рядовых. Недвижимой собственности в городе у него никакой не было. Ремеслом и торговлей он не занимался. Ни у кого не был в услужении. Не состоял сторожем в каких-либо присутственных местах или церквях. Собственных средств к жизни никаких не имел, равно как не имел и родственников, которые могли бы взять его к себе на содержание [12, л. 43]. Через два года такой жизни он умирает утром 22 февраля, о чем пристав г. Самары сообщил в мещанскую управу. В 1898 г. самарский мещанин Захар Иванов-Красных умирает *«вследствие кровоизлияния в мозг, вызванного, как обнаружило вскрытие, болезнью, так называемой «Вермофовой»»* [12, л. 42]. Из прошения в городскую думу Самары мещанки Марьи Степановой с просьбой освободить от рекрутства ее сына всплывает описание болезни мужа и отца этого семейства. Марья пишет, что *«у меня муж, а у призываемого отец... одержим около пяти лет падучею болезнью, которая по удостоверению самарских врачей, оказалась неизлечимою... призываемый постоянно находится при своем отце... с которым учащенно случаются припадки всюду, как то: в лавке во время торгового занятия, в своем доме... призываемый приводит его бесчувственного домой, а тем более. Что сын мой Петр поступил на действительную военную службу, тогда останусь я с неспособным к труду моим мужем... и двумя малолетними детьми»* [13, л. 45–45 об.]. Члены мещанского собрания постановили признать Василия Степанова неспособным к труду и исходатайствовать сыну льготу 1-го разряда [13, л. 45–45 об.]. Путь к выздоровлению бедного мещанина был многотрудным, так как рассчитывать на благотворительную помощь можно было при условии, что мещанская управа выдаст так называемое удостоверение о бедности. В мещанскую управу Самары пришло прошение: *«Страдая с давнего времени глазною болезнью и находясь на излечении в*

самарской земской больнице около двух лет, я не получил никакого облегчения в болезни. Имея намерение при помощи благотворителей отправиться для лечения в Петербург в Университетскую при Академическую медицинскую клинику, я покорнейше прошу выдать мне удостоверение в бедности» [14, л. 737]. Особенно трогательна и безысходна Докладная записка в Думу самарского мещанина Ивана Дмитриева Журавлева: *«В бывшей со мной несколько лет тому назад болезни лишился я совершенно владения ног, а с тем вместе лишился и всяких необходимых средств к своему существованию, благодетелей же и родственников, которые бы могли поддержать мой физический быт, не имею, а хотя и есть брат, но он в таком беднейшем положении, что не может как следует обеспечить и собственного своего семейства, не говоря уже обо мне... покорнейше прошу о помещении меня в богадельню и тем самым предоставить бедному страдальцу теплый приют... Я уже находился в богадельне и только в марте месяце сего года вышел из оной в надежде чем-либо излечиться от болезни, между тем надежда моя не оправдалась и я остался в таком же жалком положении, как и прежде...»* [15, л. 46]. В 1887 г. муж самарской мещанки Е.Л. Сапунковой умер в бригадном лазарете *«от паралича сердца»* [15, л. 52]. Мещанин Максим Григорьев-Ларионов был освобожден от призыва в рекруты и исключен из числа работников по решению комиссии, которая констатировала, что у него *«значительная мошоночная грыжа, трудно вправимая в брюшную полость»*. Сам Максим писал: *«С давнего времени страдаю грыжей, от чего я не могу доставать себе средства к пропитанию трудами своими»* [16, л. 1–3]. В 1903 г. 14-летний мещанин умер от *«язвенного воспаления внутренней оболочки сердца»* [17, л. 3].

Одной из самых распространенных в Самаре в рассматриваемый период болезней была холера. В городе постоянно проводились мероприятия, которые должны были бы предупредить очередную эпидемию холеры. Город в случае появлении этой болезни предполагалось разделить на 8 участков, в каждом открыть холерную больницу на число кроватей от 10 до 20 с аптечкой [18, л. 5]. Дома для больниц сдавали самарские мещане приблизительно за 20 руб. в месяц, в зависимости от размера дома [18, л. 7–8]. В 1892 г. тиф в Самаре принимал эпидемический характер [19, с. 32], и в этом же году в связи с очередной холерной эпидемией решено было открыть специальное отделение для холерных больных [19, с. 412–413, 470–471]. В 1910 г. Самара вновь столкнулась с эпидемией холеры [20, с. 35]. Во время эпидемий большинство больных проходили под категорией «сомнительнохолерные». Из списка за 1911 г. больных холерной больницы, принадлежавших к мещанскому сословию, большинство холостяков и вдовцов. Профессии, а следовательно, и экономический статус у всех заболевших холерой мещан разные: австрийский дезертир, кровельщик, хозяйка бакалейной лавки на набережной, домохозяйка, торговец, маклер, сапожник, слесарь, чернорабочий [21, л. 2–13 об.], бондарь, фельдшер, слесарь, торговец, солдат, портниха [21, л. 9–11]. Как уже говорилось выше, это все были люди, которых госпитализировали с подозрением на холеру. Они, как правило, выздоравливали и покидали больницу. Но те, кто попадал в категорию «явнохолерный», то есть у кого диагноз подтверждался, в основном умирали. В 1911 г. врачи Самары имели дело с «азиатской холерой» [21, л. 5 об., 6 об.]. Замужняя мещанка, домохозяйка 27 лет, выздоровела от холеры и была выписана из больницы [21, л. 6 об.]. И в то же время 55-летний мещанин, занимавшийся домашним хозяйством, умер [21, л. 7]. Если оценивать степень подверженности заболеванию по сословиям, то наибольшее число больных холерой было среди приехавших в город крестьян [21, л. 2–13 об.].

Главное внимание земства в 1876 г. в области медицинского дела было обращено на принятие мер против распространения сифилиса. В Бузулуке решено было даже учредить отдельную сифилитическую больницу на 25 кроватей [22, с. 73]. В 1856 г.

самарский городовой врач Григорий Андреянович Троицкий при рекрутских участковых начальниках «свидетельствовал» самарских мещанок Авдотью Тихонову Баловневу и Наталью Филиппову Баловневу *«в болезненном их состоянии»*. По освидетельствованию оказалось, *«что они обе больны хронической венерической болезнию и одержимы дряхлостью, отчего никаких работ производить не могут и для поддержания их здоровья им необходимо нужна помощь...»* [23, л. 652]. В 1876 г. в Самаре работал всего один дантист [24, с. 72]. А плата за лечение и содержание в земской больнице мещан, «несостоятельных к уплате», в 1891 г. составила 1000 руб. 4 коп. Дума ассигновала на это 1000 руб. [24, с. 135]. В 1896 г. в Самарской губернии работало уже 2 дантиста, 6 цирюльников, 77 фармацевтов, 145 врачей, 71 повивальная бабка и 5 оспопрививателей [25, с. 45]. Для горожан Самары в конце XIX в. действовал приемный покой на ул. Панской, расположенный в двухэтажном каменном доме. Помещение приемного покоя состояло из общей приемной комнаты для приходящих взрослых больных, кабинета врачей, кабинета женщины-врача, операционной и перевязочной комнат, аптеки и детской приемной. В приемном покое работали 4 врача, 4 фельдшера и фельдшерица. Прием больных производился ежедневно с 9.00 до 13.00 [26, с. 16–17]. За 1888 г. врачами приемного отделения из всех сословий города Самары больше всего было принято мещан: 16 595 человек [26, с. 17]. Среднее число посетителей в день составляло 99 человек [26, с. 17]. Самым распространенным заболеванием среди горожан были: «перемежающаяся лихорадка (5156 случаев в год)», «болезни легких» (4135), «желудка и кишок» (4349), «кожи» (3223), «женские болезни» (2154), инфекционные болезни (1553), болезни костей (1732), «язвы, раны, ожоги, ушибы» (1191), «ревматизм» (1334), «мозговые и нервные» (1087). Далее шли: «сердца и сосудов» (227), «глаз» (690), «ушей» (583), «сифилис» (606), «малокровие» (293), «цинга» (14), «золотуха» (153), «венерические болезни» (266) [26, с. 18]. Для лечения дифтеритных больных при земской больнице было выстроено два барака на 22 кровати. В 1888 г. дифтеритом заболело 99 мещан г. Самары и 35 мещан иногородних [26, с. 19]. Так как мещане города составляли фактически наиболее бедную его страту, постоянно перед властями города вставал вопрос о том, кто будет платить за их лечение в городских больницах. *«Городское общественное управление, по ходатайству мещанского общества, приняло на себя, по примеру прошлого 1887 г., платеж за лечение беднейших мещан г. Самары в губернской земской больнице; на этот предмет было внесено в смету расходов в отчетном году 500 руб.; впоследствии число больных, имевших надобность в лечении, значительно увеличилось. Всего Городской Управою, с разрешения Городской Думы уплачено земству за лечение бедных больных из числа мещан г. Самары 1117 руб. 47 коп.»* [26, с. 20]. У значительной части мещан не было средств оплачивать свое лечение в больницах. Мещанский староста Самары в своем рапорте в Городскую Думу писал, что, во-первых, никто не соглашается платить за умерших в больнице мещан, во-вторых, *«мещане, мещанки отправляются в контору больницы не всегда по собственному их желанию и не по крайней в том необходимости, а часто при случающихся ссорах и драках, последствия которых... не всегда открываются в удовлетворительном виде, так что виновных, с которых следовало бы взыскать деньги за... больного, не оказывается, а те лица, которые находятся в больнице...отказываются от платежа за лечение... так как не виноваты в ссорах и драках, и потому деньги остаются невзысканными... гг. мещане и мещанки, не имеющие никакой собственности, отправляются в больницу Полицией без разбора, в состоянии ли они уплатить за лечение их деньги, а мещанки иногда берутся из развратных домов и при отправлении их в больницу следовало бы требовать обеспечение в платеже денег за лечение, но этого никогда не исполняется, а по выздоровлению их они присылаются из конторы в Думу за пользование их и содержание в больнице деньги обращаются на общество»* [27, л. 269–

270]. По отчету Самарского городского приемного покоя за 1888 г. среди болезней, которыми страдали горожане Самары, были названы: оспа (23 чел.), скарлатина (50), дифтерит (80), круп (6), корь (36), коклюш (349), грипп (95), сыпной тиф (6), брюшной тиф (11), возвратный тиф (5), формы тифа, оставшиеся без распознания (175), кровавый понос (233), холера (10), заушница (117), рожа (103), гнойное воспаление глаз (36), сифилис (666), венерические болезни (266), бугорчатка (13), крупозное воспаление легких (72), малярия (5156), зоб (2), чесотка (219), глисты (111), катар дыхательных органов (2130), воспаление плевры (39), воспаление легких и плевры (15), прочие болезни дыхательных органов (667), воспаление сердца и его оболочек (3), органические болезни сердца (132), органические болезни сосудов (38), желудочно-кишечный катар (313), болезни желудка (1359), болезни кишок (1210), болезни печени (36), болезни селезенки (12), грыжи (51), выпадение прямой кишки (13), воспаление мочевых органов (474), Брайтова болезнь (43), болезни мужских половых органов (172), болезни женских половых органов (1612), расстройство умственных способностей (40), эпилепсия (24), воспаление головного мозга (7), воспаление спинного мозга (7), апоплексия и паралич (47), невралгия и судорожные болезни (947), мышечный ревматизм (1020), хронические сыпи (1348), воспаление подкожной клетчатки (1652), глазные болезни (690), ушные болезни (583), переломы (20), костоеда (1664), сочленовый ревматизм (260), болезни больших суставов (26), вывихи (24), болезни беременные (489), послеродовые болезни (43), маразм и старческий Антонов огонь (43), цинга (14), рахит (48), золотуха (153), доброкачественная опухоль (168), злокачественная опухоль (16), худосочные язвы (271), ожоги (141), замерзание (30), жаба (1095), кровотечения (54), инородные тела (71) [26, с. 332–333]. Из мещанства набирались лекарские ученики к врачам [28, л.96]. В 1871 г. первый городской врач обращался в Думу с предложением отметить каким-либо образом, например вознаграждением, многолетний труд по оспопрививанию жителей города старшим лекарским учеником мещанином Павлом Васильевым [29, л. 24].

Как писал Ю.М. Лотман, «смерть выводит личность из пространства, отведенного для жизни: из области исторического и социального личность переходит в сферы вечного и неизменного» [30, с. 210]. Переживание смерти и отношение к ней связано со своеобразием той или иной культуры. Местом упокоения самарских мещан было городское кладбище. «Первое общее кладбище, - читаем в краеведческой картотеке Головкина, – было на теперешней Саратовской улице, в местности, где дом муллы, у стоявшей там Вознесенской церкви, что тогда было за городом. С расширением города кладбище опять отнесено за город, на место, где теперь Покровская церковь... В 1860 г. кладбище вновь перенесено... На плане 1852 г. показаны два кладбища: Покровское (Старое) и Всехсвятское (Новое)» [7, с. 182–183]. На этих кладбищах заканчивался жизненный путь самарских мещан. 6 августа 1850 г. Егор Степанов Глухов умер и был отпет 8 августа в Кафедральном соборе и похоронен на городском кладбище [31, л.50]. Самарская городская дума сообщала мещанскому старосте о смерти однообщественников: *«Самарская мещанка Авдотья Провнитьева... волею Божьей померла и по обряду христианскому предана земле, о чем Городская дума дает вам знать»* [32, л. 3–3 об.]. Мещане г. Самары, умирая на чужбине, символически возвращаются в родной город через сословное делопроизводство. Так, от настоятеля Римско-Католического Вроцловского прихода пришло сообщение о смерти самарской мещанки, из конторы Черниговской губернской земской больницы – о смерти мещанина и вместе с сообщением его паспорт: Федор Алексеев, православный, 59 лет, сапожник, состоящий в браке с Анисьей Кирилловой, неграмотный, особых примет – нет [32, л. 44, 52, 54]. Из Симбирской губернской земской больницы пришло известие о смерти 62-летнего самарского мещанина Ивана Сафронова, работавшего чернорабо-

чим [12, л. 128]. В мещанскую управу приходили сообщения о смерти мещан, содержавшихся в богадельнях города [12, л. 131]. О смерти приходили сообщения и из Управления Самаро-Златоустовской железной дороги: умер самарский мещанин, помощник машиниста самарского элеватора [12, л. 136]. Вместе с актом Бакинской Михайловской городской больницы о смерти в ней самарского мещанина в управу были доставлены вещи покойного: одеяло, брюки, носки, фуражка [12, л. 156].

Рассмотрим далее вопрос одиночества в смерти и коллективности в смерти. Мещанин умирает в одиночестве, но и после смерти продолжает оставаться частью мещанского общества, так как его документы и вещи переправляются в мещанскую управу того общества, к которому он был приписан. Мещанин Иван Матвеев был найден мертвым 29 апреля 1889 г. близ села Воскресенского [33, л. 306], после чего его документы были переданы в мещанскую управу Самары. Другой мещанин, художник Федор Емельянов Буров, умер. А в мещанскую управу от судебного пристава пришло объявление, что 24 августа 1895 г. с 10 часов утра в Управлении первой полицейской части г. Самары будет проводиться публичная продажа его имущества: мебели, книг, одной картины с рамкой из Манчестера, обложенной желтым багетом... [33, л. 588]. Смерть настигала мещан Самары в чужих городах: в Бакинской больнице умерла бездетная самарская мещанка, от внутреннего кровотечения из-за перелома ребер умер мещанин в Иркутской военно-фельдшерской школе, умер мещанин на пароходе близ посада Дубовка Саратовской губернии [34, л.152, 205, 216]. Многие умирали от чахотки [34, л. 267 об.]. Рекрут из Самарских мещан, прослужив в пехотном Дагестанском полку с 1868 по 1870 гг., *«оказался одержимым неизлечимою опухолью на обоих коленях» и был уволен из армии «с полупараличным состоянием»* [34, л. 273]. Дочь сдала свою мать в больницу для душевнобольных, где та и умерла [34, л. 310–313]. В Земской больнице Самары умирает мещанин от воспаления почек [34, л. 323].

Умирали мещане от самых разных причин: в 1882 г. в г.Самаре 3 человека покончили жизнь самоубийством, произошло одно детоубийство, 9 человек умерло от пьянства, 12 – от неизвестных причин, было задавлено и упали с высоты 4 человека, один замерз и 8 утонуло. В целом, за этот год по городу умерло от насилия и случайностей 52 человека [35, л. 3 об.–4]. В 1912 г. в г. Саратове от отравления морфием скончался 48-летний мещанин г. Самары Вацлав Людвиг Левандовский, оставивший после себя 32-летнюю жену и двоих детей [29, л. 278]. Среди жертв «случайной смерти» самарский губернатор отмечал, что больше всего утонувших. Далее следуют задавленные и убитые падением с высоты. Потом – замерзшие. И 20 человек за этот год умерло от пьянства [25, с. 75]. Мещане-солдаты умирали не на войне, а по чьей-то безалаберности. В 1863 г. из Оренбургского линейного батальона в Самарскую городскую полицию пришла депеша от командующего корпусом по поводу смерти рядового Ивана Павлова, умершего от ушиба, полученного при нечаянном падении в амбар, находящийся около склада строевого леса для постройки бани. Амбар принадлежал самарскому мещанину Акиму Светову, которого обязали *«принять меры к отвращению опасности для караульных нижних чинов...»* [36, л. 107–109]. Песня «Степь да степь кругом, путь далек лежит» о замерзающем в степи ямщике была написана (стихи) поэтом И.З. Суриковым в Самарском крае на Серноводском курорте [37, с. 174]. Зимы суровые, степи бескрайние. Мещане, проживавшие вдали от города, порой заканчивали свою жизнь так же трагично, как герой песни. Из донесения уездного исправника 30 декабря 1881 г. в селе Елшанке умирает земский фельдшер Петр Александров Петров, оставив после себя жену и пятеро детей. 19 декабря 1885 г. на дороге близ села найдена была замерзшей жена покойного, Юлия Самойлова [38, л. 111]. Маленькие дети: Мария, Вера, Клавдия, Анна и глухонемой Михаил – остались после смерти матери совершенно одни. Михаила определили в московское училище для

глухонемых детей. Так как Петров принадлежал к самарскому мещанству, исправник писал письмо в мещанскую управу, чтобы та озаботилась устройством детей.

Мещанин болеющий, стареющий, умирающий предстает в источниках делопроизводственного характера не как человек страдающий, а как личность сословная, подверженная и в горе учету и контролю. Тем не менее на фоне эмоционально скупой документации совершенно явственно проступает тема одиночества человека в городе. Смертность мещан в городе была в 1,7 раза выше, чем у купцов, но в деревне она у обеих групп выравнивалась, поскольку, как считает Б.Н. Миронов, «те и другие отрывались от дома, от привычных им условий жизни» [39, с. 194]. Таким образом, в отличие от купцов, мещанин и в городе не был дома. Это во многом было связано с упадком в среде мещанства отношений общинного типа. Мещанское общество выполняло жизненно важную функцию «дома» только в качестве последней инстанции, в которую направлялась информация об умершем. Все данные косвенно говорят только об одном общем для мещан факторе: о низком уровне жизни большинства представителей сословия. Не было денег лечить мещанское тело. Не было денег поддерживать мещанское тело в старости. Не на что было хоронить мещанское тело. Мещанскую душу уже не грела сословность, утраченная в эпоху «чрева».

Библиографический список

1. Гидденс Э. Социология. М., 2005.
2. Почепцов Г.П. История русской семиотики. М., 1998.
3. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 967. Л. 1.
4. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. (XVIII – начало XX века). М., 2009.
5. Шмидт С. Общественное самосознание noblesse russe в XVI – первой трети XIX в. // Cahiers du monde russe et sovietingue. 1993. XXXIV (1–2).
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
7. Классика самарского краеведения: антология. Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX в. (краеведческая картотека). Самара, 2007.
8. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010.
9. ГУСО ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 573.
10. ГУСО ЦГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д. 3653.
11. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 235.
12. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 305.
13. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 242.
14. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 89.
15. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 856.
16. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 678.
17. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 346.
18. ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д. 1532.
19. Журналы Самарской Городской Думы. 1892 г. Самара, 1892.
20. Приложение ко всеподданнейшему отчету Самарского губернатора за 1910 год. Самара, 1911.
21. ГУСО ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 920.
22. Приложение ко всеподданнейшему отчету Самарского губернатора за 1876 год. Самара, 1877.
23. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 43.
24. Приложение ко всеподданнейшему отчету Самарского губернатора за 1876 год. Самара,1877.
25. Приложение ко всеподданнейшему отчету Самарского губернатора за 1896 год. Самара, 1897.

26. Отчет Самарской городской Управы и подведомственных ей учреждений за 1888 год. Самара, 1890.
27. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 33.
28. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 24.
29. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 85.
30. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1997.
31. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д.1 55.
32. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 8.
33. ГУСО ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 84.
34. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 346.
35. ГУСО ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 30.
36. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 621.
37. Храмков Л.В. Введение в Самарское краеведение. Самара, 2003.
38. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 235.
39. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2003.

Z.M. Kobozeva*

CORPORAL DAILY ROUTINE OF SAMARA PETTY BOURGEOISIE: COMING INTO CONFLICT WITH DISEASES AND DEATH (THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY)

The article focuses on the analysis of anthropology of petty bourgeoisie everyday life on the example of collision of estates with diseases and death. It is proved that despite the fact that generality of diseases and death was perceived as a trial, which every person has to undergo, there was estate specificity that was connected with social vulnerability of this society layer in the epoch when the urban petty bourgeoisie society was being destroyed and the general estate organism of the modernized city was being born.

Key words: petty bourgeoisie, body, disease, death, anthropology of estate daily routine.

* *Kobozeva Zoya Mihailovna* (zoya_kobozeva@mail.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 94(47).083

Е.И. Сливков*

ПРОБЛЕМА КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В ТРУДАХ С.Н. ПРОКОПОВИЧА**

В статье анализируются труды С.Н. Прокоповича по кооперации и кооперативному движению, выявляется общее и особенное в сравнении с работами видного теоретика кооперативного движения А.В. Чаянова.

Ключевые слова: кооперация, кооперативное движение, кооперативное товарищество, кооперативное предприятие, артель, государственная опека.

С.Н. Прокопович до революции был одним из самых заметных деятелей кооперативного движения, потому был прекрасно осведомлен о фактическом положении дел в этой отрасли. Будучи теоретиком кооперативного движения, исследователь преподавал в Народном университете им. Шанявского следующие курсы в 1916–1917 гг.: развитие кооперативных форм в связи с развитием народного хозяйства, методы и организация кооперации, положение служащих в кооперации, курсы по общему содержанию мелкого хозяйства и по кооперации; вел семинары по изучению кооперации [4, с. 35]. Как известно, в университете сосредоточились лучшие теоретики кооперативного движения: А.Е. *Кулыжный, П.А. Садырин, В.Н. Зельгейм, М.И. Туган-Барановский.

Первое исследование С.Н. Прокоповича по кооперативному движению – «Кооперативное движение в России» – было написано в 1903 г. В монографии, выдержавшей в переработанном виде несколько изданий, впервые предпринята попытка классификации различных видов и типов кооперативных ассоциаций, их общих черт и предназначений, сходства и отличия от общинных и примитивно-артельных форм объединений [2, с. 8]. Следует оговориться, что С.Н. Прокопович в 1899 г. в труде «Рабочее движение на Западе» затронул тему развития товариществ. Из этого можно сделать вывод, что он был прекрасно осведомлен о развитии кооперативных форм на Западе. И свои знания он использовал для развития своих теоретических выводов по эволюции кооперации в России.

Прокопович выделяет 8 признаков кооперативного товарищества, присущих всем его разнообразным формам:

«...1) союз неопределенного числа лиц,

2) свободно вступающих и выходящих из него, следуя своим интересам,

3) основанный на демократическом принципе полноправности и равноправия всех членов и их самоуправления,

---

* © Сливков Е.И., 2013

*Сливков Евгений Игоревич (*slivkov777@yandex.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

4) не поглощающий индивидуальности своих членов, а, напротив, предоставляющий полный простор их индивидуальным вкусам и дарованиям,

5) исполняющий хозяйственные операции, относящиеся к области производства, обмена или кредита, за общий счет товарищей,

6) стремящийся повысить производительность и доходность их труда, облегчить и удешевить ведение ими производства и домохозяйства,

7) и, в своих новейших формах, освободить их от эксплуатации скупщика, лавочника и ростовщика, а также сделать ненужным крупное капиталистическое производство,

8) наконец, чистый доход в товариществах делится пропорционально степени участия члена в общем деле» [6, с. 13-14].

Прокопович выступал в связи с выделением признаков кооперативных товариществ против точки зрения народников, которые считали кооперацию и общину проявлением коллективного начала. Исследователь видел в них существенные различия. Так, «...1) община-союз сословный и принудительный, кооперация – всесословный и добровольный; членами общины родятся, кооператорами делаются; 2) членами кооперативных организаций могут быть только хозяйственно-состоятельные элементы, члены общины – и богач, и нищий; 3) доход от общинных предприятий делится по душам; от кооперативных предприятий – соответственно степени участия каждого члена в деле; 4) кооперативные организации построены на принципе самоуправления – в общине, при старом режиме, была велика власть всех начальствующих лиц, начиная от старшины и писаря и кончая местными властями [5, с. 219–220].

Определение признаков понятия «кооперация», даваемое ученым следует также сравнить с воззрениями известного кооперативного деятеля А.В. Чаянова, труды которого имели большое влияние в среде кооператоров. Анализ взглядов С.Н. Прокоповича и А.В. Чаянова позволяет выявить общее и особенное в их суждениях. А.В. Чаянов сравнил два наиболее распространенных определения этого понятия, даваемые Туган-Барановским и Пажитновским. Сопоставляя между собой вышеприведенные элементы в определениях, исследователь разделил их на две группы: с одной стороны, на элементы организационно-формального характера (роль капитала, способ распределения прибылей, формы управления и пр.), с другой стороны, на элементы социально-целевого порядка (разрушение капиталистического строя, гармония классов, освобождение от экономических пут и пр.) [8, с. 259]. По мнению Чаянова, сопоставить эти элементы в «одну формулу» невозможно, поэтому он разделил термин кооперация на два понятия: «кооперативное предприятие» и «кооперативное движение». Он полагал, что характерной чертой кооперативного предприятия является то, что «оно никогда не может являться самодовлеющим предприятием, имеющим собственные интересы, лежащие вне интересов создавших его членов: это предприятие, обслуживающее своих клиентов, которые являются его хозяевами и строят его управление так, чтобы оно было непосредственно ответственно перед ними и только перед ними» [8, с. 260]. Давая определение кооперативного движения, Чаянов полагал, что оно является порождением тех классовых групп, которые ее породили, поэтому, по его мнению, надо говорить о кооперативных движениях. Кооператоры «организационно-производственного» направления видели спасение Родины в рациональной организации крестьянского хозяйства [1, с. 28]

С.Н. Прокопович, по моему мнению, подошел осторожнее к пониманию сути кооперации. Так же, как и Туган-Барановский, Прокопович считал целью кооперации достижение хозяйственных целей. Однако исследователь выделял четкие признаки кооперации, которые относятся ко всем ее видам. Если взять во внимание приведенные Чаяновым два распространенных определения кооперации, то признаки, вы-

деленные Прокоповичем, являются своеобразным их синтезом, в котором наряду с элементами организационно-формального характера стоят и элементы социально-целевого характера. Однако в их понимании кооперации нет противоречия, более того, как Прокопович, так и Чаянов, понимая сложность этой хозяйственно организационной формы, сумели увидеть ее суть не просто как хозяйственной единицы, но и как социальной организации. Важно отметить, что С.Н. Прокопович разделял два понятия: «кооперативное предприятие» и «кооперативная форма организации труда». Так, кооперации, возникшие по инициативе земцев в сельском хозяйстве, он относил ко второму типу.

Выделяя три стадии развития экономических отношений – натуральное хозяйство, меновое докапиталистическое, меновое капиталистическое, – Прокопович считал, что каждой из них свойственны свои особые формы кооперации [5, с. 4]. Так, анализируя кооперативное движение в России, исследователь объяснял причину исчезновения артелей. Развитие капиталистических отношений производства действует на артели двояко: проникая в среду, окружающую артель, оно лишает ее былой самостоятельности; проникая в артель, убивает ее [5, с. 49]. Прокопович это объясняет следующим образом: артель может сбывать продукт только на местный рынок. На смену артелям в новых экономических условиях приходят промысловые товарищества. С развитием общества и промышленности нужны новые рынки сбыта, предпринимательское искусство, мелкий производитель не знает, где хранить товар, где приобрести более выгодные средства производства и сырье. В связи с этим появляется новая экономическая индивидуальность – капиталист-предприниматель, который необходим мелкому производителю. Прокопович полагал, что причина создания промысловых товариществ была в стремлении производителя к независимости от капиталиста-предпринимателя.

Как и Прокопович, Чаянов считал, что возникновение кооперации связано с проникновением капитализма в деревню. Их суждения на этот счет дополняют друг друга. Так, Прокопович видел в возникновении кооперативов своеобразный защитный механизм от капиталиста, Чаянов дополнял, что этот процесс возможен лишь при слабости предпринимателя-капиталиста, или при сильном крестьянском хозяйстве. В России, в отличие от приводимой в пример Дании (А.В. Чаяновым), оно было слабо, поэтому на основе суждений экономистов можно сделать вывод, что в нашей стране кооперация возникла как защитный механизм от капиталиста, влияние которого было неабсолютным. Расхождение во взглядах исследователей я нахожу в их понимании среды существования этой единицы. Прокопович считал, что кооперация возможна только при капиталистическом производстве. В противовес его мнению, А.В. Чаянов придавал в современном обществе кооперации значение устройства приспособления к капиталистическим условиям, потенциал которой может быть развит только в системе общественного кооперативного хозяйства деревни. По его мнению, в социалистическом обществе кооперация примет важнейшее значение – слагающего социалистической системы производства, будет основой хозяйственного уклада нового общества [8, с. 267]. Будучи одним из идеологов организационно-производственной школы, А.В. Чаянов считал главнейшей формой проведения концентрации в области крестьянского хозяйства путь концентрации вертикальной и при том в ее кооперативных формах, так как только в этих формах она окажется связанной органически с сельскохозяйственным производством и может получить надлежащий по глубине захват [8, с. 266].

У исследователей было и различное отношение в предреволюционный период к государственной опеке. С.Н. Прокопович высоко оценивал роль государства в процессе становления кооперативного движения, но был против мелочной централиза-

ции, которая, по его мнению, может расстроить дела кооперации. Исследователь еще в 1903 г. писал о необходимости изменения условий, в которые поставлена кооперация в России, в первую очередь в области права. А.В. Чаянов, придерживаясь точки зрения Туган-Барановского, считал, что важен принцип кооперации как самостоятельного союза, полагая, что задачей государства является лишь создание благоприятных условий для хозяйственной жизни, кооперация же представляет собой наилучшую организацию самой хозяйственной деятельности [2, с. 262]. По отношению к государственной опеке в предреволюционный период у исследователей не столько различное отношение к государственной опеке как положительному или отрицательному явлению, сколько различное понимание ее роли и значения для дела развития кооперативного движения.

Предреволюционные взгляды А.В. Чаянова постепенно трансформируются, что мы увидели выше при рассмотрении значения кооперации, которое он прогнозировал.

В работе «Кооперативное движение, его теория и практика» исследователь пишет уже конкретнее о соответствии промышленного развития определенным формам кооперации, которое он зафиксировал в таблице [6, с. 24].

Таблица

Соответствие форм кооперации формам промышленности

ФОРМЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	ФОРМЫ КООПЕРАЦИИ
1. Производство для домашних потребностей	Нет кооперативных форм
2. Работа вне собственного хозяйства	1. Помочи и трудовые артели 2. Сырьевые артели 3. Супряги
3. Ремесло	Нет кооперативных форм
4. Мелкое производство на широкий рынок	1. Товарищества по сбыту 2. Товарищества по закупкам 3. Подсобные товарищества 4. Кредитные товарищества 5. Потребительские товарищества
5. Фабрика	1. Потребительские общества 2. Производственные товарищества 3. Артели наемных рабочих

Помимо соответствия способу производства, Прокопович выделял еще одно обязательное условие возникновения и устойчивого развития кооперативных форм – техническую необходимость кооперации для решения поставленных задач [3, с. 112]. Инициатива создания промысловых товариществ исходила изначально от интеллигенции. Их начинания Прокопович считал неудачными, потому что они не обладали определенными навыками ведения дел и зачастую организовывали товарищества там, где не было технических условий для их существования. Прокопович писал: «Интеллигенция... стремится к тому, чтобы применение кооперативного принципа «было возможно полнее, не обращая внимания на экономические выгоды, проистекающие от приложения артельного принципа к тому или другому моменту производства» [5, с. 91].

Успеху промысловых товариществ мешали следующие причины, выделенные исследователем: безграмотность народа, бедность народной массы, недостаток коммерческой опытности. Этот вывод можно перенести на ссудосберегающие товарищества, которые были организованы в сельской местности. Сравнивая городские и сельские ссудосберегающие товарищества, исследователь полагал, что товарищества в городе

обладают большей жизнеспособностью. Тормозом для развития потребительных товариществ также является безграмотность народа. При рассмотрении Прокоповичем числа закрывшихся потребительных товариществ по пятилетиям оказывается, что сельские товарищества несколько жизнеспособнее городских, но гораздо менее жизнеспособны, чем фабрично-заводские [5, с. 182].

Различие во взглядах Прокоповича и Чаянова было в оценке способности участия крестьянских хозяйств в кооперациях. С.Н. Прокопович полагал, что «чем производительнее труд крестьянина, ведущего сельское хозяйство, и чем более развиты денежные элементы в его хозяйстве, тем более активным членом различных кооперативных объединений может он быть, тем больше пользы приносит ему участие в кооперации, и тем успешнее развиваются обороты кооперативных организаций» [3, с. 117] Таким образом, он отмечал ведущую роль в развитие кооперации крепких крестьянских хозяйств. А.В. Чаянов , А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров по этой позиции придерживались взглядов кооператора-реформиста Васильчикова, который полагал, что важна рациональная организация хозяйства мелкого земледелия. Прогнозируя процесс повышения устойчивости трудового крестьянского хозяйства, они обнаружили его причину в объединении сельских тружеников в кредитных, подсобно-производственных, посреднических кооперативах [1, с. 28].

По моему мнению, взгляды Прокоповича более предпочтительны и аргументированы. Крестьянское хозяйство, ведущее жалкое существование, действительно вынуждено было прибегать к помощи по улучшению своего положения посредством кооперацией как защитного механизма от кабальных услуг капиталиста-предпринимателя. Однако дальнейший ход развития кооперации показал, что огромное их число исчезает. Причина этого кроется в неспособности крестьянских хозяйств в силу их финансового положения к поддержанию качества, выплате вовремя кредита, обеспечению на межсезонность и т. д.

Признавая важную роль кооперации как средства для улучшения благосостояния населения, Прокопович также считал ее важным органом пропаганды аграрных знаний и достижений. Содействуя развитию ведущих отраслей сельского хозяйства, кооперация удовлетворяла потребности аграриев в пропаганде и распространения достижений аграрной науки [1, с. 34].

Исследователь придавал большое значение кооперативному движению для развития экономики России. Прокопович утверждал, что кооперация бессильна бороться с капитализмом, но в состоянии улучшить социальные отношения за счет иного распределения доходов от продукта, произведенного по капиталистическим экономическим законам [3, с. 121].

В излишней административной опеке С.Н. Прокопович видел существенный тормоз в развития кооперативного движения в России. По мнению исследователя, нужно изменить условия, в которые поставлена кооперация.

Во взглядах А.С. Прокоповича и А.В. Чаянова нет явного противоречия. Они понимают кооперацию не только как организацию, созданную на добровольных началах для реализации хозяйственных целей, но и как организацию, имеющую социальные цели. Более явное расхождения между исследователями было по поводу условий существования и развития кооперативных форм, а также в оценке участия в кооперации разных типов хозяйств. Так,Ю Прокопович полагал, что кооперации может существовать только при капитализме, в противовес ему А.В. Чаянов в 1927 г. считал, что эта форма организации хозяйства в будущем социалистическом обществе должна стать основной.

На основе переписки исследователей 1922–1923 гг. можно сделать вывод, что, несмотря на разные точки зрения, относительно частных сторон кооперативного дви-

жения, у С.Н. Прокоповича с А.В. Чаяновым были прекрасные отношения вплоть до 1923 г. В том году Сергей Николаевич раскритиковал книгу А.В. Чаянова «Учение о крестьянском хозяйстве». В письмах Чаянов давал Прокоповичу крайне лестную оценку как личностную, так и научную. Он писал 3 января 1923 г.: «*Вашу работу прочитал, конечно, в первый же вечер по ее получении. Методологически это крупный и серьезный шаг вперед. Вообще, Сергей Николаевич, как уже я Вам, кажется, говорил, в развитии русской экономической мысли Вам выпала завидная доля быть пионером в очень многих сторонах нашей науки и, быть может, наиболее западноевропейским ученым из всех нас*» [7, с. 183]. Также в этом издании было опубликовано письмо от С.Н. Прокоповича Чаянову, который приглашал его принять участие в Экономическом сборнике и прочитать курс по крестьянскому хозяйству. Он от этого предложения отказался по вполне понятным причинам.

Библиографический список

1. Давыдов А.Ю. Свободная кооперация в России (до октября 1917 года) // Вопросы истории. 1996. № 1.
2. Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009.
3. Кривицкий С.И. Аграрный вопрос в работах С.Н. Прокоповича: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
4. Московский Городской Народный университет имени А.Л. Шанявского. 1916–1917 академический год. М., 1916.
5. Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. СПб., 1903.
6. Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913.
7. Чаянов А.В. Избранное: Статьи о Москве. Письма (1909–1936). М., 2008.
8. Чаянов А.В. Избранные труды. М., 1992.

E.I. Slivkov*

PROBLEM OF COOPERATIVE MOVEMENT IN THE WORKS OF S.N. PROKOPOVICH

The article contains the analysis of works of S.N. Prokopovich on cooperation and cooperative movement. The article shows what is similar and special in his works in comparison with the works of A.V. Chayanov, an outstanding theoretician of cooperative movement.

Key words: cooperation, cooperative movement, cooperative association, cooperative enterprise, artel, state guardianship.

* *Slivkov Evgeniy Igorevich (*slivkov777@yandex.ru), the Dept of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 94(47).083

Р.В. Пазин*

ТЕРРОР И РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.**

В статье анализируется отношение российских либералов к террору в условиях революции 1905–1907 гг., выделены два направления восприятия террора среди либералов, а также охарактеризована позиция и тактика либеральных партий по вопросу применения террора в I и II Государственных Думах.

Ключевые слова: террор, либерализм, Первая российская революция, тактика, Государственная Дума.

На рубеже XIX–XX вв. начался качественно новый этап в эволюции русского либерализма. В нем возникает и начинает набирать силу новое течение, носителем которого становится интеллигенция. Изменилась и сама тактика этого нового течения либерализма. Если земские (дворянские) либералы категорически выступали против нелегальной деятельности, то либеральная интеллигенция приступила к изданию нелегальных журналов, газет, листовок, прокламаций, использованию методов захватного права. Более того, она оказывала материальную и техническую помощь леворадикальным партиям и организациям [1, с. 140].

Либеральная общественность конца XIX – начала XX в. видела в действиях террористов примеры самопожертвования и героизма, а в них самих – людей редких гражданских качеств, которыми двигал глубокий гуманизм, и поэтому им прощали даже преступления [2, с. 25–26]. Так, В.А. Маклаков вспоминал: «Мне приходилось в судах защищать революционеров-фанатиков, которые ставили ставку против власти на Ахеронт; я уважал их героизм, бескорыстие, готовность жертвовать собой и для других, и для дела: я мог искренно отстаивать их против жестокости и беспощадности репрессий государственной власти, тем более что она часто на них вымещала свои же грехи и ошибки» [3, с. 352]. До октября 1905 г. предшественники кадетов, члены «Союза освобождения», хотя и называли себя умеренными либералами и отказывались участвовать в актах насилия, довольно часто поддерживали социалистических радикалов, превращая свои дома в убежища для террористов и снабжая деньгами эсеров, полагая, что террор – эффективное орудие в политической борьбе с царским правительством [4, с. 254].

Большинство земских деятелей присоединилось постепенно к сторонникам «политического радикализма», т. е. к «Союзу Освобождения». Либералы, которые, как, например, Д.Н. Шипов, не хотели отказываться от надежды, что «государственная власть добровольно откажется от пагубной политики недоверия и преследования сво-

* © Пазин Р.В., 2013

Пазин Роман Викторович (PazinRV@gmail.com), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

бодного проявления личной и общественной жизни», стали меньшинством среди представителей земской общественности [5, с. 214].

И в то время как шансы на победу революции постоянно возрастали, руководители «Союза освобождения» все больше склонялись к тактике, предложенной П.Н. Милюковым в июне 1905 г.: «Все средства теперь хороши против той ужасной опасности, которая вытекает из самого факта существования правительства. И все средства должны быть испробованы» [4, с. 300]. По его мнению, «политическая ситуация была слишком серьезной, чтобы допускать чрезмерную щепетильность в выборе средств» [4, с. 255]. П.Н. Милюков дорожил своей выгодной и удобной ролью оппозиционера, поскольку она обеспечивала популярность без какой-либо ответственности. Он полагал, что даже отказ от предложенного сотрудничества с правительством С.Ю. Витте можно оправдать тем, что кадетский «авторитет был производным фактом» от политической позиции, «он упал бы тот час до уровня «октябристов», если бы они согласились делать их политику» [6, с. 315]. Поэтому в ответ на публикацию Манифеста 17 октября П.Н. Милюков, воодушевленный растерянностью правительства и успехами, которые освободительное движение сумело достигнуть в большой степени благодаря радикальной тактике, заявил от лица только что сформировавшейся кадетской партии, что «в данную минуту надо... идти тем же путем, каким Россия только что пришла к октябрьскому манифесту, т. е. соединением либеральной тактики с революционной угрозой» [7, с. 394].

Кадеты в 1906 г. на заседаниях I Государственной Думы предпринимали попытки отменить смертную казнь и добиться амнистии для террористов, поскольку полагали, что террористическая деятельность была «логична» при сложившихся обстоятельствах, когда террористы являлись лишь невинными жертвами тирании и беззакония, идущего сверху [8, с. 353]. В. Маклаков не без оснований утверждал, что кадетское руководство считало революционеров «не врагами конституционного строя, а «союзниками слева»... Уже в 1-й Государственной Думе, которой кадетская партия руководила тогда, она отказалась вынести даже на будущее время моральное осуждение террору как средству борьбы, и это в момент, когда за прошлое она для всех просила амнистии» [3, с. 351]. А главную причину потери кадетского влияния он впоследствии видел в «их тактике в 1-й Думе, т. е. стремлении сочетать оба пути – конституционный и революционный» [9, с. 81].

Еще до созыва I Государственной Думы и во время ее первых заседаний, когда правительство казалось чрезвычайно ослабленным, а кадеты были на вершине своего политического престижа, партийные деятели даже не находили нужным скрывать свою подлинную точку зрения, прямо отказываясь осудить политические убийства [10, с. 484].

Перед началом работы II Государственной Думы кадетское руководство обсуждало вопрос, связанный с определением отношения партии и фракции к террору. 10 февраля 1907 г. ЦК постановил, что необходимо выработать обязательное для фракции партийное решение по этому вопросу с учетом того, что «при предложении осуждения террора таковое должно быть отвергнуто» [11, с. 177]. 16 февраля 1907 г. в своем докладе на пленарном заседании ЦК П.Н. Милюков предполагал, «что правые, вероятно, потребуют от Думы осуждения революционного террора», но «такое провокационное предложение следует категорически отклонить» [12, с. 257].

Вскоре после открытия заседаний II Думы кадеты, не имея больше прежней силы и влияния, которыми они обладали в I Думе, стали подвергаться нападкам. В ходе прений 12–13 марта 1907 г. выяснилось, что октябристы и близкие к ним депутаты требовали осуждения как революционного, так и правительственного террора. Кадеты же осуждали смертные приговоры, выносимые военно-полевыми судами, но отка-

зывались порицать террористов. В ответ на это 13 марта 42 правых и умеренных депутата выступили с заявлением «О выражении Государственной Думой порицания политическим убийствам и террору», но запрос был отклонен [13, стб. 354–528]. Во II Государственной Думе кадетам весной 1907 г. в течение шести недель удавалось противодействовать дебатам о революционном терроре и стремлениям вынести резолюцию с его осуждением [14, с. 75]. Раз за разом они голосовали за то, чтобы отложить дебаты о революционных убийствах. Наконец, 15 мая 1907 г. они официально объявили о своем решительном и безоговорочном отказе голосовать за резолюцию «о порицании убийств, террора и насилий» [15, стб. 608–610].

Таким образом, становится ясно, что партия конституционных демократов, декларировавшая примат права и законности, сторонница правового государства, протестовавшая против властного произвола, в условиях российской революции 1905–1907 гг. приветствовала самую беззаконную форму насилия – террор.

Но были и другие течения в либеральном лагере, не разделявшие кадетскую позицию по вопросу допустимости оправдания применения террора. Например, на Первом всероссийском съезде делегатов «Союза 17 октября» М.А. Стахович выразил позицию по отношению к любым формам насилия, разделявшуюся большинством октябристов: «Мы одинаково не сочувствуем и революции, и реакции; нам одинаково кажутся незаконными как насильственные революционные действия, так и ломка со стороны правительства основных начал Манифеста 17 октября» [16, с. 121].

Октябристам удалось провести в I Думу лишь 16 своих депутатов, и их голос в российском «парламенте» почти не был слышен [17, с. 433]. Лидеры фракции (П.А. Гейден, М.А. Стахович, Н.С. Волконский) получили известность как инициаторы не состоявшегося осуждения Думой «политических убийств». Из-за своей малочисленности октябристские депутаты серьезного влияния на ход работы I Думы оказать не могли.

Во II Думу октябристам удалось провести 43 своих депутатов. Характер и направленность деятельности октябристов во II Думе мало отличались от их опыта годичной давности. Они по-прежнему настаивали на осуждении Думой революционного террора.

Либеральные течения, находившиеся между кадетами и октябристами, занимали позицию по отношению к террору, как правило, близкую к октябристским оценкам. Например, в обращении к населению от Партии мирного обновления 27 июля 1906 г. было зафиксировано, что «...думская группа приняла название «Обновление», желая указать на то, что она враждебна насилию и произволу, откуда и от кого бы они ни исходили. Обновление нашей родины возможно лишь путем преобразований, а не действиями насилия, убийством и грабежом» [18, с. 78]. В извещение уже от Партии демократических реформ повторялись положения мирнообновленцев, характеризующие положение в России с точки зрения умеренных либералов: «Никогда не было произносимо и приводимо в исполнение столько смертных приговоров. И вместе с тем никогда не повторялись так часто и в таких ужасающих формах террористические акты» [18, с. 83].

Таким образом, партии демократических реформ и мирного обновления в ходе Первой российской революции не отказывались от жесткой критики правительственного террора, потому что, с их точки зрения, насилие со стороны государства препятствовало установлению уважения к праву и добровольному подчинению закону. Но, с другой стороны, осуждались и всякие террористические акты революционеров: экспроприации, убийства, вооруженные восстания и т. д., – поскольку такая революционная деятельность была вредным и преступным проявлением насилия, торжество которого может привести лишь к поклонению грубой силе и создать почву для новых

насилий. Только путь конституционной борьбы представлялся им перспективным в борьбе за установление в стране законности и порядка.

Именно умеренно-либеральные партии осознавали дестабилизирующую силу ежедневных покушений, подрывающих сам принцип законности и порядка, и считали, что необходимо осудить любой террор для восстановления стабильности в обществе. Также они выступали за мирное обновление России путем демократических реформ с учетом исторического опыта стран Запада и России, а в основу тактики были положены принципы постепенности преобразований, абсолютного неприятия насилия как метода политической борьбы.

Значение политического террора в истории России сложно переоценить. Проблема отношения к различным видам террора и оценки этого явления в условиях российской революции 1905–1907 гг., по сути, расколола либералов на два лагеря.

К началу XX в. было достигнуто понимание и даже сотрудничество между большой частью российского либерально настроенного образованного общества и террористами. Естественно, такие настроения в кругах, лояльных правительству, не способствовали успеху официальных мер против террора, а терпимость, понимание и даже оправдание революционной тактики либералами, которые к тому же с осуждением относились к репрессивным мерам властей, еще более усложняли положение правительства.

Все либералы были едины в призыве провести политическую амнистию и отменить смертную казнь. Умеренно-консервативные либералы (октябристы, демреформисты, мирнообновленцы и пр.) призывали революционные партии одновременно с проведением амнистии и отменой смертной казни прекратить политический террор. Они даже были готовы признать военно-полевые суды, учрежденные для борьбы с революционерами, далеко не идеальной системой юриспруденции и протестовали против политических убийств, откуда бы они ни исходили. Кадеты же проявляли также еще и сочувственное отношение к террору как методу политической борьбы, что отдаляло их от остальной части либерального лагеря. По своей тактике и стратегии кадеты были ближе к радикалам. И.И. Петрункевич, видный кадет, считал, что российские «либералы, радикалы и революционеры различались не политическими целями, а темпераментом» [19, с. 169].

Власть воспринималась интеллигенцией, в том числе и либерально настроенной, как воплощение абсолютного зла, поэтому убийство или покушение на убийство для достижения определенных политических целей было обусловлено убежденностью в бесчеловечности существующего строя [20, с. 178]. Поэтому для представителей «демократического» (интеллигентского) либерализма (например, многих кадетов) вопрос допустимости применения террора во многом был тактическим средством, но для умеренных и консервативных либералов любой террор никогда и ни при каких условиях не мог быть оправдан с нравственно-этической точки зрения, хотя это и приводило к косвенной критике правительства, которое вело борьбу с экстремистами. Многие представители умеренно-консервативного течения либерализма считали, что именно нежелание государства к проведению реформ и демократизации власти было источником, порождающим подобные методы борьбы, а путь выхода из сложившегося положения виделся в созидательной деятельности Государственной Думы, ориентации на поиски консенсуса, на согласование интересов различных слоев общества, создание широкого блока реформистских сил, проведение необходимых, с их точки зрения, преобразований, установление твердого и стабильного конституционного строя и пр.

Библиографический список

1. Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.). М., 1995.
2. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997.
3. Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.
4. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.
5. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.
6. Милюков П.Н. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. Нью-Йорк, 1955.
7. Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1905–1907. М., 2008.
8. Милюков П.Н. Год борьбы. СПб., 1907.
9. Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 года. М., 2006.
10. Леонтович В.В. История либерализма России. 1762–1917. М., 1995.
11. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. Т. 1. М., 1994.
12. Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983.
13. Государственная дума: Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т. 1. СПб., 1907.
14. Леонов М.И. «Заговор против императора» и II Государственная Дума // Вестник Самарского государственного университета. Сер.: Гуманитарная. 2009. № 7 (73).
15. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т. 2. СПб., 1907.
16. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М., 1996.
17. Христофоров И.А. От самодержавия к думской монархии // Первая революция в России: Взгляд через столетие. М., 2005.
18. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002.
19. Пайпс Р. Русская революция: в 3 т. Т. 1. М., 1994.
20. Леонов М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX в. // Вестник Самарского государственного университета. Сер.: Гуманитарная. 2007. № 5/3 (55).

R.V. Pazin*

TERROR AND RUSSIAN LIBERALS IN CONDITIONS OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION OF 1905–1907

In the article the attitude of Russian liberals to terror in conditions of revolution of 1905–1907 is analyzed, two areas of perception of terror among liberals are allocated and also the position and tactics of liberal parties on the question of use of terror in the I and II State Dumas is characterized.

Key words: terror, liberalism, revolution of 1905–1907, tactic, State Duma.

* *Pazin Roman Viktorovich* (PazinRV@gmail.com), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 94(47).083

М.И. Леонов*

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО СРЕДНЕЙ ВОЛГИ И ЗАВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ДУМСКОЙ МОНАРХИИ**

В статье анализируются взаимоотношения власти и общества, в первую очередь администраций губерний и органов местного самоуправления Средней Волги и Заволжья, в годы Думской монархии, их сотрудничество в хозяйственных и конфликты в социально-политических вопросах.

Ключевые слова: власть, общество, губернская администрация, местное самоуправление, земство, городская дума, война, продовольственный вопрос.

В 1907 – начале 1917 гг. Россия оставалась патерналистской монархией традиционного типа; отношения власти – общества выстраивались, как и ранее, по типу большой семьи. Власть позиционировала себя и воспринималась как сакральная и стремилась к попечению всего населения. Это обстоятельство определяло как устойчивость политической структуры, так и эвентуальность политических потрясений. Власть в регионе Средней Волги и Заволжья преставляла губернская администрация, общество наиболее репрезентативно – местное самоуправление. Взаимоотношения между ними являлись важнейшими моментами политической, социальной и экономической жизни.

В первые годы Думской монархии органы местного самоуправления стремились к сотрудничеству с администрацией. Симбирское, Самарское, Пензенское и другие земства Среднего Поволжья и Заволжья основные усилия сконцентрировали на реализации выдвинутых П.А. Столыпиным реформ, прежде всего аграрной: активно участвовали в деятельности землеустроительных комиссий, развитии сети агрономической и агротехнической службы. В Новоузенском уезде Самарской губернии в 1906 г. стали работать участковые агрономы. Земство Казанской губернии в 1909 г. организовало первую в стране школу по обучению крестьян-землевладельцев прогрессивным методам ведения хозяйства. Земства провели комплексные исследования по оценке земель, подворные переписи крестьянских и хуторских хозяйств. Земства Пензенской губернии в 1907-1914 гг. создали десятки опытных полей, призванных содействовать распространению прогрессивных методов ведения сельскохозяйственного производства; содействовали сбыту изделий кустарных промыслов и снабжению производителей заказами. Земские склады продавали и сдавали в аренду крестьянам новые машины и усовершенствованные сельскохозяйственные орудия. Почти 80 кредитных товариществ содействовали приобретению техники крестьянами.

---

* © Леонов М.И., 2013

Леонов Михаил Иванович (mleonov40@gmail.com), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

Особое внимание обращалось на образование. В Самаре, во многом благодаря усилиям инспектора народных училищ и члена школьной комиссии И.С. Клюжева, уже в 1906 г. никому не отказывали в приеме в приходские начальные училища. Дума с явным удовлетворением констатировала: «Такого достигли еще очень немногие из самых больших городов нашего отечества» [1, л. 26]. Городская казна в 1907 г. выделила на образование около 200 тыс. руб. В 1916 г. из четырех тысяч детей школьного возраста одной возрастной группы в первых классах начальных училищ обучалось около 2700 чел. «Еще одно или два небольших напряжения... – говорилось в докладе городской управы, - и общедоступность повышенного образования в пределах прогимназии сделается таким же реальным фактом, каким стала общедоступность образования начального» [2, л. 86; 3, л. 99, 761]. Начальному образованию способствовало открытие 18 октября 1910 г. трехлетнего учительского института. В том же году Самарская городская дума поддержала ходатайство земства об учреждении в городе политехнического института и выделила для него бесплатно большой участок городской земли на Соборной площади. Политехнический институт в составе сельскохозяйственного и коммерческого отделения был открыт 24 января 1914 г. Некоторый вклад в дело образования вносили и самарские предприниматели. Самарский биржевой комитет с 1893 по 1915 гг. отчислил на нужды местного коммерческого образования более 36 тыс. руб., еще 150 тыс. руб. – на строительство здания коммерческого училища. Также он ассигновал деньги на содержание детских садов и яслей, городской библиотеки, общественной читальни.

Земства всех губерний Среднего Поволжья и Заволжья основывали учительские школы, устраивали курсы и съезды учителей, создавали пенсионные и эмеритальные кассы. В Пензенской губернии к 1914 г. было учреждено 610 земских школ, 32 земские больницы на 852 койки, 65 фельдшерских и 5 акушерских пунктов, 40 районных и 30 подсобных библиотек. Симбирское губернское земство потратило на народное образование в 1908 г. 189,3 тыс. руб., в 1912 г. – 324,8 тыс. руб.; в 1915 г. – 1264,5 тыс. руб. К 1909 г. были открыты училища в уездных городах губернии (в них обучалось 1075 человек), а также и в крупных селах. В меру сил в деле просвещения участвовали и уздные земства. В 1910 г. Сызранское уездное земство ассигновало на образование 1850 руб., Алатырское – 2 тыс. руб., Буинское – 1200 руб., Сенгилеевское – 4175 руб. Пензенское, Самарское, Саратовское, Симбирское земства совершенствовали оказание медицинской помощи населению, строили уездные и межуездные больницы, санитарные и амбулаторные пункты. Земские ветеринары губерний вели санитарно-ветеринарные исследования, противодействовали распространению эпизоотий.

Усилиями администрации и местного самоуправления благоустраивались города Среднего Поволжья и Заволжья. Улицы Саратова уже много лет мостили кварцевым и булыжным камнем, а с 1903 г. – асфальтом. К 1915 г. замостили почти 72 % площади улиц. Увы, состояние дорог оставляло желать лучшего. В центральной части Саратова, на углу улиц Константиновской и Астраханской, находилось огромное болото глубиной до двух аршин. Осенью 1912 г. в болото забрел слепой старик и стал тонуть. От смерти его спасли дворники соседних дворов. Губернатор А.А. Ширинский-Шахматов в декабре 1905 г. делал визиты. Одного из членов городской управы, который проживал на улице Кирпичной, он навестить не решился, опасался, как бы его карета не застряла в грязи [4]. Решением Саратовской думы в 1915 г. приступили к перемощению всех улиц. С чистотой улиц обстояло далеко не так блестяще. Долгие годы губернатор безуспешно пытался привлечь городское самоуправление к поливу улиц. Наконец, думцы отреагировали: выделили средства на полив улиц при «помощи 30 обыкновенных бочек-двухколесок», притом только в центре города [5, с. 77–83].

С помощью облигационного займа на сумму 562 тыс. рублей в 1914 г. в Саратове пустили вторую очередь водопровода, а в 1915 г. на водопроводной станции установили новую более мощную машину. С 1910 г. городское самоуправление при поддержке администрации приступило к созданию канализации. Первая очередь ее, обслуживающая центральные кварталы, была закончена в 1912 г., в последующие годы, в том числе и в военные, канализация охватила и другие районы города. Электрический трамвай впервые прошел по улицам Саратова в 1908 г., а в 1910 г. открыли загородную трамвайную линию. Электрификация улиц Саратова, как и других городов Среднего Поволжья и Заволжья, сопровождалась треволнениями и затяжными спорами с бельгийской «Взаимной компанией трамваев». Электрические фонари осветили центр Саратова 1 января 1911 г. В связи с резким подорожанием керосина Саратовская дума в 1915 г. отказалась от своей электростанции при городском театре, что повлекло за собой перерывы в подаче электроэнергии. После того, как в центре города установили электрические фонари, 1400 керосиновых фонарей переместили на окраины; с 1914 г. на смену керосиновым фонарям пришли более мощные керасинокалильные [5, с. 81–88].

Лейтмотив взаимодействия губернской администрации и местного самоуправления во всех многочисленных хозяйственных (технических) делах – деловое сотрудничество; спорадические конфликты возникали по второстепенным проблемам. Так, в первых числах июля 1907 г. губернатор В.В. Якунин известил Самарскую городскую управу о первых случаях заболевания холерой в губернии и предложил на экстренном совещании принять решение по таким неотложным делам, как открытие бараков для больных, увеличение численности медицинского персонала, образование участковых санитарных попечительств. Дума 19 июля 1907 г. постановила открыть больницу на 50 кроватей, установить ночные дежурства врачей при городской управе. На противоэпидемические мероприятия она выделила 26 тыс. руб. [2, л. 258–262] По мнению Губернской санитарно-исполнительной комиссии, Дума действовала нерасторопно, а главное, выделила недостаточную сумму, и, по сути, уклонилась от забот о жизни и здоровье жителей Самары. Дума же уверяла, что городские расходы на противохолерные мероприятия чрезмерны и нецелесообразны. После того как она и в конце 1907 г. отказалась раскошелиться, В.В. Якунин приказал полицмейстеру удерживать поступающие в городскую казну деньги и направлять необходимые средства на борьбу с холерой, чем кровно обидел думцев. Они жаловались правительству: «Городское самоуправление из хозяина превратилось в приказчика». Правительство встало на сторону губернатора, и Думе пришлось потратить на противохолерную кампанию 50 тыс. руб. В качестве моральной компенсации она пеняла местным властям: «Городское самоуправление может рассчитывать на совместную работу лишь при полном и беспрекословном подчинении губернской администрации» [6, с. 7–14].

Смута, Русско-японская война 1904–1905 гг., неурожайные годы привели к повышению цен на хлеб, мясо и другие насущные продовольственные товары. Губернатор В.В. Якунин уведомил 19 ноября 1907 г. Самарскую думу, что цены «достигли таких размеров, что сделались непосильными и почти недоступными для огромного большинства трудящегося городского населения». Точно такой же была ситуация в других городах региона. Особую пикантность ситуации придавало занятие многих гласных всех городов региона торговлей. Естественно, они активно участвовали в повышении цен. Об этом постоянно говорили на заседаниях органов местного самоуправления Саратова, Симбирска и других городов. Думы, в частности Саратовская, выбирали торговых депутатов, обязанных следить за соблюдением правил торговли, те составляли протоколы на нарушителей, мировые судьи выносили решения о наказаниях – ситуация принципиально не менялась. По настоянию администрации, Самарская дума

в конце 1907 г. принялась за обсуждение вопроса о возможности нормирования цен на продукты первой необходимости. Владельцы продовольственных предприятий и магазинов этому решительно воспротивились. Нанятые ими «сведущие люди» с апломбом говорили о нежелательности таксы на хлеб и мясо. Управа прислушалась к ним и язвительно посоветовала губернатору обратиться в Министерство внутренних дел. Вплоть до 1913 г. к проблеме нормировки цен Самарская дума обращалась многократно, но воз с места не сдвигался [2, л. 564–566].

Известие о вступлении России в Первую мировую войну вызвало патриотический подъем населения губерний Среднего Поволжья и Заволжья. Большинство жителей было уверено, что победоносная война продлится самое большее три-четыре месяца. Повсюду проходили молебны, шествия и манифестации. В Саратове вечером 17 июля 1914 г., после того как была получена весть о начале австро-сербской войны, на Московской улице собралась масса народа со знаменами, флагами, портретами русского императора. В сопровождении хора, музыкантов манифестанты отправились на Соборную площадь. У памятника Александру II произнесли речи, а затем шествие, растянувшееся почти на целый квартал, по Немецкой улице направилось к казармам. Участники манифестации 20 июля 1914 г. прошли от Московской улицы до Соборной площади, затем по Немецкой улице до Ильинской площади и, отслужив молебен в Ильинской церкви, попытались пройти к зданию оцепленного полицией германского консульства с явным намерением разгромить его. Далее манифестанты направились по улице Вольской к резиденции губернатора и к казармам. В этот и последующие дни состоялись патриотические манифестации и собрания в других городах, а также селах Саратовской губернии. Патриотические манифестации прошли в Пензе, Инсарах, Лунине, других городах и крупных селах Пензенской губернии. 25 июля 1914 г. Саратовское губернское чрезвычайное земское собрание приняло всеподданнейший адрес. Также и городская дума Саратова обратилась к императору со всеподданейшим адресом, в котором демонстрировала готовность всеми средствами поддерживать войну и государя и подчеркивала, что «сильная своим единением с царем Русь вынесет все испытания войной». Саратовские предприниматели и торгово-промышленные служащие 26 июля 1914 г. пожертвовали на военные нужды 600 тыс. рублей. Торжественно отправили на фронт Егерский и Александровский полки из Самары, 177-й Изборский и 178-й Венденский пехотные полки из Пензы, 180-й Виндавский из Саранска. Администрация и земства Саратовской губернии с августа 1914 г. приступили к созданию уездных земских комитетов, районных и волостных попечительств помощи раненым воинам, а также семьям призванных на войну; к концу года во всех уездах функционировало более 300 районных попечительств. Новоузенский уездный земский комитет Самарской губернии с августа 1914 по июль 1915 гг. основал 127 попечительств и 13 районных комитетов [7, с. 12–24].

Губернии Среднего Поволжья и Заволжья была объявлены на положении усиленной охраны, а потом на военном положении. Обязательные постановления губернаторов следовало неукоснительно соблюдать; меры наказания были более суровыми, чем в мирное время. Дела о разбое, умышленных поджогах, уничтожении продовольствия и фуража, сопротивлении властям, организации стачек, изготовлении и приобретении без разрешения взрывчатых веществ и снарядов, неисполнении требований властей, оскорблении полицейских, беспатентной торговле крепкими напитками передавались в ведение военного суда либо администрации. Нарушение обязательных постановлений каралось штрафом до 3 тыс. руб. или тюремным заключением до трех месяцев. Приказом командующего Казанским военным округом вводилась военная цензура. Военными цензорами назначались полицейские чины, почтовые работники, учителя. Они были обязаны контролировать периодические и непериодические изда-

ния, вскрывать письма и другую корреспонденцию, удалять из них нежелательные сведения или задерживать их. С 1915 г. власти запретили «демонстративные шествия»; патриотические манифестации допускались только с разрешения властей. На период мобилизации закрывались винные магазины, и запрещалась торговля спиртным. В остальное время разрешалась торговля только определенными сортами вина; трактиры I–III классов и рестораны не имели права торговать спиртными напитками с 21 до 24 часов. С началом войны было запрещено распитие крепких напитков на улицах, в скверах и т. д., так же как и появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения. Обывателей, нарушавших это постановление, привлекали к административной ответственности, торговые заведения, его не выполнявшие, закрывали. Все германские и австрийские подданные мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет считались военнопленными и подлежали аресту и высылке, остальных признавали неблагонадежными и отдавали под гласный надзор полиции. Эти действия властей сопровождались всплеском шпиономании. Значительную часть трудоспособного мужского населения, особенно в сельской местности, мобилизовали в армию. Дворянская молодежь шла на фронт добровольно, детей купцов Головкина, Шихобалова, Колесникова, Сапрыкина, Егорова и других на театре военных действий не было.

В годы войны в губернии Среднего Поволжья и Заволжья империи передислоцировали некоторые промышленные предприятия вместе с частью служащих и рабочих; сюда направлялись беженцы из западных районов Империи, и сюда же отправляли военнопленных. Военные предприятия региона, в том числе такие крупные, как Самарский трубочный, Сергиевский, заводы, в разы увеличили производство, соответственно, в разы увеличилась численность служащих и рабочих. В регионе, главным образом в городах, дислоцировались многотысячные гарнизоны. Все это, несмотря на мобилизацию, вело к росту населения, особенно в городах. Численность населения Самарской губернии к 1917 г. увеличилось на 200 с лишним тысяч человек (городского – на 283, 1 тыс.). Число жителей Самары со 175 645 чел. в 1914 г. возросло к 1917 г. до 207,3 тыс. чел. (по другим данным, до 203 306 чел.), а вместе с мобилизованными и гарнизоном – до 280 тыс. чел. [8, с. 98; 9, с. 123–134; 3, л. 573] В Саратове к началу 1917 г. проживало 240–250 тыс. человек, а местный гарнизон насчитывал 60–70 тыс. человек, в г. Кузнецке численность гарнизона превышала численность мирного населения [10, с. 23; 11, с. 17].

С началом войны резко сократилось многоэтажное строительство, зато быстро застраивались одноэтажными деревянными домами поселки. В Самаре – это поселки Рабочий, Железнодорожный, Новый Оренбург, Кавказ, а также район Постникова оврага. Росли цены на жилье. Перед войной в Самаре однокомнатную квартиру с кухней сдавали за 9 руб. в месяц, а в сентябре 1915 г. – уже за 16 руб. Рост цен на жилье вызывал протест жителей, особенно простонародья. Постановлением самарского губернатора домовладельцам с конца 1915 г. запретили повышать квартирную плату. В Саратове выросли цены на дрова, их не хватало. За дровами из городских запасов выстраивались очереди. Для отопления более интенсивно, чем ранее, стали употреблять остающийся от изготовления масла жмых (по-местному «колоб»), которого в городе скопилось более 2 млн пудов. Но вскоре и «колоб» повысился в цене. Увеличилась стоимость освещения, отопления, воды, поднялась квартирная плата. Квартирная комиссия Саратовской думы предложила, во-первых, установить таксу на квартплату, а во-вторых, запретить до окончания войны выселение квартирантов. Но городская дума не решилась утвердить такое постановление.

Особой заботой губернской администрации и органов местного самоуправления в годы войны было обеспечение населения продовольствием (это в первую очередь), а также предметами повседневного обихода. Имперские власти с первых дней войны

вменили это местной администрации в качестве важнейшей обязанности. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков уже в июльском циркуляре 1914 г. потребовал от губернаторов «издания обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости, и использовать всю полноту принадлежащей власти для борьбы со спекуляцией на почве общественных действий». Такого рода циркуляры посылались неоднократно все годы войны. Центральные власти обязали губернаторов и всю губернскую администрацию принимать при необходимости экстраординарные меры для обеспечения населения продовольствием и другими жизненно важными товарами, регулировать цены, предотвращать дороговизну, пресекать спекуляцию, привлекать к организации снабжения армиии населения органы местного самоуправления и общественность, тесно сотрудничать с ними. Все военное время губернаторы Среднего Поволжья и Заволжья организовывали подвоз продовольствия в города и рабочие поселки, боролись с дороговизной, спекулянтами. Пензенский губернаторА.А. Евреинов пытался устрашить торговцев высокими штрафами. Администрация, естественно, могла только несколько смягчить негативные последствия естественного хода событий. Об этом симбирский губернатор А.С. Ключарев писал министру внутренних дел: «Мы вынуждены ограничиваться совершенно бесплодною борьбой с дороговизною, штрафуя мелких, сравнительно, местных торговцев, рискуя этим оставить потребителя совсем без продуктов» [12, с. 67–68].

Земства включились в дело продовольственного обеспечения с августа 1915 г., когда председателей земских управ назначили представителями уполномоченного Особого совещания в уездах. Все годы войны губернаторы Среднего Поволжья и Заволжья и уполномоченные Хлебармии и Особого совещания действовали согласованно. Особых конфликтов не возникало. Администрация губерний строго контролировала деятельность органов местного самоуправления, привлекая аппарат сельской и городской полиции, и следила, чтобы население исполненяло все предписания. Временно исполняющий должность самарского губернатора Н.П. Харламов в начале ноября 1915 г. в отчете в МВД отметил, что Самарская городская управа в течение года ограничивалась бесконечными дебатами о снабжении горожан в различных исполнительных комиссиях, и лишь настоятельные просьбы вице-губернатора С.В. Горчакова подвигли ее на выработку предельных цен на муку во время их постоянного повышения. 19 ноября 1915 г. Н.П. Харламов распорядился, чтобы полиция не просто наблюдала за торговлей, но и активно воздействовала на торговцев, которые «вызывали наибольшие и, по-видимому, справедливые нарекания со стороны местных обывателей» [13, л. 51, 58].

Губернатор А.А. Станкевич в июле 1916 г. отчитал самарского городского голову С.Е. Пермякова за «плохую постановку отпуска сахара населению из лавок, лишь поселяющую в населении раздражение». В марте 1916 г. он просил министерства земледелия, путей сообщения и внутренних дел, а также центральный комитет по распределению сахара в Киеве доставить сахар в Самару. В октябре 1916 г. губернатор Л.Л. Голицын настоятельно предлагал самарскому голове наладить продажу сахара. А через две недели прямо обвинял Самарскую городскую управу в плохой работе [14, л. 11, 15, л. 239; 16, л. 1; 17, л.14]. Губернаторы в конце апреля 1916 г. констатировали, что городские власти не проявляли настойчивости в борьбе со спекуляцией, ибо «состав управы, думы и уполномоченных по продовольствию и топливу сплошь сами торговцы, а зачастую – наиболее злостные спекулянты» [18, с. 163].

С 1915 г. гласные городских дум стали требовать нормирования цен и создания муниципальных лавок. В Самаре была установлена следующая такса: фунт мяса высшего сорта – 23 коп., первого сорта – 22 коп., второго – 20 коп., третьего – 18 коп. Фунт мяса молодого и тощего скота должен был продаваться на две копейки дешевле.

В сентябре 1915 г., несмотря на сопротивление торговцев, дума установила такие цены на хлеб: фунт ржаного хлеба – до 4 коп., фунт хлеба из крупчатки 3-го сорта – до 5,5 коп., 2-го сорта – до 7,5 коп., 1-го сорта – до 9 коп. – и обязала пекарей не уменьшать выпечку хлеба. Губернская администрация утвердила постановления думы. 21 ноября 1915 г. временно управляющий Самарской губернией Н.П. Харламов предупредил торговцев Самары, что те из них, кто будет продавать мясо выше установленной таксы, подвергнутся штрафу в размере до 3 тыс. рублей или аресту до трех месяцев, а их заведения будут закрыты. Цены тем не менее росли. По сообщению заместителя начальника третьего участка Николаевского уезда от 7 февраля 1916 г., цены на мясо за последние два года выросли почти в два раза. Так, николаевский торговец Калинин придерживал около двух тысяч пудов мяса, ожидая повышения цены [19, л. 8–9, 26]. Городская дума Саратова установила предельные цены на ржаной, пеклеванных, а также на несколько сортов белого хлеба, на говядину, баранину и солонину. Максимальная цена за фунт белого хлеба первого сорта составляла в январе-марте 1915 г. пять с половиной копеек, в апреле–августе 1915 г. – шесть копеек, во второй половине 1915 г. – семь копеек, с конца января 196 г. – восемь копеек; цена ржаного хлеба в эти же временные отрезки равнялась трем, трем с половиной и четырем копейкам. Предельные цены на телятину, молодую баранину «как на предмет роскоши» не устанавливались.

Постановлением дум и властей с 1915 г. регулировалась продажа сахара. В Самаре в июне 1916 г. было решено ввести карточную систему распределения муки, хотя мука поступала на рынок нормально, а расходы обывателя на хлеб не превышали 20 % всех его трат [3, л. 647, 710–711]. В булочных продавались свободно калачи из муки двух сортов, французские булки и плюшки. В январе–феврале 1917 г. проблема продовольственного снабжения Самарской городской думой не рассматривалась [19, л. 438, 600]. В 1916 г. были изысканы возможности снабжения населения обувью и одеждой из США и других стран [3, л. 572–578].

В годы Первой мировой войны население Среднего Поволжья и Заволжья, естественно, испытывало значительные трудности. В лавках и магазинах сильно подорожали, а порой и исчезали из продажи, сахар, некоторые сорта мяса, рыбы, а также чай. Готовая обувь, одежда, ткани, мыло, нитки, керосин, спички попали в разряд дефицитных товаров. Население не отвернулось от привычных способов коммерции и ведения хозяйства, изыскивало возможности преодолевать дефицит продовольственных и непродовольственных товаров и дороговизну. В деревне ситуация складывалась иначе, чем в городе. Крестьяне не испытывали особого недостатка в сельскохозяйственных продуктах. Деньги, которые раньше тратились на алкоголь, теперь шли на хозяйственные нужды. А деньги эти были не такие уж малые: до войны крестьяне Симбирской губернии пропивали в год около 9 млн руб. За ушедших на фронт семьи крестьян получали казенные пайки, порой превышавшие довоенный доход, и благодаря этому они даже смогли поправить свое хозяйство [20, с. 131–133; 21, с. 451–453]. Кроме того, крестьяне придерживали хлеб «на черный день» и за годы войны накопили значительные излишки [22, с. 410].

В Симбирской и Пензенской губерниях особых проблем с обеспечением населения хлебом и мукой, основой продовольствия простонародья, не было. Созванное Симбирским губернатором Н.Ф. Ключаровым 6 сентября 1915 г. совещание, на которое были вызваны уполномоченный по продовольствию, губернский и уездный предводители дворянства, начальниу ГЖУ и другой начальствующий люд, а также представители биржевого комитета, пришло к заключению, что запасы зерна достаточны и что умышленного отклонения от поставок хлеба армии и населению не будет, а имевшиеся задержки поставок были вызваны сильными и продолжительными дождя-

ми. Совещание постановило при необходимости применять принудительные меры к тем, кто взвинчивает цены на сельскохозяйственную продукцию. Администрация и органы местного самоуправления прилагали значительные усилия для обеспечения населения, в первую очередь необеспеченных слоев, продовольствием по доступным ценам. Для «недостаточного класса населения» Сызранская дума в конце 1915 г. постановила открыть две городские мучные лавки, в которых мука второго сорта продавалась по низкой цене от 2 рублй 30 копеек до 2 рублей 65 копеек за пуд. Кроме того, Сызранская дума предполагала открыть «потребительские лавки» по продаже продуктов «первой необходимости». Такая «потребительская лавка» функционировала в городе Сенгилее Симбирской губернии. Важное средство поддержки трудящегося люда – повышение заработной платы. Симбирское губернское присутствие по делам страхования рабочих 29 января 1915 г. постановило почти вдвое повысить «расценки труда рабочего». Саратовская городская дума с 19 августа 1915 г. увеличила жалованье городским служащим с зарплатой до 240 руб. в год на 20 %, с зарплатой 240–480 руб. в год на 10 %, с зарплатой 480–600 руб. в год на 8 %, с зарплатой 600–900 руб. в год на 5 % [23, с. 245–246, 257, 259–260].

Значительных выступлений в связи с нехваткой хлеба в Среднем Поволжье и Заволжье в 1914–1918 гг. не зафиксировано. Случались так называемые «бабьи бунты». Как правило, они протекали по такому сценарию: в очереди, жаждавшей сахара (чаще всего) или мануфактуры, изредка мяса, затевалась ссора. Порой ссорились между собой те, кто стоял в очереди, чаще очередь ругалась с продавцом, от слов переходили к драке, а порой и к разгрому магазина и расхищению продуктов. Гнев всегда был направлен против торговцев, с полицейскими и солдатами дрались только тогда, когда они пытались утихомирить разбушевавшихся. В Самаре на Троицком рынке 5 ноября 1916 г. все началось с оскорбления покупательницы торговцем мяса. Далее события развивались, согласно официальному документу, так: «В толпе начались шум, крики, улюлюканье, появились малолетние хулиганы-мальчишки, начались погромы лавок». В прибывших стражников и полицейских полетели палки, в ответ те открыли огонь. Были убитые и раненые. С рынка волнения распространились на ближайшие улицы и закончились только к вечеру. Согласно проведенному жандармским управлением расследованию, было разгромлено 56 магазинов и лавок. В погромах активное участие принимали самарские воры («коты») и проститутки. В Симбирске 4 июля того же года рядовые местного гарнизона попытались купить в лавке сахар без очереди. Очередь возмутилась, началась потасовка. На место происшествия прибыли полицейские, военные патрули, чины губернской администации. В них полетели камни и палки. Затем собравшиеся (около 3 тысяч человек) направилась громить лавки и магазины, выискивая и растаскивая прежде всего сахар. Порядок установился только после того, как вызванные наряды произвели несколько залпов [24, л. 7–9; 25, с. 38]. Таких происшествий за 1914–1916 гг. было зафиксировано в Самарской губернии десять (пять в городах и пять в деревнях), в Симбирской – два.

Забастовок рабочих губерний Среднего Поволжья и Заволжья в первый год войны не было, в 1915–1916 гг. они проходили по частным случаям. В условиях тотальной войны жить было трудно. Росли цены на жилье, вызывала раздражение спекуляция. Но рабочие осознавали причину трудностей. В 1914–1916 гг. они особых претензий по поводу обеспечения продуктами питания не предъявляли. Единичные случаи протестного движения были связаны с перебоями в продаже привозных товаров (в первую очередь сахара) и спекуляцией. Рабочие принимали активное участие в профессиональных союзах, потребительских обществах, в выборах в рабочую группу Военно-промышленного комитета.

Администрация и местное самоуправление в годы войны занимались и благоустройством городов, транспортным обслуживанием, образованием населения. В Самаре их усилиями было подготовлено открытие ветеринарного института. Как говорил И.С. Клюжев: «Иметь еще одно высшее учебное заведение будет большой плюс для Самары... В Самаре будет новый уголок культуры». Городская дума буквально билась за открытие университета. Университет, словами училищной комиссии, «имеет большее значение, чем институт». Создали специальный комитет из 26 авторитетных жителей Самары, выделили денежные средства, сформировали общество по открытию университета. Делегаты городской думы побывали у всех министров, от которых зависело решение, убедили их и подготовили все необходимые документы [19, л. 649–652, 747–748, 761–764, 797–798].

Мировая война кардинально изменила жизнь города. В города, в первую очередь губернские, перебазировали промышленные предприятия, воинские части, эвакуировали жителей других районов. Первые месяцы войны губернская администрация и городское самоуправление в хозяйственных делах действовали дружно. Их усилия были направлены на перевод экономики на военный лад, на строительство лазаретов, на снабжение фронта и горожан продовольствием. Несмотря на закрытие и перепрофилирование предприятий, производивших алкогольную продукцию, и освобождение в связи с этим значительного числа рабочих, на военных заводах их не хватало. Это был предмет постоянной заботы местных властей и органов самоуправления [26, с. 11]. В августе 1914 г. городские думы вошли во Всероссийский общегородской союз, ассигновали на его нужды средства (Самарская дума внесла 10 тыс. руб.) и учредили областную организацию помощи больным и раненым воинам, много делали для раненых и больных воинов [27, л. 1–6, 14].

Единение губернской администрации и городских дум даже в хозяйственных делах, однако, не было продолжительным. В годы войны усилился распад патриархального уклада жизни, традиционного мировосприятия дворянства, а вслед за ним и других высших слоев общества. Сановно-придворный мир «эмансипировался» уже к началу XX века настолько, что воспринимал царя, царицу, царскую фамилию как в первую очередь людей. Сакральное восприятие императорской семьи уходило в прошлое. Монархическое сознание дворянства подвергалось коррозии [28, с. 84; 29, с. 15–20]. Самарский представитель дворянства А.Н. Наумов в 1915 г. перед официальным представлением императрице с некоторым вызовом спрашивал у встречавшего его придворного: «Можно ли русскому предводителю на приеме у русской царицы говорить по-русски». Ответ он получил положительный [30, с. 40; 31, с. 226].

Военные неудачи, трудности в тылу обострили застарелые противоречия. Интеллигенты, большинство губернских дворянских собраний, предприниматели, получавшие баснословные барыши, наслаждались слухами о «темных силах вокруг трона», «предателях министрах», «шпионке немке императрице», всесилии «Гришки Распутина», с удовольствием рассматривали сфабрикованные эротические картинки, на которых изображались Александра Федоровна и Г. Распутин, читали и переписывали стишки В. Мятлева. Городские думы Самары, Саратова с энтузиазмом поддержали постановление чрезвычайного заседания Московской городской думы (август 1915 г.), в котором утверждалось, что победа возможна лишь при «создании правительства, сильного доверием общества и единодушного», возглавляемого премьером, «которому верит вся страна» [32, л. 14]. В 1916 г. у гласных и многих земцев уже не было сомнений в неспособности существующей власти наладить экономику страны, довести войну до победы. Осенью 1916 г. городские думы открыто встали в оппозицию к центральным властям. На заседании Самарской думы 2 ноября 1916 г. П.П. Подбель-

ский при общей поддержке заявил, что страну может спасти только Государственная дума. Через неделю Самарская дума послала приветственную телеграмму лидеру партии кадетов П.Н. Милюкову, который накануне произнес в Государственной думе лживую, построенную на слухах провокационную антиправительственную речь, рефреном которой было «Глупость или измена». Речь эту либеральные думцы и земцы Среднего Поволжья и Заволжья распространили в тысячах и тысячах экземпляров. С этих пор они использовали любой повод, чтобы поддержать противников власти. На заседании Государственной Думы 22 ноября 1916 г. депутат-консерватор Н.Е. Марков 2-й едко отвечал на нападки ораторов «прогрессивного блока» на правительство. Его все время перебивали возгласами с места, а председатель Думы М.В. Родзянко постоянно делал ему замечания и в конце концов лишил слова. Возмущенный Н.Е. Марков бросил в лицо Родзянко: «Только враг родины мог допустить такой поступок». Думское большинство исключило его на 15 заседаний. Событие это всколыхнуло Самарскую городскую думу. Гласные в один голос осудили Н.Е. Маркова и, по предложению В.В. Петрова, послали М.В. Родзянко телеграмму со словами поддержки и сочувствия [32, л. 1, 4; 3, л. 367, 788, 802, 842].

Каждая эпоха жаждет некоего более прекрасного мира. Вообще говоря, всякое время оставляет после себя гораздо больше следов своих страданий, чем своего счастья, хотя счастливая жизнь, веселая радость и сладостный покой, выпавшие на долю одной эпохи, в итоге не слишком отличаются от всего того, что происходит в любое другое время. Европейски ориентированные образованные люди пореформенной России склонны были считать эпоху, в которой они жили, невыносимо трудной, главным виновником неустройства им представлялась существовавшая власть, скопище безобразного, в их глазах. Психоментальность простонародья им была чужда, собственное корпоративное восприятие они эксплицировали как общенациональное, народ представляли реципиентом носимой ими прозападной культуры. Трудности многолетней войны виделись им невыносимыми. Те трудности, которые ощущали более всего они (проблемы с деликатесами, изысканной барской одеждой), виделись им и ужасными, и общенародными, вину за них они возлагали на власть.

Многие годы войны, конца которой не было видно, мобилизация почти половины православных мужчин, главным образом из села, трудности снабжения преимущественно привозными товарами и продуктами питания накладывались на военные неудачи, подхлестывали истероидные настроения, сознание искало виновных. Согласованные действия местного самоуправления и администрация Среднего Поволжья и Заволжья в годы Первой мировой войны ограничивались областью насущных хозяйственных дел. Психоментально местное самоуправление в конечном итоге ощущало существующую власть, во всех ее ипостасях как свое противоположение, видело в ней, особенно в ее высших эшелонах, источник неустройств, неудачи и тяготы войны относило на ее счет.

В Среднем Поволжье и Заволжье продовольственный вопрос не был в числе первых в формировании нервической обстановки. Сельское население (а это абсолютно большая часть населения) само снабжало себя продовольствием, за исключением сахара (но были традиционные продукты – сладости, мед), отчасти соли и чая, ряда товаров обихода промышленного производства, как то: гребни, сарафаны и т. д. Основа продовольствия простонародья региона – зерновые, что отразилось в пословице: «Хлеб и каша – пища наша». Мясо и т. д. отстояли в рационе на дальних позициях. В городах непереносимых трудностей в снабжении простонародным продовольствием также не было. Попытка опровергнуть выводы обстоятельного исследования о несостоятельности тезиса советской историографии о ключевой роли «про-

довольственного кризиса» в складывании накануне 1917 г. так называемой «революционной ситуации» в Среднем Поволжье свелась к подверстыванию считанного числа фактов (почти все – о недостатке сахара) к марксистско-советской погудке [23, с. 156–171].

Но была коренная неустроенность: крестьянская психоментальность не могла смириться с гигантскими частными латифундиями благородных и чумазых лендлордов, расположенными рядом с их деревнями, труженники города тяготились патерналистской опекой, гражданское неравноправие задевало большинство населения, сказывались и этноконфессиональные проблемы.

Смута спускалась сверху и во второй половине войны охватила органы местного самоуправления региона. Разлад между властью и обществом достиг критической величины. Достаточно было искры, чтобы разразилась катастрофа.

Библиографический список

1. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 175.
2. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 178.
3. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 197
4. Саратовский листок. 1913. 12 ноября; 5 декабря.
5. Местное самоуправление Саратова: история и современность. Саратов, 2005.
6. Исключительное четырехлетие. Краткий обзор деятельности Самарского городского общественного управления в 1905–1909 гг. Самара, 1909.
7. Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов, 2007.
8. Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. Самара, 1914.
9. Памятная книжка Самарской губернии на 1914 год. Самара, 1914.
10. Рейли Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995.
11. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 1.
12. Известия Самарского научного центра РАН. 2008. № 1. Т. 10.
13. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 61. Д. 4.
14. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 226.
15. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 63. Д. 4.
16. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1619.
17. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1549.
18. Красный архив. М.; Л. 1929. Т. 2.
19. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 198.
20. Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1917.
21. На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. СПб.; Кишинев, 2001.
22. Волобуев П.В. Хлебные ресурсы России в 1917 г. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.
23. Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012.
24. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1627.
25. Отечественная история. 1993. № 3.
26. Памятная книжка Самарской губернии на 1915 г. Самара, 1915.
27. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1436.

28. Боханов А.Н. Святая царица. М., 2006.
29. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. СПб., 2010.
30. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868–1917. Нью-Йорк, 1954. Т. 2.
31. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996.
32. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1448.

M.I. Leonov*

AUTHORITIES AND SOCIETY OF MIDDLE VOLGA REGION AND ZAVOLZHYE IN THE YEARS OF DUMA MONARCHY

In the article the interrelations between the authorities and society, in the first place the administration of provinces and organs of local government of Middle Volga region and Zavolzhye in the years of duma monarchy, their cooperation in economic and conflicts in social and political questions are analyzed.

***Key words*:** authorities, society, province administration, local government, zemstvo, State Duma, war, food question.

* *Leonov Mihail Ivanovich* (mleonov40@gmail.com), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 947.083+21.009:322

Е.С. Досекин*

ПУБЛИКАЦИИ «ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ВЕСТНИКА» 1912-1913 ГОДОВ И ОТКЛИКИ НА НИХ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ САМАРСКОЙ ПРЕССЕ**

В статье рассматривается дискуссия о месте и роли Церкви в системе социально-политических отношений Российской империи, развернувшаяся на страницах столичной и региональной прессы накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: история русской общественной мысли, Е.Н. Трубецкой, Русская православная церковь в начале XX в., Поместный собор, Общество церковного обновления,

Церковный вопрос был одним из наиболее острых и обсуждавшихся в российском обществе в начале XX в. Основные дискуссии разворачивались вокруг идеи созыва Поместного собора, но не ограничивались проблематикой реорганизации управления религиозных институтов. В начале XX столетия среди либеральной общественности и части православного духовенства возникло движение церковного обновления, которое ставило перед собой задачу содействовать всестороннему преобразованию церкви в условиях быстро меняющегося мира.

В 1912 г. в Санкт-Петербурге начал выходить журнал «Церковно-общественный вестник». Центральное место в проблематике издания занимал вопрос о взаимоотношении общества и Церкви, включавший также проблему подготовки к созыву Поместного собора.

Необходимо отметить, что разработка реформы управления православной церковью началась в годы Первой русской революции. В 1906 г. было организовано Предсоборное присутствие. К работе в нем были привлечены не только церковные сановники, но и представители от мирян. В ходе своей деятельности присутствие подготовило предварительные проекты основных преобразований и представило их императору. Однако материалы, тогда подготовленные, санкции со стороны монарха не получили. Дело созыва Поместного собора оказалось отложенным на неопределенный срок.

В конце 1912 г. по инициативе Синода был учрежден специальный орган – Предсоборное совещание, задачей которого стала переработка материалов присутствия 1906 года и подготовка к «имеющему быть Собору». Как указывал «Церковно-общественный вестник», в состав совещания вошли представители правого реакционного духовенства, которое энергично перекраивало постановления Предсоборного присутствия. По разрешению властей наряду с синодальным совещанием было образовано несколько аналогичных учреждений. Так, летом 1912 г. подобный орган воз-

* © Досекин Е.С., 2013

Досекин Егор Сергеевич (olimp_1986@mail.ru), кафедра истории Отечества Самарской государственной академии культуры и искусств, 443016, Российская Федерация, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

ник по инициативе петербургского придворного духовенства, а вскоре свое совещание организовали военные священники [1, с. 6].

К публикациям в столичной прессе на темы, волновавшие общественность, внимательно прислушивалась российская провинция. Отклики на них давали прежде всего те местные газеты, которые разделяли политические убеждения сил и движений, стоявших за теми или другими столичными изданиями. Среди разнообразной по идейным предпочтениям самарской прессы позиции «Церковно-общественного вестника» активнее других обсуждало «Волжское слово», принадлежавшее к либеральному лагерю, но высказывавшее часто мнения, отличные от позиций ведущих партий этого лагеря, кадетов и октябристов. Так, в ходе войны, разразившейся как раз в 1912–1913 гг. на Балканах, газета одна из немногих выразила сомнения в ее справедливом характере со стороны правительств православных стран и в прочности солидарности «братьев-славян» [15, с. 46], предлагала оказывать гуманитарную помощь жертвам войны по обе стороны фронта не только по линии Красного Креста, но и мусульманского Красного Полумесяца [14, с. 13].

В том же 1912 г. в российском обществе развернулась дискуссия, посвященная участию духовенства в выборах в IV Думу. Как отмечалось в одной из статей «Церковно-общественного вестника», нашедшей живой отклик в «Волжском слове», если еще шесть лет назад Синод высказывался категорически против вступления церковных иерархов в партии, то теперь их «чуть не насильно тащат в Союз русского народа и другие правые политические организации» [2, с. 2]. Осуждая подобные действия, Н. Северский прямо заявлял в «Волжском слове», что «результаты синодской предвыборной кампании, вероятно, приведут к драматическим последствиям для российского конституционализма» [3, с. 2].

В начале 1913 г. общественность и церковь выражали надежду, что Собор откроют к 300-летию дома Романовых. В этот же период в Синоде и Предсоборном совещании всерьез заговорили о восстановлении патриаршества, также приурочивая это событие к памятной дате [4, с. 1].

Однако чаяниям лиц, сочувствующих церковной реформе, снова не суждено было сбыться. В мае в Думе при обсуждении бюджета Синода обер-прокурору В.К. Саблеру был задан вопрос, «будет ли созван церковный Собор». Саблер в ответ сообщил, что он «даром предвидения не обладает и не знает, когда будут закончены работы Предсоборного совещания» [5, с. 1].

Таким образом, решение вопроса о созыве Собора продолжало затягиваться. Разговоры о церковной реформе накануне Первой мировой войны проходили на фоне развивающихся противоречий внутри институтов православной церкви и общего роста недоверия к церковным властям как со стороны интеллигенции, так и более широких слоев населения.

1913 год был ознаменован появлением целого ряда ересей и сект, лидерами которых становились представители черного духовенства. Как сообщалось в «Церковно-общественном вестнике», иеромонах Илиодор решил основать новую религию, опирающуюся на поклонение разуму, природе, братской любви «без различия национальностей». При этом особые праздничные дни посвящались «прославлению Христа, Магомета, Будды, Конфуция и Толстого» [6, с. 14].

В том же году Церковь вела расследования по делу «братца» Иоанна Чурикова, «инокентьевщины», секты «стефановцев», названной по имени монаха Суздальского монастыря Стефана, «подгорновцев» и т. д. [7–10] Эту неприглядную картину дополнял конфликт на Афоне, разгоревшийся между российскими и греческими монахами. Обращение крестьян и других православных россиян к учениям, в той или

иной степени искажавшим православные догматы, свидетельствует как о дезориентированности общества, так и в некотором смысле о неготовности Церкви к переменам.

В 1913 г. представители движения церковного обновления, пользовавшиеся поддержкой либеральной интеллигенции, били тревогу, обращая внимание на то, что значительная часть выпускников духовных семинарий отказывается выбирать пастырскую деятельность, предпочитая продолжить обучение в университете. В то же время, по мнению видного философа и общественного деятеля Е.Н. Трубецкого, само возникновение «Союза ревнителей церковного обновления» свидетельствовало о положительных тенденциях во внутренних настроениях духовенства и в «смене вектора восприятия» многих церковных проблем [11, с. 68]. Стоит отметить, что Трубецкой являлся одним из активных сторонников реформы церковного управления. Он деятельно участвовал в работе Предсоборного присутствия, а после созыва Собора в августе 1917 г. принял непосредственное участие в разработке ряда его постановлений в качестве товарища председателя [12].

«Церковно-общественный вестник» указывал на необходимость расширения в духовной школе курсов, посвященных естественным и гуманитарным наукам, изучение которых необходимо будущим священникам в современных условиях. Однако решениями Синода, напротив, сокращались часы, отводящиеся на предметы, напрямую не связанные с православием. Преподавателям духовных образовательных учреждений запрещалось подрабатывать в светских школах и даже вступать в религиозно-философские общества [12, с. 5].

Таким образом, накануне Первой мировой войны, когда Российское государство входило в глубокий социальный и идеологический кризис, Церковь также оказалась недостаточно гибкой для того, чтобы адекватно реагировать на изменения в общественных настроениях. Либерально-реформистская часть православного духовенства и паствы, в свою очередь, проявляла все большее недоверие к церковным институтам, связанным с официальной властью и зависимым от нее. Тревоги и переживания этой части православной общественности за судьбу Церкви в водовороте грядущих политических бурь отразились в 1912–1913 гг. на страницах «Церковно-общественного вестника» и солидаризировавшихся с ним провинциальных либеральных изданий, в том числе самарского «Волжского слова».

Библиографический список

1. Церковная жизнь в 1912 г. // Церковно-общественный вестник. 1913. № 1.
2. «Церковно-общественный вестник» о выборной компании // Волжское слово. 1912. № 163 (1475).
3. Вместо декларации // Волжское слово. 1912. 3 августа. № 168 (1480).
4. Патриарх // Церковно-общественный вестник. 1913. № 2.
5. В думской бюджетной комиссии // Церковно-общественный вестник. 1913. № 18.
6. Хроники // Церковно-общественный вестник. 1913. № 3.
7. Хроники // Церковно-общественный вестник. 1913. № 12.
8. Хроники // Церковно-общественный вестник. 1913. № 26.
9. Хроники // Церковно-общественный вестник. 1913. № 28.
10. Хроники // Церковно-общественный вестник. 1913. № 31.
11. Трубецкой Е.Н. К предстоящей церковной реформе // Московский еженедельник. 1906. № 3.
12. Странный запрет // Церковно-общественный вестник. 1913. № 22.

13. Досекин Е.С. Отношение Е.Н. Трубецкого к Православной церкви и его участие в подготовке и деятельности первой сессии Поместного Собора (август–декабрь 1917 года) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 590–594.

14. Артамонова Л.М. Организация в Самарской губернии помощи жертвам войны 1912–1913 годов на Балканах // Наука и культура России: международная научно-практическая конференция (2013 г. Самара). Т. 1. Самара, 2013. С. 12–15.

15. Смирнов Ю.Н. Особенности восприятия первой Балканской войны в провинциальном обществе (по материалам либеральной самарской прессы) // Наука и культура России: международная научно-практическая конференция (2013 г. Самара). Т. 1. Самара, 2013. С. 45–47.

E.S. Dosekin*

PUBLICATIONS OF «CHURCH AND PUBLIC BULLETIN» IN 1912–1913 YEARS AND RESPONSES TO THEM IN THE LIBERAL PRESS OF SAMARA

The article analyses the discussion, which developed on pages of capital and regional press, about place and role of Church in the system of social and political relations of the Russian Empire before the I World War.

Key words: history of Russian public thought, Ye.N. Trubetskoy, Russian Orthodox Church in the beginning of the XX century, local council, society of Church updating.

* *Dosekin Egor Sergeevich* (olimp_1986@mail.ru), the Dept. of History of Fatherland, Samara State Academy of Culture and Arts, Samara, 443010, Russian Federation.

УДК 94(47)

П.А. Мистрюгов*

РЕПРЕССИИ ОРГАНОВ ВЧК В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918 г.**

В статье рассмотрена малоизученная проблема чрезвычайной политики органов ВЧК в Самарской губернии в 1918 г. На основе архивных материалов проведена стратификация репрессий по социальным направлениям и мотивациям, а также исследованы применявшиеся меры воздействия.

Ключевые слова: ВЧК, репрессии, советы, КОМУЧ, чехословаки, крестьяне, помещики, Самарская губерния.

История взаимодействия советских органов власти и общества в период Октябрьской революции и Гражданской войны до настоящего времени хранит множество белых пятен. От степени их изученности зависит оценка не только революционных и военных событий 1918–1920 гг., но и всего пути развития российской государственности в XX веке.

В гуще событий и многомерных процессов 1918 г. рассмотрим наименее изученный вопрос о репрессивной политике органов ВЧК, реализовывавшейся в Самарской губернии. В это время на территории губернии стремительно разворачивались крупные события, изменявшие общественный уклад жизни. Так, свержение власти КОМУЧа в октябре 1918 г. открыло путь для восстановления советских органов власти и управления. Советско-партийные руководители губернии приняли ряд радикальных решений о национализации промышленности, введении продразверстки, которые преобразовали хозяйственно-экономические основы и социальные условия существования города и деревни. К этому добавлялись различного рода мобилизаций (военные, хозяйственные и т. д.), выполнение которых ложилось на людей тяжелым бременем. Сам процесс революционного переустройства и военных действий при освобождении Самары от КОМУЧа и событий на Восточном фронте истощал людские и хозяйственные ресурсы, обостряя общественные взаимоотношения.

Анализируя советскую и современную литературу о ходе советского строительства, его темпах и особенностях, а также настроениях разных общественных групп, необходимо отметить, что внимание методам чрезвычайного советского управления, включавшего в том числе реализацию оперативно-следственных и судебных функций, уделялось крайне мало [3; 7–8]. Тем не менее, согласно выводам современных ученых, занимающихся изучением данной проблемы на материалах центральных губерний, а также Поволжья, Урала, Сибири, Пермского Прикамья на протяжении Гражданской войны и НЭПа место и роль органов государственной безопасности неуклонно возрастали, а впоследствии они стали важнейшим инструментом административно-командной политической системы государства в 20–50-х гг. XX в. [1–2; 4–5].

---

* © Мистрюгов П.А., 2013

Мистрюгов Павел Алексеевич (Pavel892006@yandex.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

Для восполнения процесса становления советской власти в Самарской губернии необходимо стратифицировать социальные направления и мотивации репрессивной деятельности органов ВЧК, аппарат которой в губернии был создан уже к концу 1918 г., а также рассмотреть применявшиеся ею меры воздействия к различным группам граждан.

Репрессии органов ВЧК в Самарской губернии в 1918 г. носили ярко выраженный социально-политический характер. Их реализация прошла два этапа: на первом этапе советы применяли чрезвычайные меры против сторонников власти КОМУЧа, активных участников его военно-политических структур; второй этап репрессивной деятельности органов ВЧК был связан с подавлением противодействия разных общественных групп, выступавших против советского курса преобразований. Более подробно рассмотрим специфику репрессий в 1918 г.

Восстановление советских органов власти и управления после освобождения Самары от власти КОМУЧА сопровождалось не только серией административных преобразований. Советские власти предприняли против участников политических и военных структур КОМУЧа, оставшихся в Самаре, репрессивные меры воздействия. Необходимо отметить, что юридически органы ВЧК с осени 1918 г. и до апреля 1919 г. руководствовались правом вынесения высшей меры наказания (далее – ВМН) с различными рода вариациями и формами его реализации. В Положении о ВЧК от 28 октября 1918 г. губернским ЧК предоставлялось право заключения в дом принудительных работ (ДПР), а в местностях, объявленных на военном или осадном положении, применение ВМН только после постановления коллегии ВЧК. В следующем изданном Положении «Об организации ВЧК» от 18 ноября 1918 г. подтверждалось право ВЧК на применение внесудебных полномочий, в т. ч. и ВМН. И наконец, Инструкция ЧК на местах от 1 декабря 1918 г. предоставила местным ЧК право накладывать в административном порядке наказания вплоть до расстрела [6, с. 27–28].

На основе документальных материалов, можно выделить две группы граждан, попавших под следствие ГубЧК в декабре 1918 г. Первая группа включала имена 10 воинских чинов и 32 пролетариев, активно поддерживавших КОМУЧ. В вину военным вменялась служба в Народной армии КОМУЧа. Однако положение обвиняемых принципиально отличалось. Как отмечалось, военные принадлежали к классу буржуазии, а значит, были социально опасными. Пролетарии же попали в армию «или насильно, или по чисто случайным причинам». Такая ярко выраженная классовая установка, которой руководствовались сотрудники ГубЧК, повлияла на избрание мер пресечений: военные были приговорены к расстрелу, а представители рабочего класса освобождены. Вторую группу составляли горожане в составе 10 человек, не относящиеся к числу профессиональных военных и менее значимые и активные участники комучевских органов власти. Это были представители торговой сферы (торговец, мясник, владелец пекарни), а также представитель дворянства (сын помещика). Они уличались в поддержке власти КОМУЧа и службе в чехословацкой контрразведке, а также антисоветской агитации, притеснениях советских работников и красноармейцев и укрывательстве факта своей службы в Народной армии. Небольшой процент обвинялся в пьянстве, спекуляции и воровстве. По решению ГубЧК эти граждане были расстреляны [10, л. 28].

В конце 1918 г. повышенную репрессивную активность проявляли уездные органы ГубЧК Самарской губернии. Это можно объяснить как оттоком противников советской власти из города, т.к. советы были бескомпромиссны к своим противникам, так и общей тягой низовых советских структур власти и управления к чрезвычайным способам деятельности. Советско-партийные работники, находясь в непос-

редственной близости от народа, полумеры и демократические процедуры в управлении одобряли нечасто.

Проанализировав сведения из отчетов Бузулукской, Бугурусланской и Бугульминской УездЧК, отметим, что политика советов по радикальному переустройству общества к концу 1918 г. встречала большое сопротивление не только со стороны бывших эксплуататорских классов, но и представителей крестьянства. Во многом вопрос о социальном представительстве репрессированных является краеугольным камнем в оценке становления нового типа российской государственности после 1917 г. При официальном провозглашении власти рабочих и крестьян были подвергнуты уничтожению представители численно преобладавшего класса крестьянства – всего 36 человек. На втором месте в количестве 24 человек были представители «бывших» – помещики. Причем основной процент репрессированных данной социальной группы приходился на Бугульминский уезд. В списках выделяется такая неопределенная для революционной российской эпохи категория, как «граждане», в составе 12 человек. Прояснить социальную принадлежность членов этой группы позволяет корреляция с родом их профессиональных занятий. Так, среди них были 3 рабочих, 2 спекулянтов, 2 хлебопашцев, 1 учитель, 1 ученик реального училища, 1 протоиерей, 1 письмоводитель и 1 бывший тюремный надзиратель. Последними по числу были представители мещанства – 11 человек. Документальные свидетельства позволяют детализировать такие признаки обвиняемых, как национальность (70 русских, 2 татар, 1 поляк, 1 белорус), возраст (диапазон – 30–39 лет – 22 человека, 40–49 лет – 20 человек, 18–29 лет – 15 человек, 50–59 лет – 14 и 60–69 лет – 7 человек) и профессия (25 земледельцев-хлебопашцев, 11 эксплуататоров чужого труда, 10 торговцев-спекулянтов, 7 представителей духовенства, 7 рабочих, 7 учителей). Мотивация репрессий УездЧК Самарской губернии была различной, а обвинительные приговоры отличались слабой формализованностью, хаотичностью и неполнотой представленных данных. Несмотря на это, в приговорах можно выделить иерархию обвинительных мотивов. Так, доминирующим мотивом стала «контрреволюционная деятельность», включающая различные способы противодействия советской власти; на втором месте – поддержка и участие в структурах КОМУЧа – расстрелы советских работников, сдача чехословакам, служба в Народной армии, порча имущества; третье место – крестьянское недовольство, выражавшееся в самовольных сходах, нападениях на совет и восстановлении «кулацкой монархической власти»; четвертое –эксплуатация чужого труда; пятое – принадлежность к классу буржуазии – выступление против советской власти; шестое – шпионаж. Все обвиняемые были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны [9, л. 98 об. – 103 об.].

Радикальный процесс восстановления и деятельности советской власти в Самарской губернии в 1918 г. носил конфронтационный характер. Причем линии социального раскола проходили не только между советами и представителями некогда привилегированных классов – дворян и буржуазии, но и между советами и крестьянством. Особой специфической чертой во взаимоотношениях власти и общества в Самарской губернии в 1918 г. стала бескомпромиссная борьба советов с приверженцами власти КОМУЧа, в которой ярко проявились классовые принципы государства диктатуры пролетариата. Рабоче-крестьянский демократический потенциал советской власти в 1918 г. в Самарской губернии был исчерпан. Наряду с административными преобразованиями, начавшимися после освобождения Самары от власти КОМУЧа, активно использовался инструмент репрессий, главным образом против крестьян и помещиков, а иногда и рабочих. Итак, причины нарастания репрессивной политики коренились не только в революционных изменениях общественных отношений. На первое место выдвигались цели обеспечения политического существования советской власти

и РКП(б). Они достигались путем подавления социально-политического сопротивления и поддержания ее военно-хозяйственного потенциала. Эта политика осуществлялась чрезвычайными, в том числе репрессивными, методами.

Библиографический список

1. Бойко С.И. Деятельность Всероссийской чрезвычайной комиссии в годы Гражданской войны и перехода к НЭПу (1917–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001.

2. Кабытова Н.Н. Становление местных органов советской власти в 1918–1920 гг. // Вестник СамГУ. Сер.: Гуманитарная. 2007. № 5/3.

3. Кореневская Е.И. Становление высших органов государственного управления. Правовые основы организации и деятельности советского правительства в 1917–1922 гг. М.: Наука, 1975.

4. Кобелева Е.А. Место и роль ЧК в процессе становления Советского государства. 1918 – начало 1922 гг.: на материалах Пермского Прикамья: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2005

5. Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. М.: Диалог-МГУ, 1997.

6. Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.-Жуковский: Кучково поле, 2006.

7. Медведев Е.И. Октябрьская революция в Среднем Поволжье. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1964.

8. Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1920-е гг.). СПб.: Изд-во ГУАП, 2011.

9. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-81. Оп. 2. Д. 1.

10. ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 17.

P.A. Mistryugov*

REPRESSION OF STRUCTURES OF VCHEKA IN THE SAMARA REGION IN 1918

In the article little-studied problem of extraordinary politics of the Cheka in the Samara region in 1918 was studied. On the basis of archival materials the stratification of repressions on social directions and motivations was held, as well as the applied measures has been considered.

Key words: VCheKa, repressions, soviets, Komuch, Czechoslovaks, peasants, landowners, Samara region.

* *Mistryugov Pavel Alexeevich* (Pavel892006@yandex.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, 443011, Russian Federation.

УДК 908

А.В. Сюков*

БЕЗЕНЧУКСКАЯ ОПЫТНАЯ СТАНЦИЯ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В статье рассматривается процесс становления научной организации сельского хозяйства в Самарской губернии в начале XX в. Выявлена история организации старейшего агрономического научного учреждения региона – Безенчукской опытной станции. Изучены основные направления деятельности этого научного учреждения в дореволюционный период.

Ключевые слова: Самарская губерния, сельское хозяйство, аграрная наука, Безенчукская опытная станция.

Безенчукская опытная станция является старейшим научным учреждением Самарской области. Ее история насчитывает уже 110 лет. Именно на дореволюционный период пришелся наиболее динамичный рост станции, когда она за сравнительно короткий срок после своего создания заняла лидирующие позиции среди агрономических научных учреждений не только Поволжья, но и всей страны.

В начале XX в. Самарская губерния была важнейшим районом производства зерновых культур, валовой сбор которых постоянно увеличивался в условиях повышения цен на товарное зерно. Однако для сельского хозяйства губернии были характерны экстенсивные формы развития. Сбор зерна повышался не за счет повышения урожайности, а за счет освоения новых, ранее не освоенных территорий Самарской губернии. В 1860-е гг. площадь пашни составляла 2,2 млн., уже в 1887 г. она расширилась до 7,3 млн га, а к 1917 г. общие размеры пашни составили 10,4 млн га [1, с. 61] Однако при увеличении площадей средняя урожайность практически не повышалась. Это объяснялось консервативностью крестьян, нежеланием отходить от устоявшейся системы ведения хозяйства, а также отсутствием необходимых знаний о современных севооборотах.

Одним из недостатков губернского сельского хозяйства было отсутствие многопольных севооборотов. В большинстве помещичьих и крестьянских хозяйствах преобладало традиционное трехполье. В южных уездах применялась также система залежного земледелия, когда восстановление плодородия почвы осуществлялось путем оставления значительной доли пашни под залежью на длительный срок. Необходимость увеличения посевной площади привела к тому, что в начале XX в. типичная залежная система стала уступать место одно- и двухгодичным перелогам. Однако земля за это время не успевала восстановиться. Шла жесточайшая эксплуатация земельных ресурсов, их истощенье. «Отношение к земле было хищническое, жадное,

* © Сюков А.В., 2013

Сюков Антон Валерьевич (asyukov@yandex.ru), кафедра отечественной истории и историографии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

предела аппетитам на землю, кажется, не наступает», – писал новоузенский агроном Г.И. Колесников [1, с. 65]. Также в некоторых хозяйствах получили распространение бессистемные способы использования земель (пестрополье, неправильное трехполье). Переход к таким формам использования пашни вызывался стремлением крестьян к расширению площади посева яровой пшеницы как наиболее ценной культуры. Многопольные же севообороты с многолетними циклами, разнообразием обрабатываемых культур практически не применялись [1, с. 62–65].

Возникновение внутреннего и внешнего рынка определило глубокие изменения в специализации земледелия. Крестьянские хозяйства начали возделывать те культуры, которые пользовались большим спросом на рынке. Высокие цены на яровую пшеницу приводили к ситуации, когда она стала занимать все больше и больше площадей в хозяйствах. Так, цена пшеницы была почти в 1,5 раза больше, чем цена ржи. С 1881 по 1910 гг. площадь под пшеницей выросла на 161 % [2, с. 15]. По сравнению с другими культурами, прежде всего озимой рожью, пшеница давала более низкий урожай, который к тому же был крайне неустойчивым по годам. Однако более высокие цены на пшеницу заставляли крестьян вести крайне рискованный тип хозяйства.

Ситуация в регионе осложнялась сложными климатическими условиями. Нахождение губернии в зоне рискованного земледелия приводило к резким скачкам урожайности по годам, когда хороший урожай мог смениться жесточайшим недородом. За период с 1873 по 1914 гг. население Самарской губернии 8 раз переживало засушливые годы, сопровождавшиеся полным неурожаем хлебов [1, с. 95]. Устаревшие агротехнические приемы приводили к тому, что в условиях засушливого климата крестьяне были полностью во власти внешних природных сил. Определенные трудности были связаны с тем, что в регионе было довольно много переселенцев из других регионов. Оказавшись в условиях совершенно другого климата, они оказались не приспособленными к новым условиям, продолжали использовать старый опыт ведения хозяйства.

Попытки совершенствования системы ведения сельского хозяйства, перехода на интенсивный путь развития предпринимались на протяжении всего XIX в. Однако они не носили системного характера, представляя собой единичные случаи внедрения определенных агротехнических приемов по инициативе снизу без должной поддержки государства. В отдельных помещичьих имениях могли применяться новые сельскохозяйственные орудия, удобрения, более совершенные агротехнические приемы, качественные семена. Однако такие хозяйства оставались крайне редкими. Большинство крестьянских и помещичьих хозяйств продолжало вести традиционное земледелие.

Во второй половине XIX в. проблемы реформирования способов ведения сельского хозяйства активно поднимались общественностью. О проблемах российского хозяйства говорили видные ученые: В.В. Докучаев, П.А. Костычев, И.А. Стебут, К.А. Тимирязев. Они предлагали различные меры борьбы с засухой. Была активна эта работа и на местах. В различных губерниях стали создаваться сельскохозяйственные общества. Катализатором этих процессов стала засуха 1891 г., которая особенно сильно поразила Самарскую губернию. Неурожай был не только следствием сложным погодных условий, но и низким уровнем агротехники. Она отчетливо показала неэффективность сельского хозяйства, его неприспособленность к засушливому климату Юго-Востока. В этих условиях в конце XIX в. общественность и ответственные государственные ведомства четко осознали, что совершенствование системы сельского хозяйства возможно лишь при условии организации научных агрономических учреждений. Как земство, так и наиболее активные общественники на землях своих имений стали создавать единичные опытные поля.

Однако централизованной государственной политике в этой сфере еще сформировано не было. Деятельность высших государственных органов по сельскохозяйственному опытному делу началась лишь с преобразованием Министерства государственных имуществ в Министерство земледелия, т. е. с 1894 г. В течение первого же года по преобразовании министерства был выработан общий план деятельности ведомства по сельскохозяйственному опытному делу. Важнейшую роль в этой работе сыграл профессор П.А. Костычев, который занимал пост директора департамента земледелия. Согласно этому плану, Министерство земледелия признало наиболее целесообразным устройство опытных станций. По сравнению с опытными полями, эти учреждения должны были разрабатывать более широкие и разносторонние задачи с привлечением большого количества высококвалифицированных научных кадров. На первое время было предложено учредить казенные опытные станции в 8 пунктах Европейской части России. Эти станции были организованы в 1894–1901 гг. Они должны были выяснять основы рационального хозяйства для различных физико-географических районов [3, л. 1 об.].

Параллельно с департаментом земледелия подобная работа велась на землях и на средства Удельного ведомства. В конце XIX в. Уделы являлись крупным земельным собственником, владея в Самарской губернии 500 тыс. десятин. Эксплуатируя земли исключительно сдачей их в аренду крестьянам, Удельное ведомство в конце XIX в. столкнулись с фактом колоссальной задолженности своих арендаторов и упадком их хозяйств. Подробное исследование хозяйственно-экономического положения удельных арендаторов, произведенное старшим агрономом Уделов И.Н. Клингеном в 1891–1900 гг., показало, что хозяйства арендаторов-крестьян находятся в чрезвычайно тяжелом положении, внешними же системами этого упадка и являются миллионные недоимки, накопившиеся за этот период [4, л. 2]. В ходе изучения причин бедственного положения арендаторов И.Н. Клинген отметил, что «беда происходила, главным образом, не от малоземелья, а от неправильной организации хозяйства и от неумения перейти к более разумной и выгодной системе» [5, с. 3].

Ему было ясно, что планомерная агрономическая помощь арендаторам должна быть основана на знаниях и понимании местных естественно-исторических условий, на добытом в местных условиях опытном материале. Такого материала в Самарской губернии на тот момент не было. Именно поэтому И.Н. Клинген выступил с инициативой организовать опытную станцию для изучения климата, почвы и техники хозяйства засушливой полосы Заволжья. В мае 1903 г. комиссией из удельных управляющих и директора будущей станции Я.М. Жукова во главе с агрономом Главного управления уделов И.Н. Клингеном было выбрано место около ст. Безенчук Самаро-Златоустовской железной дороги под Удельную областную агрономическую опытную станцию. Место было выбрано не случайно. Станция территориально находилась в зоне максимального сосредоточения удельных земель с типичными для них почвами. Расположение станции на оживленном участке железной дороги в 60 верстах от губернского центра стало еще одним фактором ее успешности в сравнении с соседними опытными учреждениями. Она была более доступна для посещений научных работников и земледельцев, желающих ознакомиться с современными технологиями ведения сельского хозяйства. Летом 1903 г. той же комиссией удельных агрономов был разработан организационный план опытной станции. Он подвергся обсуждению особого съезда выдающихся самарских хозяев и общественных агрономов, после чего был окончательно утвержден [5, с. 6].

Уже в 20-х числах июля 1903 г. приступили к постройке здания станции, а осенью начали первые научные работы [6, с. 1]. В первое время в состав станции входили метеорологическая станция с особым отделом почвенных наблюдений, лаборатории,

библиотека, вегетационное отделение с оранжереей, ботанический питомник, центральное опытное поле, центральное опытное хозяйство, филиальные отделения для проведения полевых опытов. Станция занимала около 325 десятин. Так как опытная станция строилась с чистого листа, то в первые годы основу бюджета станции составляли средства на постройку жилых и хозяйственных помещений. На эти цели было потрачено более 105 тыс. рублей [7, с. 15–16].

Будущий директор станции Н.М. Тулайков отмечал особую заслугу И.Н. Клингена: «Мы не знаем, что стоило ему провести эту мысль в надлежащих учреждениях, но нельзя не отметить силу убежденности инициатора этого дела и руководителей Главного управления уделов, если в чуждом до тех пор этой работе ведомстве открывается опытная станция, богато для того времени обставленная, с исключительно большим по тому времени бюджетом. И это особенно было удивительно, когда сравнивали между собой Удельную областную станцию и заброшенные в глухие углы с ничтожными бюджетами станции Министерства земледелия» [6, с. 3–4].

Важнейшим вопросом в деятельности станции был «вопрос о накоплении, сбережении влаги и разумном и экономическом ее использовании» [5, с. 8]. Программа станции была ориентирована на повышение приспособленности хозяйств к засухе. Развернулись работы по определению наиболее благоприятного времени и приемов вспашки земли, ее дальнейшей обработки для сохранения влаги. Исследовались время и способы посева семян, в особенности роль широкорядных посевов, изучались новые скороспелые сорта различных культур, роль удобрений для повышения урожайности [5, с. 8–15].

В 1911 г. под флагом изучения машин и орудий «сухого земледелия» положено начало машиноиспытательному отделу. В 1912 г. был организован селекционный отдел, который начал работу над выведением новых сортов сельскохозяйственных культур, приспособленных к засушливому климату Поволжья [6, с. 6–8]. Предлагалось разнообразить хозяйство крестьян, чтобы они не зависели от урожая одной-двух культур, а выращивали несколько культур с разными сроками созревания. Опытная станция разрабатывала вопросы внедрения пропашных культур: кукурузы, подсолнечника и т. д. Положительные стороны этих культур заключались в способности использовать осадки второй половины вегетационного периода, меньшей зависимости от недостатка влаги в начале лета и возможности противостоять продолжительной засухе. Особенно отчетливо достоинства этих культур проявились в крайне неурожайный 1911 г. На фоне общей гибели зерновых хлебов на соседних полях крестьян, кукуруза на полях станции дала хороший урожай – в среднем около 100 пудов с десятины [4, л. 7–8].

Однако станции приходилось действовать в условиях политической нестабильности. Страна была втянута в сложные внутри- и внешнеполитические процессы, которые влияли и на работу ученых станции. Революционные события 1905 г. сказались на деятельности Удельного ведомства, которому подчинялась опытная станция. Удельные земли, сдаваемые ранее в аренду, теперь были переданы Крестьянскому поземельному банку. Соответственно, в таких условиях Удельное ведомство было не заинтересовано в сохранении в своем составе опытной станции. Встал вопрос о ее закрытии. Ее судьбой озаботились земские органы Поволжья, которые увидели первые результаты деятельности станции, понимали ее значение в жизни региона. Они обратились с ходатайством в Главное управление землеустройства и земледелия с просьбой о продолжении ее деятельности. Ходатайство было удовлетворено, и в 1908 г. опытная станция перешла в ведение департамента земледелия, которому все постройки и оборудование были подарены, а земля обменена [6, с. 5].

С 1910 г. станция была преобразована в областную для Самарской, Симбирской и Уфимской губерний. Станция должна была объединять деятельность всех опытных учреждений на этой огромной территории [4, л. 9]. Под ее руководством вели свою работу Бузулукское, Бугурусланское, Бугульминское опытные поля. На тот момент станция вышла на ведущие позиции. «Безенчукская станция по своему оборудованию самое крупное учреждение в России. Она богато обставлена и научным персоналом, и научно-техническими средствами», – писал ведущий специалист в области агрономии А.И. Стебут, посетивший станцию в 1910 г. [1, с. 106]

Однако на этом трудности станции не закончились. После начала Первой мировой войны на фронт были мобилизованы многие работники станции, начиная со старших служащих и заканчивая многими подготовленными для станционной работы рабочими. Со станции по мобилизации было взято 17 лучших лошадей. Опытная станция своими силами уже не могла выполнять необходимых объемов опытов. Приходилось нанимать людей со стороны, которые выполняли необходимые работы не так качественно. Позднее для подобных работ были привлечены военнопленные. К работам было привлечено 18 сербов, служивших до этого в австрийской армии [8, л. 1–5].

Наиболее тяжелыми для станции стали 1918–1919 гг., когда непосредственная близость фронта Гражданской войны угрожала существованию станции. Все это негативно влияло на ее работу. Пострадала станция во время прохода чехословаков и отступающих с ними беженцев. Голодные толпы последних растащили с полей весь урожай кукурузы. Наступавшие затем войска Красной армии произвели реквизицию практически всех лошадей и перевозочных средств. Это обстоятельство не дало закончить осенние полевые работы в 1918 г. [9, л. 22–23]

В течение лета 1918 г. опытная станция не менее 4 раз подвергалась артиллерийскому обстрелу, от которого пострадали некоторые постройки, главным образом жилые. Во время одного из артиллерийских обстрелов снарядом, взорвавшимся внутри здания лаборатории, было ранено 11 человек из числа жителей станции, укрывавшихся в подвале. Осложнялась ситуация и мобилизацией части сотрудников в Народную армию. Другая же часть, уцелевшая от мобилизации, была призвана в Красную армию. Ситуация в конце 1918–1919 гг. осложнялась деятельностью созданных комбедов и продотрядов, которые создавали крайне напряженную ситуацию, изымая ценные семена сельскохозяйственных культур. Из-за этого станции пришлось полностью прекратить селекционные работы по многим направлениям. Однако поддержка губернских властей, особенно Губернского земельного отдела, защитила станцию от более масштабных изъятий зерна, позволив станции продолжить научные исследования, пусть и в значительно сокращенном виде. На станции к тому моменту ощущался острый недостаток кадров. Больше всех пострадал селекционный отдел, потерявший за это время несколько своих ценных сотрудников [9, л. 23].

Лишь в 1920-е годы ситуация стабилизировалась. Возобновилось финансирование, достаточное для полноценной научной работы. Вернулись некоторые мобилизованные сотрудники. Опытная станция оправилась от потерь и вновь начала крупномасштабную исследовательскую работу. Важнейшую роль в сохранении традиций станции сыграл тот факт, что в нестабильный период войн и революций удалось сохранить костяк из научных работников старшего поколения. На станции продолжили работать С.М. Тулайков, Ю.К. Чехович, П.Р. Федоров, Д.М. Щукин. В эти годы опытная станция старалась развиваться эволюционным путем, продолжая научные разработки, начатые еще до 1917 г.

Библиографический список

1. Из истории земледелия Самарского Заволжья. Безенчук, 1995.
2. Труды IV Самарского губернского агрономического совещания. Самара, 1914.
3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 832. Оп. 1. Д. 32.
4. ЦГАСО. Ф. Р-4535. Оп. 1. Д. 68.
5. Клинген И., Жуков Я. Краткое описание Удельной областной сельскохозяйственной станции. СПб., 1907.
6. Тулайков Н. Эволюция одного опытного учреждения. СПб., 1914.
7. Отчет Безенчукской сельскохозяйственной опытной станции. Вып. 1. СПб., 1911.
8. ЦГАСО. Ф. 832. Оп. 1. Д. 57.
9. ЦГАСО. Ф. Р-4535. Оп. 1. Д. 30.

A.V. Syukov*

BEZENCHUK EXPERIMENT STATION: HISTORY OF ESTABLISHMENT AND FIRST YEARS OF ACTIVITY

In the article the process of formation of scientific organization of agriculture in the Samara province in the early XX century is viewed. The history of organization of the oldest agricultural scientific institution in the region – Bezenchuk experimental station is revealed. The main directions of activities of this scientific institution in prerevolutionary period are studied.

Key words: Samara province, agriculture, agricultural science, Bezenchuk experiment station.

* *Syukov Anton Valerievich* (asyukov@yandexl.ru), the Dept. of National History and Historiography, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 94 (47)

Н.Н. Кабытова*

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ПОВОЛЖЬЕ**

В статье анализируется деятельность губернских и уездных крестьянских съездов 1917 г. в Поволжье, показано их влияние на решение аграрно-крестьянского вопроса в революции и формирование местных властных структур

Ключевые слова: аграрная революция, крестьянские съезды, крестьянские комитеты и советы.

Аграрная революция в Поволжье по своему размаху превзошла городскую. Значительную роль в ее организации сыграли крестьянские съезды. Они координировали деятельность крестьянских комитетов и советов; на них обсуждался весь комплекс вопросов «текущего момента» революции. Съезды были объектом острейшей политической борьбы, поскольку являлись наиболее представительными социальными объединениями. Крестьяне наделяли съезды правотворческими полномочиями, и они их оправдывали: принимали местные законы о формах земельной собственности, принципах ее налогообложения, нормах представительства в губернские и уездные властные структуры. Первые крестьянские съезды в губерниях Поволжья стали созываться уже в марте 1917 г. Их организаторы ставили целью довести декларации и постановления Временного правительства по земельному вопросу до крестьян, надеясь предотвратить возможные «аграрные беспорядки». Центральная власть, заявляя об охране частной собственности, запрещении пересмотра арендных цен, перераспределении рабочей силы из числа военнопленных в помещичьих экономиях, откладывала решение земельного вопроса до Учредительного собрания. В целом лояльные к указаниям правительства делегаты этих съездов пожелали внести некоторые коррективы в существовавшие поземельные отношения. Объясняли они это особенностями аграрного развития в каждом отдельном регионе.

I Симбирский губернский крестьянский съезд, начавший свою работу 20 марта 1917 г., декларировал, что «окончательное решение земельный вопрос должен получить после созыва Учредительного собрания» [20, с. 29]. Однако на нем было высказано «пожелание, чтобы население воздержалось от покупки в собственность земли от кого бы то ни было», и разрешено бесплатное пользование пастбищами по усмотрению волостных комитетов, по соглашению с заинтересованной стороной. Волостные комитеты без всякого согласования с земельными собственниками повсеместно стали устанавливать «слишком низкую арендную плату» [11, л. 26]. Кроме того, они посылали запросы в губернские органы власти и самоуправления, спрашивая: «можно ли

---

* © Кабытова Н.Н., 2013

Кабытова Надежда Николаевна (don.kabytov2012@yandex.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

на основании решения губернского крестьянского съезда 20–21 марта отобрать волостным сходам земли частных владельцев и помещичьи?» Не ограничиваясь пожеланиями и запросами, крестьяне уже в апреле 1917 г. стали на сходах принимать приговоры «“О передаче частновладельческой и уездной земли” в их собственность, ссылаясь на постановление губернского съезда» [12, л. 60].

Один из лидеров симбирских эсеров А.Р. Сеньев, анализируя ситуацию в деревне весной 1917 г., отмечал: «Несмотря на постановления крестьянского съезда о том, что свое решение земельный вопрос должен получить в Учредительном собрании, в деревнях и селах начались уже самовольные захваты крестьянами частновладельческой земли и самовольная рубка лесов» [32]. Канцелярия губернского комиссара вынуждена была рассылать по всей губернии разъяснения о том, что «постановления съезда 20–21 марта являются только пожеланиями собравшихся и никакой законодательной силы не имеют» [12, л. 81]. Данные факты наглядно подтверждают, что крестьяне в своем стремлении к ликвидации помещичьего и другого частного землевладения опирались даже не на конкретные решения съезда, а на сам факт его созыва, полагая, что крестьянский съезд имеет право и должен решить аграрный вопрос в их интересах.

Первый Самарский губернский крестьянский съезд, проходивший 25–29 марта 1917 г., в своих постановлениях также окончательное решение земельного вопроса отложил до Учредительного собрания. Однако делегаты съезда заявили о своих претензиях на участие в выработке аграрного законодательства, считая, что «формы перехода земли в руки трудового народа должны быть разработаны на специальных крестьянских съездах» и «окончательно утверждены в законодательном порядке» [33, с. 93]. При этом съезд специально подчеркнул, что частная собственность на землю должна быть уничтожена Учредительным собранием. Заметим, что это требование прозвучало уже в марте 1917 г. на съезде, где делегатов из крестьян почти не было.

Принятые съездом «Временные правила о пользовании землей», декларируя необходимость отмены частной собственности на землю, предлагали подождать с осуществлением этого принципа до Учредительного собрания. В то же время не засеянные помещиками пахотные земли изымались у них и поступали в распоряжение крестьян. Одновременно на съезде были приняты решения о понижении арендных цен, увеличении посевной площади, прекращении сделок по купле-продаже земли, приостановке выхода крестьян из общин на отруба. В «Правилах» говорилось также о необходимости реквизировать и передать крестьянским организациям не используемый владельцами сельскохозяйственный инвентарь. Двойственный характер решений съезда вполне объясним: его организаторы стремились поддержать аграрную политику Временного правительства и одновременно расширить свое влияние в крестьянской среде.

В апреле 1917 г. вполне очевидно проявилось стремление российского крестьянства к развитию революционных преобразований аграрных отношений. Крестьянские съезды, проходившие в условиях весеннего наступления крестьян-общинников на права земельных собственников, непременно провозглашали «отмену частной собственности на землю в пределах Российской республики навсегда». Первый Саратовский губернский крестьянский съезд, работавший 7–10 апреля 1917 г., объявил «все земли, со всеми недрами и водами достоянием народа» [33, с. 111]. При сравнении декларативной и постановляющей частей решений Саратовского губернского съезда вполне отчетливо проявилось расхождение между революционным фразерством и конкретными делами его организаторов. Переходя к конкретным вопросам организации землепользования, составители резолюции по аграрному вопросу заявили, что «захват частновладельческих земель до нового земельного строя, установленного Учредительным собранием, недопустим» [33, с. 112]. Местные продовольственные ко-

митеты могли взять на учет и распределить между нуждающимися по установленным комитетами ценам лишь те излишки земель, которые владельцы не смогли по каким-либо причинам отдать в аренду. Естественно, подобные решения не могли удовлетворить крестьянство губернии. Через свои низовые комитеты они стали брать под контроль все земельные угодья в пределах административного влияния этих комитетов и перераспределять земельный фонд на уравнительных началах [13, с. 95—100].

Первый Пензенский губернский крестьянский съезд, проходивший одновременно с Саратовским, был еще радикальнее в своих решениях по земельному вопросу. Аграрная губерния старого заселения с большим числом средних поместных землевладений, где крестьяне испытывали острое малоземелье, с начала революции была отмечена «беспорядками и эксцессами на почве земельных отношений». Сообщения, подобные тому, что «местные крестьяне начали рубить принадлежавший торговому дому Карпова лес» [3, л. 3], начали поступать в канцелярию Пензенского губернского комиссара уже в первой половине марта 1917 г. В этих условиях и губернский, и уездные крестьянские съезды выдвинули революционные требования по земельному вопросу. Пензенский губернский съезд, принявший 9 апреля постановление «О временных мерах к разрешению земельного вопроса», откладывал окончательное разрешение его до Учредительного собрания и одновременно призывал крестьян не допускать разрушения материальных ценностей. Тем не менее «все земли государственные, удельные, дворянского, крестьянского поземельных банков, монастырские, церковные, городские и другие» съезд передавал в распоряжение волостных комитетов, «за исключением опытных полей общественного значения» [28, с. 53].

Волостные исполнительные комитеты в соответствии с «Временными мерами», разработанными съездом, должны были заниматься всеми вопросами распределения и использования земель и инвентаря, регулировать трудовые взаимоотношения, в том числе регламентировать рабочий день сельскохозяйственных рабочих. Они же в пределах волости решали все другие вопросы административно-хозяйственного управления. Уездные крестьянские съезды, проходившие в Пензенской губернии почти одновременно с губернским, также призывали крестьян сохранять полное спокойствие «в ожидании земли и воли, которые народу даст Учредительное собрание» [15]. Однако требования крестьян по земельному вопросу и на уездных съездах заключались в безоговорочной ликвидации всякой частной собственности на землю. Выступая за передачу всех земель в руки крестьян, составители резолюций по аграрному вопросу всячески пропагандировали обработку земли в товариществах. Необходимо отметить, что принимая подобные решения, крестьянские съезды рассматривали их не как пожелания по разрешению земельного вопроса, а как закон, который до окончательного решения Учредительного собрания должен функционировать в губернии.

Для осуществления своих постановлений крестьяне создавали соответствующие условия, ставя крупных землевладельцев в такое положение, когда они не в состоянии были обрабатывать свои земли, лишившись рабочей силы в лице арендаторов, батраков, солдатских дружин и военнопленных. Все земли передавались в ведение волостных комитетов, которые, воспользовавшись таким положением землевладельцев, имели право взять их земли как необрабатываемые. Таким образом, крестьяне последовательно и методично выживали помещиков и других крупных земельных собственников с их земель, используя постановления крестьянских съездов как законодательную основу для своих действий.

Представители местной администрации Временного правительства пытались, как могли, препятствовать распространению влияния решений съездов на крестьян, заявляя, что эти резолюции носят характер пожеланий, а не закона. С этой целью после первого крестьянского съезда в Пензенской губернии предприимчивые местные чи-

новники решили пойти по пути созыва уездных крестьянских съездов с тем, чтобы противопоставить их революционным решениям губернского съезда. Саранский исполнительный комитет через исполнительное бюро Совета крестьянских депутатов созвал уездный крестьянский съезд, который откладывал окончательное разрешение земельного вопроса до Учредительного собрания. Декларируя лозунг о том, «что земля должна принадлежать трудящимся на ней, съезд признает в интересах всего государства необходимым... не допускать никаких насилий и захватов земель...» В то же время он постановил, что «земли государственные, удельные, дворянского и крестьянского поземельного банков и другие, если они не будут засеяны... поступают в распоряжение волостного комитета» [28, с. 78].

Условия же, при которых земельные собственники не могут засеять свои земли, были обеспечены решениями губернского съезда. Крестьяне на уездном съезде не только не отменяют их, а развивают, обязывая волостные комитеты для правильного использования всех земель произвести их учет, т. е. перейти к непосредственным действиям по изъятию частновладельческого земельного фонда. Убедившись в том, что делегаты уездных крестьянских съездов так же, как и губернского, не хотят уступать своих позиций по земельному вопросу, бюро Пензенского губернского временного исполнительного комитета по предложению губернского комиссара в начале мая разослало в уезды своих членов «для выяснения недоразумений и вопросов, возникающих на местах в связи с постановлением крестьянского съезда» [2, л. 77].

Апрельский кризис Временного правительства привел к образованию нового его коалиционного состава. В связи с этим несколько изменилось отношение крестьянских съездов к политике и тактике Временного правительства. С одной стороны, стала наблюдаться тенденция противопоставления низовых, крестьянских комитетов уездным и губернским органам (исполнительной власти Временного правительства), а с другой – в руководящих органах крестьянских съездов начались дебаты о том, чтобы весь состав Временного правительства приветствовать или только министров-социалистов. Иногда на крестьянских съездах принимались решения о поддержке правительства «постольку-поскольку» в зависимости прежде всего от его аграрной политики.

II Пензенский губернский крестьянский съезд, состоявшийся 15–17 мая 1917 г., учитывая сопротивление имущих классов, решительно выступил с подтверждением аграрных требований, высказанных на съезде. Он принял безоговорочное решение о переходе всех частновладельческих земель «на учет волостных исполнительных или земельных комитетов» и распределении их «между трудовой, не наемной силой волости» [28, с. 79]. Здесь же было подтверждено решение первого губернского съезда о взятии на учет всего частновладельческого живого и мертвого инвентаря с дальнейшим распределением его между нуждающимися. Фактически II крестьянский съезд Пензенской губернии передал в руки организованного крестьянства земли помещиков и других землевладельцев. Это явилось юридической основой для крестьян, уже приступивших к захвату и переделу земель. Например, председатель Керенской уездной земской управы докладывал, что «крестьяне под влиянием постановлений Пензенских губернских крестьянских съездов стали запахивать частновладельческие земли. Всего весной 1917 г. запахали яровой земли, принадлежащей владельцам, 2151 десятину» [6, л. 18 об.].

Значение постановлений крестьянского съезда по земельному вопросу признавал и губернский комиссар Временного правительства, который в своем донесении министру земледелия отметил, «что постановления Совета крестьянских депутатов для населения будут достаточно авторитетны, тем более что они идут навстречу давнишней мечте крестьянства... что какая-либо решительная борьба с самовольным прове-

дением в жизнь этих постановлений, согласно указаниям МВД... будет не только крайне трудна, но и прямо невозможна». Губернский комиссар сделал такой вывод потому, что «употребление физической силы для подавления этого движения абсолютно недопустимо, а путь убеждения, при наличности постановлений, вряд ли принесет благие результаты» [28, с. 83–84].

Не в силах предотвратить распространение решений крестьянских съездов губернская администрация Временного правительства пыталась все же доказать их временный характер. Для этого был мобилизован Пензенский временный губернский исполнительный комитет, который 25 мая 1917 г. разослал циркуляр, подчеркивая, что «волостные комитеты, состоящие из трудового крестьянства, лишь временно заведывают этими землями до решения земельного вопроса в Учредительном собрании» [1, л. 9]. Получив этот документ, комитеты сообщили губернскому комиссару, что приняли его к руководству и исполнению, т. к. в основу его легли положения, выработанные крестьянским съездом в Пензе 15 мая. Ни в одном подтверждении о получении циркуляра комитеты не обмолвились, что они считают временными решения по земельному вопросу.

В уездных и волостных центрах прошли собрания, сходы и съезды крестьян, где были обсуждены и единодушно поддержаны постановления губернского съезда, внесены конкретные предложения по их реализации. Съезд оказал исключительное влияние на развитие аграрного движения в губернии. Губернский комиссар отмечал: «До постановления Пензенского крестьянского съезда от 15 мая с. г. со стороны крестьянского населения не проявлялось захватных стремлений, за исключением единичных случаев, но со времени указанного постановления паровые земли частных владельцев, церковные и другие взяты волостными комитетами под контроль и распределены между нуждающимися крестьянами [1, л. 6].

В некоторых уездах губернии представителям администрации Временного правительства удалось на время нейтрализовать постановления II Пензенского крестьянского съезда. Так, представитель Саранского уезда заявил в своем докладе губернскому комиссару, что «постановления крестьянского съезда в уезде не проводятся и в своей деятельности уездный комитет исходит из признания собственности на землю неотмененной» [5, л. 70]. Такое же сообщение прислал и представитель Чембарского уезда. Необходимо заметить, что в официальных отчетах уездные комиссары часто искажали действительность, чтобы не показать свою беспомощность в борьбе с аграрными беспорядками.

Уездные комиссары пытались привлечь общественность для урезонивания крестьян. Чембарский комиссар докладывал: «Часть населения уезда к частновладельческим землям, лесам, лугам и инвентарю проявила стремление к бесплатному пользованию, но благодаря принимаемым мерам со стороны комиссара милиции, уездного исполнительного, продовольственного и земельного комитетов все возникшие и вновь возникающие недоразумения улаживаются примирением сторон» [4, л. 6 об.]. Методы достижения «спокойствия» в уезде наглядно здесь продемонстрированы. Да и не было согласия сторон, если землевладелец Агапов из того же уезда в своей телеграмме от 3 июня 1917 г. «просит помощи против самоуправных действий крестьян, которые захватили почти всю его землю, снимают рабочих и запрещают продавать скот. Местный волостной комитет сочувствует захватам» [21, с. 95]. Такие жалобы, просьбы и требования о помощи поступали во все уездные, губернские, центральные органы власти Временного правительства, а также в губернские Советы крестьянских депутатов. Землевладельцы прямо указывали, что на основе резолюций Всероссийского крестьянского съезда, дополненных постановлениями губернских и уездных кресть-

янских съездов и советов, в деревне происходит ликвидация частной собственности на землю, луга, леса, сельскохозяйственный инвентарь.

Ярким подтверждением поощрения черного передела был I съезд крестьянских депутатов Казанской губернии, состоявшийся 6–13 мая 1917 г. Он обобщил уже имевшийся опыт борьбы крестьян за землю, постановления прошедших в некоторых уездах крестьянских съездов, наказы крестьян своим делегатам как на губернский, так и на Всероссийский съезды. 7 мая съезд избрал комиссию для выработки «Наказа» делегатам на Всероссийский съезд. 8 мая на объединенном заседании Совета рабочих и солдатских депутатов и делегатов крестьянского съезда произошло слияние Советов. Но оно носило формальный характер, так как крестьянский Совет работал самостоятельно, хотя и считался лишь крестьянской секцией объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Советы имели свои исполнительные комитеты, финансы, газеты. Деятельностью исполкома крестьянской секции Казанского Совета руководили эсеры левого направления. По свидетельству члена исполкома И. Волкова, «работать крестьянскому Совету с Советом рабочих и солдатских депутатов было крайне трудно. Численно он нас превосходил... а к нашим требованиям и интересам относился с недостаточным вниманием» [16, с. 98].

13 мая 1917 г. на заседании крестьянского съезда обсуждался пятый пункт «Наказа делегатам на Всероссийский крестьянский съезд». Выступавшие представители от уездов, наиболее охваченных крестьянским движением – Спасского, Лаишевского, Чистопольского, – заявили о необходимости немедленно передать все частновладельческие земли в ведение волостных комитетов. И.М. Ионенко, детально проанализировавший обсуждение аграрного вопроса на съезде, отмечал, что радикальное его решение инициировали большевики, поддержанные крестьянскими депутатами Купцовым, Меркуловым, Сорокиным, Черновым, Владимировым. Однако постановление от 13 мая по земельному вопросу отражало позицию казанских эсеров-интернационалистов, лидер которых А.Л. Колегаев прямо заявил: «Землю надо отбирать организованно. Упразднить порядок пользования землей по праву собственности, т. к. при этом порядке лет через 10–15 выйдут те же помещики» [19].

Конфискационные требования содержались во многих наказах крестьян. Председатель Морквинского волостного комитета Царевококшайского уезда солдат Коведяев от имени крестьянского схода требовал немедленной ликвидации помещичьих землевладений [22, л. 6]. Крестьяне Жедяевской волости Спасского уезда, Старо-Челнинской волости Чистопольского уезда, Арбанской волости Царевококшайского уезда и другие требовали в своих наказах съезду немедленно передать все земли трудовому крестьянству. При обсуждении земельного вопроса на I Казанском губернском крестьянском съезде дебатировались различные направления в его решении. Большая часть делегатов высказывалась за немедленную передачу всех частновладельческих земель, а также скота, инвентаря и построек в ведение волостных комитетов. Поступали даже предложения немедленного распределения помещичьих земель и инвентаря между крестьянами. Некоторые делегаты съезда пытались образумить товарищей, как это сделал Никитин. Апеллируя к «постановлению съезда рабочих и солдатских депутатов в Петрограде», он призвал «не допускать самочинных захватов земли до Учредительного собрания» [30, с. 43]. Ожесточенные споры на съезде вызвал вопрос об отношениях крестьян-общинников с отрубниками и хуторянами. В конечном итоге большинство делегатов высказалось за неприкосновенность всех крестьянских земель и пока воздержалось от возврата в общину отрубников. В то же время крестьяне твердо заявили, что «земли, скупленные у отрубников в одни руки частными владельцами, считаются помещичьими» и должны поступить в ведение волостных комитетов.

Итогом всех дискуссий по земельному вопросу в Казанской губернии было постановление съезда от 13 мая 1917 г. Оно передавало все частновладельческие пахотные земли и луга в распоряжение волостных комитетов. Они же должны были взять на учет по описи весь инвентарь, скот и хозяйство помещиков. Постановление обязывало комитеты составлять подробные описи имений в присутствии хозяина или его управляющего, что делалось с целью предотвращения расхищения имущества. Съезд высказался против немедленного раздела земли, но на практике это требование часто не соблюдалось крестьянами. Они не желали ждать Учредительного собрания, а взяв землю, стремились побыстрее закрепить ее за собой.

Механизм исполнения решений Казанского губернского крестьянского съезда был следующим: непосредственной организацией землепользования занимались низовые крестьянские комитеты: общественной безопасности, земельные, продовольственные. Координировали их деятельность губернский и уездные (где они были созданы) Советы крестьянских депутатов. Таким образом, Казанский губернский Совет крестьянских депутатов превратился в штаб радикальной аграрной реформы в крае, проводимой исключительно по инициативе местных революционных сил. В результате такой позиции крестьянского Совета резко обострились его взаимоотношения с меньшевистско-эсеровским Советом рабочих и солдатских депутатов, который поддержал усилия администрации по пресечению аграрных беспорядков в губернии. В результате объявленное на съезде слияние Советов не привело их к единым действиям до осени 1917 года.

На уездных крестьянских съездах Казанской губернии, проходивших в мае—июне 1917 г., земельный вопрос был также в центре внимания делегатов. Они высказывались за непременное уничтожение частной собственности на землю, но единства в сроках реализации этого пожелания не было. В уездах с массовым крестьянским движением съезды принимали решение передать немедленно все земли «в бесплатное пользование народу через земельные волостные комитеты и комитеты общественной безопасности» [30, с. 97]. Такое решение приняли делегаты Спасского уездного крестьянского съезда, проходившего 28—30 мая 1917 г. В то же время Тетюшский уездный крестьянский съезд в резолюции по земельному вопросу от 25 мая 1917 г. подчеркнул, что все требования крестьян правомочно удовлетворить лишь Учредительное собрание. Прерогативы волостных комитетов съезд ограничил, заявив, что они «могут лишь отменять и изменять невыгодные для крестьян условия землепользования» [14, с. 54].

Необходимо заметить, что крестьяне выбирали наиболее радикальные постановления съездов и рассматривали их в качестве конкретных указаний по решению аграрного вопроса. Например, Спасский уездный продовольственный комитет, который возглавлял большевик Г.С. Гордеев, объявил себя исполнителем решений Казанского губернского крестьянского съезда. Под его руководством крестьяне стали отбирать и делить помещичью землю, рубить лес, отбирать весь инвентарь, лошадей, рогатый скот и снимать рабочих. На Спасском уездном съезде делегатов и уполномоченных от волостей, сел и деревень, проходившем 29—30 мая 1917 г., было решено реквизировать у помещиков плуги, жатки, железо и другие сельскохозяйственные машины. Этот съезд «присоединился к постановлению Всероссийского Совета крестьянских депутатов... в отношении немедленного отобрания до созыва Учредительного собрания всех земель как у помещиков, так и у крупных собственников... и передал их в пользование народу через земельные волостные комитеты общественной безопасности» [34, с. 296]. Отметим, что ни I Всероссийский съезд, ни Всероссийский Совет крестьянских депутатов таких решений не принимали. Радикальное руководство Спасского уездного съезда намеренно отождествило постановление губернского съезда со

Всероссийским для придания авторитета первому. Большевики и эсеры левого направления прибегли к дезинформации крестьян, чтобы еще больше дестабилизировать социальную обстановку в стране.

Более осторожные и ответственные за свои действия крестьянские комитеты, советы и съезды руководствовались умеренными постановлениями I Всероссийского крестьянского съезда, но выражали пожелания ускорить решение земельного вопроса. Например, Чистопольский съезд крестьянских депутатов Казанской губернии, проходивший в июне 1917 г., присоединился «к резолюции по аграрному вопросу, принятой Всероссийским Советом крестьянских депутатов», но тем не менее «просит немедленного распоряжения правительства о передаче всех пахотных, помещичьих, казенных, удельных, монастырских и церковных земель в полное распоряжение волостных продовольственных, земельных комитетов» [21, с. 98]. Были и такие организации, которые осуществляли черный передел самостоятельно, без всяких ссылок на постановления съездов и советов. Так, в Лаишевском уезде в некоторых местностях отобранную у помещиков «землю комитет распределил бесплатно»[31, с.159] среди малоземельных крестьян уже летом 1917 года.

Административные органы власти пытались помешать реализации постановлений губернского крестьянского съезда, санкционировавшего организованные захваты крестьянами помещичьих земель. Они требовали, чтобы «волостные комитеты в своей деятельности руководствовались только постановлениями Временного правительства», объявляя, что «неподчиняющиеся требованиям власти лица подлежат суду». Такое предписание послал 30 мая 1917 г. Лаишевский уездный комиссар Аркатовскому волостному комитету, указав, что он «не имеет права проводить в жизнь постановление общего собрания граждан об обложении частновладельческих земель теми или иными сборами как незаконное» [23, л. 105]. Волостные комитеты, отстаивая подобные решения, ссылались на постановление I Казанского губернского крестьянского съезда, по сути уполномочившего их на проведение конфискационных мероприятий.

Казанский Совет крестьянских депутатов настойчиво стремился провести в жизнь решения губернского съезда, направляя и организуя действия крестьянских комитетов по изъятию помещичьих земель. При этом он не только поощрял захватные действия крестьян, но и требовал полной конфискации всей помещичьей собственности. В случае поступавших от землевладельцев жалоб на действия волостных комитетов Совет крестьянских депутатов, как правило, оставлял их без удовлетворения, отмечая, что они действуют «на основании постановлений Всероссийского Совета крестьянских депутатов от 25/V-1917 г. и постановления общего собрания Казанского губернского Совета крестьянских депутатов от 13/V-1917 г.» [24, л. 65].

Против захватных действий крестьянских комитетов выступили также земства. Между руководителями волостных комитетов и представителями уездных земств часто возникали споры по поводу раздела помещичьей земли и выполнения постановления крестьянского Совета. Губернский Совет крестьянских депутатов, осуществляя контроль за выполнением своих решений, стремился одновременно уничтожить старые, кабальные формы аренды. Он, например, предложил Спасскому уездному продовольственному комитету «удовлетворить нужды крестьян, разрешив им скосить помещичьи луга, но отнюдь не издольно» [25, л. 89]. Конечно, уездное земство выступило против такого решения, как и против других самовольных изменений аграрных отношений, т. к. они нарушали все распределение земских сборов.

В тех случаях, когда крестьянские организации проявляли колебания, нерешительность и придерживались правительственных принципов в земельных вопросах, они теряли авторитет у крестьян. Сельские общества в таких случаях решали вопросы помимо этих учреждений, на сходах и собраниях переизбирали состав комитетов,

вводя в них более радикальные элементы. Общинный механизм социальных действий крестьян позволял им контролировать деятельность низовых исполнительных, земельных, продовольственных и других комитетов. От общины зависело, кого избрать в комитет, а кого нет, кого послать на съезд, какой дать наказ и как его отстаивать.

На I Казанском губернском крестьянском съезде национальные общественно-политические организации не были представлены, т. к. они оформились позднее. Наиболее крупная из них – Мусульманский социалистический комитет – инициировала созыв мусульманского крестьянского съезда. Он готовился при участии инородческой секции исполнительного комитета Казанского губернского Совета крестьянских депутатов. Мусульманский съезд, работавший 3–7 июня 1917 г., основное внимание уделил обсуждению аграрного вопроса. Открывший съезд руководитель Мусульманского социалистического комитета М. Вахитов подверг резкой критике позиции татарской буржуазии, сотрудничавшей с местной администрацией Временного правительства. В своей речи он призвал крестьян объединиться с рабочими в борьбе за свои социально-экономические требования. «Рабочий класс всецело помогает вам взять землю из рук помещиков-землевладельцев, – убеждал крестьян М.Вахитов. – Получив землю, вы не забудьте, что все фабрики и заводы должны перейти в руки героев-пролетариев. Вот в этом деле вы и должны помочь рабочим» [16, с. 103–104].

Решения, принятые мусульманским съездом по аграрному вопросу, требовали передать все частновладельческие земли крестьянству. Иначе и не могло быть. Выступавшие на съезде депутаты прямо указывали на постановление Совета крестьянских депутатов от 13 мая как правовую основу для ликвидации поместного землевладения. Организационные мероприятия для реализации этих постановлений Совет крестьянских депутатов и Мусульманский социалистический комитет проводили совместно. Между А. Колегаевым и М. Вахитовым была достигнута договоренность о совместных действиях, а заместитель председателя исполкома крестьянского Совета Ф. Хакимов разделял взгляды социалистов-мусульман [27, л. 209–210].

Члены Мусульманского социалистического комитета участвовали в работе губернского и уездного крестьянских съездов в Казани, Свияжске, Мамадыше, Чистополе. Они вместе с большевиками и эсерами занимались пропагандистской работой среди солдат тыловых гарнизонов, отпускавшихся в деревни на сельскохозяйственные работы. Солдаты-фронтовики, матросы-бунтари и вовсе прибывали в губернию с агитационными целями. Они избирались в сельские и волостные комитеты, возбуждали крестьянские общества на разгромы помещичьих имений. Так, гельсинфорский матрос-большевик Г.М. Хаиров работал в Мамадышском уезде по заданию Мусульманского социалистического комитета [26, л. 47]. Таким образом, в ходе реализации аграрных требований крестьян мы наблюдаем тесное единение всех народностей, населявших Казанскую губернию.

Исследователи, занимавшиеся анализом революционных событий в Поволжье, отмечали особое положение, сложившееся в Самарской губернии в результате решений II губернского крестьянского съезда, работавшего с 20 мая по 6 июня 1917 г. [17] Этот съезд наглядно продемонстрировал активное стремление крестьян сознательно влиять на ход политических событий в стране. Организаторы съезда, умеренные социалисты-революционеры, составлявшие ядро Самарского губернского Совета крестьянских депутатов, пытались удержать делегатов в рамках утвержденной исполкомом повестки. Ее содержание сводилось к обсуждению организационных мероприятий, а взрывоопасный аграрный вопрос откладывался до открытия всесословного съезда. На нем крестьянские делегаты заседали совместно с представителями других

сословий, что позволяло хоть как-то умерить деревенский радикализм. Такая тактика руководителей крестьянского Совета успеха не имела.

Большинство делегатов съезда съехалось с намерением творить закон для регулирования аграрных отношений в губернии. Вот как оценивал ситуацию член губернского крестьянского Совета М.Т. Игаев: «Настало время, когда каждый человек, достойный высокого звания гражданина, должен, внимательно оглядевшись вокруг, сказать себе и другим, что нельзя жить дальше так, как мы живем теперь. Мы тонем в бесправии и разнузданности, хаос в жизни, буйство и темное смятение в умах. Спасение страны – в разумном творчестве, в осознании порядка, организованности и права; в этом основа гражданской жизни» [29, с. 4]. Все попытки предостеречь крестьян о том, что «прямой и самый короткий путь часто бывает и самым трудным... и неудобным, иногда и самым опасным» [29, с. 8], не имели успеха у делегатов съезда.

В ходе обсуждения вопроса о земле на II Самарском губернском крестьянском съезде выявились две точки зрения на его решение: умеренно-реформаторская и радикально-конфискационная. Осторожный, взвешенный подход проявили организаторы съезда, убеждавшие крестьян подождать с окончательным решением земельного вопроса до Учредительного собрания. В кратком докладе С.А. Волкова «О земле» были представлены общие мнения «социалистов-революционеров и министра Чернова» о том, что «вопрос об уничтожении частной собственности пока не должен быть разрешен окончательно». П.Д. Климушкин в содокладе страстно обличал вековую несправедливость в пользовании землей, сложившуюся в России (не обойдя при этом вниманием, как вся эсеровская пропаганда того времени, фривольные нравы двора Екатерины II). Он предложил «все земли... взять в ведение волостных комитетов под учет... но не раздел, не захват». Выступивший вслед за ним И.М. Брушвит заявил: «Земля должна перейти к крестьянству, переход нужно начать осуществлять немедленно. Но сейчас нельзя переделять землю, т. к. солдаты кинутся, фронт немцы прорвут. Россия погибнет, если будем разбирать, кто что может» [29, с. 42].

Развернувшаяся на съезде дискуссия о сроках ликвидации частной собственности на землю опрокинула все расчеты эсеров-реформаторов на поэтапное решение вопроса. Симпатии собравшихся вызывали только предложения немедленного и радикального изменения всех земельных отношений – и старых, и новых. Показательно в этом плане выступление делегата Иванова, заявившего, что в докладе Волкова по земельному вопросу не предлагаются конкретные меры по его решению, а «льются крокодиловы слезы о культуре помещичьих полей». И далее оратор с возмущением продолжил: «Кто же это плачет? Плачут это те же буржуа и кадеты, которые разъезжают по деревням и селам со своей агитацией. Если же говорить о культуре как таковой, то чьими же руками производилась культура помещичьих полей. Теми же мозолистыми руками. Будут у крестьянина средства, будет и культура, он создаст ее». Еще более непримирим он к владениям хуторян и отрубников: «Введение отрубочного хозяйства – это ставка на сильных. Ее поставил Столыпин. Столыпин убит как злодей народа, будет убито Учредительным собранием и его детище, то есть отрубное хозяйство» [29, с. 42].

После таких «зажигательных», по радостному утверждению делегата Лукьянова, речей руководители президиума съезда вынуждены были оправдываться в своих намерениях, заявлять, что и они против «юридического права собственников на землю». Лавирование эсеров было использовано большинством крестьянских делегатов съезда для дальнейшего на них давления с целью образования новой комиссии для решения земельного вопроса в радикально-конфискационном плане по отношению к любым формам частной собственности. Выступая с решительной критикой выдвинутых эсерами предложений по временной стабилизации земельных отношений до Уч-

редительного собрания, делегат Егоров заявил: «Плата за землю частным владельцам недопустима... если мы будем откладывать решение земельного вопроса до Учредительного собрания, как предлагают тт. Климушкин, Брушвит и др., то будет ли от этого лучше... Нам всегда говорят "потом, потом, потом", а теперь до Учредительного собрания... С этой землей нужно покончить теперь же. Слепо доверяться и партиям нельзя» [29, с. 44].

Это был явный намек на разглагольствующих эсеров. Требования крестьянских депутатов о немедленном решении земельного вопроса поддержали на съезде и представители гарнизонного Совета крестьянских депутатов, заявив, что «передача земли в руки трудового народа должна быть немедленной». В своих выступлениях крестьянские депутаты опирались непосредственно на наказы о земле, выработанные на сельских сходах, волостных съездах, ротных и полковых собраниях в гарнизонах. Эти наказы вручались делегатам как II губернского, так и I Всероссийского крестьянских съездов. Так, в своем наказе делегату от Бряндинской волости Ставропольского уезда Самарской губернии крестьяне в §2 записали: «Вся земля, как то: казенная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная и частновладельческая должна принадлежать трудящемуся народу, т. е. тем, которые обрабатывают ее своими руками». Крестьяне требовали также «помощи для обзаведения земледельческими орудиями, рабочим скотом». Крестьянские делегаты Самарского уездного съезда были не столь решительны в своих постановлениях по аграрному вопросу, принятых 17 мая 1917 г. Однако и они считали необходимым «довести до сведения Временного правительства о прекращении всяких сделок по купле-продаже, об отмене всех старых арендных контрактов и принятии необходимых мер для временного разрешения крестьянского вопроса, особенно в тех районах, где тяжелое земельное положение» [10, л. 16].

Состав делегатов губернских крестьянских съездов, проходивших в апреле–июне 1917 г., отличался от состава первых крестьянских съездов, а также большинства уездных съездов. В период демократических свобод условия выборов на II губернский крестьянский съезд дали возможность наибольшего представительства на нем всех категорий крестьянства, причем эти выборы проводились на основе «прямого и тайного голосования всего населения Самарской губернии, за исключением Самары и уездных городов, в возрасте от 18 лет, без различия пола, национальности, вероисповедания». Облеченные доверием крестьянства губернии, делегаты съезда чувствовали себя законодателями, заявляя, что «явились сюда не ждать, чтобы преподнесли закон, а сами должны создавать закон, а Учредительное собрание его лишь утвердит». Они же заявили: «Мы не уйдем отсюда до тех пор, пока не постановим, чтобы вся земля перешла в руки тех, кто ее обрабатывает». В результате категорического требования немедленной передачи земли в руки тех, кто ее обрабатывает, эсеры вынуждены были на съезде изменить свою тактику по аграрному вопросу, чтобы не потерять доверия среди крестьян. Они предложили избрать земельную комиссию по выработке правил пользования землей до Учредительного собрания, в которую вошли по 5 делегатов от каждого уезда, по 1 представителю от социалистических партий, по 1 человеку от городов губернии и все докладчики по основным вопросам повестки съезда [29, с. 51–52].

«Временные правила пользования землей», разработанные земельной комиссией под председательством эсера П.Д. Климушкина, были приняты на съезде после ожесточенных споров. Эти правила в корне подрывали основы частной собственности, т. к. передавали «все земли – частновладельческие, казенные, банковские, удельные, монастырские, кабинетские, церковные и вообще все земли, необрабатываемые собственным трудом... в ведение и под контроль земельных комитетов, а где таких нет, то Комитетов народной власти, которые и становятся от сего времени фактическими

их распорядителями...» [29, с. 53–55, 112]. Приняв данные правила, руководители губернского Совета крестьянских депутатов вынуждены были защищать их основные положения, пойдя на обострение отношений с ЦК партии социалистов-революционеров и министерствами земледелия и внутренних дел Временного правительства. Уже на съезде П.Д. Климушкин, зачитав постановление Всероссийского Совета крестьянских депутатов по аграрному вопросу, заявил: «Хотя мы и приняли в основу своих работ эти пожелания, но не целиком. В некоторых местах мы с ними расходимся коренным образом. Например, там арендная плата вносится помещиком. Своими постановлениями Всероссийский Совет крестьянских депутатов ведет нас в яму...» [29, с. 118].

В связи с победой радикалов в аграрном вопросе, утвержденной во «Временных правилах», взаимоотношения власти и общества в Самарской губернии еще более усложнились. Эсеровское руководство исполкома крестьянского Совета и губернского земельного комитета предприняло попытки «утвердить постановления крестьянского съезда, как уже проводимые на местах и вошедшие в жизнь» [7, л. 48]. Министерства внутренних дел и земледелия Временного правительства, куда они обратились с соответствующими ходатайствами, ответили отказом. Эти постановления коренным образом расходились с указами правительства, объявившего неприкосновенность частной собственности. В ответ на это 23 июня 1917 г. Самарский губернский Совет крестьянских депутатов заявил, что «до выяснения отношения всего Временного правительства к постановлениям II Самарского губернского крестьянского съезда предлагает на местах руководствоваться только Временными правилами пользования землей, выработанными... съездом» [10, л. 24].

Крестьянские комитеты не преминули воспользоваться предоставленными возможностями и приступили к осуществлению решений съезда. «После состоявшегося II Самарского губернского крестьянского съезда начался по губернии массовый организованный захват крестьянами частновладельческих земель... через местные земельные комитеты», – жаловался поверенный сельскохозяйственного и торгово-промышленного товарищества Соколова и Самойлова в губернский земельный комитет [9, л. 651]. В свою очередь, низовые комитеты народной власти и земельные отмечали, что «проведение на местах правил II губернского крестьянского съезда, предусматривающих удовлетворение нужд малоземельных и безземельных... не вызвало особых осложнений, но с образованием союза посевщиков, во главе которого стоят крупные землевладельцы, всемерно проводящие в жизнь принцип священного права частной собственности, положение ухудшилось... Такие меры противодействия не установили, конечно, хороших отношений между помещиками и крестьянами» [8, л. 6–7].

Социалисты-революционеры, занимавшие все руководящие посты в Самарском Совете крестьянских депутатов, вынуждены были исполнять волю съезда. Поэтому они поддерживали низовые крестьянские комитеты, проводившие конфискационные мероприятия в отношении помещичьей собственности на землю. Таким образом деятельность волостных комитетов координировалась не местной администрацией Временного правительства, а губернским Советом крестьянских депутатов. Эсеры при этом не только расширяли социальную основу партии, но и приобретали рычаги вхождения во власть [18].

Оценивая решения крестьянских съездов по аграрному вопросу, необходимо отметить несомненное их влияние на поляризацию социальных сил в поволжской деревне летом 1917 года. Все они с большей или меньшей степенью радикализма своими резолюциями и правилами по аграрному вопросу в корне подрывали всю систему частной собственности вообще и прежде всего помещичьего землевладения. Эти ре-

шения съездов рассматривались крестьянами-общинниками как правовая база для конкретных действий, направленных на черный передел на основах уравнительного землепользования. Крестьяне-собственники были немногочисленны, на съездах почти не представлены, т. к. действовал механизм общинного представительства. Поэтому аграрные «Правила» съездов предопределяли возврат в общинное пользование земель хуторян и отрубников.

Временное правительство, пытавшееся удержать крестьян от насильственных действий по изъятию земли у частных собственников, объявляло решения крестьянских съездов незаконными. Это делало невозможным сотрудничество власти и общества. Местная администрация Временного правительства оказалась в чрезвычайно сложной ситуации: из центра требовали соблюдения «временной законности», а деревня реализовывала на практике принципы «социальной справедливости», как она их понимала. В ходе аграрного движения в Поволжье летом 1917 года сложились предпосылки для кризиса власти на местах. Это обусловило новый этап в развитии революции, характеризующийся расширением ее социальной базы, сменой политических сил во властных структурах.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 206. Оп. 1. Д. 3.
2. ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 11.
3. ГАПО. Ф.206. Оп.1. Д. 17.
4. ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 45.
5. ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 2.
7. Государственный архив Самарской области (ГАСО) Ф. 823. Оп. 1. Д. 1.
8. ГАСО Ф. 823. Оп. 1. Д. 1а.
9. ГАСОФ. 823. Оп. 1. Д. 9. Ч. 2.
10. ГАСО. Ф. 1501. Оп. 1. Д. 6.
11. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 886.
12. ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 101.
13. Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 гг. Саратов, 1974. С. 95–100.
14. Документы по истории Октября в Татарии (март 1917 – март 1918 г.) / под ред. И.М. Ионенко. Казань, 1973.
15. Известия Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Пенза. 1917. 6 мая.
16. Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. Казань, 1957.
17. Кабытова Н.Н.Крестьяне и власть в российской революции 1917 года // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность. Ижевск, 2010. С. 198–203.
18. Кабытова Н.Н. Тактика политических партий на крестьянских съездах 1917–1918 гг. // Хозяйствующие субъекты в аграрном секторе России: История, экономика, право. Казань, 2012. С. 206–212.
19. Казанская рабочая газета. 1917. 9 мая.
20. Крестьянский съезд Симбирской губернии 20–21 марта 1917 г. Симбирск, 1917.
21. Крестьянское движение в 1917 году. М.; Л., 1927.
22. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 98. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
23. НА РТ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 3. Л. 105.

24. НА РТ Ф.190. Оп.1. Д. 13. Л. 65.
25. НА РТ. Ф.190. Оп.1. Д. 23. Л. 89.
26. НА РТ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.
27. НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 21. Л. 209–210.
28. Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. Пенза, 1957.
29. Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917. Самара, 1917.
30. Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. Казань, 1958.
31. Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1917 год. Казань, 1919.
32. Симбирская народная газета. 1917. 11 апреля.
33. Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. М., 1929. Т. 1. Ч. 1.
34. Татария в борьбе за победу пролетарской революции: сборник документов и материалов / под ред. М.К. Мухарямова. Казань, 1957.

N.N. Kabytova*

ORGANIZATIONAL FORMS OF AGRARIAN REVOLUTION OF 1917 IN THE VOLGA REGION

In the article the activity of provincial and district peasant congresses of 1917 in the Volga Region is analyzed, their influence on the solution of agricultural and peasant question during the revolution and formation of local power structures is shown.

Key words: agrarian revolution, peasant congresses, peasant committees and councils.

* *Kabytova Nadezhda Nikolaevna* (don.kabytov2012@yandex.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 14.35.01

Э.Р. Тагиров*

«УНИВЕРСИТЕТ XXI ВЕКА»: ГЛАВНЫЙ ПРОЕКТ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье анализируются причины кризиса системы высшего образования. Дается характеристика феномена «войны за умы» как нового, особого направления, формы конкурентной борьбы за глобальное лидерство. Именно в этом контексте рассматривается роль высшей школы, миссия которой – поставка интеллектуального продукта в виде профессионально продвинутой, креативно мыслящей, пассионарно заряженной личности.

Ключевые слова: модернизация высшей школы, университетская революция, образовательный бум, интеллектуальная интервенция.

Стержневая причина общецивилизационного кризиса кроется в ослаблении интеллектуального потенциала человечества, подорванности подпитывающих его корней, прежде всего системы высшего образования, олицетворением которой является университет.

Традиционный тип университета вошел в фазу кризиса, который думающей частью планеты, воспринимается как экзистенциональная угроза самому существованию земной цивилизации. Однако кризис – не признак распада или отработанности университетской системы, а момент переосмысления исторической миссии университета, этапного сдвига в определении его предназначения с позиций третьего тысячелетия.

Речь идет не столько о принятии каких-либо, пусть самых масштабных, национальных или международных программ, которые, конечно, нужны, а о необходимости смены самой философско-смысловой, концептуально-ценностной парадигмы развития высшего образования. С этим связана актуальность, востребованность и глобальность проекта «Университет XXI века», реализацией которого занято все мировое сообщество. В орбиту дискуссии вовлечена вся мыслящая часть планетарного сообщества. Участники мегапроекта одержимы разными мировоззренческими установками, педагогическими конструктами, национально-государственными интересами. Но осуществление «университетской революции» все они одинаково мыслят в рамках категорий «цивилизационная продвинутость», «инновационная развитость», «национальная безопасность», «глобальное лидерство». Знаковость этого консенсуса в том, что высшее образование в подобном измерении становится все более значимой национальной и общемировой ценностью и все более приоритетной сферой общественной жизни. Укрепляется понимание университета как особого авторитета в качестве центра интеллектуального, духовного и культурного влияния, центра экспансии знания, науки и информации.

Но как «приподнять» университет до уровня, адекватного вызовам постмодерна? Переосмысление роли института высшего образования необходимо начать с анализа

---

* © Тагиров Э.Р., 2013

Тагиров Энгель Ризакович (kinculp@gmail.com), кафедра истории и социологии Казанского государственного университета культуры и искусств, Институт культуры мира ЮНЕСКО, 420059, Российская Федерация, г. Казань, Оренбургский тракт, 3.

накопленного опыта, «возвращения» университету его исконно исходной функции – формирования личности гражданина-патриота, государственнически мыслящих поколений. Установка на подготовку компетентных, конкурентоспособных специалистов не вызывает сомнений. Но главным маркером, определяющим компетенцию, должна выступать степень социализации, уровень их гражданственности. Если «голая» инженерия, эгоизм, прагматизм, сугубо коммерческий расчет и рыночный подход отвечают менталитету и идеологической установке Запада на его глобальное господство, то российская высшая школа всегда была сильна тем, что являлась школой духовности, гуманизма, гражданственности. Профессиональная компетентность была высокой и универсальной именно потому и только тогда, когда она была пронизана, «оплодотворена» идей первичности интересов страны, народа и общества. Ведь совсем не случайно постсоветский кризис российской государственной системы совпал с кризисом высшей школы: «дикий» рыночный капитализм западно-либерального покроя «растоптал», деформировал ее гуманистический ландшафт, взращенный многовековым культом и практикой «сеять доброе, вечное, разумное». На «взлом» традиционной системы образования – «обучение – развитие – воспитание» и изъятие из нее такой части, как «воспитание», улица ответила «взрывом» молодежной преступности, массовой алкоголизации и наркомании. Общество не просто получило «потерянное» поколение, оно потеряло историческое время, отпущенное на строительство новой, демократической, цивилизованной России. Весь этот постсоветский период высшая школа оставалась заложницей бесчисленного и стихийного вала экспериментов и административных реформ. За это время из стен университетов выпустились дети «потерянного» поколения 90-х годов, 80 % которых характеризуются как социально апатичные [6]. Университеты «заклинали» своих питомцев стать агентами рынка, амбициозными менеджерами, «барометрами» конъюнктуры, конкурентоспособными в смысле умения идти к цели независимо от методов и принципов ее достижения. Хотя под конкурентоспособностью личности на самом деле имеется в виду совсем другое – умение креативно мыслить и действовать, обладать высокой общей и профессиональной культурой, создавать и уметь воплощать идеи, проекты, инициативы. В современном мире конкурируют идеи, умственные способности, интеллект, а не мускулы и сила. К сожалению, наш вузовский конвейер и до сих пор продолжает выпускать в основном посредственную в интеллектуальном смысле, инертно-пассивную в социальном измерении массу специалистов. Готовятся большей частью не профессионалы-патриоты, а функционеры, послушные, исполнительные подданные государства, интересы которых слабо соотносятся с интересами, проблемами и перспективами развития общества. Разве не об этом свидетельствуют неукрощаемая тенденция «бегства» капитала, утечки «мозгов» за рубеж, ослабляющая державную мощь страны и усиливающая совокупный потенциал наших конкурентов [2].

Без смены парадигмы образования, начиная от его дошкольных, школьных и вузовских ступеней, восстановления традиционно трехзвенной, взаимосвязанной и взаимоусиливающей системы «обучение – развитие – воспитание» невозможно переформатирование общественного сознания, без чего трудно рассчитывать на выход из исторического тупика, в котором оказалась Россия.

Перед университетом XXI века впервые встает задача подготовки элиты нового исторического типа, способная переломить процессы саморазрушения матрицы российской цивилизации и начать выстраивание новой модели общественного устройства. Без превращения университетов в школу формирования класса модернизаторов с высокой идейной мотивацией, гражданской ответственностью и социальной активностью преодоление системного кризиса нереально. Университету новой модифика-

ции предстоит существенно поднять планку социального качества образования с целью воспитания высокоинтеллектуальной и национально ответственной элиты.

Модернизация высшей школы – не отраслевая и не внутрикорпоративная проблема. Впервые в истории она жестко соотносится с будущим России, ее местом в глобальном рейтинге ведущих государств мира и миссией страны в контексте ответственности за сохранение и развитие цивилизации на планете Земля. На рубеже веков становится предельно ясным, что сдача страной одной позиции за другой объясняется кризисом высшего образования и вытекающим из него дефицитом идей, идей прорывного развития, ослаблением интеллектуального потенциала, а, по большому счету, креативного слоя цивилизации.

За «замерами» кризиса системы образования далеко идти не приходится. По качеству образования Россия занимает 30-е место в мировом рейтинге, в то время как три года назад это было 27-е место. По конкурентоспособности экономики пять лет назад Россия занимала 43-е, в 2011 г. – 63-е место; по уровню развития человеческого потенциала за последние пять лет мы сошли еще на пять ступенек ниже и занимаем 65-е место. И наконец, Россия занимает 17-е место в Европе по коэффициенту интеллекта [3].

Вот в каком контексте определяется задача «переформатирования» типологии университета – от классической к постиндустриальной модели. В XXI веке университет все больше воспринимается как важнейшая социальная институция, влияющая на решение ключевой проблемы современности – обеспечения инновационной мощи государств, предопределяющая их внутреннее благополучие и высокий рейтинг в мировом сообществе.

Что такое инновация для России? Несомненно, что это один из главных вопросов повестки дня. От него зависят ответы на целую серию вопросов:

– какой будет экономика – сырьеориентированной, импорто-технологичной или конкурентоспособной;

– каким будет место России в международном разделении труда, в геополитической системе координат;

– каким будет качество жизни народа, индекс человеческого капитала;

– каким будет молодое поколение: «вещью в себе», индифферентным, пассивным исполнителем или активным, креативно заряженным и патриотически настроенным субъектом цивилизационных перемен;

– какой будет степень безопасности страны – военной, технологической, продовольственной, экологической, демографической и т. д.

Таким образом, проблема инновационного развития принимает для России фундаментальный, мировоззренческий характер. На путь инноваций мы встаем с большим историческим отрывом – отставанием от передовых государств. У России один из самых низких показателей по инновационной активности и восприятию инноваций. Ее промышленно-инновационная продукция составляет лишь около 5 % [4], из них только 0,1 % экспортируется на мировой рынок. А пока на нем господствует высокотехнологическая продукция стран европейской «восьмерки», доля которых составляет 16–18 %. Показатели Европы превзойдены «разбуженными» азиатскими тиграми. Доля экспорта Китая на международный рынок увеличилась с 6 % в 1995 году до 20 % в 2008 году, а доля стран группы «Азия-9» выросла до 26–29 % [5]. Даже инновации в военной сфере – уже не предмет национальной гордости. Объем российского оружейного экспорта – это менее трети объема китайского экспорта детских игрушек. И в то же время мы тратим 700 млн долларов в год на закупку авионики. Социальная инновация – наиболее запущенная сфера: все социально-экономические реформы можно считать проваленными – административную, образовательную, здра-

воохранительную, пенсионную... Сфера научных инноваций также слаба. Научно-технологический потенциал СССР исчерпан. За последние десятилетия не выращено ни одного лауреата Нобелевской премии. Академик В. Гинзбург был последним из могикан.

В чем причина такой ситуации и где выход? Корни многих бед кроются в том, что в стране отсутствует инновационная система. Нужна новая онтология новаций: не вертикальная, ориентированная на создание институциональных структур (академических в рамках РАН или властных – в форме госкорпораций), а нелинейная, то есть поддержка инноваций в горизонтальных точках научно-технологического «кипения». «Сколковых» – больших и малых – должно быть множество[1]. В рамках силиконовых долин и будет создаваться инновационная среда и, самое главное, решаться проблема субъектообразования. Молодежь, вузовская, производственная, научная, – та среда, в которой будет протекать процесс формирования субъектов инноваций. Университету в этом плане предстоит стать инкубатором инновационно мыслящих и действующих поколений молодежи.

Размышляя о новой интегральной миссии университета следует отметить, что его предназначение ныне существенно расширяется. Концептуальное переформатирование университета, длительное время являвшегося «фабрикой спецов», его превращение в школу инновационного мышления и подготовки интеллектуального класса будет способствовать усилению позиции России на геополитической шахматной доске, где развертывается борьба старых и новых центров силы за мировую гегемонию. Если в XX веке в условиях двухполюсного мира это противоборство протекало по линии «СССР – США», то в XXI веке вырисовывается новая схема борьбы за мировое лидерство – «США – Китай», олицетворяющая собой традиционную конкуренцию двух полюсов – Запада и Востока [1]. В условиях геополитической «схватки» «постиндустриального гегемона» (США) и «промышленного монстра» (Китая, вышедшего по объему ВВП на второе место после Америки) перед Россией встает задача «возвращения» в большую политику. Она может быть решена только на основе формирования «экономики знаний». Война «экономик знаний» – главная особенность и содержание конкуренции общественных систем и цивилизаций в современном мире. Это главный плацдарм, главное поле геополитической битвы за лидерство. У США в этом отношении есть задел и опыт, у Китая – амбиция и инерция «скачка», у России – идея превращения страны в «островок будущего» через осуществление инновационного рывка и завершение модернизации, органической частью которой является модернизация высшей школы. В этой глобальной гонке в выигрыше те, кто раньше и успешнее других превратят университет в инкубатор инноваций, науки, культуры, информации и тем самым соорудят «мост» в «экономику знаний».

Вот в таком расширенном контексте есть смысл определять миссию университета XXI века. Современные модели экономических «чудес», технологических прорывов и модернизаций, так же как и современные войны, – идеологические, торговые, валютные, информационные, геополитические... являются не чем иным, как конкуренцией умов, идей развития, проектов создания новых моторов роста. Но все их нити проходят через живую ткань университетской интеллектуальной материи. И как важно, чтобы эти нити были «скроены» из гуманитарного материала! Гуманитарное предназначение образования – верхняя планка горизонта представлений по вопросу о миссии университета.

---

[1] В Китае, например, действуют 56 крупных инновационных центров (значительно мощнее по сравнением с нашим «Сколково») с участием 3 тыс. исследовательских учреждений с привлечением сотен миллиардов иностранного капитала (См.: НГ – наука, 12 апреля 2011 г.).

Библиографический список

1. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2010.
2. Капитал справедливости // Литературная газета. 2011. 13–19 апреля.
3. Мой район. 2011. 19 августа. URL: www.mr-msk.ru.
4. Независимая газета – наука. 2009. 22 сентября.
5. Независимая газета. 2010. 8 ноября.
6. Независимая газета – наука. 2011. 9 февраля.

E.R. Tagirov*

«UNIVERSITY OF THE XXI CENTURY»: MAIN PROJECT OF MODERNITY

In the article the reasons of crisis of the system of higher education are analyzed. The characteristics of phenomenon «wars for minds», as new, special direction, a form of competitive fight for global leadership is given. Exactly in this context the role of higher school, which mission is delivery of an intellectual product in the form of professionally advanced, creatively thinking, and passionately charged personality is viewed.

Key words: modernization of higher school, university revolution, educational boom, intellectual intervention.

* *Tagirov Engel Rizakovich* (kinculp@gmail.com), the Dept. of History and Sociology, Kazan State University of Culture and Arts; Institute for the Culture of Peace UNESCO, Kazan, 420059, Russian Federation.

УДК 11.25.31

А.А. Мухамадеева*

ИДЕЯ КУЛЬТУРЫ МИРА В ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПУТЬ ОТ «ПРИМИРЕНИЯ БОГОВ» ДО НОВОЙ ЭТИКИ

В статье прослеживается исторический путь, пройденный человечеством от эпохи варварства до современной цивилизации, сопряженный с переходом от культуры войны к культуре мира. Обобщается опыт, формулируются проблемы и обозначаются перспективы миротворчества.

Ключевые слова: культура войны, культура мира, пацифизм, антиглобализм.

Понятие «культура мира» в смысле обозначения состояния, противоположного войне, вошло в тезаурус человечества лишь в последнем десятилетии двадцатого столетия. Оно широко используется для характеристики внутристрановых и международных отношений. Через использование этого междисциплинарного, интернационального, планетарного понятия производится анализ пройденного мировым сообществом исторического пути, состояния реального и прогноз грядущего времени. Три фундаментальных тренда современности – глобализация, информатизация и многообразие мира возводят культуру мира в статус универсального методолого-аналитического и прогностического ключа. Каковы же истоки – первоначала идеи культуры мира? Какие метаморфозы она переживала, продираясь через буреломы истории? Что мешало и мешает ее единовластному господству в системе сформированных тысячелетними усилиями человеческого рода базисных ценностей?

В поисках ответов на эти вопросы вначале отметим, что бинарность, полярность мышления так же естественны, как смена фаз природы в цикле года и суток. Культура мира и культура войны – «сестры-близнецы», «тавро» всемирной истории, «родимое пятно» человеческой цивилизации. Их владычество над умами и действиями людей, являясь их имманентным свойством, носило асимметричный, неравнозначный характер. Культура войны пестовалась как инструмент выживания, развития и господствования. И как таковая она легче и быстрее усваивалась, крепла в сознании, становилась оправдательной базой насилия, диктата, эксплуатации, агрессии. В историческом ракурсе она превращалась в норму, традицию бытования народов и государств.

«Мирная» традиция берет начало тоже в единых временных координатах мировой истории. Переход от эпохи дикости к цивилизации не устранил закона дуального сосуществования, но он в принципе усилил позиции самого явления «культуры» как средства облагораживания, «умиротворения» человеческого сообщества. Именно в этом контексте вызревает «кристалл» культуры мира. На тропе встреч воюющих племен чаще стали совершаться акты миротворчества – разжигаться «костры» примирения на вершинах холмов и раскуриваться «трубки мира» между их вождями.

Культура постепенно поглощала в свою содержательную ткань все больший круг явлений, свойств природы и общества. Война и мир также входят в сферу культуры,

* © Мухамадеева А.А., 2013

Мухамадеева Айгуль Альбертовна (aigulechka@mail.ru), Институт истории Казанского (Приволжского) федерального университета, 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

становятся осознанными формами культурной деятельности. Обосновывая введение этих двух разнополярных явлений в единое культурное пространство, А.С. Капто отмечает: «культура войны» и «культура мира» – понятия неравнозначные. В «культуре войны» («культуре насилия») понятия «культура» и «война» не являются автономными, существующими самостоятельно, они не рядоположены. Как и в «культуре мира», понятие «культура» выступает в качестве имманентного элемента по отношению к «войне» [1, с. 31]. Он указывает на то, что культура в широком (а не в узкокультурологическом) смысле является и общим знаменателем этих двух начал – культуры войны и культуры мира и, что особенно важно подчеркнуть, «сторожем» мира, умиротворителем «гена» агрессивизма.

Культурные революции, культурные прорывы, сменяющие друг друга культурные эпохи, сохраняя жизнеспособность, усиливая миротворческий потенциал, обеспечивали преодоление «естественного» (дикого) состояния человечества и его движение по пути исторического прогресса. Культура не способна исключить из жизни войны, насилие, но она способна гуманизировать отношения между людьми, народами, государствами. Именно поэтому, несмотря на рост количества войн, на последовательное наращивание убойной силы оружия и демографического ущерба, число жертв мирного населения в процентном отношении к общей численности населения не только не возрастало, но в целом снижалось.

О степени усиления воздействия культуры мира на стиль мышления и действия свидетельствует факт сохранения примерного уровня потерь в ходе войн. «Военные конфликты из века в век уносили приблизительно одинаковый процент человеческих жизней, за исключением ряда особенно кровопролитных войн и эпох (галльские войны, тридцатилетняя война, две мировые войны)» [3, с. 67]. Подсчеты специалистов показывают, что уровень военных потерь в истории человеческой цивилизации, начиная с «осевого времени»[1] и до XX века, не превышали 1,5 % от общего числа населения мира. В двадцатом столетии он составлял около 1 % жителей Земли. В тот же 1 % оценивается доля погибших в войнах XIX века [2, с. 140,143]. Таких подсчетов по каждому столетию нет, но есть демографические итоги, доказывающие наш постулат о том, что фактор культуры мира не только уберегал человечество от самоуничтожения, но и способствовал переходу от философии «войны всех против всех», к философии сбережения человеческого материала, неуклонного увеличения численности населения мира. Так, если к началу XIX века человечество достигло первого миллиардного уровня, то вторая миллиардная отметка была перекрыта уже в 50-е годы, к началу 60-х население мира составляло 3 млрд, а в первом десятилетии XXI века землян стало 7 млрд.

Особенно трудным и долгим был «прыжок» из времени варварства к эпохе цивилизации, именно на этот промежуток времени приходится самая высокая степень интенсивности и кровопролитности войн. Но совсем не случайно и то, что в рамках этой хронологической отметки рождаются первомысли о самоценности мира. На протяжении тысячелетий шла работа человеческой мысли по созданию проектов «безвоенного общежития» и установления «вечного мира» на Земле. Упоминания о «вечном и справедливом мире» можно найти уже в сочинениях античных философов и мыслителей, но реальное выдвижение подобных идей связано с более поздним периодом. Опираясь на ценности христианства, на теории эпохи Возрождения, целая категория миротворцев – мыслители, ученые и политики периода Средневековья и раннего

[1] По К. Ясперсу, «осевое время» – это период между 800 и 200 гг. до н. э., когда произошли кардинальные перемены в области духовных основ человечества, равносильные «взрыву человеческого духа».

Нового времени – вплотную занялась разработкой миростроительных проектов, закладывая тем самым гуманистическую традицию пацифизма. Слова о «справедливом и вечном мире» как антитезе войне и насилию постепенно входили в обиход мировой философской и общественной мысли.

В первых проектах мира, созданных в XIV–XV вв., обосновывалась идея объединения европейских государств вокруг ценностей мира, просвещения, гуманизма. Неоценимый вклад в это внесли «отцы-основатели» европейской школы миротворцев – П. Дюбуа, Э. Роттердамский, С. Франк, Й. Подебрад, Э. Крюсе. Именно они положили начало формированию особого – миротворческого направления в системе социально-политических наук [4, с. 57–62].

В начале XVII в. предпринимаются попытки создания юридической базы взаимоотношений государств, ориентированных на мирохранительную установку. К числу пионеров, заложивших краеугольный камень теории естественного права, гуманитарного и международного права, относятся Г. Гроций, Я. Коменский, В. Пенн.

Наиболее успешно миротворческая мысль развивается в эпоху Просвещения, когда разработка рациональных основ мироздания и человеческого бытия становится сквозной в содержании общественных дискуссий. В европейском интеллектуальном «клубе» «атаку» на проблематику войны и мира с самых разных позиций вели философы и политики, социологи и теологи, гражданские и военные историки. Среди них классики теории «утопического социализма» (Т. Мор, Т. Кампанелла, Г. Мабли, Г. Бабеф, Ш. Фурье...) и Просвещения (Ш. Монтескье, Ф. Вольтер, Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо, И.В. Гете...).

Большую известность в XVIII в. получил «Проект вечного мира в Европе» Ш. Сен-Пьера. В своей работе французский мыслитель руководствовался убеждением, что «никогда еще ум человеческий не был занят более величественным, более прекрасным и полезным замыслом, нежели проект вечного и всеобщего мира между всеми народами Европы». Среди трактатов XVIII столетия особое место принадлежит сочинению великого немецкого философа И. Канта «К вечному миру» [4, с. 65].

Идеи вечного мира развивались не только на Западе Европы, они получили большое распространение и в России. Русские просветители второй половины XVIII в. – С.Е. Десницкий, Я.П. Козельский, И.Ф. Богданович, А.И. Новиков, Р.М. Цебриков – мечтали о «добродетельном» обществе, о жизни без войн и истребления других народов. Ярким примером эволюции русской просветительской мысли служит трактат В.Ф. Малиновского под названием «Рассуждения о мире и войне» (Петербург, 1803). Заметным достижением в сфере миротворчества является труд писателя и ученого М.Д. Чулкова «Проект трактата между европейскими государствами для истребления войны в Европе». В число русских миротворцев можно ввести А.Н. Радищева, А.И. Герцена, А.С. Хомякова, Н.Г. Чернышевского, П.Л. Лаврова и А.С. Пушкина со своим поэтическим наброском «О вечном мире» [1, с. 111].

Серьезным стимулом в миротворческой деятельности стало вручение политикам, деятелям науки и культуры начиная с 1901 г. Нобелевской премии мира. Поистине неоценимый вклад внесли в миротворчество Л. Толстого и М. Ганди с их идеями о ненасилии и разрешении социальных конфликтов мирными средствами, а также таких величайших гуманистов, как А. Эйнштейн и Б. Рассел, сформулировавших в условиях ядерной эпохи адекватные ей политические и нравственные альтернативы.

XX век стал особо поучительным с точки зрения не только более полного познания природы войны и мира, но и в смысле «отрезвления» адептов философии насилия, более четкого преставления о последствиях, вытекающих из-за задержки перехода человечества от культуры войны к культуре мира. С изобретением и технологическим освоением оружия массового уничтожения проблема обеспечения мира перешла

в новую плоскость. Она перестала быть «классической» задачей высокой политики, трансформировавшись в задачу планетарного императива.

Главным, наиболее важным итогом двадцатого столетия стало, что через осмысление идеи культуры мира ставились и решались задачи демократизации международных отношений, снижения порога гонки вооружения и последующего всеобщего разоружения. То есть культура мира как идея, принцип, нравственный закон все больше вписывалась в контекст глобальной проблемы – предотвращения, исключения войн из жизни человечества. Эта проблема обрела новые измерения не только по технологическим причинам и параметрам. Встал вопрос о путях защиты общества от ненависти, жестокости и насилия как одного из источников войн. В качестве гарантов такой защиты были созданы такие международные структуры, как ООН и ЮНЕСКО, принята целая серия программных документов международных организаций о правах человека, принципах мирного сосуществования, диалога народов, культур и цивилизаций. И наконец, тогда же была завершена работа над созданием концепции культуры мира для народов мира в третьем тысячелетии. Речь идет о принятии программы ЮНЕСКО «На пути к культуре мира».

На рубеже XX–XXI вв. вновь актуализировалась философия пацифизма, корни которой вытекают из эпохи Древности. На разных этапах всемирной истории она обретала то статус всеобъемлющей идеи, собиравшей под свои знамена такую людскую массу, которая часто трансформировалась в масштабное интернациональное движение, то затухала и уходила за занавес исторического времени. Но надо признать, что идеи пацифизма трудно приживаются в «секрециях» общественного сознания как в целом в мире, так и в России. Даже на фоне двух «горячих» мировых войн и «холодной» войны, целого клубка региональных кровопролитных конфликтов и нарастающего числа «горящих точек» на планете пацифизм не сумел оформиться в устойчивую мировоззренческую систему, в самостоятельную цельную идеологию. Но востребованность этих идей и необходимость их материализации перед вызовами и глобальными проблемами современности становятся все более очевидными.

Одной из важных особенностей новой волны движения сторонников за мир является активное участие молодежи. По некоторым данным, в странах европейской зоны в антивоенных демонстрациях только в 2005 году приняли участие не менее 15 млн молодых людей. Столь мощный выброс энергии протеста не мог не привлечь внимания мировой общественности. Вновь заговорили о «новом пацифизме», сравнивая его масштабы с движением против войны во Вьетнаме или «ракетным кризисом» в Европе в конце 70-х годов прошлого века.

Таким образом, прогнозы о том, что движение сторонников за мир это эпизодическое явление не имеет перспективы, не подтвердились. Движение за мир как внутренняя социальная энергия мирового сообщества, подчиняясь природному закону сохранения энергии, никуда не исчезло, а только видоизменилось. И эта энергия самосохранения человечества с новой силой напоминает о себе, как только возникает серьезная угроза миру и безопасности.

Особенностью «нового пацифизма» является то, что он не сводится просто к отрицанию войны как таковой, а одновременно несет протест против милитаризации общества и мировой политики, «агрессивизации» общества, против того, что когда-то один из самых выдающихся политиков США Дж. Фулбрайт назвал «упоением силой».

Новые перспективы и возможности открываются перед движением за мир в результате развития диалога между «новыми пацифистами» и активистами нового весьма широкого социального движения за альтернативную глобализацию. Это движение совсем не против глобализации вообще, это протест против несправедливостей глоба-

лизации, стремление к «другому миру» – действительно мирному, справедливому и демократическому.

Наконец, есть еще одно, парадигмально важное направление современного миротворчества – это широкоформатная деятельность, направленная на создание нового, «постамериканского» мирового порядка, основанного на принципах справедливости и демократии, укрепления мира во взаимоотношениях между народами и странами, обеспечения их стабильного, устойчивого и безопасного развития.

Таковы основные этапы преобразования культуры войны в культуру мира в историческом измерении. Анализ пройденного пути на этом направлении позволяет сделать следующие выводы. Переход от культуры войны к культуре мира – это длительный, сложный и противоречивый процесс. Но это та «столбовая дорога», которая вела человечество от состояния дикости до уровня цивилизации. Другой альтернативы у него не было и не будет.

Библиографический список

1. Капто А.С. От культуры войны к культуре мира. М.: Республика, 2002. 431 с.

2. Социальное насилие: эволюционно-исторический аспект. «Круглый стол» ученых // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 138–147.

3. Тагиров Э.Р. На перекрестке цивилизаций. История татар в контексте культуры мира. Казань: Татар. книж. изд., 2007. 391 с.

4. Чубарьян А.О. Идеи мира в истории человечества // Культура мира и демократии: учеб. пособие. М., 1997. С. 57–79.

A.A. Muhamadeeva*

IDEA OF CULTURE OF PEACE IN HISTORICAL MEASUREMENT: WAY FROM «RECONCILIATION OF GODS» TO NEW ETHICS

In the article the historical way, passed by mankind from epoch of barbarism to modern civilization, interfaced with transition from culture of war to the culture of peace is traced. Experience is generalized, problems are formulated and peacemaking prospects are designated.

Key words: culture of war, culture of peace, pacifism, anti-globalism.

* *Muhamadeeva Aigul Albertovna (*aigulechka@mail.ru), Institute of History, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, 420059, Russian Federation.

УДК 908+930

П.С. Кабытов, А.А. Мякотин*

ИСТОРИОГРАФИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ КУЙБЫШЕВСКОЙ (САМАРСКОЙ) ОБЛАСТИ В 1960–1990-е гг.**

В статье на материалах Куйбышевской (Самарской) области рассматривается история изучения регионального «кластера» позднесоветской и российской элиты. Рассмотрены содержание и этапы историографического процесса, его детерминация различными факторами: общественно-политическая конъюнктура, режим доступа к источникам, теоретическая парадигма. Определены актуальные задачи и перспективы развития элитологических исследований.

Ключевые слова: историография, элита, региональная власть, историографический факт, партийная номенклатура, политический класс, технократия.

Динамика и вектор развития общества, его жизнеспособность в огромной степени зависит от меньшинства, наделенного «властным ресурсом». В последние два десятилетия в исследованиях властных структур активно используется термин «элита». Это понятие, не имеющее унифицированного определения, обозначает (в самом общем виде) социальные группы, обладающие высоким (в сравнении с другими общностями) уровнем субъектности. Представители элиты, в силу статуса (формального или неформального), принимают решения, генерируют идеи, которые определяют цели и содержание деятельности других общественных групп. Исследование элит предполагает интеграцию теоретического инструментария многих общественных наук, включая субдисциплины: социологии, политической психологии, конфликтологии, политологии и др. Однако важнейшее место в элитологических исследованиях занимает эмпирический материал и инструментарий исторической науки. Это объясняется тем, что для выявления закономерностей формирования, функционирования и смены (ротации) элит необходим ретроспективный анализ. Требуется рассмотрение достаточно протяженного исторического периода, чтобы в динамике изучить качественные и количественные параметры элиты; выявить повторяющиеся (т. е. закономерные, типичные) явления и процессы в элитообразовании.

Для генезиса современной российской элиты важнейшее значение имеет период «зрелого» и «позднего» советского социализма (с рубежа 1960–х гг.), а также первое постсоветское десятилетие (1990-е гг.). В 1960-е гг. в связи с демонтажом сталинизма и его репрессивных практик, принявшим форму «номенклатурной революции», про-

---

* © Кабытов П.С., Мякотин А.А. , 2013

Кабытов Петр Серафимович (kabpetr@samsu.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета; *Мякотин Андрей Александрович* (andrey_mn__75@mail.ru), кафедра документоведения Самарского государственного университета,443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Региональные элиты: типология, процессы формирования, модели включенности в политическую, экономическую, социокультурную сферы Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е гг.»), проект № 13-11-63002 а(р).

изошла «кристаллизация» советской партийно-хозяйственной элиты (номенклатуры), ее дистанцирование от других социальных групп. Дальнейшая эволюция партхозноменклатуры сопровождалась ее постепенным закрытием (социальной «герметизацией») и осознанием своих групповых (корпоративных) интересов. Доминирующий групповой интерес совпартэлиты на излете советской истории заключался в конвертации власти (политико-административного ресурса) в собственность. Поэтому крупнейшая общественная трансформация рубежа 1980-х – 1890-х гг., состоявшая в смене государственного социализма периферийным, сырьевым вариантом капитализма, представляла собой реализацию коллективного интереса элиты. Об этом свидетельствует преемственная связь между позднесоветской и российской элитой. В 1990-е гг. в политической и бизнес-элите более 70 % составляли представители бывшей комсомольской и партийной номенклатуры. Переход от «советизма» к «постсоветизму» не сопровождался «рывком к власти» новой элиты; произошла социальная мимикрия номенклатуры. Это позволило историку А.И. Фурсову определить его (на наш взгляд, с полным основанием) как нисходящее развитие, «самовоспроизводящийся процесс разложения позднесоветского общества» [48].

Историческая деконструкция, т. е. анализ происхождения, условий возникновения современных явлений и процессов в среде элит, начинается с изучения информационных ресурсов – первичных (источники) и вторичных (историография). В настоящей статье рассматриваются историографический и источниковедческий аспекты становления и эволюции региональной (на материалах главным образом Куйбышевской/Самарской областей) политической и административно-хозяйственной элиты в 1960-е – 1990-е гг. Качественные трансформации в историографии по теме детерминировались в основном внешними факторами: общественной конъюнктурой, политико-идеологическим режимом. Поэтому историографическая периодизация в данном случае совпадает с политической. Развитие историографии по теме включает два этапа: советский (1960–1991 гг.) и современный (постсоветский) – с 1991 г. по н. в. Советская историография, в свою очередь, неоднородна; в ней выделяются, хотя не столь «рельефно», три периода: первая половина 1960-х гг. – период относительного общественно-политического либерализма («оттепель»); вторая половина 1960-х – середина 1980-х гг. – период преобладания охранительных политических тенденций («брежневизм»); 1985–1991 гг. – «перестройка», в течение которой шел процесс демонтажа партийного контроля над исторической наукой.

Научная литература советского периода, в которой рассматривается кадровый аспект деятельности партийно-государственных органов, включает несколько направлений изучения проблем: партийное строительство, организационно-кадровая работа и история КПСС. Эти направления историко-партийной науки были интегрированы в идеологический механизм («агитпроп»); они обслуживали идеологическую и организационную функции партийного аппарата. Преимущественно идеологический характер работ по историко-партийной тематике проявляется в их схоластичности, ограниченном использовании архивных документов; единообразии и апологетическом (в отношении партноменклатуры) характере выводов и оценок; использовании «новояза» (идеологических клише, «официозной» стилистики). Тем не менее в рамках норм, установленных партийной цензурой, историография развивалась; в отдельных работах о кадрах партийно-государственных органов приводятся ценные сведения, статистический материал, содержатся нетрадиционные, критические суждения и оценки.

В период «оттепели» изучение региональных руководящих кадров развивалось путем преодоления наиболее одиозных черт «сталинской» историографии. Тенденцией историографического процесса был отход от догматики «Краткого курса»; расширение проблематики исследований и обращение авторов научных трудов к архивным ис-

точникам и периодике, которые использовались главным образом для «иллюстрации», а не аргументации. Характерным историографическим явлением первой половины 1960-х гг. были работы, в которых обосновывалось преимущество ленинской кадровой политики перед сталинской; подчеркивалась необходимость восстановления «ленинских норм» в функционировании номенклатурных кадров. В начале 1960-х гг. предметом изучения становится региональный аспект формирования и деятельности кадрового состава партийно-управленческих структур. К числу первых историографических фактов следует отнести монографию П.Ф. Пигалева, которая как по постановке проблемы, так и по содержанию является типичным примером исполнения партийного заказа [43]. Новым является то, что автор ввел в научный оборот сведения об организационных основах работы с региональными партийными кадрами, постановке учетно-кадровой работы. Особую значимость имеет статистика по персональному и должностному составу местных парторганов.

Для изучения кадров партийно-номенклатурной власти необходим анализ первых этапов становления партийно-советского аппарата, в частности содержания так называемых «ленинских принципов» работы с кадрами, апеллирование к которым играло большую роль в партийной кадровой политике (особенно в годы «оттепели» и перестройки). Поэтому одним из важнейших историографических фактов этого периода является, на наш взгляд, монография Е.Н. Городецкого [11].

Публикации по кадровым аспектам регионального управления, появившиеся до середины 1980-х гг., относятся к категории научно-популярных, прикладных (не «академических»). Информационную основу работ составлял не архивный материал, а опубликованные нормативно-уставные и директивные документы КПСС. В этих публикациях транслировался опыт работы авторов в партийном аппарата. Как правило, эти публикации также предназначались для сотрудников аппарате и партийного актива. В этом отношении характерен сборник «Партийный комитет и кадры», содержащий статьи куйбышевских партийных функционеров среднего звена [42]. Наряду с многочисленными «общими местами» о внутрипартийном демократизме, «заботе партии о кадрах» и т. д. в работе можно выявить при внимательном критическом анализе полезные сведения о принципах формирования кадрового резерва, критериях и процедурах отбора кандидатов на те или иные вакансии в партийном аппарате, особенностях субординации, статуса отдельных должностных лиц в партийных структурах, механизме взаимоотношений региональных и местных партийных органов, аппаратных традициях и неформальных социальных практиках региональной номенклатуры.

Статьи сборника «Партийная работа: стиль, формы и методы» [41], подготовленные сотрудниками парткомов Куйбышевской области, также являются пропагандистскими текстами; тем не менее они содержат анализ опыта кадровой деятельности, критику некоторых форм работы партаппарата, практические рекомендации. Во всех статья большую часть занимают шаблонные фрагменты о «живой связи» партии с массами, демократизме ее устройства, социальной однородности советского общества, прогностических возможностях марксизма-ленинизма и т. д. Это своеобразный вербальный ритуал, предназначенный для выражения идеологической лояльности. Соотношение положительных и негативных оценок строго выверено; при общем положительном тоне отмечаются «отдельные недостатки», ошибки «некоторых работников» и проч. Можно отметить положительную связь между служебным статусом авторов и информативностью статей, поскольку вышестоящий работник располагал большим информационным ресурсом. Так, в статье первого секретаря Куйбышевского обкома Е.Ф. Муравьева приводятся численный и должностной состав номенклатуры облпарткома, его возрастные характеристики, качественная динамика. Он отмечает увеличение продолжительности пребывания в должности номенклатурных работников

в 1970-е гг., считая это показателем стабильности кадрового состава, «бережного отношения» к кадрам. Современные исследователи рассматривают такие данные, как показатель снижения социальной мобильности, застойности позднесоветского общества [41, с. 3–23]. Содержательна статья Н. Тимошина, в которой рассматриваются виды партийной информации и их движение, а также рутинный (делопроизводственный) аспект контроля исполнения решений и постановлений парткомов, жалоб и обращений граждан [41, с. 153–165]. Эта информация может быть использована исследователями при работе с ретроспективными документами партийного делопроизводства.

Информативный материал о низовых звеньях управленческой элиты (номенклатуры) характеризуется в многочисленных публикациях о деятельности гор- и райкомов, партийных ячеек [47]. Этот массовый партийно-издательский «конвейер» малоинформативен; полезные (в контексте исследования элит) сведения удается выявить только при «просеивании» большого потока информации. Эти сведения касаются «управленческой повседневности» партаппарата, рутинной деятельности секретарей, руководителей отделов и других партработников; методах мотивации, «воспитания», поощрения и контроля партийцев, критериях оценки их деятельности, особенностях карьерного пути представителей низовой номенклатуры; статистические материалы об образовательном уровне аппаратчиков, стаже и т. д.

Разнородную и «массивную» группу публикаций по вопросам кадрового обеспечения партийно-государственной власти составляют статьи в партийной периодике. Типовая тематика публикаций была следующей: региональный опыт работы с кадрами, инструкции по организации работы с личным составом парторганов, разделение функций партийных и советских, хозяйственных органов; должностные полномочия и нагрузка различных категорий партработников; экскурсы в историю партии и ее региональных отделений; материалы для региональных пропагандистов и т. д. Научный уровень публикаций существенно зависел от статуса журнала. Если статьи в печатном органе Куйбышевского обкома «Блокнот агитатора» являются типичными образцами «агитпропа», то журналы «Коммунист», «Вопросы истории КПСС» содержат профессионально выполненные обзоры по истории партийной (т. е. государственной) власти [40, с. 5–8].

Своеобразной вершиной региональной историко-партийной историографии стали очерки истории областных парторганизаций, опубликованные в разных регионах в конце 1950-х – начале 1980-х гг. В «Очерках...», подготовленных куйбышевскими историками, минимальное внимание уделялось анализу структуры местных отделений Коммунистической партии, их составу, кадровым основам деятельности [39]. В центре внимания были организационно-производственные мероприятия партии; в духе «казенного оптимизма» преподносились «успехи социалистического строительства». Для исследований органично включались данные о количестве членов и кандидатов партии, а также внештатных сотрудников партийных комитетов, инструкторов, партийного актива и т. д.

Количественный рост историко-партийной историографии обусловил появление исследований вторичного (историографического) материала. В статье Ю.П. Суслова, подводящей итоги развития историографии парторганизаций Поволжья к концу 1970-х гг., изучение кадрового состава парторганов не выделяется в качестве самостоятельного направления исследований [46, с. 92–110]. Характерно, что в статье упоминаются лишь две работы (по периоду нэпа), в которых затрагивается кадровый аспект деятельности партийных комитетов.

В советской историографии исследование номенклатурных механизмов управления, социальной природы советской элиты и «барьеров», отделяющих ее от других

групп населения, входило в число из наиболее табуированных тем. Изучение – в соответствии с критериями научности – природы социального неравенства в советском обществе, закономерностей формирования в нем элитных групп могло разрушить идеологический образ эгалитарного социалистического общества. В период «перестройки» (1985–1991 гг.), отмеченный кризисом базисных структур государства, в том числе партийного контроля над общественными науками, эти ограничения в значительной степени становились фикцией.

В первые «перестроечные» годы исследователи по-прежнему вели изучение в рамках схем официальной идеологии. Во многих публикациях повторялись концептуальные построения периода «оттепели», когда основные проблемы, включая административно-управленческие, расценивались как наследие «культа личности». Вместе с тем проявились новые тенденции; в работе В.А. Яцкова обосновывался тезис о трех поколениях партийных управленцев, который соответствовал трем «возрастам» советского общества [53]. Подчеркивая созидательную роль второго поколения советских управленцев, автор противопоставлял его следующей, постсталинской генерации номенклатурных кадров, для которой характерны потребительство, пониженный уровень личной ответственности.

В период перестройки появились труды, в которых бюрократизм, крайняя отчужденность и авторитарность советского стиля управления рассматривались как сущностные (т. е. атрибутивные, не зависящие от воли руководителей) черты советской политической системы [7; 14; 22; 27].

Преобладание политизированных работ позволяет определить «перестройку» как «публицистический» этап в историографии партэлиты. Публицистический формат характерен для публикаций о региональной (куйбышевской) бюрократии, которые можно разделить на критические и апологетические. Примером последних является статья, в которой доказывался материально-бытовой «аскетизм» номенклатуры, ее способность возглавить «перестроечные» преобразования [8]. Эта работа содержит сведения о материальном содержании номенклатуры, штатных изменениях в аппарате КПСС в конце 1980-х гг.

На рубеже 1990-х гг. была опубликована книга М.С. Восленского, которая стала в известной мере методологической «программой» для современных исследователей, изучающих проблемы становления и эволюции партийно-советской элиты [10]. В работе содержится концепция квазифеодальной социальной природы советского общества, которая представляет собой развитие теории «нового класса» М. Джиласа [12]. Верхушка партийной бюрократии – номенклатура – является, по мнению М.С. Восленского, аналогом эксплуататорских классов прошлого, превосходя их в уровне эксплуатации, расточительном отношении к человеческим и природным ресурсам. Общество, возглавляемое номенклатурой (возникшей, по автору, в 1917 г.), в его работе предстает исторической аберрацией, «империей зла», что позволяет считать эту концепцию информационным продуктом «холодной войны».

Анализ публикаций позволяет сформулировать вывод о том, что в советской историографии региональное руководство (номенклатура, элита) не рассматривалось как социальная общность со своими статусными, корпоративными характеристиками, групповой динамикой. Предметом изучения была кадровая деятельность органов власти, методы комплектования, подбора, мотивации, расстановки кадров. Идеологические (следовательно, и методологические) ограничения делали невозможным изучение таких проблем, как: механизмы политического лидерства, материально-бытовое обеспечение региональной элиты, ее субкультура и корпоративное самосознание, формы социальной репрезентации; система неформальных связей в среде номенклатуры; социальные «барьеры», отделявшие номенклатуру от других общностей; стратификация

самой элиты, взаимоотношения ее групп, слоев и т. д. Вместе с тем в работах советского периода был введен в оборот значительный, прежде всего статистический, материал, который является важной основой для дальнейшего исследования элит.

Для постсоветской историографии, отказавшейся от догматического (канонизированного) марксизма, первостепенной задачей была разработка теоретического аппарата изучения элитных групп общества. Значительное влияние на методологию исследований системы власти и социальной структуры советского общества оказали работы авторов-эмигрантов: М.С. Восленского, А. Авторханова, А.А. Зиновьева [1; 15]. В исследованиях А.А. Зиновьева выделяется два типа власти в Советском Союзе: сталинистский (к нему он относил, в частности, хрущевскую и горбачевскую власть), в которой партаппарат является инструментом личной власти, и брежневистский, когда партийный аппарат становится замкнутой, самодовлеющей силой. Первый тип власти он характеризовал как «подлинное народовластие» (он опирается на массовое движение, противостоит бюрократии) и вместе с тем насильственный и волюнтаристский (потенциально опасный).

В первой половине 1990-х гг. появились исследования, авторы которых предприняли разработку концептуального инструментария изучения «столичной» и региональной элиты советского/российского общества [6; 18; 31; 45; 48]. Эти работы представляют собой развитие теоретических воззрений, названных выше авторов (прежде всего М.С. Восленского). Подчеркивая ценность этих исследований, необходимо отметить их отвлеченно-социологический характер, недостаточную фундированность документальным материалом.

Потребностью в макротеории (альтернативной марксизму), дающей алгоритм российского исторического процесса, объясняется интерес исследователей (прежде всего гуманитариев) к историософским работам А.С. Ахиезера [5]. Исследователь характеризует российский социум как «расколотое общество», т. е. неорганичное (конфликтогенное) единство двух типов цивилизации: традиционной и либеральной (западоидной, модернизаторской). Их интегральной характеристикой является нравственный идеал, т. е. представления о должном и сущем, которые конкретизируются в представлениях об идеальном политическом устройстве, хозяйственном укладе и т. д. Колебаниями между этими цивилизационными полюсами объясняется маятниковый ритм исторического развития, его инверсионность. Возникновение и исторический финал советского общества обусловлены очередным инверсионным циклом российской истории. Советский строй, по автору, был порожден «выплеском» социально-культурной архаики, организационное оформление которого возглавила парадоксальным образом ультрамодернизаторская партия (большевики). В эволюции советской элиты исследователь выделяет вполне традиционно три генерации. Первое поколение элиты («ленинская гвардия»), интеллигентское по составу, после революции оказалось неспособно к самовоспроизводству и быстро сменилось вторым – сталинским – типом номенклатурной элиты. Последняя, будучи носительницей архаичных культурно-психологических черт, была удобным инструментом тирании. Социокультурные изменения в номенклатурном слое, заметные уже в позднесталинский период (более высокий образовательный ценз, городская субкультура и т. д.), обусловили переход от деспотии к номенклатурной олигархии.

«По инерции» продолжало издание публицистических работ о номенклатуре. Для этих работ характерна политическая «акцентуированность»; авторы рассматривали номенклатуру в качестве главного политического института советской эпохи, через призму которого можно понять советский период истории в целом.

Во второй половине 1990-х гг. историографическая ситуация изменилась; кризис историографии элит, вызванный методологическим «хаосом» и ликвидацией прямого

политического заказа, был во многом преодолен. Главным показателем этого стали многочисленные конкретно-исторические исследования, основанные на широком круге документальных источников.

Одним из ведущих исследователей политического процесса в Советском Союзе и современной России является социолог О.В. Крыштановская (она ввела в научный оборот термины «олигархия», «семья» (ельцинская), «силовики») [23]. Для изучения политического класса, высшая страта которого определяется автором как «элита», его внутригрупповой мобильности, источников и каналов пополнения элиты и выхода из нее (экстракорпорации) автор использует модифицированный (применительно к отечественным реалиям) аппарат западной политической социологии.

В исследованиях профессора Т.Г. Архиповой один из важнейших тезисов состоит в том, что в системе партноменклатурной власти существовал концептуально и организационно завершенный механизм работы с кадрами, включавший систему отбора кандидатов, формирование кадрового резерва, политическую социализацию, идеологический и дисциплинарный контроль и т. д. [4]. Демонтаж этой системы не сопровождался созданием другого столь же целостного механизма, что стало фактором архаизации (феодализации) системы государственного управления.

Значительный вклад в изучение слоя региональных управленцев внес пермский исследователь В.П. Мохов [34], который первым ввел в научный оборот термин (первоначально воспринятый как парадоксальный) «региональные элиты». По мнению историка, существенным аспектом эволюции политической системы в первой половине 1990-х гг. была «провинциализация» правящего класса, квалифицированная автором как «бунт региональных элит» [35, с. 5–7]. Вследствие дефрагментации, распада системы власти и управления большая часть властных ресурсов перешла к региональным руководителям. В работах В.П. Мохова социальная эволюция слоя региональных руководителей советского (1940–1990-е гг.) и постсоветского периода рассматривается на материалах Уральского региона.

Наиболее активно региональный аспект функционирования элит (политических, административно-хозяйственных) разрабатывается на материалах Сибири. Широким проблемно-хронологическим охватом выделяются работы А.Б. Коновалова [21]. Автор реконструировал должностную, социопрофессиональную динамику партноменклатуры Западно-Сибирского региона в 1946–1991 гг., механизм ее взаимоотношений с центром, содержание и результаты деятельности. В его исследованиях значительный интерес представляют биографические характеристики руководителей региона в этот период, которые дают представление о социально-карьерных «маршрутах» представителей номенклатуры в послевоенные годы.

Важное место в историографии партийно-номенклатурной элиты занимают работы Г.Л. Олеха, хотя в них рассматривается только начало 1920-х гг., когда возник институт номенклатуры и проявились «родовые черты» номенклатурно-олигархической системы власти [37]. По нашему мнению, в его исследованиях наиболее интересны не материал и выводы, а теоретико-методологический аппарат, который может быть использован при изучении позднесоветского и российского чиновничества. Автор показывает, что организационное развитие РСДРП(б)-РКП(б)-ВКП(б) после революции идеально иллюстрирует закон олигархизации массовых политических партий. В его публикациях показан механизм перетекания партийной власти в «узкие коллегии» партийных комитетов, подчинения представительной ветви партийной власти исполнительным структурам, методы контроля партийной олигархии над формированием состава и деятельностью представительных органов. Заслугой исследователя является скрупулезное изучение дифференциации материального содержания и статуса различных категорий партработников, корректное определение понятий «партий-

ное чиновничество», «партийные функционеры», «ответственные работники» и др.

Диссертация Е.В. Миронова [33], по нашему мнению, вторична (тематически, методологически) по отношению к работам А.Б. Коновалова и Г.Л. Олеха. Главной проблемой, объединяющей структурные части работы, является эффективность управленческой деятельности местной партийно-государственной элиты. На основе анализа динамики количественного и социального состава партхозэлиты Иркутской области в 1956–1991 гг., ее формальных и реальных полномочий, роли в выработке управленческих решений, форм централизованного контроля над номенклатурой автор делает вполне запрограммированный вывод об исчерпанности сверхцентрализованной (мобилизационной) системы управления регионами при переходе к поздне- и постиндустриальному обществу.

В центре внимания большинства региональных исследований находится областной/краевой уровень руководства. Поэтому положительной тенденцией представляется появление работ, в которых исследуются управленческие кадры городского и районного уровней.

Если историко-партийная проблематика изучалась целенаправленно и с высокой степенью интенсивности, то советские властные структуры традиционно рассматривались (не без оснований) как второстепенный элемент системы управления, ее фасад, «вывеска». Место и роль Советов в механизме местной власти, их взаимодействие с обществом и властными институтами рассматривается в работах М.Н. Матвеева [29]. Проблематика функционирования кадрового состава Советов находится на «периферии» его работ. Тем не менее в монографии самарский историк приводит статистический материал, характеризующих динамику состава Советов в 1977–1993 гг. [30, с. 55–57, 67–69]. Качественный состав Советов автор рассматривает как один из факторов, определявших авторитет и дееспособность Советов, их статус в системе власти.

Перспективной тематикой является изучение структур власти как социальных институтов. Это обеспечивает новый ракурс исследования, позволяя воссоздать социальные характеристики представителей региональной власти: статус (в том числе неформальный), социальную мобильность, нормы поведения и ценностные ориентиры, формы социального контроля, социальные ожидания носителей власти, социальный ритуал и культурно-символические практики.

Важным направлением элитологических исследований становится изучение технократической региональной элиты. Стоит заметить, что в исследовании этого кластера элиты высокую активность проявляют поволжские историки [9; 32; 36]. По мнению Е.Д. Невейниципой, рост структур и штатов хозяйственного управления привел к тому, что уже в начале 1980-х гг. технократический сегмент управленческой элиты был одним из самых влиятельных. При этом проникновение технократов в региональный партийный аппарат парадоксальным образом вело к усилению опеки парторганов над менеджерами. Партийные руководители, окончившие отраслевые вузы, возглавлявшие цехи и заводы, приобрели хозяйственный опыт, а потому считали себя достаточно компетентными для вмешательства в организацию производства.

Во второй половине 1990-х гг. историография региональной управленческой элиты получила организационное оформление в виде научных коллективов, структур, проектов. Одним из них является Центр элитологических исследований во главе с профессором В.П. Моховым, функционирующий при кафедре государственного управления и истории Пермского политехнического университета; в 2007 г. он получил статус научной организации при Академии политической науки.

Среди исследований организационно-кадрового развития системы власти в Самарском регионе в послесоветские годы следует выделить работы К.П. Ланге [25]. Уде-

ляя основное внимание структурным и правовым аспектам регионального управления, автор вместе с тем дает подробную характеристику самарскому политическому классу. Исследователь отмечает, что его консолидация отчетливо проявилась в 1997 г., когда на выборах второго состава Губернской думы (в отличие от первых выборов) не имели шансов пройти «случайные» люди, за которыми не стояли политические или крупные бизнес-структуры. По мнению историка, важным фактором политического процесса в Самарском регионе является «привычка» региональной элиты к самостоятельности, ставшая ее социально-психологической характеристикой.

Наиболее полным исследованием экономического и общественно-политического развития Куйбышевской области в 1985–1991 гг. является работа В.В. Крючкова. По мнению автора, логику общественно-политических событий периода «перестройки» выражает понятие «кризисный политический процесс». Содержанием политико-административного развития в эти годы был нарастающий кризис, проявлявшийся в дезорганизации местной власти, утрате ею рычагов управления, идейной платформы, целевых установок. Рассматривая появление новых общественно-политических организаций, в том числе неформальных, «оранжевых», исследователь отмечает, что они не стали «альтернативной элитой», однако сыграли роль в дискредитации номенклатурной власти [24].

Сведения о региональной политической «верхушке», спектре общественно-политических сил, представительстве в Самарской области «столичных» политических организаций содержатся в работах о парламентских партиях.

Несбалансированность развития историографии состоит в отсутствии исследовательского интереса к специальным (ведомственным) системам управления. Публикации по этой тематике единичны; одной из них является статья И.Н. Макаровой, в которой анализируется организационно-штатная структура управления образованием в Куйбышевской области в 1954–1965 гг. [28]. В работе рассматриваются категории административного персонала в аппарате управления, их численность, материальное обеспечение. Исследователь затрагивает социальные аспекты управленческой деятельности, рассматривая взаимоотношения административного и педагогического персонала, каналы вертикальной мобильности, обеспечивавшие «подъем» педагогических работников ведомственные органы управления.

«Конфигурация» внутриэлитных взаимоотношений в российских регионах к концу «ельцинского» периода российской власти исследуется в работе М. Лапиной и А. Чирикова [26]. Работа основана на материале нескольких типологически характерных регионов, включая Самарскую область, которая рассматривается как пример области с «сильным губернатором». Динамика внутриэлитных отношений в регионе, с точки зрения авторов, определяется соотношением основных источников влияния и власти: губернатора и его ближайшего окружения, губернской администрации и всей структуры местной исполнительной власти, представительной власти, региональных представительств федеральных структур. По мнению исследователей, главными препятствиями в развитии региональной элиты являются субъективные факторы: отсутствие у элиты ясных целей и стратегии, навыков управления конфликтами, слабая выраженность консенсусной политической культуры.

Исследования региональных элит в контексте их взаимоотношений с «путинской» властью представлены в сборнике «Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная». Политолог А.А. Александров, автор одной из статей сборника, рассматривая развитие политической жизни в Самарской области в 1990-е гг., пришел к выводу, что ограничение самостоятельности местных элит «вертикалью власти» в начале 2000-х гг. обусловлено прежде всего внутрирегиональными факторами. Если в первой половине 1990-х гг. бизнес-структу-

ры нуждались в поддержке местной власти, то к концу 1990-х гг. местный бизнес окреп, интегрировался в вертикальные структуры и «взял ориентир» на федеральный центр [3].

В диссертации Д.В. Дудкиной предметом изучения является региональный аспект кадровой политики РСДРП(б)-ВКП(б)-КПСС [13]. Эта проблематика рассматривается в широком временном диапазоне (1917–1991 гг.) без территориальной локализации, т. е. на общесоюзном материале. Данные по Средневолжью приводятся только для конкретизации отдельных положений исследования. Автор отмечает, что этапы кадрового развития местной власти соответствуют (с небольшим временным лагом) годам правления партийных вождей. Механизм кадровой политики не был полностью институционализирован и во многом зависел от личности генсека. Изменения в персональном составе высшей власти сопровождались ротацией региональных кадров. Кроме того, имело место своеобразное индуцирование качеств вождя в системе власти, копирование стиля его деятельности подчиненными. В исследовании отмечено, что кадровая эволюция местной власти с начала 1960-х гг. была весьма противоречивой. С одной стороны, происходил рост образовательного уровня сотрудников партаппарата, повышение удельного веса технократов, прагматиков. Вместе с тем проявилась, особенно с 1970-х гг., феодализация региональной власти, состоявшая в распространении кумовства, непотизма, протекции; превращении секретарей обкомов в «хозяев» регионов; фрагментации системы власти, усилении ведомственных барьеров; функциональном нивелировании партийных и хозяйственных органов. Эти черты усилились к началу 1990-х гг., когда слом номенклатурного кадрового механизма привел к тому, что личные связи стали практически единственной основой формирования кадрового состава местной власти. Отмеченные тенденции имеют значительную инерцию и проявляются в системе постсоветской государственности.

В «Истории Самарского Поволжья...» рассматривается новейшая история социума, а не власти. Это объясняется стремлением авторов преодолеть «наследство» историко-партийной историографии, в которой история края в XX веке почти отождествлялась с историей парторганизации. В очерках, охватывающих период 1960–1990-х гг., рассматриваются такие сюжеты, как: развитие образовательной инфраструктуры, научные коллективы региона и их достижения, события театральной и литературно-художественной жизни, крупнейшие историко-краеведческие проекты, общественно-политические акции, динамика уровня жизни. При анализе социально-политического развития области в 1980–1990-е гг. рассматривается не политико-административная «верхушка», а массовые процессы: общественные ожидания, неформальные общественно-политические структуры, проявления общественного протеста, избирательная активность. Вместе с тем дается очень сжатая характеристика некоторых представителей губернского и городского руководства [38]. В исследовании отсутствуют данные о структуре и составе органов власти, политических партий, количестве госслужащих, административных и хозяйственных руководителей. Этот коллективный труд, подытоживший развитие краеведения в послесоветское десятилетие, показывает, что к концу 1990-х гг. изучение элит было не «в тренде» самарской краеведческой историографии.

Наряду с исследованием региональной элиты «вообще» (как коллективного субъекта) задачей историографии является изучение качеств ее отдельных представителей. Это направление исследований представлено биографическими очерками, справочниками, энциклопедическими изданиями. Партийные региональные руководители были не политиками, т. е. публичными деятелями, а администраторами. Борьба за должности происходила внутри партийного аппарата («бюрократическая демократия»). Поэтому отсутствовала практика регулярного информирования населения о фактах биографии,

личных качествах, административном и хозяйственном опыте номенклатурных работников. Лаконичные биографические характеристики руководителей области/города публиковались в местной печати, как правило, при вступлении в должность, назначениях, должностных переводах и т. д. Единственной историко-биографической работой в советские годы стал сборник «Они служили народу» [18]. Он содержит очерки партийно-революционной и государственной деятельности руководителей города (края, области) до 1954 г. Для биографий, представленных в сборнике, характерна некоторая героизация деятельности местной парторганизации и ее руководителей, пафос «борьбы за социализм». Другими словами, в этом издании акцентирована идейно-воспитательная функция. Событийно-фактическая сторона биографий дана сжато; приводятся только даты важнейших должностных назначений.

Марксизм, признающий субъектом истории только макрогруппы, сдерживал развитие историко-биографических работ; в начале 1990-х гг. эти методологические ограничения были сняты. В первой половине 1990-х гг. крупным социокультурным проектом стало издание «Историко-культурной энциклопедии Самарского края», включающей биографические сведения о выдающихся людях – администраторах, военных, революционерах, организаторах производства, деятелях культуры и науки, – оставивших след в истории Самарского края [16]. Сухие биографические факты позволяют тем не менее наглядно представить взаимосвязь «малой» (региональной) и национальной истории.

Коллектив самарских архивистов подготовил биографический справочник о руководителях губернской (краевой, областной) парторганизации в 1917–1991 гг. В нем приведены датированные факты служебной и в меньшей степени личной биографии партийных руководителей. Выводы и оценки, содержащиеся в справочнике, соответствуют официальным партийным документам, что придает ему сходство с работами предыдущего историко-партийного этапа историографии [54].

Биографические данные глав города (1918–2010 гг.) приведены в работе А.Ю. Чухонкина [50]. В ней «языком фактов» характеризуется служебная карьера и общественно-политическая деятельность руководителей городской власти.

В «Энциклопедическом словаре биографий современников» (проект «Россия XXI век») Самарской области посвящено 5 книг (2002–2008 гг.) [52]. Он содержит биографические материалы о наиболее активной части населения региона. Это люди, занимающие ведущие позиции в различных областях деятельности (управление, производство, образование и т. д.); их можно отнести к элите в расширенной трактовке этого термина. Биографии представляют собой не перечень фактов, а индивидуализированные характеристики, основанные в том числе на материалах бесед, интервью и включающие сведения об увлечениях, интересах и т. д. Этот справочник в основном отражает социальные реалии начала XXI века; однако приводится немало сведений по предыдущему десятилетию.

Общей чертой историко-биографических работ, снижающей их ценность, является справочный характер, сжатость и эмпиризм. В этом отношении несколько выделяется историко-документальная работа о «рыцаре» партийной идеологии (в ее национал-большевистском варианте) Николае Петровиче Пашенцеве [51]. Воспоминания коллег и современников, приведенные в работе, отмечены пиететом к этой яркой (на фоне общего конформизма) личности; в них характеризуется вклад Н.П. Пашенцева в развитие системы образования в Куйбышеве/Самаре; подчеркивается его научно-педагогический уровень, незаурядность как лектора. Документальный материал исследования позволяет проследить идеологические корни кризиса советской системы; ослабление идейно-информационных «скреп», цементировавших партийную власть; идеологический хаос и эклектику постсоветского периода.

Своеобразной репрезентацией современного состояния самарского краеведения (и шагом в его развитии) является «Энциклопедия Самарского края» (2010–2012 гг.) [53]. Ее содержательность обусловлена видовым разнообразием публикаций; она включает обзоры административного и социально-экономического развития Самарской области (губернии), материалы по персоналиям, статьи по истории местной власти и т. д. При подготовке энциклопедии было заполнено немало «лакун» в истории края. Поэтому исследовательское значение «Самарской энциклопедии» не уступает информационно-справочному. В ней введены в оборот новые сведения о кадровой и структурной динамике местных органов власти во второй половине XX века; приведены краткие биографии партийных, государственных, хозяйственных руководителей.

Как известно, исследовательский процесс предполагает последовательное усложнение предмета изучения до уровня его объекта. В исследовании элит, несмотря на стремительное (скачкообразное) расширение проблематики и информационной базы исследований в 1990–2000 гг., многие стороны объекта практически не «освоены» исторической наукой. Среди актуальных задач исследования можно, на наш взгляд, выделить механизм преемственности советской и российской элит, роль региональной элиты в социально-политических трансформациях конца 1980-х – начала 1990-х гг., неформальные связи и каналы влияния в составе элиты. Также необходимо изучение биографических характеристик представителей региональной власти.

Библиографический список

1. Авторханов А. Технология власти. М., 1991.

2. Айрапетов В.А. Эволюция корпуса первых секретарей ГК и РК ВКП(б)/КПСС (Тамбовская область, 1945–1982 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009.

3. Александров А. Самарская область: политические процессы, 1997–2000 гг. // Феномен Владимира Путина и российские регионы: необходимость или закономерность?: сб. ст. М., 2004. С. 141–187.

4. Архипова Т.Г. Номенклатура в посттоталитарной России // Чтения памяти профессора Т.П. Коржихиной «Российская государственность: опыт и перспективы изучения». М., 1995. С. 118–221.

5. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 1–3.

6. Бадовский Д.В. Трансформация политической элиты России – от организации «профессиональных революционеров» к «партии власти» // Полис. 1994. № 6.

7. Борисов Ю.С. Становление командно-бюрократической системы // Эко. 1989. № 1.

8. Волжская заря. 1989. 24 ноября.

9. Волосов Е.Н. История технократической элиты Ангаро-Енисейского района: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012.

10. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

11. Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. М., 1965.

12. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.

13. Дудкина Д.В. Советская кадровая политика и местный госаппарат (1917–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002.

14. Зевелев А.И. Истоки сталинизма. М., 1990

15. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2008.

16. Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Самара, 1993–1995.

17. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918–1998 гг.). М., 2000.

18. Каратуев А.Г. Советская бюрократия. Система политико-экономического господства и ее кризис (1919–1991). Белгород, 1993.

19. Кислицин С.А. Научная элита в системе политической власти. М., 2008.

20. Коммунистическая партия в портретах ее лидеров, 1917–1991 гг.: биограф. справ. / научн. рук. В.Н. Парамонов. Самара, 2010.

21. Коновалов А.Б. Партийная номенклатура в системе региональной власти (1945–1991 гг.). Кемерово, 2006.

22. Кочерга Б.Н. Советская бюрократия: путь к власти (исторический очерк) // Вестник высшей школы. 1990. № 12.

23. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2005.

24. Крючков В.В. Социально-экономическое и политическое развитие Куйбышевской области в 1985–1991 гг. Самара, 2002.

25. Ланге К.Л. Становление современной системы региональных органов государственной власти в 1993–1999 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000.

26. Лапина Н., Чириков А. Региональная власть в России: парадоксы становления // Общество и экономика. 1999. № 5. С. 127–157.

27. Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов н/Д., 1989.

28. Макарова И.Н. Состав работников в органах управления народным образованием Куйбышевской области в 1955–1964 гг. // Вестник СамГУ. Сер: Гуманитарная. 2012. № 2/1 (93).

29. Матвеев М. Н. Власти и общество в системе местного самоуправления России в 1993–2003 годах. Самара, 2006.

30. Матвеев. М.Н. Власть и общество в системе народных депутатов в 1977–1993 годах. Самара, 2005.

31. Мерзляков Л.И. Номенклатура и тоталитаризм: характер симбиоза // История России: диалог российских и американских историков. Саратов, 1994.

32. Милых А.Ю. Технократизм в политическом процессе российского общества: дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.

33. Миронов Е.В. Региональные партийные элиты: исторический опыт и эффективность управления в 1956–1991 гг.: на примере Иркутской области: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007.

34. Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России. 1950–1990 гг. Пермь, 1998.

35. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь, 2003.

36. Невейницына Е.Д. Роль хозяйственной элиты в советском обществе. 1960–1980-е годы (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003.

37. Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995.

38. Они служили народу / сост. Ф.Г. Попов, А.П. Яковлева. Куйбышев, 1968.

39. Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1983.

40. Партийная организация области в цифрах // Блокнот агитатора. 1973. № 20.

41. Партийная работа: стиль, формы и методы: сб. ст. / сост. Г.А. Сарматов Куйбышев, 1982.

42. Партийный комитет и кадры. Куйбышев, 1972.

43. Пигалев П.Ф. Местные партийные органы – органы политического и организационного руководства. М., 1962.

44. Портнягин А.И. Сельская партийно-советская и хозяйственная номенклатура в 1965–1970 гг. (на материалах Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994.

45. Пугачев Б.М. Развитие советских и постсоветских элит // Россия и современный мир. 1995. № 2. С. 16–28;

46. Суслов Ю.П. История партийной организации Поволжья (Краткий историографический обзор. 1971–1979 гг.) // История партийных организаций Поволжья: межвуз. сб. научн. трудов. Вып. II. Саратов, 1983.

47. Трегубов Н. Главное – действенность. Куйбышев, 1970.

48. Фурсов А.И. Далекие зеркала: 1913–2013 гг. URL: http://anapa-pro.com/category/16/article/2019.

49. Чешков М. «Вечно живая» номенклатура? // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6. С. 32–43.

50. Чухонкин А.Ю. Руководители города Самары (Куйбышева) с 1918 года. Самара, 2010.

51. Шеремеев Е.Е. Николай Петрович Пашенцев (1921–2011 гг.): искусство публично мыслить. Самара, 2012.

52. Энциклопедический словарь биографий современников «Вся Россия – XXI век». Кн. 1. Самара, 2002; Кн. 3. Самара, 2005; Кн. 4. Самара, 2006; Кн. 5. Самара, 2008.

53. Энциклопедия Самарской области. Самара, 2010–2012. Т. 1–6.

54. Яцков В.А. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы. М., 1986.

P.S. Kabytov, A.V. Myakotin*

HISTORIOGRAPHY OF ADMINISTRATIVE AND ECONOMIC ELITE OF KUIBYSHEV (SAMARA) REGION IN 1960–1980

In the article on the materials of Kuibyshev (Samara) region the history of study of regional «cluster» of late Soviet and Russian elite is viewed. The content and stages of historiographic process, its determination by different factors: social and political current state of affairs, regime of access to the sources, theoretical paradigm is viewed. Relevant tasks and prospects of development of elite logical researches are defined.

Key words: historiography, elite, regional power, historiographic fact, party nomenclature, political class, technocracy.

* *Kabytov Petr Serafimovich* (kabpetr@samsu.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University; *Myakotin Andrey Alexandrovich* (andrey_mn_75@mail.ru), the Dept. of Scientific Discipline of Documentation, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334

Е.Ф. Молевич*

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ 90-х ГОДОВ XX в. ЧАСТЬ 1**

В статье исследуются принципы и характер фундаментальных социальных преобразований в России на рубеже 80–90-х годов XX века.

Ключевые слова: системный кризис советского социалистического общества, перестройка, социальная революция.

Двадцать лет назад в процессе распада советской государственности завершилась целая эпоха в истории России, эпоха Российской советской федеративной социалистической республики – РСФСР. Родившаяся по итогам крупнейшего социального преобразования XX в. – Октябрьской социалистической революции в России, РСФСР на протяжении почти 70 лет была главным государствообразующим основанием второй супердержавы мира – СССР. Ее законным и суверенным правопреемником с 26 декабря 1991 г. стало новое государственное образование – РФ (Россия). Причем, и это самое важное, вместе с переменой в названии сменился и социальный формационный статус России – с социалистического на капиталистический. И сейчас, отмечая двадцатилетие этих фундаментальных социально-экономических и политических перемен, мы не можем уйти от по-прежнему очень больных и повседневно возникающих вопросов: почему эти перемены вообще стали возможны? как они происходили конкретно? каков их реальный трансформационный статус – реформа, революция, контрреволюция? И наконец, памятуя об известной авторитетной оценке крушения СССР как «крупнейшей геополитической катастрофы века» [1], нельзя уйти и от традиционного для России вопроса: кто виноват во всем происшедшем, если, конечно, согласиться с преимущественно негативной оценкой рассматриваемых событий.

И ответы на все эти вопросы становятся реально возможными, лишь если мы их рассмотрим в более широком историческом контексте всей реальной жизни Советского Союза в последние 15–20 лет его существования. Эти годы печально вошли в

* © Молевич Е.Ф., 2013

Молевич Евгений Фомич (emolevich@mail.ru), кафедра социологии и политологии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Работа выполнена при поддержке гранта в форме субсидии в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, соглашение № 14.B 37.21.0024.

историю страны как период т. н. системного, т. е всестороннего кризиса советской модели социализма. Сразу же оговорим, что в объективном плане речь может идти о реальном кризисе в эти годы именно советской модели социализма, а не мирового социализма в целом, представленного в это время и очень своеобразными и активно развивавшимися формами социализма в Китае, Вьетнаме, Югославии, Венгрии и ряде других стран.

И если «рыба тухнет с головы», то разложение любого социума начинается с кризиса его экономических оснований. В нашем российском случае этот кризис берет свое начало с «оттепели», с хрущевского «великого десятилетия» разносторонней десталинизации страны. Дело в том, что экономика советского общества с самого начала социалистического строительства в 20-х годах XX в. базировалась на совершенно уникальном мобилизационном, административно-командном подходе к ее организации. Этот подход органично вытекал из того объективного факта, что задачи социалистического переустройства экономики России из самой этой наличествующей российской экономики никаким закономерным образом не вытекали и, соответственно, сколько-нибудь стихийно реализоваться не могли. Социалистическую экономику можно было только «построить», т. е. целенаправленно создать в соответствии с изначально намеченной программой и специально реализуемыми мерами по ее осуществлению.

С этим связаны и главные характерные черты сложившейся в СССР по итогам этого строительства и специфичной только для советской модели социализма административно-регулируемой экономики – принципиальная централизованная планируемость («сталинские пятилетки») всего народно-хозяйственного развития и его строгая конкретно-временная целевая заданность: «даешь» в такие-то сроки коллективизацию, индустриализацию, послевоенное восстановление всего разрушенного, атомный и космический проекты, а на рубеже 50-х годов – так и даже переустройство самой природы всего Союза. И главная сила, реализующая все эти намеченные «планы», – сконцентрированная партией в административно-приказном порядке целенаправленная деятельность многомиллионных масс трудящихся по обеспечению безусловного решения всех запланированных сверху задач. В этих же целях партией и государством развертываются массовые общественные движения за выполнение и перевыполнение («даешь пятилетку в три года!») производственных планов, движения ударников, стахановцев, рационализаторов и т. д., периодические «трудовые десанты» на крупные стройки и освоение целины, ежегодные массовые выезды горожан и учащихся на полевые сельскохозяйственные работы и т. д. С мобилизационным стилем решения народнохозяйственных задач связано и рождение чисто советской управленческой новации – высокоэффективного института «уполномоченных» партийно-советских органов, с 20-х годов (знаменитые «парттысячники» в годы коллективизации) контролировавших и обеспечивавших решения на местах всех поставленных народнохозяйственных и социальных задач.

С рубежа же 60-х годов, при внешней сохранности всех атрибутов административно-командной системы управления, из нее уходит главное – повседневно висевшая над рядовым человеком и обществом в целом угроза реальной репрессии за любые, не отвечающие поставленным требованиям итоги работы. Причем именно репрессии – можно вспомнить об исключении из колхозов и выселении из села за невыполнение установленного минимума трудодней, о тюремных сроках не только за прогулы, но и даже за опоздание на работу, за т. н. тунеядство и т. д. Но «командная система... действенна до тех пор, пока опирается на массовый страх, угрозу жестких санкций, распространяющихся на все общество. После 1953 г., когда пронизывающий общество ужас перед репрессиями отступает, действенность традиционных социалистических методов управления снижается... Если из экономической системы, в основе которой страх перед режимом, вынуть стержень, она начинает барахлить» [2, с. 141, 143].

С нарастающей силой в это же время начинает сказываться и еще один парализующий централизованно-административное планирование фактор. Дело в том, что, как свидетельствует исторический опыт ряда социалистических стран, такое планирование может быть очень эффективным до тех пор, пока речь идет о создании промышленности, что предполагает сравнительно ограниченный уровень различных горизонтальных хозяйственных связей между самими рождающимися предприятиями. Но со становлением промышленности именно эти горизонтальные связи и становятся определяющими для успешного функционирования предприятий. Вся хозяйственная система становится настолько сложной, «ее внутренние связи настолько разветвленными, что их контроль из единого центра становится практически неосуществимым. Кризис планового хозяйства стал стремительно нарастать» [3, с. 32]. Или, другими словами, в новых послесталинских условиях уже сложившейся зрелой экономики «мобилизационная модель управления экономикой, которая работала в период индустриализации страны, исчерпала себя» [4, с. 42].

Причем особо негативным оказался даже не сам факт этого исчерпания, а то, что на смену мобилизационным стимулам и формам организации производства не пришли какие-либо другие сколько-нибудь значимые стимулы и формы организации этого производства. Попытки родить эти новые подходы к управлению производством, расширявшие права регионов и предприятий, внедрявшие систему хозрасчета, бригадных стимулов в организации труда и т. д., предпринимались в послесталинские времена неоднократно – переход на территориальную управляемость производством (система совнархозов) в конце 50-х годов, экономическая реформа А.Н. Косыгина в 60-х годах, внедрение бригадного подряда в 70–80-х годах и т. д., – но в целом сколько-нибудь существенно изменить ситуацию они не смогли. И повсеместно, на всех уровнях организации трудовой деятельности утверждаются прикрываемая все новыми идеологически правильными лозунгами трудовая апатия и отчуждение, нашедшие хорошее отражение в очень популярном в эти годы народном словотворчестве: «инициатива наказуема», «тебе больше всех надо?», «всем все до лампочки», «а нам все равно», «наша хата с краю», «они делают вид, что платят, а мы делаем вид, что работаем» и т. д.

И как прямое следствие этой растущей утраты мотивации к труду – растущая утрата государством реального влияния на выполнение намечаемых планов развития экономики. В 70–80-е годы «корабль экономики фактически потерял управление... Но плановики никак не хотели в этом признаться... стараясь во что бы то ни стало сохранить хотя бы видимость централизованного управления, которого на деле уже не было» [5, с. 115].

И вместе с этим – естественная утрата советской экономикой присущего ей с довоенных лет внутреннего динамизма, высоких темпов роста экономических показателей. «В последние десятилетия существования СССР лишенная внутренних побуждений к росту советская экономика с нарастающей скоростью деградировала, все показатели неизменно ухудшались» [3, с. 70]. Так, например, VIII пятилетка (1966–1970) стала последней более-менее успешной пятилеткой, все последующие пятилетние планы по всем основным показателям оказались сорванными. На смену устойчивому экономическому росту 30–50-х годов приходит не менее устойчивая тенденция теперь уже систематически падающих экономических показателей. И если в 1951–1955-х годах среднегодовые темпы прироста национального дохода СССР выражались в 11,3 %, то уже в 1956–60-х годах они снижаются до 9,4 %, в 1961–1965-х годах – до 6,3 %, в 1971– 1975-х годах – до 5,6 %, а в 80-х годах – даже до 1,5–2,5%. И, если среднегодичный прирост производства в 1961–1970-м годах составлял 8,7 %, то уже в 1971–1975 годах – 7,4 %, в 1976–1980-м – 4,4 %, в 1981–

1985-м году – 3,7 %. Вполне аналогична этому и ситуация с динамикой роста производительности общественного труда: если за 1966–1970-й годы она выросла на 33 %, то за 1971–1975-е годы – на 21 %, за 1976–1980-е и 1981–1985-е годы – лишь на 14 %.

Таким образом, именно в эти 70–80-е годы, которые вскоре получат звонкую характеристику «периода застоя»[1], со всей очевидностью начинает обнаруживаться исторический проигрыш сложившейся в СССР модели социализма в экономическом соревновании с мировым капитализмом. «Страна, прежде энергично догонявшая наиболее развитые страны мира, начала явно сдавать одну позицию за другой» [7, с. 13].

И этот проигрыш со всей очевидностью обнаружил прежде всего главную проблему советского народного хозяйства застойного времени – его быстро растущую экономическую неэффективность. И в основе нее – две сложившиеся за послевоенные годы главные беды экономики СССР. С одной стороны, это становящаяся постоянной преимущественно экстенсивная направленность в развитии производства, знаменитый «вал» как основной показатель успешности экономики. И действительно, по многим количественным показателям экономика СССР выходит в 70–80-е годы на самые первые места в мире, например, в производстве чугуна и стали, многих видов техники, так, например, зерноуборочных комбайнов в СССР производилось, сравнительно с США, в 10 раз больше! Однако по показателям интенсивности производства и его качественным результатам экономика СССР решительно проигрывала Западу. И в очень многом это определялось второй главной бедой советской экономики этого времени – быстро нарастающим технологическим отставанием советского производства. Так, проведенная в начале 1986 г. инвентаризация производственных фондов, т. е. оборудования промышленности, обнаружила, что 21 % всего машинного парка промышленности имел технический износ от 51 до 75 %, 17 % этого парка характеризовались износом в 76–100 % и еще 17 % – техническим износом выше 100 %. При этом та же инвентаризация установила, что лишь 16 % производственных фондов советской промышленности отвечали мировому уровню.

Отсюда – неизбежные следствия сказанного. С одной стороны, устойчивая неконкурентоспособность советской промышленности на мировом рынке. Так, в 80-х годах выпускаемая огромными партиями продукция советского машиностроения конкурентоспособна была лишь на 12 %. И с другой стороны, столь же устойчивое отставание производительности общественного труда. В те же 80-е годы она составляла 72 % итальянской, 60 % японской, 51 % французской, 46 % западногерманской и 38 % американской производительности труда в общественном производстве.

Но особо критическая ситуация с эффективностью производства складывается в сфере сельского хозяйства страны. При средней урожайности зерновых культур в Европе в 46 ц с гектара, а в США – в 45 ц в СССР она держалась в основном на уровне 19 ц с гектара. При среднегодовых надоях в Западной Европе в 4 тыс. л, а в США – в 6500 л в СССР эти надои не превышали 2500 л. Стоит ли тогда удивляться тому, что именно в эти застойные годы страна во все больших масштабах начинает существовать за счет быстро растущего импорта продовольствия. , если в 1972 г. страна ввезла 2,2 млн т зерновых культур, то в 1985 г. уже 45,6 млн т. Импорт мяса и мясопродуктов за те же годы вырос с 165 тыс. т до более 800 тыс. т. В середине 80-х годов страна ежегодно ввозила и порядка 10 млн т животного масла, более 1,5 млн т рыбы и рыбопродуктов и по несколько миллионов тонн сахара. То есть, другими словами, в 80-е годы СССР впервые в своей (и вообще российской) истории

[1] «Я считаю оправданным для характеристики явлений конца 70-х-начала 80-х годов употребление таких терминов, как “застой”, “стагнация”... Можно сказать, что мы находились в предкризисном состоянии» [6, с. 543].

попадает в ситуацию растущей год от года прямой зависимости от поставок продовольствия из-за рубежа.

Во многом растущая технологическая отсталость страны явилась непосредственным следствием развернутой в СССР еще в сталинские годы идеологической кампании по борьбе с новейшими достижениями современного естествознания – молекулярной генетикой, релятивистской физикой, теоретической физиологией и цитологией и особенно с «буржуазной лженаукой кибернетикой». В застойные годы эта идеологическая кампания обернулась прямым игнорированием многих новейших достижений научно-технической революции второй половины XX века. К 80-м годам «мы пропустили компьютерную революцию, пропустили политику ресурсосбережения, пропустили «зеленую» революцию» [8, с. 155]. И, как засвидетельствовал наш печальный исторический опыт, в СССР «производственная сфера оказалась неспособной к освоению достижений НТР. Отсутствовали стимулы к обновлению, к прогрессу и просто к эффективному труду работников производства» [4, с. 42]. Вслушаемс, в этой связи и в горькие слова «отца» советской ядерной энергетики академика А.Д. Сахарова: «В этот период возможности экстенсивного развития хозяйства уже исчерпали себя, а к интенсивному развитию система оказалась неспособной. Технический прогресс не выгоден хозяйственникам, действующим в рамках административно-бюрократической структуры, новинки не внедряются и даже не разрабатываются... Фактически страна все больше выпадает из общемировой научно-технической революции» [9, с. 76].

И наконец, именно в эти 70–80-е годы, утрачивая мировую конкурентоспособность своего промышленного экспорта, страна все активнее садится на «нефтяную иглу», превращая быстрорастущий нефтегазовый и прочий сырьевой экспорт в основной источник своих внешних доходов и главное обеспечение своего быстро растущего продовольственного импорта. И если в 1970 г. доля энергоресурсов составляла в советском экспорте лишь 15 %, то в 1985 г. – 54%. Или в абсолютных цифрах, если экспорт нефти в 1970 г. составил 66,5 млн т, то в 1985 г. он вырос уже до 129 млн т. Экспорт газа за те же годы увеличился с 3,3 млрд куб. м до 41,3 млрд [9, с. 76].

Но вполне определившийся к 80-м годам проигрыш СССР в экономическом соревновании с Западом оказался лишь одним из многих проявлений неудержимого вползания советской модели социализма и ее государственного воплощения – СССР во всесторонний, системный, общий кризис своего существования.

И прежде всего вышеотмеченная утрата положительного динамизма в развитии экономики страны сразу же обусловила и соответствующие потери в росте жизненного уровня советских людей. Если в 50-х годах среднегодовые темпы прироста реальных доходов населения составляли 6,5 %, то уже в 60-е годы они падают до 4,7 %, а в первой половине 80-х годов – вообще до 1,8 %.

Но главным свидетельством быстро растущей деградации всей советской общественной системы становится взрывной рост в 70–80-е годы коррупции на всех этажах партийно-советского и хозяйственного аппарата. Достаточно вспомнить, что только по одному т. н. «узбекскому» (или, иначе, «хлопковому») делу во второй половине 80-х годов было привлечено к уголовной ответственности около 20 тыс. человек, включая и первого секретаря ЦК КПУ, нескольких секретарей обкомов партии, нескольких министров и даже целую коллегию министерства хлопкоперерабатывающей промышленности, ряд милицейских начальников и т. д.

Но, может быть, самым главным проявлением растущего неблагополучия в стране Советов явилась быстро складывающаяся утрата партией полноценного идеологического контроля за широкими массами населения. Изначально родившись еще по итогам очень болезненно воспринятой многими антисталинской компании 50–60-х го-

дов, она становится реальным фактором общественной жизни СССР в 70–80-х годах в связи со вполне очевидным провалом в реализации всех основных лозунгов и обещаний программы КПСС и особенно, естественно, главного из них – построения в СССР коммунизма к 1980-му году. И несомненно, очевидный вклад в эту деидеологизацию страны в последние десятилетия ее существования внесли и родившиеся в это время глобальные СМИ – радио и во многих регионах – телевидение. Причем здесь очень сильно сработала не только их прямая антисоветская направленность, но и простое наглядное воспроизведение ими во многом завидной для советского человека повседневной жизни на Западе.

Прямое следствие этой растущей деидеологизации страны – многоплановые проявления быстро формирующегося инакомыслия и даже прямого социального протеста. Так, в 60–70-х годах по всей стране прокатывается целая волна – около двух десятков – массовых общественных беспорядков, вызванных очень разными социальными обстоятельствами, но в целом отражавших растущее недовольство широких масс населения конкретными условиями своей жизни. В целом ряде городов – в Новочеркасске, Темиртау, Фрунзе, Чимкенте и др. для наведения порядка даже вводились войска, имелись жертвы. В эти же годы рождаются и массовые эмиграционные настроения, в том числе у целых этнических групп населения – немцев, евреев, греков, курдов и т. д. Они реализуются как официально, так и «самотеком» – невозвращением из командировок и туристских поездок, незаконными переходами границы и даже попытками захвата необходимых для этого перехода транспортных средств. Широчайшее распространение получает и т. н. внутренняя эмиграция, т. е. полнейшее идеологическое отчуждение определенных кругов населения от всего исходящего от официальных кругов. Среди городской молодежи распространение и достаточно широкую популярность получает «стиляжничество», массовые группы интеллигенции уходят в решительно осуждаемые сверху музыкальные пристрастия – джаз, рок, диско и т. д., причем ироничное двустишие тех времен – «сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст» – было во многих случаях достаточно близко к истине: симпатии к советскому образу жизни эти круги интеллигенции определенно не обнаруживали.

И, наконец, в отличие от этих неафишируемых форм общественного отчуждения растущую силу с конца 60-х годов обретает т. н. диссидентство, т. е. открытое, демонстративное неприятие советской действительности во всех его многоплановых проявлениях.

И совершенно особое звучание в эти годы приобретает, казалось бы, просто невозможный в стране «дружбы народов» махровый национализм во многих союзных и автономных республиках. Так, в 1986 г. для ликвидации массовых беспорядков в центре г. Алма-Ата, вызванных, страшно сказать, назначением русского на должность первого секретаря ЦК КПК, пришлось даже снова использовать войска.

Таким образом, административно-регулируемая система управления советским обществом, позволившая в 20–50-е годы XX в. превратить СССР во вторую сверхдержаву мира, в последние десятилетия своего существования обнаруживает все более значимые и весомые сбои и нестыковки. И поэтому не вызывает никакого удивления хотя и очень запоздалая, но объективно очень точная констатация в партийных документах кануна перестройки того тревожного факта, что страна оказалась на пороге серьезного кризиса и необходимы энергичные меры по его недопущению. Однако этот «порог», к несчастью для страны, окажется преодоленным за какие-то считанные месяцы, и уже в начале второй половины 80-х годов страна столкнется с сильнейшим непосредственным экономическим кризисом.

Конкретным поводом для него станет многократное падение цен в середине 80-х годов на основной, как мы выше видели, источник финансово-экономического благополучия страны в эти годы – экспортируемые энергоресурсы. И если в 1980 г. за каждый баррель проданной нефти СССР выручал 60–65 долларов, то в 1986 г. – лишь около 10–15 долларов. Соответственно, если еще в 1984 г. данный экспорт принес в страну 13,6 млрд валютных рублей, то в 1986 г. эти доходы упали до 5,5 млрд рублей. Как хорошо известно, такое критическое для экономики СССР развитие событий на мировом рынке нефти было далеко не случайным. Оно отразило специфику нового этапа в послевоенном мировом противостоянии США – СССР, складывающуюся после избрания Р. Рейгана президентом США. Уже на первых шагах своего президентства, Рейган подписывает в ноябре 1982 г. ставшую знаменитой директиву № 66 по обеспечению национальной безопасности США, ставящую перед внешней политикой США прямую задачу обрушения экономики СССР – «империи зла» – путем подрыва ее финансовой основы – сырьевого экспорта. И под сильным американским давлением арабские страны идут на убыточный для них самих шаг – резко увеличивают в середине 80-х годов производство и экспорт нефти.

И надо признать, что этой операцией Р. Рейган и его команда попадают в «яблочко». Ибо действительно при «падении цен на сырье выясняется, что те же объемы производства и экспорта не позволяют обеспечить приток конвертируемой валюты, к которому национальная экономика привыкла. Приходится в крупных масштабах сокращать импорт, производство товаров, зависящих от поставок комплектующих и материалов из-за рубежа, снижать объемы экономической деятельности и отказываться от устоявшегося уровня потребления» [2, с. 209].

Но беда, как известно, в одиночку не ходит. Именно в эти критические для советской экономики годы в прямой связи с неудачными попытками реформировать управление экономикой происходит впервые в мирной истории страны прямое падение уровня самого производства. Так, добыча угля сокращается с 477 млн т в 1980 г. до 440 млн т в 1985 г., производство металлорежущих станков в те же годы падает с 257 тыс. штук до 218 тысяч и т. д.

Как закономерное следствие всех этих неурядиц в экономике – рождение быстро обостряющегося дефицита основных потребительских товаров, превращающегося к концу 80-х годов в подлинное бедствие для населения страны.

Библиографический список

1. Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ 25.04.2005 г. // Российская газета. 2005. 26 апреля.

2. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., РОССПЭН, 2006, 448 с.

3. Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.

4. Красин Ю. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. М.: ИСРАН, 2009. 496 с.

5. Попов В., Шмелев Н. Великий плановый эксперимент // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991. 704 с.

6. Абалкин Л.И. Избр. пр. Т. 2. М.: Экономика, 2000, 910 с.

7. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988. 270 с.

8. Абалкин Л. Перестройка на весах истории // Эко. 2006. № 9.

9. Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. Л.: Советский писатель, 1990. 128 с.

10. Горбачев М.С. Собр. соч. Т. 2, 3, 5. М.: Весь мир, 2008.

E.F. Molevich*

SOCIAL REVOLUTION IN RUSSIA IN THE LATE 90-IES OF THE XX CENTURY

This article investigates the causes and nature of fundamental social changes in Russia in the late 80-ies and 90-ies of the XX century.

Key words: systemic crisis of Soviet socialist society, restructuring, social revolution.

* *Molevich Evgeniy Fomich* (emolevich@mail.ru), the Dept. of Sociology and Political Science, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 316

Н.П. Щукина*

ПОТЕНЦИАЛ И ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ**

В данной статье сфокусировано внимание на ролевом репертуаре органических публичных социологов, который проблематизирован в контексте практик участия в публичных слушаниях по региональному бюджету.

Ключевые слова: публичные социологи, социальное программирование, посредничество, общественная экспертиза, диалог.

В отечественной социологии обсуждается широкий спектр проблем, связанных с участием профессионального сообщества в процессах модернизации страны в целом, социальной сферы в частности. Наблюдается растущее осознание роли экспертной деятельности в принятии управленческих решений, что нашло отражение как в законодательных актах, решениях Счетной палаты РФ, так и в ряде научных и методических текстов, включая семинары Института социологии РАН [1–4]. При переходе на стратегическое планирование именно программно-целевое управление становится необходимым условием повышения научной обоснованности данного процесса. Подчеркнем, что, согласно Бюджетному кодексу РФ, ежегодно региональными министерствами проводятся общественные слушания по расходованию бюджетных средств, включая финансирование реализуемых программ. В фокусе нашего внимания именно данные практики в аспекте участия в них публичных социологов.

В силу дискуссионности вопроса о сути публичной социологии, определяясь со своей ролью на поле региональной социальной политики, обозначим ряд принципиальных, на наш взгляд, позиций. Подчеркнем, что мы ведем речь об органических публичных социологах, придерживаясь типологизации социологического знания М. Буравого. Такой фокус внимания обусловлен нашими практиками взаимодействия с властью и общественностью на поле региональной социальной политики периода 2010–2013 гг.[1] Разумеется, М. Буравой не первый из социологов ведет речь о разнообразии социологического знания. Еще основатель первой в мире университетской кафедры социологии А. Смолл подразделял социологов на типы от г*енерализующих*, занятых самыми широкими обобщениями, *до заинтересованных в каких-то насущных конкретных улучшениях,* например в образовании, благотворительности, и выбирающих для приложения своих усилий *какую-то определённую область практической деятельности* [5, с. 5]. И наша задача – воспользуемся призывом А. Смолла –

* © Щукина Н.П., 2013

Щукина Нина Петровна (nina_shukina@mail.ru), кафедра социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Работа над данной статьей выполнена по гранту в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение № 14.B 37.21.0024.

[1] Речь идет о нашем участии в качестве общественного эксперта по бюджетным расходам региональных министерств здравоохранения, образования и науки, а также социально-демографической и семейной политики.

«*работать согласно нашим же собственным научным стандартам и заставить качество нашей работы говорить само за себя, помогая отличать социологию от подделок под нее*» [5, с. 7]. П. Сорокин – один из первых публичных социологов – вполне в соответствии с проектом М. Буравого выделяет в социологическом знании *публичную социологию* наряду с *профессиональной, критической и практической* [6]. Сегодня на переднем крае публичной социологии работают такие ученые, как Ф.В. Найден, Л.Х. Хосфельд, анализируя ее влияние на государственную политику. Кстати сказать, Ф.В. Найден [7] в ходе реализации ряда проектов сыграл значимую роль в улучшении доступа к качественному и доступному жилью в местном сообществе различных социальных групп, включая молодежь. В проектах ученого исследовательские группы включали в себя преподавателей, аспирантов, студентов, а также партнеров из местных сообществ [8]. В свою очередь, Л.Х. Хосфельд провела ряд активистских исследований сельской бедности, результаты которых презентованы в Конгрессе США и на других политических площадках [9]. Иными словами, свою цель публичные социологи видят в «*продвижении результатов социологических исследований и практики для дальнейшего общественного обсуждения, а также в содействии применения социологического знания в государственной политике*» [10]. Наряду с этим целый ряд отечественных социологов активно представлен на таких полях, как СМИ, разного рода дискуссионные площадки, создаваемых в ходе обсуждения ключевых политических документов, включая стратегии и концепции социального развития, а также бюджетный процесс. На поле социологии в разное время в зависимости от различных факторов могут доминировать разные типы социологического знания. Так, в нашей стране долгое время доминировала *прикладная социология*, в США – *профессиональная*, а в переходных обществах, каковым сегодня и является Россия, все большее пространство занимает публичная социология [11]. Более того, в ходе жизнедеятельности социолог нередко перемещается внутри этой матрицы по траекториям, заданным как карьерой, так и более широким контекстом политических и экономических преобразований. В нашем случае такими преобразованиями являются реформирование социальной сферы, включение общественности в экспертизу данного процесса в аспекте его эффективности. Публичные социологи закрепляют свои позиции именно на поле социальной политики – *практической социологии,* объектом которой и выступает социальная сфера[2]. Кстати сказать, в новых нормативных документах фокусируется внимание на необходимости *более широкого вовлечения общественности в оценку расходования бюджетных средств, в оценку эффективности таких расходов* [9]. В этой связи происходит становление института общественной экспертизы, актуализируется вопрос о роли публичных социологов в его деятельности. Толчком к такому взаимодействию публичных социологов с властью и общественностью именно на поле публичных слушаний (далее – ПС) послужили изменения, внесенные в Бюджетный кодекс РФ, в результате ежегодно – весной и осенью – на поле ПС и осуществляется общественная экспертиза реализуемых в регионах программ [12].

Подчеркнем значимость и условность выделения публичной социологии в системе социологического знания. С одной стороны, по мере развития этого знания возникает необходимость его типологизации, с другой – не менее важно понимание условности любой *типологизации.* Прибегая к использованию данного метода, важно иметь в виду, что типология – лишь инструмент, нацеливающий специалиста на выяснение целого комплекса относящихся к социологическому знанию факторов; типология определяет восприятие социологического знания и действий, предпринимаемых для его изучения; она – средство для выяснения типичных характеристик, общих для изуча-

[2] Так определил в свое время П. Сорокин социальную политику.

емого объекта, не более того. Отсюда любая типология не просто условна, она – своего рода ярлык, которому присуща явная однозначность, тогда как социологическому знанию, как и носителям его, свойственна многозначность [13]. Вместе с тем типология – серьезный инструмент анализа накопленного опыта, без которого фактически невозможно обойтись, обобщая разнообразные практики социологии. В силу сказанного с определенной степенью условности к органической публичной социологии будем относить ту, которая наряду с традиционной *являет собой* рефлексивную социологию и устремлена во внеакадемические среды. При этом, в отличие от традиционных, органические *публичные социологи* работают в тесной связи с видимым, активным местным и зачастую протестным сообществом, контрпубликой. Они фокусируют внимание на потенциале, имеющемся у общественности в деле решения разного рода социальных проблем, с одной стороны, с другой – стимулируют власть к разумным действиям. Словом, в случае с органической публичной социологией следует обратить внимание на такие функции социологов, как *активизация общественности*[3], стимулирование власти к сотрудничеству с ней, насколько это возможно. Кстати сказать, общественность понимается нами как группа людей, при определенных обстоятельствах сплотившихся вокруг конкретных общих интересов или переживаний. Это могут быть окрестные жители, потребители социальных услуг, члены и руководители общественных организаций, работники СМИ и т. д.[4] В нашем случае – это активные граждане, заинтересованные в участии по оценке расходования бюджетных средств региональными министерствами и приходящие на публичные слушания по данному вопросу. Иными словами, это группа, формируемая на основе признания недостаточной эффективности регионального бюджета. Причем без общения между собой такая группа может остаться бесформенной тенью, сосредоточивающейся на химерах, а не на сути дела [14]. Подчеркнем, что такое общение связано с рядом трудностей, и не только потому, что общественность невероятно пестра и по возрастному составу, и по приоритетам, мотивам участия в публичных слушаниях и т. д., но и в силу того, что важнейшей составляющей общественности является отдельный человек как многогранная и многофункциональная личность.

Иными словами, каждая личность одновременно принадлежит к разнообразным группам общественности и, вероятно, мало кто жаждет быть «общественностью вообще». Отсюда задача публичных социологов в том, чтобы как можно точнее идентифицировать, определить особенности данной общественности, ее состава и приоритетов. Иначе могут возникнуть серьезные проблемы, и не только связанные с языком общения.

Другая проблема, обусловленная взаимодействием социологов с обоими субъектами публичных слушаний – властью и общественностью – это исповедуемая система ценностей. Она не может быть идентичной, но может включать в себя сходные интересы изучаемых акторов: заинтересованность в эффективности расходования бюджетных средств. Но и такая постановка вопроса порождает новый вопрос: какой моделью эффективности расходования бюджетных средств в данном случае воспользоваться? С одной стороны, в практике публичных слушаний сегодня используется целый ряд методических рекомендаций, других официальных административных текстов, фактически снимающих поставленный выше вопрос, с другой – факты не говорят сами за себя, они интерпретируются нами в соответствии с нашими приоритетами. К тому же ни в одном официальном тексте невозможно предусмотреть все то,

---

[3] Рост самостоятельности, независимости, опора на собственные ресурсы.

[4] В основе данного – ситуативного подхода к определению общественности – философия американского ученого Д. Дьюи.

с чем сталкиваются люди, осуществляя свою деятельность, целый ряд вопросов в этой связи остается на усмотрение субъектов оценочной деятельности.

Продолжая анализ проблемного поля, с которым сталкиваются органические публичные социологи, подчеркнем, что для нас важнейшая ценность – наличие/отсутствие диалога власти и общественности на поле бюджетного процесса, уже в силу того, что необходимость и значимость его развития продекларированы властью на разных уровнях, социологами с самых высоких трибун [15], да и общественность ведет речь о необходимости и значимости такой коммуникации. Но тогда возникают такие вопросы, как кто несет ответственность за установление этого диалога и возможен ли он в принципе в стране с низким уровнем доверия; как устанавливать диалог в ситуации, когда общественность достаточно пестра, да и социологов воспринимают она и власть определенным – не идентичным – образом. Если профессионалам понятна невозможность *единой социологии* [16], то общественность, напротив, исходит из единства социологической науки. Общественность, как, впрочем, и власть, ждет «мнения социологов». Но говорить от лица всех социологов трудно и рискованно. Иными словами, существует серьезная проблема презентации социологии, ее результатов общественности [17]. В решении/смягчении этой проблемы в аспекте ведения диалога с общественностью представляется значимым понимание коммуникации акторов ПС как процесса взаимного обучения. Вопрос, насколько власть и общественность замотивированы на такое взаимообучение, остается открытым. В свою очередь, именно органические публичные социологи призваны взять на вооружение данную функцию в силу специфики своей деятельности, но и такое положение дел ставит их перед новым вопросом: располагают ли публичные социологи авторитетом, необходимым и достаточным для того, чтобы повести за собой общественность, стимулируя параллельно и власть к взаимообучению?

Существует и проблема *согласования прав общественности и обязанностей власти*, региональных министерств в том числе[5]. Кто будет нести ответственность за решение данной проблемы? Определенное преломление данной проблемы наблюдалось на итоговых публичных слушаниях весной 2012 г., когда ГРБС[6] фактически возложили на общественных экспертов отсутствие в зале представителей религиозных организаций.

Словом, перечень вопросов, с которыми неизбежно сталкивается публичный социолог, участвуя во взаимодействии с властью и общественностью, внушителен. Причем, каким бы ни было знание таких вопросов, встающих перед ним, он всегда будет сталкиваться с подобными проблемами, поскольку многое в их решении отводится на усмотрение данного актора. Отсюда значимость постоянной саморефлексии социолога по поводу соответствующих проблем, являющаяся своего рода их профилактикой.

Пожалуй, основной риск, с которым сталкивается публичный социолог, –популизм. В предупреждении такого риска, как и осуществлении миссии органической публичной социологии в целом, значимую роль призвано сыграть ее посредничество во взаимодействии с властью и общественностью. Действительно, если публичный социолог стремится выстраивать отношения диалога, направленные на решение ключевых социальных проблем, то его *посредничество* должно быть двуединой направленности: на общественность и на власть, без участия в осуществлении которой общественности невозможно решение этих ключевых проблем. Так, если обществен-

---

[5] В нашем тексте сфокусировано внимание на таких региональных министерствах, как здравоохранения, образования и науки, а также социально-демографической и семейной политики, практики взаимодействия с которыми публичных социологов и обобщены в данной статье.

[6] ГРБС – главный распорядитель бюджетных средств.

ность не поддерживает, например, введение платных начал в развитие сферы социального обслуживания, то и эффект этого преобразования остается тормозом реформирования системы социальной защиты населения. При этом основная функция посредничества – помочь взаимодействующим на поле социальной политики субъектам – власти и общественности – в осуществлении выбора: как взаимодействовать друг с другом, на какие темы, с какими целями, в ожидании каких результатов и т. п. Посредник – не принимает решений, а помогает в этом взаимодействующим сторонам, информируя их о сути происходящего посредством актуализации социологического знания на заданную тему. Используя язык, доступный власти и обществу, публичный социолог способствует расширению видения властью и общественностью анализируемой ими ситуации. Иными словами, посредничество не просто стимулирует рост ответственности данных субъектов за принимаемые ими решения, но и способствует возрастанию их роли в решаемых таким образом задачах.

Наряду со сказанным выше публичный социолог активно использует и технологию общественной экспертизы на анализируемом поле бюджетного процесса. Отсюда – проблема совмещения формально не совместимых посредничества и экспертизы, отводящих социологу разные роли. В первом случае он лишь помощник, посредник, во втором – ключевая фигура, знающая, что делать и как. Остановимся несколько на специфике общественной экспертизы – экспертных заключений, даваемых публичными социологами на поле ПС. Здесь существует серьезная проблема отличий этих текстов от текстов общественных экспертов, не являющихся социологами. Действительно, по закону[7] общественными экспертами могут быть представители общественных объединений прежде всего, как, впрочем, и не входящие в них граждане, заинтересованные в таком взаимодействии с властью [18]. В этой связи в региональных практиках накоплен определенный опыт обучения новичков соответствующей экспертной деятельности в рамках школ социально ориентированных НКО [18]. К отличительным особенностям экспертных заключений, даваемых публичными социологами, отнесем в первую очередь то, что они базируются на социологическом знании. Социолог, наделенный социологическим мышлением, способен критично оценивать реальные действия властей. «Вставая» между социумом и властью, он доводит до сознания общества то, что предпринимает власть, помогая последней в организации социальной экспертизы, в нашем случае региональных социальных программ, бюджетных расходов в целом. В этой связи важно такое написание экспертного заключения, которое не ошарашивает власть на каждом шагу своими оценками и выводами, но последовательно и доказательно убеждает в полезности для нее такого участия социологов в делах государственных [19]. Разумеется, эта задача невероятно сложная. Решение ее требует времени, множества других ресурсов, включая и то, что власть, со своей стороны, должна относиться к социологии уважительно и терпимо [19].

Таким образом, все общественные эксперты дают свои заключения, но методологические основания последних разнятся. Сфокусируем внимание на том, что объединяет экспертные заключения публичных социологов, других общественных экспертов, взаимодействующих с ними на поле ПС. Прежде всего это цель общественной экспертизы – установление соответствия, в нашем случае бюджетных расходов, социальным интересам граждан и задачам социальной политики, а также формирование предложений по достижению этого соответствия [20]. Такая экспертиза не может быть безбрежной по целям и задачам, иначе ее проведение потеряет практический смысл. В этой связи в экспертном сообществе Самарского региона, например, разработан и применяется определенный формат написания экспертных заключений.

[7] См., например, Бюджетный кодекс РФ.

Не менее важно обратить внимание и на принципы – назовем общие, лежащие в основе экспертизы: *независимость, гласность, авторство, невмешательство*. Подчеркнем, что эксперты имеют своей задачей только *формирование экспертного заключения* и не могут вмешиваться в действия в нашем случае ГРБС по принятию решений. Вместе с тем такое заключение – инструмент активизации общественности.

Специальные принципы общественной экспертизы зависят от избранной модели экспертной деятельности. Заметим, что к типичным моделям соответствующей деятельности принято относить *рецензию, мониторинг, проект*. Наконец, *методы социальной экспертизы* тоже разнятся. Выбор их зависит не только от цели и принципов экспертизы, но и от приоритетов экспертов. Тем не менее назовем типичные методы для практик ПС: *анализ документов, вторичный анализ, ситуационный анализ, мозговая атака*.

Словом, анализ только посредничества и общественной экспертизы как ключевых способов участия публичных социологов в ПС позволяет заключить, что от социолога требуется умение совмещать «несовмещаемое», быть искусным мастером в соответствующей деятельности. Действительно, публичные социологи сталкиваются с целым рядом дилемм на поле ПС: посредник или эксперт, консультант или советчик, контролер или социальный реформатор и т. д.

Серьезным ресурсом, помогающим не сгореть публичному социологу на таком сложном поле, разумеется, наряду с постоянной работой над собой, саморефлексией, является юмор. Кстати сказать, сегодня вышло в свет немало книг – профессиональных анекдотов [21–22], которые могли бы стать хорошим подспорьем в плане профилактики синдрома профессионального выгорания, в том числе в размышлениях публичных социологов о том, что их бесплатно удерживает на поле публичных слушаний[8].

Разумеется, органическая публичная социология – не панацея от всех бед. Процветание социологии зависит от сосуществования в относительной автономии всех типов социологического знания, названных выше, наряду с анализируемой нами органической публичной социологией, дающих «*импульсы и стимулы друг другу*» [23].

Сказанное выше относительно потенциала и проблемного поля публичных социологов, включенных в ПС, – лишь один из срезов описания этого поля, базирующийся на нашем включенном наблюдении за данным процессом периода 2010–2013 гг. Данный текст, повторим это вновь, основан на наших практиках взаимодействия с властью и общественностью на поле региональной социальной политики. Поэтому те дилеммы, с которыми сталкивается публичный социолог на этом поле, мы интерпретировали и изложили в соответствии с нашим опытом. Тем не менее, видимо, существует определенное согласие среди акторов социальной политики относительно целого ряда проблем, включая следующие:

– диалог власти и общественности во многом продолжает носить декларативный характер;

– диалогу важно учиться всем взаимодействующим на поле социальной политики сторонам; однако эта тема фактически вне внимания разного рода курсов повышения квалификации, круглых столов, семинаров, проводимых на разных уровнях;

– наконец, важно определиться с моделью социальной политики, утверждаемой в современном российском обществе, насколько она соответствует декларированию необходимости развития диалога власти и общественности.

---

[8] Речь идет о публичных слушаниях по региональному бюджету дважды в год организуемых в соответствии с Бюджетным кодексом РФ.

Несмотря на сказанное выше, сам факт написания данной статьи – свидетельство наличия такого диалога. Другое дело, каков уровень и характер этого диалога. И если у уважаемого читателя возникло желание высказать свою точку зрения по обозначенным в данном тексте вопросам, вступить с нами в дискуссию, считаем стоящую перед нами задачу выполненной.

Библиографический список

1. ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ». URL: http://duma.tomsk.ru/page/16909.

2. Джасаноф Ш. Об ответственности экспертизы // Социальные и гуманитарные науки. Серия 8. «Науковедение». 2005. № 2. С. 24–29.

3. Горбатова А. Наука, общество и государство глазами социологов. URL: http://www.strf.ru/organization.aspx?CatalogId=221&d_no=30170.

4. Участие граждан в региональной политике и местном самоуправлении. Ресурсы для развития: межрегиональная экспертно-методическая конференция. Самара. 2010 г. URL: http://www.povolzje.ru/main/events64.php.

5. Смолл А. Что такое социолог? // Социологическое обозрение. Т. 8. № 1. С. 5.

6. Джеффрис В. Научная система публичной социологии: на примере социальной мысли П. Сорокина // Питирим Сорокин: Новые материалы к научной биографии: сб. науч.тр. / РАН. ИНИОН; отв.ред. Д.В. Ефременко, П.П. Кротов. М., 2012. С. 226.

7. Ф. Найден – Президент секции социологической практики и публичной социологии Американской социологической ассоциации. URL: http://www.asanet.org/sections/SPPS.cfm.

8. Public Sociology: Research, Action, and Change / Philip W. Nyden, Leslie H. Hossfeld. 2011. 336 p.

9. American Sociological Association: Section on Sociological Practice and Public Sociology. URL: http://www.asanet.org/sections/SPPS.cfm.

10. Управление государственными финансами. Государственная программа. URL: http://www.gosprogrammy.gov.ru/Main/Start.

11. Буравой М. Приживется ли «публичная социология» в России? URL: http://www.soclabo.org/rus/journal/5/5/vers/46.

12 Закон «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Самарской области». URL: http://www.garant.ru/hotlaw/samara/433644.

13. Нортен Х. Социальный диагноз // Энциклопедия социальной работы: в 3 т. / пер. с англ. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1993. Т. 1. С. 287.

14. Dewey John. The Public and its Problems. N.Y., 1927. P. 15–17.

15. Выступление М.К. Горшкова, др. социологов с трибуны IV Всероссийского социологического конгресса (февраль 2013 г.). URL: http://all-russia-sc.ru.

16. Штомпка П. Много социологий для одного мира // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 13–23.

17. Зименкова Т.В. Слияние публичной социологии и Policy Sociology: новая цель социологической профессионализации? // Laboratorium. 2009. № 1. С. 177–178.

18. Социально ориентированные НКО Самарской области. Взаимодействие социально ориентированных НКО и власти. URL: http://songo63.ru/index.php/2012-10-18-10-07-42.

19. Горшков М.С. Российская социология: между обществом и властью. Неюбилейные тезисы в связи с юбилеем // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 19–22.

20. Луков В.А. Социальная экспертиза. М.: Институт молодежи, 1996. С. 6–8.

21. Паркин М. Сказки для управления изменениями. Как использовать сказки для развития людей и организаций. М.: Добрая книга, 2005. 240 с.

22. Тренкле Б. Учебник псиХО-ХО-терапии: Вполне серьезные анекдоты. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 128 с.

23. Буравой М. За публичную социологию // Общественная роль социологии / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 8–51.

N.P. Shchukina*

POTENTIAL AND PROBLEM FIELD OF PUBLIC SOCIOLOGY IN THE INTERACTION WITH POWER AND SOCIETY

The author of the article, with the consideration of her experience, is focusing her attention on the role repertoire of public sociologists in the contest of practices of participation of public hearings on the topic of regional budget.

Key words: public sociologists, public hearings, social programming, intermediary, social expertise, dialog.

* *Shchukina Nina Petrovna* (nina_shukina@mail.ru), the Dept. of Sociology of Social Sphere and Demography, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 316.4

Н.В. Авдошина*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ СЛУШАНИЙ**

В статье рассматриваются возможности социологического анализа взаимодействия субъектов общественных слушаний. В качестве технологии изучения такого взаимодействия предлагается мониторинг удовлетворенности участников общественных слушаний их результатами.

Ключевые слова: социологический анализ, взаимодействие, субъекты общественных слушаний.

Одной из форм непосредственной демократии в России, обеспечивающей участие населения в управлении общественными и государственными делами, закрепленной в федеральном законодательстве, нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, муниципальных правовых актах, являются общественные (публичные) слушания. Появление данного конституционного правового института обусловлено развитием общественных отношений, возникающих по поводу участия населения в управлении общественными и государственными делами.

Общественные слушания являются конституционно-правовым институтом участия населения публично-территориальных образований в осуществлении публично-властных функций путем открытого непосредственного обсуждения органами власти и гражданами проектов правовых актов и других общественно значимых проблем и вынесения по ним рекомендаций, обязательных для учета компетентными органами власти при принятии соответствующих решений.

Общественные слушания представляют собой систему отношений, структурными элементами которой являются:

– объект слушаний (общественные отношения, регулируемые органом, которому адресуются рекомендации, принимаемые в ходе публичных слушаний);

– предмет слушаний (вопросы и проекты правовых актов, выносимые на слушания);

– субъекты слушаний (инициаторы слушаний, организаторы их проведения и участники);

– адресат слушаний (орган власти, принимающий решение по обсуждаемому на публичных слушаниях вопросу).

Результаты общественных слушаний, замечания и предложения их участников учитываются органами власти при принятии решения об утверждении, а также при разработке плана реализации соответствующих схем и проектов. Проведение общественных слушаний возможно по любому проекту, затрагивающему интересы общества. Общественные слушания максимально эффективны, когда высказываются точки зрения всех заинтересованных групп и когда обсуждение проходит в обстановке взаимного доверия.

---

* © Авдошина Н.В., 2013

Авдошина Наталья Владимировна (natalsun@samaramail.ru), кафедра социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Статья выполнена по гранту в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение № 14.B 37.21.0024.

Общественное участие в публичных слушаниях – достаточно сложный процесс, оказывающий влияние как на общественность, так и на представителей власти. Общественное участие необходимо как населению, так и государству, поскольку, с одной стороны:

– участие общественности в принятии решений приносит пользу в первую очередь ей самой, потому что этот процесс увеличивает шансы того, что интересы населения будут приняты во внимание;

– общественное участие делает людей более независимыми, помогает гражданам влиять на условия своей жизни;

с другой стороны:

– население лучше, чем представители власти, знает условия и проблемы своей жизни. Помочь ему поделиться этими знаниями – значит, сделать первый шаг к разработке эффективной политики в конкретной ситуации и в конкретных обстоятельствах.

– вовлечение общественности необходимо для того, чтобы не упустить важные экономические, социальные и другие последствия планируемых действий;

– действия властей будут намного успешнее, если они осуществляются после консультаций с общественностью; предоставляя общественности возможность влиять на выработку решений, органы власти уменьшают шансы возникновения оппозиции своим планам и действиям;

– люди сопротивляются изменениям, если они не понимают или не соглашаются с их целями, методами или временем проведения. Держать общественность в неведении – это верный путь к провалу;

– участие общественности в принятии решений повышает ответственность людей за одобренные проекты.

Общественные слушания можно считать весьма демократической формой участия, обладающей значительным потенциалом согласования интересов различных социальных групп, обеспечения легитимности принимаемых властью решений, гармонизации процессов общественного развития в целом. Вместе с тем слушания не лишены недостатков и не застрахованы от злоупотреблений, использования различными силами в собственных узких интересах, что может приводить к усложнению процессов принятия решений, провоцированию конфликтов, социального недоверия, отчуждения и другим негативным для общества последствиям.

Возможно вычленение трех основных моделей реализации публичных слушаний:

– публичные слушания, реализуемые по инициативе населения;

– публичные слушания, реализуемые по инициативе управляющих субъектов;

– обязательные (автоматические) публичные слушания.

Сопоставление этих моделей, а также анализ опыта реализации публичных слушаний в Российской Федерации и зарубежных странах показывает, что основными направлениями развития института публичных слушаний, желательными для России, являются:

1) обеспечение условий для более активного участия населения в реализации публичных слушаний, упрощение порядка их проведения по инициативе граждан;

2) постепенное расширение круга вопросов, которые выносятся на публичные слушания по инициативе как органов власти, так и населения;

3) переход от системы редких, организуемых исключительно в обязательном порядке публичных слушаний к системе периодического проведения слушаний по наиболее значимым общественным вопросам;

4) расширение количественного состава участников публичных слушаний и привлечение к участию в слушаниях представителей различных социальных групп, которые можно считать выразителями мнений и воли всего населения;

5) достижение возможности организации публичных слушаний независимо от размеров публично-территориального образования и численности граждан, проживающих в нем;

6) введение норм, ограничивающих возможности органов власти препятствовать проведению публичных слушаний, а также норм, обеспечивающих независимость процесса обсуждения в ходе публичных слушаний от влияния управляющих субъектов;

7) применение в ходе реализации публичных слушаний методов социального проектирования с использованием случайной выборки представителей населения с учетом пола, возраста, образования, места проживания и других показателей [1].

Для повышения эффективности общественных слушаний необходим социологический анализ взаимодействия субъектов этого мероприятия, их удовлетворенности результатами слушаний. Такой анализ целесообразно осуществлять в режиме мониторинга, что позволит оценить динамику удовлетворенности участников слушаний их результатами.

В данном случае мониторинг определяется не в традиционном смысле как «чисто» количественный метод, а как метод сбора качественной информации. Мониторинг – это технология, включающая в себя такие методы, как «наблюдение, сбор, систематизацию и обобщение информации об изучаемом объекте». Само такое определение мониторинга предполагает проведение его в рамках количественной методологии, что традиционно и делается, но и наряду с этим качественной методологии. Действительно, наблюдение, сбор и систематизация данных могут носить как количественный, так и качественный характер.

Основным методами сбора информации в рамках такого мониторинга может служить полуформализованное интервью с участниками слушаний – представителями общественности и представителями органов власти. Анализ полученной информации позволит выявить ключевые проблемы в организации и проведении слушаний, решение которых будет способствовать повышению их эффективности в последующем.

Библиографический список

1. Очеретина М.А. Понятие и структурный анализ института публичных слушаний как формы участия населения в осуществлении публичной власти // Российская юстиция. 2008. № 6. С. 31–33.

N.V. Avdoshina*

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF INTERACTION OF PARTICIPANTS OF PUBLIC HEARINGS

Possibility of sociological analysis of interaction of participants of public hearings is considered in the article. As a research technology for study of such interaction a monitoring of satisfaction of participants of public hearings by the results of hearings is suggested.

Key words: sociological analysis, interaction, participants of public hearings.

* *Avdoshina Natalia Vladimirovna* (natalsun@samaramail.ru), the Dept. of Sociology of Social Sphere and Demography, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 316.454.3

Б.А. Никитина*

ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЕ СТОРОНЫ И ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНОМ КОНСТРУИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ**

В статье рассматривается понятие «стейкхолдеры» и история его появления в социологическом дискурсе. Указывается на существование политологического, социокультурного, прикладного экономического и социетального уровней анализа заинтересованных сторон. Базируясь на нобелевской теории Э. Остром о принципиальной возможности сбалансированного коллективного природопользования, указывается на ограничения, которые накладывает существующая в современной России ситуация на развитие практической самоидентификации заинтересованных сторон, их консолидации, а также на характер их деятельности.

Ключевые слова: заинтересованные стороны, группы интересов, группы мнений, стейкхолдеры, артикуляция интересов, идентификация стейкхолдеров, общественно-групповые отношения.

Термин «стейкхолдеры», активно используемый англоязычными инвайронментальными социологами как синоним выражения «заинтересованные стороны», в российской социологии пока используется крайне редко. Причинами этого, на наш взгляд, является вовсе не языковой барьер, а гораздо более важное обстоятельство – уровень развития демократических институтов в современном российском обществе. Чтобы обосновать данное утверждение, рассмотрим более пристально разнообразные варианты использования понятий, близких по смыслу к термину «стейкхолдеры», начиная с работ зарубежных авторов.

Понятие «заинтересованные стороны» активно изучается политологами уже с начала XX века. Родоначальником близкого по смыслу социального понятия «группа интересов» называют А. Бентли, который впервые обозначил эти группы в своей книге «Процесс правления. Изучение общественных давлений», вышедшей в 1908 г. И хотя в ней он концентрировал внимание прежде всего на процессе влияния различных социальных групп на государственную политику, сам принцип исследования общественно-групповых отношений как сферы влияния на принятие социально значимых решений вне зависимости от их уровня был заложен уже тогда. С тех пор в политологии, помимо политических партий, выделяют и группы интересов[1], отличием которых от партий является их нежелание непосредственного вмешательства в

* © Никитина Б.А., 2013

Никитина Бэла Анатольевна (belanik@yandex.ru), кафедра социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Статья написана при поддержке гранта в форме субсидии в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, соглашение № 14.B 37.21.0024.

[1] Отметим, что сам термин «стейкхолдеры» в политологических исследованиях не фигурирует, уступая место таким терминам, как «группы давления», «группы интересов», «заинтересованные группы».

политику. По мнению большинства политологов [1–6], группы интересов – это фактически «пред-партии», то есть политически значимые субъекты, отчетливо лоббирующие свои интересы. Эти группы уже в состоянии агрегировать и артикулировать свои интересы, то есть преобразовать социальные чувства, эмоции, ожидания своей группы в рационально сформулированные политические требования [7]. Некоторые политологи даже считают, что группы интересов фактически являются «группами давления», действующими «извне», в отличие от политических партий, действующих «изнутри», при этом, даже если они не регистрируют своих членов, они гораздо лучше организованы, чем общественные движения [8]. Так или иначе, в политологии группы интересов представляются саморефлексирующим, т. е. осознающим собственное существование, актором, значит, реально существующими группами.

Помимо жесткого определения заинтересованных сторон как реальных групп, существует и иной взгляд на сущность стейкхолдеров как групп номинальных, существование которых может обнаружить лишь взгляд исследователя. Тот факт, что группы интересов являются более широким явлением, нежели формализованные группы политического давления, был впервые представлен в исследованиях западных ученых, что неудивительно, в силу большей свободы для возникновения неформальных общественных ассоциаций. Возникнув на более благоприятной демократической социальной почве, этот исследовательский конструкт позволил разглядеть зарубежным социологам существование заинтересованных групп даже в СССР, в котором, по мнению марксистских обществоведов, никаких социальных интересов, кроме классовых, и быть не могло. Так, в своей работе 1971 г. Г. Скиллинг и Ф. Гриффитс указали на существование в Советской России групп мнений («opinion groups»), оказывающих мягкое и косвенное, но все же ощутимое влияние на процессы принятия решений [9]. Думается, что при расширении исследовательского горизонта можно было бы обнаружить и иные группы интересов, приравнивая их к понятию «группы мнений». Близким к этой интерпретации «групп интересов» является взгляд Н.И. Лапина, который отмечает, что «политическая активность – лишь одно из направлений активности группы интересов. Другое ее направление заключается в воздействии на компоненты гражданского общества: на его социальную структуру и процессы, на его культуру, прежде всего на сознаваемые гражданами цели и способы их собственных действий и взаимодействий с другими индивидами ради осуществления своих интересов. Иными словами, мы полагаем правомерным понимать группу интересов шире, чем это принято в политической науке: не только как субъект политической жизни, но и как социокультурную ячейку гражданского общества» [10, с. 16].

Понимая группу интересов не только как стабильную структуру, а и как динамичное поле взаимодействий личностей, возникающее в связи с наличием у них общих интересов, Н.И. Лапин подчеркивает, что, несмотря на «мягкость» этих взаимодействий, они активно изменяют среду и те самые обстоятельства, которые стали причиной возникновения активности. Группы интересов также уподобляются им определенной «сети интересов», выражающей «жизненные шансы индивидов, возможности расширить их доступ к ресурсам, выйти за ставшие тесными пределы нынешних статусов» [10, с. 19].

Несколько в ином ключе рассматриваются стейкхолдеры при изучении вопросов стратегического бизнес-менеджмента, гуру которого, работающие в рамках неоинституционализма, активно изучают потенциал влияния «экономически маловлиятельных» групп населения на деятельность корпораций. Особую популярность концепции заинтересованных сторон получила свою популярность после выхода в 1984 году книги Фримана «Стратегический менеджмент: заинтересованные стороны» [11], где подчеркивается необходимость учета более широкого спектра интересов при определении стратегии развития корпорации с тем, чтобы осознавались интересы тех номи-

нальных или реальных групп, которые испытывают влияние от ее коммерческой деятельности, но не могут его оказать, в свою очередь, при принятии каких-либо решений. С другой стороны, нужно учитывать и интересы тех акторов, которые находятся вне зоны воздействия корпораций, но могут оказывать не нее влияние через различные каналы. Подобные принципы активно используются сегодня не только крупными корпорациями, но и в политической деятельности. В частности, ярким приверженцем данного подхода является Тони Блер. Опираясь на него в своей политической деятельности, в США в 2004 году 32 штата приняли законы о заинтересованных сторонах.

Осознание влияния масштабных коммерческих или государственных проектов на интересы рядовых людей стало причиной формирования новой формы отношения бизнеса к обществу как к контексту. Так, стала более открытой и активной политика самопрезентации организаторов масштабных проектов, о чём свидетельствует раскрытие корпоративной информации на сайтах компаний и открытая корпоративная социальная отчетность.

Одним из аспектов современного стратегического менеджмента является развитие такого понятия, как «корпоративная социальная ответственность», под которым понимается исследование экономического значения социальных затрат на поддержку зависимых от деятельности корпорации групп. Парадокс состоит в том, что указанная деятельность, позиционируемая во всех отчетах корпораций как некоммерческая, на самом деле является способом повысить конкурентоспособность организации, т. е. предпринимается для того, чтобы вернуть затраченные деньги владельцам предприятий несколько позже. В связи с тем что теоретические исследования нефинансовой деятельности корпораций материально поддерживаются самим крупным бизнесом, подобная интерпретация стейкхолдеров достаточно широко распространилась в современном дискурсе. Так, С.П. Перегудов, один из наиболее активных исследователей групп интересов в России, называет «стейкхолдерами граждан, сообщества и организации, в той или иной мере причастных к деятельности корпораций» [12].

Принципиально иным является анализ стейкхолдеров как групп, возникших в результате ухудшения состояния окружающей среды. Причинами ухудшения экологической ситуации может быть хозяйственно-экономическая деятельность бизнеса, государства, а зачастую и самого населения. Соответственно, различные представители населения могут быть в разной степени аффилированы с различной государственной, коммерческой деятельностью, в результате чего могут иметь внутренний конфликт интересов, что зачастую случается у работников предприятий, проживающих в зоне их негативного экологического воздействия. Даже если они и согласятся выступить против предприятия, на котором работают, то для них желательной будет его модернизация, а вовсе не закрытие, на чем могут настаивать другие горожане. Также группы стейкхолдеров подчас объединяют людей с противоположными интересами по всем вопросам, кроме одного, который их сплачивает в конкретной ситуации. В то же время имея даже общий повод неудовлетворенности, группы могут быть заинтересованы в разных способах решения проблемы. К примеру, люди могут быть объединены заинтересованностью в прекращении строительства здания в их дворе, но при решении вопроса об использовании общего пространства двора одни будут настаивать на размещении во дворе автостоянки, а другие – на максимальном озеленении, в то время как для третьих самым желательным исходом было бы строительство детских или спортивных площадок.

Также группы, имеющие общие интересы в связи с одной проблемой, могут иметь противоположные интересы в другой ситуации. Так, противники строительства ГЭС, озабоченные проблемами подтопления территории, могут по-разному относиться к тому, чтобы организовать на берегах той же реки особо охраняемую природную территорию.

Развитие многостороннего, многоаспектного полилога в обществе, многообразие его форм и высокий уровень эффективности, конечно, возможен только в обществе с высоким уровнем развития культуры населения, его толерантности и вместе с тем социальной активности, готовности к конструктивному общению. По сути, рост доли эффективных повседневных коммуникаций по поводу урегулирования интересов различных заинтересованных сторон можно рассматривать как явную тенденцию развития делиберативной демократии.

Принимая во внимание все перечисленные подходы к интерпретации понятия «стейкхолдеры», можно выделить несколько уровней анализа группового социального взаимодействия. Наиболее ранним и более развитым является политологический анализ, который воспринимает в качестве групп интересов прежде всего институциализированные формальные группы, а также стейкхолдеров с узким корпоративным интересом. Гораздо позже возник уровень анализа заинтересованных сторон в стратегическом менеджменте, при этом его отличительной чертой является конструктивистский подход к идентификации стейкхолдеров. Для аналитиков в стратегическом менеджменте группа интересов может быть как реальной, так и номинальной, может возникнуть в любой момент времени в зависимости от остроты восприятия того или иного риска, возникающего в результате деятельности коммерческих компаний. Близки к этому подходу и взгляды исследователей, воспринимающих группы интересов как социкультурное и социетальное явление, а также к исследователям социально-экологических проблем. Как это ни парадоксально, наиболее проницательным и утонченным подходом к определению сущности групп интересов отличаются работы не социолога, а экономиста, получившего в 2009 г. Нобелевскую премию – Э. Остром. Ее труд, вызвавший столь пристальный интерес и внимание – «Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности» [13], – указывает на серьезные проблемы однозначной интерпретации групп интересов, подвергая сомнению возможности внеситуативное определение самого интереса. Сущностью открытия, за которое автор была награждена нобелевской премией, является теоретически и эмпирически обоснованное доказательство возможности существования неистощительных режимов использования ресурсов общего пользования. Э. Остром в своих работах также указывает на условия, при которых это возможно. Выделяя внутригрупповые факторы, препятствующие оптимальной форме самоорганизации, и внешние обстоятельства, которые специально формируются обладающими властью индивидами, получающими выгоды от статус-кво, она указывает на большое значение рационального осмысления данных ограничений. Одним из наиболее очевидных внутренних факторов, препятствующих выработке конкурирующими сторонами оптимального решения, является отсутствие коммуникативного пространства, опыта взаимодействия между стейкхолдерами, что снижает шансы на формирование социального доверия [13, с. 53]. Ситуация дефицита доверия и конструктивной группой коммуникации может быть как органической, т.е. возникшей естественным образом, так и искусственно создаваемой и поддерживаемой стейкхолдерами с противоположными интересами, которые заинтересованы в уменьшении количества осознанно действующих сторон. Такие группы можно смело назвать антимодернистскими, поскольку именно они противостоят увеличению количества групп интересов и их конструктивному взаимодействию. Последнее же служит ярким индикатором «высокой, или поздней современности», ее динамизма как постоянного самоконструирования, самореализации всевозрастающего числа людей, сознательно действующих в качестве авторов собственной судьбы и субъектов макросоциальных изменений [10, с. 20].

Здесь следует отметить, что развитие процессов групповой социальной коммуникации, сопряженных с самоиндентификацией заинтересованных сторон, в принципе соответствует конструктивистской концепции, которая видит движущую силу прогресса в нормальной повседневной деятельности людей, меняющих себя и свою со-

циокультурную среду [14, с. 59–66]. Более глубоко понимая причины необходимости ограничения собственных интересов в связи с наличием конкурирующих общественно-значимых интересов, стороны начинают поиск интегральных решений, более близких к Парето-оптимуму, чего в немалой степени могут способствовать коллективные формы поиска решений, например краудсорсинг. Об успешности этой формы принятия решений существуют различные мнения, однако ученые сходятся в одном – она во многом зависит от условий, при которых осуществлялось взаимодействие сторон [15–16].

Ярким примером согласования противоположных интересов является такая градостроительная концепция как гелиотектура [17], сочетающая в себе биологические объекты на поверхности, подземное размещение парковки и иных коммерческих объектов, а также включение общедоступных социальных и спортивных объектов в центральный уровень здания. Однако существуют и менее глобальные примеры согласования интересов, например, строительство подземных парковок, удовлетворяющие как интересы автомобилистов, так и родителей маленьких детей и играющей в спортивные игры молодежи.

В России такие решения, как правило, принимаются «сверху», в то время как в развитых странах гораздо большее времени и внимания занимает процесс согласования мнений. При этом мнение стейкхолдеров не только учитывается, будучи уже артикулированным, но и выявляется в случае отсутствия на момент обсуждения проблемы уже сложившейся группы, осознающей возможности ущемления их интересов при реализации новых проектов.

Социетальный уровень анализа групп интересов является наиболее адекватным ракурсом для исследования включенности населения в экологические процессы. В соответствии с классификацией Ж. Блонделя экологические организации или движения являются специфическим типом групп интересов, названными им «группами поддержки» [18]. Не используя эту терминологию, западные инвайронментальные социологи начиная с 90-х гг. стали активно изучать влияние стейкхолдеров на принятие разнообразных решений, затрагивающих неблагоприятные изменения в состоянии окружающей среды. При этом под стейкхолдерами они понимали любые совокупности граждан, имеющие общие осознанные или неосознанные интересы, для защиты которых требуется их осознание, артикуляция и публичная репрезентация.

Отметим, что в рамках социально-экологических исследований некоторые заинтересованные группы являются номинальными и переходят в категорию реальных групп только после некоторой «конструирующей» работы со стороны более активных экологически озабоченных акторов, будь то личность или реальная группа, которые бы осуществляли мобилизацию своих сторонников среди пассивного населения, не осознающего собственную причастность к тем или иным социальным явлениям или процессам. Одним из наиболее эффективных акторов экологической мобилизации является институционально оформившиеся общественные экологические организации. Исходя из того, что каждый раз выработка общественных норм эксплуатации среды зависит от индивидуального стечения обстоятельств, укажем, в России экологические организации имеют весьма пеструю идеологию [19]. К примеру, «для организаций, занимающихся сохранением и возвращением в природу редких видов, содержание животных в неволе, в том числе и в зоопарках – абсолютно необходимая часть работы, в то время как для сторонников идеи «равноправия видов» – это отвратительное насилие над животными и нарушение их естественных прав» [20]. Другим ярким примером является противоречие между призывами экологов к предпочтению товаров местных производителей и качеством этих товаров, наносящих серьезный ущерб окружающей среде. Так, Е. Шварц – директор по охране природы российского отделения WWF – указывает, что бойкотирование автозаправок, принадлежащих транснациональным компаниям, может привести к неосознанной поддержке, к при-

меру, чеченских сепаратистов, кроме того, это может увеличить загрязнение среды за счет низкого качества отработанных газов и необходимости замены поврежденных деталей [20]. Несмотря на то что в приведенных примерах расхождение идеологий экологических активистов приводит к противостоянию их практик, наиболее значимым представляется вовсе не отсутствие единства между ними, а низкий уровень доверия к деятельности общественных организаций в целом, слабость их экономической поддержки со стороны населения, малого и среднего бизнеса, которые сами, в свою очередь, имеют недостаточно ресурсов для поддержки социальных инициатив. В сложившихся условиях уделять внимание медиационным процессам экологические НКО просто не в состоянии.

Можно было бы предположить, что для идентификации экологических стейкхолдеров достаточно просто обострения экологической ситуации до такой степени, которая делала бы неизбежным 1) активизацию населения, 2) кристаллизацию и артикуляцию различных позиций, 3) формирование вокруг них заинтересованных сторон. Однако, как показывает практика, в современной России первый процесс – активизация населения – далеко не всегда сопряжен со вторым и третьим процессами. Достаточно редко дело экологические конфликты сопровождаются развитием общественного диалога, чаще переходя в силовые варианты решения проблем: от прямых стычек с населением, как в случае прямого сопротивления населения началу разработок никеля в Новохоперском районе Воронежской области [17], до преследования и изоляции активистов, открыто высказывающих свои позиции по отдельным острым проблемам природопользования, как это происходит, к примеру, в Краснодарском крае в ходе варварского «освоения» прибрежных территорий[18].

Таким образом, теоретическая категория «стейкхолдеры» в ее социетальной интерпретации с трудом находит применение для анализа российского общества, слабо структурированного по критерию групповой идентификации экологических интересов. В сложившейся ситуации публичные социологи могли бы сыграть положительную роль в инициации процесса конструирования интересов латентных стейкхолдеров-молчунов, публичная артикуляция которых могла бы разбудить их социальную активность.

Библиографический список

1. Семененко И.С. Группы интересов в политическом и социокультурном пространстве. М.: Юнити-Дана, 2007.

2. Семененко И.С. Группы интересов на Западе и в России. Концепции и практика. М.: Инфра-М, 2008.

3. Сорокин С.Э. Группы интересов и их роль в политической жизни в современной России. М.: Гардарики, 2006.

4. Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. Группы интересов и российское государство. М., 1999.

5. Перегудов С.П. Группы интересов и российское государство. М.: Эдиториал УРСС, 2006.

6. Павроз А.В. Группы интересов и лоббизм в политике. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.

7. Василик М.А., Вершинин М.С. Политология. Элементарный курс. М.: Евразия, 2006.

8. Хейвуд Э. Политология: учебник для студентов вузов / пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Вельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

9. Shilling G., Griffiths F. Interest Groups in Soviet Politics. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1971.

10. Лапин Н.И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. 1997. № 3.

11. Freeman R.E. Strategic Management: A Stakeholder Management. Boston, 1984.

12. Перегудов С.П. Гражданское общество как субъект публичной политики. // Полис. № 2. 2006. URL: http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/2/11.

13. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / пер. с англ. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010.

14. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

15. Шуровьески Д. Мудрость толпы. М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2007.

16. Девятко И. Ф. «Мудрость толп» и «мудрость внутри»: сравнительная точность групповых и индивидуальных суждений о дискретных социальных фактах // Социология: Методология, методы, математическое моделирование. 2012. № 34. С. 81–104.

17. Непомнящий С. Гелиотектура: резонанс разнополярных трендов. Поворот от асфиксии тотальной субурбанизации к зеленому дому-городу. URL: http://www.intelros.ru/subject/ross_rasput/10809-geliotektura-rezonans-raznopolyarnyx-trendov-povorot-ot-asfiksii-totalnoj-suburbanizacii-k-zelenomu-domu-gorodu.html.

18. Blondel J. Comparative government: an introduction. 1990.

19. Яницкий О.Н. Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск: Сиб. Хронограф. 2002.

20. Жуков Б. Рассвоение (типология экологических организаций) // Отечественные записки. 2005. № 6 (27). URL: http://www.strana-oz.ru/2005/6/rassvoenie-tipologiya-ekologicheskih-organizaciy.

21. Официальный сайт движения «В защиту Хопра!» URL: http://savekhoper.ru/?p=2616.

22. Россия: правозащитников и журналистов пытаются заставить замолчать перед Олимпиадой в Сочи. Доклад Human Rights Watch // Официальный сайт организации «Human Rights Watch». URL: http://www.hrw.org/ru/news/2013/08/13/rossiya-pravozashchitnikov-i-zhurnalistov-pytayutsya-zastavit-zamolchat-pered-olimpi.

B.A. Nikitina*

STAKEHOLDERS AND THEIR ROLE IN THE SOCIAL CONSTRUCTION OF ENVIRONMENTAL PROBLEMS

The article discusses the concept of «*stakeholders*» and the history of its occurrence in the sociological discourse. The author points to the existence of political science, socio-cultural, applied economic and societal level of analysis of stakeholders. Basing on the Nobel theory of E. Ostrom on the principal possibility of balanced collective exploitation of public resources, the author points out on the limitations that existing situation in modern Russia lays on the development of practical self-identification of stakeholders, their consolidation, and also on the character of their activity.

Key words: stakeholders, groups of interest, groups of opinion, stakeholders, articulation of interest, identification of stakeholders, public-group relations.

* *Nikitina Bela Anatolievna* (belanik@yandex.ru), the Dept. of Sociology and Social Demography, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 316.6

Е.И. Чердымова*

ЭКОПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ**

В статье рассматриваются интеграция экологической и профессиональной подготовки и, как результат, формирование экопрофессионального сознания на современном этапе как ключевой инструмент парадигмы перехода человеческой цивилизации на модель устойчивого развития, что может быть достигнуто только путем установления коэволюционных отношений между обществом и природой как качественно новой системы социокультурных экологически ориентированных регуляторов человеческой деятельности.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экологическое образование, экологическое сознание, экопрофессиональное сознание, структурные компоненты экопрофессионального сознания.

Научно-технический прогресс в развитии человечества привел к появлению и массовому использованию таких технологий, которые поставили вопрос о необратимых нарушениях экологического равновесия на планете. Техногенные экологические катастрофы в своей основе имеют экопрофессиональные ошибки, поскольку технические системы конструируются и управляются людьми без учета законов существования и развития живых систем. Существующие экологические проблемы в конечном счете, вызываются рассогласованием целей человека-профессионала и человека как неотъемлемой части биосферы.

Право на нормальную окружающую среду – одно из основных прав человека. Создание подобной среды – это наша общая задача. Решить её без поддержки гражданского общества государство не в состоянии, и поэтому диалог по этой весьма и весьма непростой проблематике крайне необходим (Д. Медведев, 2012), с одной стороны, между властью, бизнесом и общественными организациями – с другой.

В решении экологических проблем в настоящее время все большую роль начинает играть интеграция экологической и профессиональной подготовки с целью формирования экопрофессионального (ЭП) сознания - как фактора перехода к устойчивому развитию в системе «Человек – Природа – Общество».

В условиях трансформации российского общества, реформирования экономики особую актуальность и социальную значимость приобретает необходимость расширения научных исследований в области изучения специфики ЭП-сознания различного рода специалистов. В 2005 г. Европейская экономическая комиссия ООН приняла

---

* © Чердымова Е.И., 2013

Чердымова Елена Ивановна (cheiv77@mail.ru), кафедра социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Работа над данной статьей выполнена по гранту в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение № 14.B 37.21.0024.

Стратегию в области образования в интересах устойчивого развития (2005–2014 гг.), суть которой состоит в том, чтобы перейти от простой передачи экологических знаний к способности учиться предвидеть последствия предпринимаемых профессиональных действий. В настоящее время образование в интересах устойчивого развития продолжает формироваться в качестве всеобъемлющей программы, позволяющей решать вопросы индивидуализации образования, а также связанные между собой экологические, социальные и экономические проблемы. Это подтверждено принятием Боннской декларации в рамках Всемирной конференции ЮНЕСКО по образованию в интересах устойчивого развития (2009 г.) и проектом основ государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года, где важным аспектом является экологическое просвещение, а 2013 год объявлен Годом охраны окружающей среды. Формирование ЭП-сознания напрямую связано с экопрофессиональной подготовкой, осуществляемой различными социальными институтами общества. Особое место среди них занимает высшая профессиональная школа.

В то же время анализ содержания вузовского образования показывает, что именно профессиональное сознание становится тем главным «узлом», где сосредоточены основные противоречия между существующей практикой подготовки профессионала и проявлением в его профессиональной деятельности экологических намерений.

В психолого-педагогических научных исследованиях рассматривались подходы к формированию экологического сознания с различных позиций: с общетеоретической (М.Н. Берулава, А.В. Гагарин, А.В. Иващенко, С.Д. Дерябо, Д.Н. Кавтарадзе, Н.А. Лызь, Н.Н. Моисеев, В.И. Панов, Т.В. Ильясова, В.А. Сластенин, Л.В. Тарасов и др.); с мировоззренческо-аксиологической (З.И. Васильева, Н.Д. Никандров, А.В. Кирьякова, И.Я. Лернер и др.); с методической (И.П. Белов, В.И. Горовая, А.Н. Захлебный, И.Д. Зверев, Н.М. Мамедов, И.Н. Пономарева, И.Т. Суравегина, В.М. Сенкевич и др.).

В ряде работ выдвигаются идеи проектирования образовательного процесса, обеспечивающего формирование экологического сознания студента через интеграцию, целостность, системность (С.В. Алексеев, А.И. Арнольдов, Н.Ф. Винокурова, С.Н. Глазачев, В.И. Данильчук, А.Н. Захлебный, И.Д. Зверев, Л.С. Зорилова, В.В. Николина, Б.М. Сапунов, В.А. Сластенин, Р.В. Степанец и др.).

В то же время большинство психолого-педагогических исследований носит общетеоретический характер или касается вопросов образования, тогда как многие психологические аспекты формирования ЭП-сознания студентов остаются менее исследованными.

В психолого-педагогической исследованиях экологического сознания профессионалов весьма сужен спектр понимания интеграции экологической и профессиональной подготовки и становления ЭП-сознания.

В контексте анализируемых позиций ученых представляется важным устранение расплывчатости и неопределенности в понимании ряда понятий, связанных с проблемой интеграции экологической и профессиональной подготовки, формирования экопрофессионального сознания, его структурных компонентов; раскрытие мотивационных факторов ЭП-деятельности и формирования ЭП сознания студентов разных профилей обучения как цели и результата экологической и профессиональной подготовки.

Профессиональное сознание, отражая, преобразуя окружающее пространство, зачастую способствует нарушению равновесия в природе, так как наблюдается оторванность развитости профессионализма от развитости экологического сознания. Из про-

тиворечия возникает цель – как, используя, развивая и совершенствуя общественное производство, полноценно удовлетворять объективно возрастающие потребности людей и при этом не уничтожать природу? Речь идет о формировании в сознании будущих специалистов доминирующих экологических намерений, способствующих появлению экологического поведения как основы самосохранения не только отдельно взятой личности, но и всего общества в целом.

Ведущие экопсихологи определяют «мировоззренческую функцию» экологического образования. В.И. Панов считает, что целью такого образования является формирование экологического императива в сознании человека. [6, с. 407]

Ряд ученых сходится во мнении, что непонимание законов функционирования экосистем разного уровня стало одной из причин совместного кризисного состояния биосферы, а соответственно, возникновения проблемы экологической безопасности. [1–5; 7] При этом сложившееся представление о том, что все экологические проблемы сводятся лишь к борьбе с загрязнением среды, в силу своей ограниченности начинает служить тормозом на пути к созданию глобальной экологической безопасности. Становится все более очевидным, что те цели, которые изначально ставились перед экологическим образованием, все еще остаются недостигнутыми. В настоящее время необходимо расширить систему подготовки специалистов в области профессиональной экологической деятельности, а также повышения квалификации и переподготовки специалистов разного профиля по вопросам рационального природопользования, охраны окружающей среды и экологической культуры.

Предлагаемая концепция формирования ЭП-сознания, построенная на идее устойчивого развития общества и коэволюции Человека и Природы, обеспечивает формирование нового экопрофессионального сознания. Концепция состоит из двух взаимосвязанных и взаимозависимых блоков (теоретико-методологического, технологического). Теоретико-методологический блок показывает, что совокупность экопсихологического, синергетического, интегративного подходов способствует развитию когнитивного, ценностно-мотивационного, ориентационного, конативного компонентов ЭП-сознания студентов, так как экопсихологический подход к пониманию экопрофессионального сознания рассматривает систему «Человек – Природа» как целостный, совместный субъект, реализующий в своем становлении общеприродные принципы развития и тем самым способный к саморазвитию за счет реализации: принципа экологичности, принципа психического развития человека в ходе его обучения в контексте системы «Человек – Природа». Синергетический подход способствует формированию экопрофессионального сознания за счет реализации принципа сплайсинга, эффекта совмещения экологической и профессиональной подготовки и, как следствие, формирования ЭП-намерения и ЭП-сознания в целом, принципа флуктуации (отклонения) ЭП-сознания, принципа диссипации (самовыстраивания) компонентов ЭП-сознания. Интегративный подход рассматривает интеграцию экологической и профессиональной подготовки как объединение разнородных ранее частей экологической и профессиональной подготовки в единое целое на основе установления связей между составляющими их компонентами (когнитивный, ценностно-мотивационный, ориентационный, конативный) за счет реализации принципа интегративности, принципа целостности ЭП-сознания как чрезвычайно сложной, открытой, многоуровневой, самоорганизующейся системы.

Технологический блок отражает теоретико-технологическую идею перехода от простой передачи экологических и профессиональных знаний к способности действовать соответственно намеченной экологически целесообразной программе, направ-

ленной на достижение предполагаемого профессионального результата. Способствовать данной стратегии может формирование у студентов ЭП-намерений, которые делают процесс перехода ЭП-знаний в экологически целесообразную деятельность профессионала прозрачным.

ЭП намерение является интегрированным личностным образованием, структура которого представляет собой единство четырех компонентов: когнитивного, аффективно-оценочного, ценностно-целевого, поведенческого.

Модель интеграции экологической и профессиональной подготовки обеспечивает поэтапное развитие ЭП-сознания, которое соответствует определенному уровню интеграции профессиональной и экологической подготовки. Первый уровень – конвергентный, соответствует первому этапу экопрофессиональной подготовки – подготовительному. Результат конвергентного уровня – студент получает те знания, которые отражают связанность профессиональной и экологической подготовки как системы, в которой все элементы связаны. Понятийный параллелизм этого вида интеграции допускает существование двух синхронно движущихся категориальных систем – профессиональной и экологической; второй уровень – реципрокный, соответствует второму этапу экопрофессиональной подготовки – развивающему. Результат реципрокного уровня – ценности и идеалы, в основе которых лежат экопрофессиональное отношение, социальные нормы и правила, регулирующие повседневную жизнь и профессиональную деятельность.

Третий уровень – когерентный, включает в себя явление сплайсинга. Сплайсинг - процесс соединения, сращивания компонентов экологической и професиональной подготовки. Когерентный уровень - процесс «нанизывания» нескольких (множества) интегрируемых компонентов профессиональной и экологической подготовки на единый стержень, играющий роль системообразующего ядра. В результате мы имеем тесную систему связей (взаимосвязей) как между данным ядром и другими интегрируемыми составляющими, так и между последними. Когерентный вид интеграции – высший вид взаимосвязи компонентов экологической и профессиональной подготовки, которому присущи нерасторжимость объективность, монообъектность. Когерентный уровень является третьим этапом подготовки, он рефлексивный, непосредственно связан с экологическими намерениями в профессиональной деятельности. Результат когерентного уровня – экопрофессиональные ориентации и установки на прогнозирование влияния профессиональной деятельности на экологическую ситуацию; установки на получение, поиск, переработку информации по уменьшению негативного воздействия техносферы и творчески использовать ее в своей практической профессиональной деятельности; намерение студентов к профессиональной деятельности в соответствии с экологическим императивом, использованием специальных экопрофессиональных знаний в конкретных профессиональных условиях; намерение вести практические исследования и делать выводы по техногенной нагрузке на окружающую среду профессиональной деятельности.

Проведенный в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, по гранту в форме субсидии в рамках реализации соглашения № 14.B 37.21.0024 эксперимент повлиял на развитость экопрофессионального сознания студентов и его структурных компонентов.

Важно отметить, что, несмотря на существенное различие результатов развитости экопрофессионального сознания у студентов разных курсов и различных факультетов, после проведения эксперимента результаты развитости высокого уровня экопрофессионального сознания у них распределились достаточно равномерно. Лидерами

являются студенты пятых курсов – 39,2 % (гуманитарная направленность), 36,0 % (естественнонаучная направленность), 29,4 % (экономическая направленность) и 35,2 % (техническая направленность); затем следуют результаты высокого уровня развитости экопрофессионального сознания студентов первых курсов (24,2, 28,6, 24,7 и 29,0 % соответственно), далее – студенты третьих курсов (19,2, 23,2, 22,8 и 19,8 % соответственно). Также заметно снижение показателей низкого уровня развитости экопрофессионального сознания, средний показатель снижения по группам – 28,6 %.

Необходимо констатировать, что наибольший сплайсинг экологической и профессиональной подготовки в рамках реализации когерентного уровня интеграции наблюдается у студентов V курса из группы гуманитарной направленности, студентов III курса группы естественнонаучной направленности, студентов V курса экономической направленности и студентов I курса технической направленности.

Таким образом, экопрофессиональное сознание превращается в наиболее «передовой» блок инновационных усилий в сфере образования, в источник судьбоносных трансформаций, так как профессиональное сознание, отражая, преобразуя окружающее пространство, зачастую способствует нарушению равновесия в природе. Наблюдается оторванность развитости профессионализма от развитости экологического сознания. В условиях модернизации экономики в экологически безопасную, внедрения нанотехнологий в производство общество нуждается в формировании экопрофессионального сознания специалистов.

Анализ психолого-педагогической литературы по этой проблематике показывает, что решение проблемы интеграции экологической и профессиональной подготовки студентов, осуществляемое на философско-этическом, психологическом, педагогическом уровнях, требует раскрытия генезис научных представлений об экологическом, профессиональном сознании и сознании в целом.

Библиографический список

1. Акопов Г.В., Чердымова Е.И. Личностно-ориентированное экологическое образование // Экология личности: мат-лы Российской науч.-практ. конференции. Санкт-Петербург, 7–8 апреля 1998 г. СПб., 1998. С. 179.

2. Гагарин А.В. Воспитание природой. Некоторые аспекты гуманизации экологического образования и воспитания: монография. М.: Московский городской психолого-педагогический институт, 2000. 232 с.

3. Данилов-Данильян В.И. О психологических аспектах охраны окружающей среды // Вторая Российская конференция по экологической психологии: мат-лы. Москва, 12–14 апреля 2000 г. / под ред. В.И.Панова. М.; Самара: Изд-во МГППИ, 2001. С. 9–11.

4. Дерябо С.Д. Методологические проблемы психологии экологического сознания // Экологическая психология: тез. 1-й рос. конф. Москва, 3–5 декабря 1996 г. М.: Психологический институт РАО, 1996. С. 50–52.

5. Иващенко А.В., Панов В.И., Гагарин А.В. Экологоориентированное мировоззрение личности: монография. М.: РУДН, 2008. 422 с.

6. Панов В.И. Экологическая психология: системный анализ // Идея системности в современной психологии / под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 407–433.

7. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. М.: Смысл, 2000. 456 с.

E.I. Cherdymova*

ECO PROFESSIONAL TRAINING OF EXPERTS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS DIRECTION OF MODERNIZATION OF HIGHER SCHOOL

In the article the integration of ecological and professional training and, as a result, the formation of eco professional conciousness on modern stage as a key instrument of paradigm of transition to human civilization on the model of sustainable development that can be reached only by means of establishment of co evolutional relations between the society and nature as qualitatively new system of social and cultural ecologically oriented regulators of human activity is viewed in the article.

Key words: sustainable development, ecological education, ecological consciousness, eco professional consciousness, structural components of eco professional consciousness.

* *Cherdymova Elena Ivanovna* (cheiv77@mail.ru), the Dept. of Social Sphere and Demography, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 316.3

Т.М. Кобякова*

ДИАЛОГ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ**

Статья посвящена изучению диалога власти и общественности на поле публичных слушаний Самарского региона. Актуализация данной темы также связана с продолжающейся дискуссией о публичной социологии, ее роли в науке и социальной практике. Изучены факторы, способствующие и препятствующие диалогу власти и общественности, определены перспективы диалога власти и общественности. Отмечена значимость взятия публичным социологом на себя роли посредника, функция которого – в обобщении сложившихся практик взаимодействия власти и общественности посредством проблематизации эффективности данного взаимодействия на доступном и значимом для обеих сторон языке.

Ключевые слова: диалог, публичная социология, социальная политика, публичные слушания, социальная экспертиза, социальная программа

Привлекательность идеи диалога власти и гражданского общества связана с тем, что она имеет ценностный смысл. Диалог в разных контекстах и на разных уровнях сопряжен с высокой оценкой населением таких ценностей, как свобода и справедливость, партнерство и толерантность. В организации жизнедеятельности общества на основе этих ценностей фактически и состоит современная стратегия формирования гражданского общества.

Декларирование **необходимости развития** диалога власти и общественности наблюдается сегодня в разных официальных текстах от указов президента страны, выступлений первых лиц на международных форумах, включая Гайдаровский от 16.01. 2013 г. до проектов региональных и муниципальных стратегий социально-экономического развития. В то же время современная ситуация в России заставляет всерьез задуматься о стратегии организации диалога теми акторами, которые стремятся к достижению этого общественного идеала, в ситуации нежелания или неготовности реализации диалога другими сторонами.

В актуализации данной темы значимую роль, на наш взгляд, сыграла продолжающаяся дискуссия о публичной социологии, ее роли в науке и социальной практике. Не вдаваясь в детали этой дискуссии, подчеркнем, что в нашем тексте публичная

---

* © Кобякова Т.М., 2013

Кобякова Татьяна Михайловна (tatiana.kobyakova@gmail.com), студент V курса социологического факультета, кафедра социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федеоация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Статья написана в рамках проекта «Инновационный потенциал публичной социологии в формировании и реализации социальных программ регионального развития», субсидируемого Министерством образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, соглашение № 14.В 37.21.0024.

социология определяется как диалог социологов с обществом в целом по ключевым социальным проблемам, в ходе которого социологи берут на себя прежде всего роль посредника и консультанта во взаимоотношении власти и общественности.

«*Как зеркало и совесть общества, социология должна определять, продвигать и информировать, участвуя в публичных дискуссиях...* – утверждает М. Буравой, президент Международной социологической ассоциации. – *Я верю, что миру нужна социология публичной сферы – социология, которая выходит за рамки академической жизни*» [1].

Фактически подобными вопросами в разных контекстах задаются отечественные социологи. Так, Ж.Т. Тощенко и Н.В. Романовский фокусируют внимание на оправданности самого понятия публичной социологии, его роли в повышении статуса социологии в целом в реальной жизни общества, государства [2]. В свою очередь, М.К. Горшков, формулируя аксиомы современной социологии, постулирует следующее: «*Социология не может быть только знанием экспертов, предназначенным исключительно для экспертов: ее достижения должны быть доступны обществу*» [3]. Фактически к достоинствам публичной социологии ученый относит: «*доступность ее информации широким слоям населения – демонстрацию ее значимости и полезности, возможность использования полученных ею результатов в процессе управления на всех уровнях организации и жизнедеятельности государства и общества*» [3]. Формируются и получают развитие практики взаимодействия публичных социологов с властью и общественностью на поле социальной политики, значимую роль в динамике которых играют сегодня публичные слушания по бюджетам регионов страны. Однако эти практики, участие в них публичных социологов до сих пор фактически не стали предметом научного интереса.

Иными словами, наблюдается явное противоречие между декларированием **необходимости развития** формирующегося диалога власти и общественности на поле социальной политики, высокого потенциала публичной социологии в данном процессе, с одной стороны, и **дефицитом научной информации** – с другой. Действительно, каковы практики взаимодействия власти и общественности на обозначенном выше поле? В какой степени эти практики носят диалоговый характер? Как включены в данный процесс публичные социологи? Какие роли берут они на себя? И каковы, наконец, способы взаимодействия всех акторов, входящих в поле социальной политики? Данные вопросы и послужили толчком к нашему исследованию, цель которого – в обобщении сложившихся практик диалога власти и общественности в контексте публичных слушаний Самарского региона.

Памятуя о том, что упрощение заложено в логике любой науки, объектом нашего исследования мы выбрали взаимодействие власти и общественности на поле публичных слушаний (далее – ПС) Самарского региона. Фокусирование внимания на отдельном регионе обусловлено регионализацией социальной политики. Наряду с этим Самарский регион на протяжении многих лет относится к регионам модернистам. Серьезное развитие института ПС на протяжении последних 6 лет – один из возможных аргументов на сей счет [4]. Вместе с тем специалисты данный регион неоднократно называли Россией *«в одну треть величины»*. Иными словами, сказанное позволяет определить Самарскую область с определенной условностью как Россию в миниатюре. Наконец, в нашем исследовании акцент сделан на ПС по бюджету министерства образования и науки Самарской области (далее – минобрнауки). Заметим, что выбор данного министерства как объекта нашего непосредственного внимания обусловлен также рядом обстоятельств: 1) это министерство по рейтингу главных распорядителей бюджетных средств (далее – ГРБС) по оценке эффективности проведения ПС по бюджету занимает, как правило, лидирующие позиции; 2) согласно

нашим наблюдениям – как стажера эксперта по бюджету данного министерства – минобрнауки наиболее открыто к диалогу с общественностью, что находит свое отражение как в выборе мест проведения данных ПС (в последнее время именно минобрнауки стал проводить ПС на доступных всем гражданам площадках, например, в «Центре социализации молодежи», куда может свободно пройти любой желающий), так и в качественном составе участников этих слушаний. Речь идет о том, что среди участников ПС всегда не только общественные организации – «приводные ремни» минобрнауки, но и другие.

В силу того что диалог – вид коммуникации, представляется значимым использование в его изучении метода наблюдения. Отсюда – наше вхождение на поле ПС в качестве стажера эксперта. Однако данный метод требует больших временных – и не только – ресурсов. Поэтому на данном этапе нашего исследования мы сочли не менее значимым использовать в качестве основного метода исследования анализ документов. При этом к документам отнесен такой уникальный и сравнительно новый документ, как протоколы ПС. Подчеркнем, что эти документы размещаются на сайте министерства, выступающем инструментом взаимодействия власти и общественности. До недавнего времени протоколы ПС были формальны, достаточно сухи и неинформативны. Однако в последние 3 года строго минобрнауки выдерживаются этические и профессиональные стандарты как при ведении, так и их оформлении. Они строго согласуются с общественными экспертами, подписываются всеми общественными экспертами, и в случае разногласий к протоколу прикладываются дополнительные материалы, составленные экспертами, занимающими полярную позицию по отношению к тому или иному вопросу, включенному в текст протокола. Наряду с этим данный вид документов отличается: доступностью (протоколы размещены в свободном доступе на сайтах министерств); по протоколам можно отследить реакцию общественности на сам процесс деятельности ГРБС в целом, те оценки, которые они сами дают своей работе, и соотнесение их с оценками общественных экспертов; динамизмом: протоколы меняются по ходу развития коммуникации власти и общественности на поле ПС; систематичностью: в соответствии с требованиями Бюджетного кодекса РФ ПС по бюджету региональных министерств проходят дважды в год – осенью и весной – наряду с итоговыми ПС по бюджету региона в целом; иными словами, только в случае с минобрнауки ежегодно возможна работа с 4 текстами такого рода документов, представленных на сайте данного ГРБС, где в специально отведенном для этого разделе «Публичные слушания» размещена вся имеющаяся на этот счет информация [5].

Учитывая, что, несмотря на обозначенную выше особенность ведомых минобрнауки сегодня протоколов ПС, данные документы достаточно формальны, тем более в контексте изучаемой нами коммуникации власти и общественности на поле ПС, вторым документом, подвергнутым непосредственному анализу, стали транскрипты ПС. Речь идет о транскриптах ПС минобрнауки от 14.11.2012 г. и итоговых ПС по всем региональным министерствам от 13.12.2912 г., а также видеозапись этих ПС.

В ходе работы с сайтом минобрнауки мы обратили внимание на то, что на нем размещены далеко не все реализуемые им программы, если не сказать, малая их часть, что затрудняет как анализ деятельности этой структуры в целом, эффективности расходуемых ею бюджетных средств, так и анализ текстов протоколов ПС по определению данной эффективности. В ситуации внедрения программного формата решения ключевых социальных проблем, инициированного в указах президента страны, программах эффективного расходования бюджетных средств, принятых на разных уровнях, такое положение дел вызывает дополнительную мотивацию к обращению и к анализу текстов реализуемых минобрнауки программ.

Однако следует заметить, что текст программы – не ключевой момент в анализе диалоговых стратегий в рамках данной статьи. Тем не менее вследствие размещения таких программ на сайтах министерств они систематически работают на определение гражданскими активистами своей экспертной позиции, проблематизируя тем самым изучаемый нами диалог.

Решение целого ряда задач нашего проекта было связано с изучением протоколов ПС. Предваряя анализ полученных результатов решения эмпирических задач исследования, подчеркнем, что *диалог власти и общественности* в нашей статье понимается как форма коммуникации, базирующаяся на партнерстве и толерантности взаимодействующих на поле социальной политики сторон. При этом данное поле нами сужено до общественного обсуждения бюджета минобрнауки.

Заметим, что партнерство – наличие/отсутствие его находит отражение в техниках общения, используемых ГРБС и общественных экспертов. Разнообразие этих техник ведения диалога в протоколах и проанализированных транскриптах ПС нами не обнаружено, особенно в случаях ПС прошлых лет (до 2011-2012 гг.). Более того, имеет место определенное противостояние взаимодействующих на поле ПС сторон, нашедшее свое проявление в проигрываемых ролях, когда и представители власти, и представители общественности выступают прежде всего, порой и только, в качестве экспертов. «*Я знаю, что важно*», – настаивает одна сторона. Однако противоположная не согласна: «*Вы не знаете, что важно*». Это модель так называемой симметричной коммуникации, когда две стороны связаны отношениями, но они не могут прийти к согласию по поводу терминов, в которых проходят эти отношения. Чтобы участниками диалога были приняты друг другом, от них требуется умение проигрывать разнообразные роли, уже в силу того, что коммуникация – достаточно сложный процесс. В случае с диалоговой коммуникацией крайне важно умение проигрывать такие роли, как помощник, посредник, участник, слушатель и т. п., необходимые для развития диалога.

Распространенность конфронтации – не партнерства – наблюдается во взаимоотношениях власти и общественности и на современном этапе их взаимодействия.

Подтверждение тому – итоговые ПС по проекту бюджета региона в целом на 2013 г. (13.12.2012 г.), когда общественный эксперт уже не первый год проблематизирует необходимость растущего расходования бюджетных средств на поддержку деятельности религиозных организаций, а в ответе представителя ГРБС на целый ряд вопросов данного эксперта наблюдается подмена используемых понятий:

Общественный эксперт: «Уважаемые участники общественных слушаний, я хотела бы обратить Ваше внимание на то, что в выступлении моего оппонента имела место подмена используемых мною понятий, когда он отождествил поддержку социально значимых программ и мероприятий. Но социально значимые программы и мероприятия, как сказал классик, две большие разницы».

Несмотря на наличие практик конфронтации власти и общественности на поле ПС, в последние три года имеет место и развитие диалога. Можно сказать, что в 2012 г. последние слушания по бюджету минобрнауки (14.12.2012 г.) базируются и на таких основаниях, как партнерство, правда, формального свойства.

Представитель минобрнауки: *«Прежде всего я бы хотел поблагодарить наших экспертов, с которыми в этом году мы уже не раз встречались и, как мне кажется, очень плодотворно дискутировали по различным направлениям развития региональной системы образования»*.

Иными словами, в данном случае звучит благодарность экспертам, но не за положительный результат совместной работы, не за совместно принятые решения и найденные компромиссы, а за плодотворную дискуссию.

Что касается решения такой задачи нашего проекта, как **выявить и проанализировать типичные способы диалога власти и общественности, используемые на поле бюджетного процесса,** то мы обратили внимание на такие особенности коммуникации на ПС, как *кто и как задает вопросы*: перебивает, внимательно слушает, делает пометки; с чьей стороны идет установка на диалог.

В ходе ПС по минобрнауки от 14.11.2012 г. мы наблюдали применение представителями ГРБС таких техник диалога, как поощряющая реплика.

Общественный эксперт: «Спасибо за обстоятельную информацию. Позволю цитату из газеты «Ва-Банк»...»

То есть эксперт изначально располагает к себе представителя ГРБС, выражая благодарность за представленный на ПС доклад минобрнауки.

В свою очередь, представителями ГРБС часто используется техника привлечения внимания для получения обратной связи: «*Уважаемые коллеги! Уважаемые общественные эксперты! Подводя итог своему выступлению, хочу сказать, что...*»

Общественные эксперты стремятся также воспроизводить в своих текстах техники присоединения, применяемые ГРБС.

Общественный эксперт: «...Первый вопрос: Скажите, пожалуйста, Владимир Андреевич, Каков процент задач...»

Кто-то поправляет: «Владимир Александрович».

Общественный эксперт: «Да, Владимир Александрович, так долго ждала, что... потерялась... Каков процент задач, решаемых министерством, решается в программном формате. Вопросы все проговорить?»

Кто-то из зала: «Да-да».

Общественный эксперт: «Второй вопрос...»

Даже из этого короткого фрагмента транскрипта ПС минобрнауки видно, что в процесс обсуждения бюджета включены разные акторы, не только ведущий ПС и выступающие общественные эксперты. Причем риторические вопросы, задаваемые этими экспертами, способствуют расширению базы взаимодействия власти и гражданских активистов на поле ПС.

Как видим, транскрипты диктофонных записей ПС включают в себя эмоциональную составляющую взаимодействия власти и общественности, чего фактически лишены протоколы ПС, размещенные на сайте минобрнауки. Так, в протоколе ПС по проекту бюджета минобрнауки на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 гг. читаем следующее.

Общественный эксперт: «В реестре расходных обязательств на 2011–2013 годы указана статья расхода на реализацию мероприятий, посвященных 60-летию Победы, или это техническая ошибка (речь должна идти о 66-летии Победы. – Т.К.)».

Представитель ГРБС: «В реестре расходных обязательств на 2011–2013 годы показаны расходы в сравнении с 2010 годом. На последующие годы средства по данному направлению не предусмотрены».

И возьмем транскрипт с итоговых ПС по всем региональным министерствам от 13.12.2012 г.

Общественный эксперт: «Уважаемые участники публичных слушаний, позвольте, прежде всего, поблагодарить министерство финансов Самарской области за ставшее хорошей традицией внимание к той работе, которую проводим мы, общественные эксперты, гражданские активисты, взаимодействуя на поле бюджетного процесса, социальной политики региона в целом, выстраивая диалоговое взаимодействие».

При этом анализ видеозаписи данных ПС позволяет отметить наличие активной жестикуляции общественного эксперта, используемой им, дабы привлечь внимание аудитории и подвигнуть ее к желаемой реакции: «*...И тогда вопрос: Я специально напрягаю уважаемую аудиторию на дискуссию реальную, конкретную...*».

Словом, исходя из сравнительного анализа двух видов анализируемых нами документов, напрашивается вывод о том, что размещенные в открытом свободном доступе протоколы ПС не могут служить глубокому раскрытию используемых акторами на поле ПС стратегий. Протоколы ПС позволяют обзорно представить ключевые вопросы, задаваемые представителям ГРБС и ответы на них, исключая всевозможные перебивание участников диалога друг другом, их реплики, развернутые комментарии и замечания, визуальные данные. Тексты протоколов лишены эмоциональной составляющей, влияющей на остроту восприятия поднимаемых вопросов и пробуждающей интерес общественности к обсуждению бюджета. В этой связи и уместен анализ транскрипта ПС минобрнауки от 14.11.2012 г., который сохраняет «живое общение», происходившее в действительности между участниками слушаний, и раскрывает характер диалога между ними.

В рамках ПС в соответствии со стоящими перед ними задачами необходим конструктивный диалог, ведущий к конкретным предложениям/рекомендациям общественных экспертов и других представителей общественности, заинтересованных в эффективном расходовании бюджетных средств и повышени эффективности деятельности конкретного министерства. Предложения от общественности поступают весьма активно: «*Предложение – заложить средства в программу для поддержки молодых специалистов, идущих работать в учреждения НПО/СПО. Второе предложение: для поддержки выпускников учреждений НПО и СПО необходимо активно привлекать бизнес. Третье предложение: 40 млн рублей на область – эта цифра очень мала на приобретение ноутбуков учителям. Необходимо ее изменить...*»

Однако данные предложения в ходе слушаний зачастую игнорируются, формат слушаний, судя по транскриптам и текстам протоколов в том числе, следующий – вопросы и ответы на них.

Ответы ГРБС на предложения участников ПС от общественности: «*...Все предложения зафиксированы, я думаю, в ходе публичных слушаний не имеет смысла это обсуждать*».

Или пример явного игнорирования предложений гражданских активистов.

Общественный эксперт: «В качестве предложения я бы хотела включить в состав совета представителей объединения работодателей».

Представитель ГРБС: «Я так понимаю, это деловое предложение... Так, пожалуйста, еще вопрос был...»

Другой важный, на наш взгляд, момент связан тем, что многие вопросы, поднимаемые на слушаниях гражданскими активистами, фактически откладываются в «долгий ящик» и не получают удовлетворительного ответа в ходе проведения слушаний.

Представитель ГРБС: *«...Давайте тоже поставим этот вопрос на рабочей группе... Такие данные есть, мы вам предоставим... На мой взгляд, этот вопрос нужно адресовать городскому округу Самара, так как это их полномочия»*.

Несмотря на целый ряд моментов, указывающих на фактическую несостоятельность реального диалога между властью и общественностью, имеют место и позитивные тенденции, выражающиеся в использовании обеими сторонами, взаимодействующими на поле ПС, техник присоединения, солидарности с партне ром по взаимодействию, без которых диалог немыслим.

Представитель ГРБС: «*Мы не возражаем, двумя руками за то, что вы говорите»;* или «*Хочу поблагодарить экспертов за все вопросы, которые были заданы... Спасибо огромное за совместную работу, надеюсь на дальнейшую конструктивную работу... большое спасибо за такое активное участие*».

Важным представляется и тот факт, что все **«партне рские»** высказывания характерны нередко именно для начального и завершающего этапа ПС, что, в свою очередь,

оставляет приятные впечатления от проведения публичных слушаний, заставляет поверить в их диалоговую направленность, хотя по сути, если исходить из содержания взаимодействия власти и общественности, они таковыми не являются.

***Представитель ГРБС**: «Задать вопросы, на которые не были получены ответы, или которые просто не были заданы, или которые возникнут, может быть, после сегодняшних слушаний.... очень надеюсь, что наши следующие встречи, которые произойдут по итогам уже исполнения бюджета, будут столь же плодотворными и дискуссионными. Спасибо большое за такое активное участие».*

Что касается третьей из решаемых нами задач, связанной с **изучением факторов, способствующих и препятствующих диалогу взаимодействующих на поле ПС сторон,** то исследовательский контекст нашего проекта позволяет обратить внимание на такие факторы, способствующие диалогу, как: во-первых, ***позитивное партнерство***, т. е. собеседники должны быть позитивно настроены по отношению друг к другу и воспринимать себя в качестве равноправных партнеров; во-вторых, диалог предполагает ***личностную ориентированность*** на собеседника и ведется индивидами от своего собственного имени, при этом истинные чувства и желания субъектов являются открытыми; наконец, и это будет, в-третьих, диалогическое общение предполагает ***искренность*** собеседников по отношению друг к другу, исключает игры, неестественное поведение [6].

Таким образом, нарисованная картина диалога, основанного на перечисленных выше факторах, способствовала бы развитию практик диалога между властью и общественностью. Зарождение такой картины наиболее явно обнаруживает себя во все чаще персонифицированном обращении и ГРБС к общественности, и наоборот. Так, в случае последних ПС минобрнауки представитель ГРБС подчеркивает: *«Кроме этого, тема, которую всегда поднимает Антонина Васильевна, это вопрос, связанный с ...»*

Нами решалась и такая задача, как определение **перспектив развития диалога между властью и общественностью.** В этой связи повторим, что **все проанализированные нами документы свидетельствуют о наличии практик диалога власти и общественности на поле ПС, но этот диалог носит весьма условный, формальный характер.** Он характерен скорее для установления контакта, когда взаимодействующие стороны все активнее обращаются друг к другу по имени, прибегают к ставшим своего рода клише за последние 2 года упоминаниям о том, что было сделано за прошедшее время по рекомендациям общественных экспертов и т. п. Хотя ключевые вещи, касающиеся качества образовательных услуг, удовлетворенности им потребителями данных услуг, целей реализуемых программ и несоответствия им показателей достижения этих целей, как правило, отодвигаются на задний план или «забываются». При этом представители ГРБС и общественные эксперты все чаще прибегают к использованию самих терминов «диалог», «взаимопонимание» и т. п.

При этом публичные социологи, в роли которых на протяжении всего изучаемого периода традиционно выступают социологи СамГУ, начинают проигрывать более разнообразные, чем 3 года назад, роли, фокусируя свое внимание не только на ожидаемой экспертной позиции, но и на демонстрации желания овладеть языком власти, быть понятыми ей, информируя ее на значимые для нее темы и т. п. Наиболее яркое проявление такое поведение обнаружило в ходе совместного семинара, проведенного социологами с ГРБС на территории СамГУ в октябре 2012 г. [7]

И последнее, выступая в роли эксперта-стажера на поле ПС в течение последних 2 лет и учитывая итоги полученных нами результатов сравнительного анализа постулирования и реального диалога власти и общественности на этом поле, мы пришли к заключению о возможности и необходимости активизации реального диалога на этом

поле публичными социологами как посредниками, функция которых – в **обобщении сложившихся практик взаимодействия власти и общественности** посредством проблематизации эффективности данного взаимодействия на доступном и значимом для обеих сторон языке.

По нашему мнению, реализация такой миссии могла бы включать в себя два направления: практическое и научное. Практическое – разработка методических рекомендаций для общественных экспертов, взаимодействующих с властью на поле ПС региона, научное – служение раскрытию потенциала публичной социологии в становлении и развитии реального диалога власти и общественности на поле региональной социальной политики. Тем самым у нас появится дополнительный ресурс в продолжении дискуссии о сути, месте и роли публичной социологии в современном обществе. При этом будет более четко определено и наше место в этом процессе.

Библиографический список

1. URL: http://burawoy.berkeley.edu/PS.Webpage/ps.mainpage.htm.
2. Тощенко Ж. Т., Романовский Н. В. Публичная или профессиональная публичная социология? // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 22.
3. Горшков М.К. Общество – социология – власть: к вопросу о взаимодействии // Социс. 2012. № 7. С. 28.
4. Пестрикова В.И. Региональные диалоги. Самарский опыт участия граждан в бюджетном процессе. Самара: Изд-во «Артель», 2011. 36 с.
5. URL: http://educat.samregion.ru/activity/publ_slush/5337.
6. Коган Е.С. Социальный диалог как мировая тенденция общественного развития. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/33435001.
7. URL: http://socsfera.samsu.ru/news/2012/10/08/0000/index.html.

T.M. Kobyakova*

DIALOGUE BETWEEN THE POWER AND COMMUNITY IN THE CONTEXT OF PUBLIC SOCIOLOGY

The article is devoted to the dialogue between the power and community on the field of public hearings in the Samara region. The actualization of this topic is also connected with the continuing discussion about public sociology, its role in science and social practice. Factors that promote and prevent the dialog of power and community are studied. The importance of taking by the public sociologist the role of mediator, whose function is in generalization of hands-on experience of interaction of power and community by means of problematization of effectiveness of the given interaction on available and significant language for both sides is noticed.

Key words: dialogue, public sociology, social policy, public hearings, social assessment, social program

* *Kobyakova Tatyana Mihailovna* (tatiana.kobyakova@gmail.com), 5th year student, faculty of Sociology, the Dept. of Sociology of Social Sphere and Demography, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 316.354.4

И.А. Логинова*

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К УЧАСТИЮ В ДОБРОВОЛЬЧЕСТВЕ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ**

В статье обосновывается необходимость и значимость развития такой формы социальной поддержки пожилых людей, как добровольческая помощь. Рассматривается отношение студенческой молодежи к участию в добровольчестве по социальной поддержке пожилых людей.

Ключевые слова: социальная поддержка пожилых людей, добровольческая помощь, студенческая молодежь.

В последние десятилетия происходит неуклонный, довольно быстрый процесс старения населения. В связи с успехами в медицине наблюдается рост числа лиц старческого возраста, а также тех, кому продлевается жизнь, но не всегда с сохранением способности к самообслуживанию.

В этой связи представляется значимым развитие такой формы социальной поддержки пожилых людей, как *добровольческая помощь*. Преимущество добровольческой помощи заключается не только в ее бескорыстности и бесплатности, но и в том, что получателю здесь отводится роль не клиента, а просто человека, оказавшегося в ситуации, справиться с которой в одиночку не представляется возможным.

Между тем считается, что в России добровольческая деятельность развита достаточно слабо, статус волонтерской деятельности находится на невысоком уровне [1]. В большой части население просто не знает, к кому пойти со своим желанием осуществить волонтерскую деятельность. Этот недостаток следует устранять как на государственном уровне, так и на уровне самих организаций, осуществляющих волонтерскую деятельность [2].

Такие социально-демографические факторы, как возраст и образовательный уровень, являются серьезными факторами повседневных социальных практик в целом, добровольчества в частности. Студенты высших учебных заведений представляют собой одну из самых интеллектуальных, социально и экономически грамотных групп в молодежной среде. Поэтому они являются наиболее информированными и требовательными в разных сферах общества. Поведение в области добровольчества выступает проекцией отношения студенчества к окружающей социальной действительности в целом.

В этой связи одной из целей нашего исследования являлось изучение отношения студенческой молодежи к участию в добровольчестве по социальной поддержке пожилых людей.

В качестве основного метода сбора данных использовался анкетный опрос студентов первых–пятых курсов различных специальностей и типов вузов и средних спе-

---

* © Логинова И.А., 2013

Логинова Ирина Анатольевна (okean559@yandex.ru), кафедра социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Работа выполнена при поддержке гранта в форме субсидии в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, соглашение № 14.B 37.21.0024.

циальных учебных заведений г.о. Самара. Объем выборки составил 400 человек. Выбор вузов, в которых проводился опрос, был обусловлен наличием разного уровня распространенных практик участия студенческой молодежи в добровольческой деятельности.

Немаловажным фактором, влияющим на отношение к добровольчеству, является уровень удовлетворенности условиями добровольческой работы по социальной поддержке пожилых людей.

Согласно результатам проведенного нами исследования, 37,4 % респондентов не удовлетворенны условиями добровольческой деятельности по социальной поддержке пожилых людей; 30,7 % удовлетворены этими условиями. Заметим, что около 1/3 респондентов (31,9 %) затрудняются ответить на данный вопрос.

Что же понравилось, а что не понравилось респондентам при оказании ими добровольческой помощи пожилым людям, пребывающим в трудной жизненной ситуации?

Согласно нашим данным, четыре респондента из десяти указали на позитивную реакцию пожилых людей на помощь добровольцев, их «*искреннюю благодарность*», «*счастье на лицах пожилых*». Три человека из десяти отметили свою удовлетворенность тем, что они «*оказали нужную помощь*», «*поддержали пожилых людей в трудную минуту*». Два человека из десяти выразили общую удовлетворенность, утверждая, что им «*все понравилось*» при оказании добровольческой помощи пожилым людям. Практически каждый десятый, отвечая на соответствующий вопрос, сказал, что приобрел опыт общения.

Отвечая на вопрос, что респондентам не понравилось при оказании добровольческой помощи пожилым людям, четыре человека из десяти указали на неэффективность своей работы, ее бесполезность и бессмысленность. Практически четыре человека из десяти отметил неадекватную, с их точки зрения, реакцию со стороны пожилых людей («*бывают очень наглые*», «*спасибо даже не сказали*»). Каждый десятый обнаружил свою эмоциональную неготовность («*понимание того, что то же самое может случиться и со мной*») и жалость по отношению к пожилым людям, которым он оказывал помощь. Около 8 % опрошенных не понравилась «*бесплатность*» этой работы. Такие результаты актуализируют, на наш взгляд, необходимость фокусирования внимания специалистов, курирующих развитие молодежного добровольчества, на тщательности отбора добровольцев, предупреждения ситуаций пребывания в их среде «случайных» лиц.

Рассуждая о возможных изменениях в организации добровольческой помощи пожилым людям, пребывающим в трудной жизненной ситуации, около 1/2 респондентов отметили необходимость оказания материальной помощи пожилым людям. Так, студенты предложили организовывать «*сбор денег для пожилых*», «*открывать фонды для взносов*», «*выделять большие денежные средства со стороны государства*», «*собирать вещи*», «*увеличивать пенсии*» и даже «*открывать бесплатные магазины для пожилых*». Такие результаты, связанные с озвучиванием респондентами тем, находящихся «на надводной части айсберга» организации добровольческой помощи в отношении пожилых людей, позволяют предположить, что всерьез они над данной темой пока не задумывались, не включены в процесс ее обсуждения.

Около половины опрошенных студентов постулировали необходимость популяризации волонтерства среди молодежи, повышения доступности информации о добровольческих организациях. Практически каждый десятый опрошенный отметил необходимость организации досуга пожилых людей, открытия разнообразных кружков, *«чтоб одиноким, старым людям не казалась жизнь скучной и лишенной радости*».

Анализ результатов исследования обращает внимание, что в современной российской практике оказания добровольческой помощи пожилым людям наиболее предпочтительной является помощь именно молодежи, а не лиц зрелого возраста и тем более самих пожилых людей. Сказанное позволяет предположить наличие большого потенциала у самарского студенчества в деле организации и развития именно молодежного добровольчества по отношению к пожилым людям. Кстати сказать, и в перспективе потенциал участия студенческой молодежи в добровольчестве выше, чем в остальных возрастных группах.

В целом настоящим исследованием зафиксирован достаточно высокий уровень доверия студентов к молодым людям, осуществляющим добровольческую деятельность. По мнению более восьми человек из десяти, большинству молодых людей, занимающихся добровольческой деятельностью, можно доверять (19,5 % – безусловно, можно; 59,8 % – скорее можно, чем нельзя). В свою очередь, 8,1 % всех опрошенных придерживались противоположного мнения (7,5 % – скорее нельзя, чем можно; 0,6 % – безусловно, нельзя) при невысокой доле (12,6 %) затруднившихся ответить на данный вопрос.

Что же, с точки зрения студенческой молодежи, должно измениться в добровольчестве, в аспекте повышения к нему доверия со стороны пожилых людей?

Подчеркнем, что около 1/3 респондентов (31,3 %) не смогли ответить на данный вопрос. Большинство ответивших (28,2 %) считает, что для этого необходимо улучшение в работе добровольческих организаций. Например, для повышения контроля над деятельностью добровольцев студенты предлагают ввести фото- или видеоотчеты. 24,6 % респондентов отмечают необходимость улучшения моральных качеств добровольцев, подчеркивая, что здесь недостает искренности, заинтересованности. Наряду с этим 15,9 % респондентов убеждены, что для повышения доверия со стороны пожилых людей необходимо увеличить количество и доступность информации о деятельности добровольцев. 2,1 % респондентов ведут речь о необходимости изменения общества, а 1,5 % считают, что сами пожилые люди должны пересмотреть свое отношение к молодежи.

Среди мотивов добровольчества в отношении к помощи пожилых людей лидирует, согласно данным исследования, естественная потребность помочь нуждающимся. На это указали 78,4 % ответивших студентов. Вторым по распространенности мотивом является желание бороться с данной проблемой – такой ответ дали около половины ответивших на вопрос респондентов (45,2 %). Более чем 1/4 опрошенных (29,4 %) считают, что люди занимаются оказанием добровольческой помощи пожилым, так как стремятся «*отплатить людям за добро добром*»; 25,4 % – для собственного удовольствия. Остальные мотивы в этом рейтинге набрали менее 20,0 %.

В рамках исследования изучались и факторы, препятствующие активному участию молодых людей в добровольческой деятельности для пожилых людей. По мнению респондентов, первой по распределению помехой является недостаток времени, чрезмерная занятость. На это указали 63,4 % опрошенных. Респонденты отмечали и такие помехи, как безразличие к общим делам (48,6 %), индивидуализм, своеобразную установку «*каждый сам за себя*» (42,9 %), низкий уровень взаимного доверия (33,2 %), непопулярность этой деятельности среди населения (26,1 %). Отсутствие организации отметили около 1/4 (23,3 %) опрошенных. Респондентами назывались и такие помехи, как неверие в возможность оказывать существенное влияние на ситуацию (23,3 %). Остальные варианты отметили менее 20,0 % опрошенных: «*привычка надеяться на другого*» (19,3 %), «*низкое доверие к властям разных уровней*» (19,3 %), «*недостаток знаний, некомпетентность*» (17,0 %).

Как видим, тема дефицита свободного времени, чрезмерной занятости особенно актуализируется студентами, что предполагает, на наш взгляд, постановку вопроса о работе с молодежью с точки зрения снятия данного стереотипа. Повторим, как подчеркивалось выше, основными участниками добровольческой деятельности являются студенты с наиболее активной жизненной позицией: совмещающие работу и учебу, получающие чаще отличные и хорошие оценки. В силу сказанного актуализируется в изучаемом нами контексте обучение студенческой молодежи планированию собственного времени с акцентом на соответствующих позитивных практиках студентов-добровольцев, которые могли бы выступать наряду с координаторами добровольчества организаторами такого обучения.

Отвечая на вопрос, почему люди не хотят добровольно и на безвозмездной основе что-либо делать для пожилых людей, 58,2 % респондентов также связали это с нехваткой свободного времени; 35,7 % - с тем, что в большинстве своем люди не получают удовольствия от бесплатной работы на благо других людей. Практически каждый третий опрошенный (32,5 %) считает, что у людей нет опыта подобной деятельности, они не знают, с чего начать (32,5 %); 31,3 % - что нет желания помогать нуждающимся пожилым; 30,1 % - что люди не видят смысла в этой деятельности. Остальные причины, которые могли бы препятствовать участию людей в безвозмездном труде, являются для молодых людей менее существенными. Например, наличие проблем в собственной семье (29,2 %), отсутствие информации о нуждающихся пожилых людях (28,1 %) либо об организациях, которые этим занимаются (18,4 %).

Таким образом, полученные нами данные позволяют заключить, что основные причины нежелания молодых людей добровольно и на безвозмездной основе что-либо делать для пожилых людей носят субъективный характер, определяются представлениями о сложившейся ситуации, а не реальным положением дел.

Подчеркнем, что одновременно с определением ситуации человек определяет и себя в этой ситуации. И если ситуация определяется как реальная, она становится реальной и по своим последствиям.

Субъективные представления часто оказывают более сильное влияние, чем объективные факторы. Таким образом, человек не просто реагирует на ту или иную ситуацию, но определяет ее как благоприятную/неблагоприятную и определяет себя в этой ситуации. Если человек определяет ситуацию как неблагоприятную, то она и становится неблагоприятной.

Соответственно, проблематизируется вопрос о коррекции социальных представлений студенческой молодежи о практиках добровольчества.

Говоря о том, что может убедить молодых людей участвовать в добровольческой деятельности для пожилых людей, большинство респондентов указывали не на материальные соображения, а скорее высказывали суждения морально-этического характера. Так, более половины опрошенных (54,1 %) обозначили как побудительный мотив к добровольчеству гарантию того, что эта деятельность принесет позитивные результаты. По мнению почти половины опрошенных (47,8 %), побудить людей заниматься безвозмездным благотворительным трудом может стремление людей помочь нуждающимся пожилым людям. Примерно 1/3 участников опроса (36,1 %) уверены, что стимулом может стать возможность улучшить качество жизни пожилых людей. Тем не менее велика доля тех, кто считает, что побудительным мотивом участия в добровольческой деятельности для пожилых людей могут быть сугубо прагматические интересы: возможность заработать (34,3 %), возможность улучшить качество своей жизни (31,4 %). Опрошенные называли и другие мотивы: наличие свободного времени (22,7 %), желание оплатить добром за добро (21,9 %). Два из

десяти человек (19,3 %) подчеркнули важность при выполнении такого рода работ осознания того, что это социально полезное и одобряемое большинством людей дело.

Резюмируя вышесказанное, отметим необходимость проблематизации вопроса о коррекции социальных представлений студенческой молодежи о практиках добровольческой деятельности.

Библиографический список

1. Социальная работа и сестринское дело в системе здравоохранения и социальной защиты населения: проблемы профессиональной деятельности и перспективы подготовки кадров: материалы межрегиональной научно-практической конференции 22–23 апреля 2008 г. / под ред. К.В. Кузьмина. Екатеринбург: Уральская государственная медицинская академия, 2008. 459 с.

2. Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2010 г. СПб.: СПбГИПСР, 2010. 604 с.

I.A. Loginova*

ATTITUDE OF STUDENTS' YOUTH TO THE PARTICIPATION IN VOLUNTEERING ON SOCIAL SUPPORT OF ELDERLY PEOPLE

In the article the need and importance of development of such form of social support of elderly people, as the voluntary help is based. The attitude of students' youth to the participation in volunteering on social support of elderly people is considered.

Key words: social support of elderly people, voluntary help, students' youth.

* *Loginova Irina Anatolievna* (okean559@yandex.ru), the Dept. of Sociology of Social Sphere and Demography, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 316

*С.Ю. Митрофанова**

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОНТЕКСТ ОЦП «РАЗВИТИЕ СЕТИ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ НА 2012–2015 ГОДЫ»**

В статье раскрывается суть исследовательского контекста анализируемой программы. Обозначаются возможные методологические рамки исследования, проведен анализ научных текстов по исследуемой тематике.

Ключевые слова: исследовательский контекст, социальная программа, логика социального программирования.

Значимость исследовательского контекста обусловлена необходимостью реализации системного подхода и критического анализа к исследуемому тексту. Данный контекст определяется вписыванием полученных результатов в методологическую базу социологического знания, а также сопоставлением результатов, полученных в рамках данного исследования с результатами других исследований по схожей тематике.

В исследовательском плане описание социальных программ в целом, определение их места и роли в современном обществе, способов их изучения представлено в работах таких специалистов, как Е.И. Андреева, А.С. Ковалевская, Н.Б. Косарева, В.Н. Минина, А.Н. Попов, Е.Р. Ярская-Смирнова и других. Что касается методов построения социальных программ, то эта тема разрабатывалась А.С. Автономовым, А.Н. Беляевым, О. Вахромеевым, А. Кузьминым, Н.Л. Хананашвили, Д.Б. Цыганковым, В. Шутилиным, В. Яхниной и другими. Принципиально важны научные тексты, в которых ставится вопрос о способах построения социальных программ, образовательных в том числе. Этому вопросу уделяют внимание, в частности, А.С. Автономов, А. Кузьмин, Н.Л. Хананашвили.

Н.Л. Хананашвили и А.С. Автономов [1, с. 25–30], рассматривая вопросы социального программирования, проектирования, отмечают некорректность в работе с данными, часто встречающуюся в представлении статистических данных: «прежде всего эти данные могут быть неточными, субъективными, что совсем нежелательно» [1, с. 26], «они могут быть тенденциозно, предвзято подобранными» [1, с. 27]. Авторы указывают и на нарушение логики социального программирования, проектирования, что может выражаться, в частности, в непонимании различий между причинами и следствиями проблемы, когда усилия направляются не на корень, источник пробле-

---

* ©Митрофанова С.Ю., 2013

Митрофанова Светлана Юрьевна (mit_s@mail.ru), кафедра социологии и политологии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Статья написана при поддержке гранта в форме субсидии в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы, соглашение № 14.B 37.21.0024. Работа над исследовательским контекстом по данной ОЦП была проведена группой исследователей, в состав которой вошли: Кобякова Татьяна Михайловна – студентка социологического факультета, Пересада Илона Олеговна – магистрант по направлению «социология социальных изменений», преподаватели социологического факультета: Палеева Наталья Владимировна, Митрофанова Светлана Юрьевна и Щукина Нина Петровна.

мы, а ее проявления. Особое внимание исследователи уделяют неточностям, возникающим при формулировке задач проекта, подчеркивая, что «эта работа дается властным структурам .... очень нелегко» [1, с. 28]; «в результате сформулированными могут оказаться такие задачи, выполнение которых никоим образом не способствует достижению изначально поставленной проектом цели» [1, с. 28–29].

Любая социальная программа как система включает в себя различные элементы, которые по определению должны быть связаны между собой. При этом системообразующим элементом является цель, на реализацию которой она и направлена. Образовательные цели, по определению Э. Дюркгейма, в концентрированном виде должны содержать реальные общественные потребности, а взаимодействие потребностей, целей и идеалов выступать в качестве основания динамических процессов системы образования [2]. Однако на практике это далеко не всегда так, что свидетельствует о нарушении логики в программах. Так, А. Кузьмин применительно к тем программам, в названии которых звучит «целевая программа», доказывает, что программа «нецелевой» быть не может: «С точки зрения логики в этом понятии есть ошибка, так называемый «круг»: понятие «целевая программа» определяется как деятельность, направленная на достижение цели. Подобной ошибкой было бы, например, определять логику как учение о логических принципах. Согласно принятым во всем мире определениям, наличие цели яв□ляется сущностной характеристикой программы. Другими словами, программа не может быть «нецелевой». Отсутствие цели означает, что рассматриваемая деятельность попросту не является программой» [3, с. 11].

Исследовательский контекст предполагает критический анализ выявленных ранее способов решения общих проблем действия: использование клише, нарушение логики, снятие ответственности, декларируемая апелляция к нормативам более высокого уровня, гиперболизация, неточность в работе с данными, – а также проблематизацию текстов, в которых они используются.

На наш взгляд, наиболее продуктивно и в научном, и в прикладном плане рассмотрение особенностей методов построения программ в контексте дифференциации различных парадигм социологического мышления, социологических школ и течений, учений отдельных авторов, социологов, заложивших основы формирования социологических парадигм. К числу наиболее распространенных принято относить прежде всего классическое позитивистское направление в социологии, берущее начало с О. Конта. Позитивистская школа в социологии всегда характеризовалась отказом от умозрительных рассуждений об обществе, стремлением к созданию позитивной социальной теории, которая должна быть столь же доказательной и общезначимой, как естественно-научные теории. В этой связи спекулятивному теоретизированию классический позитивизм пытался противопоставить методы наблюдения, сравнительный историко-социологический, математические методы. Подчеркнем, что в анализируемом нами тексте программы акцент сделан на применении метода сравнения, когда речь идет о динамике показателей.

Наряду с этим позитивистский подход в социологии проявляется в стремлении опереться на достоверное, конкретное знание. В анализируемой нами программе действительно сделан акцент на достоверность и глубину анализа сложившейся ситуации в регионе с ДОУ. Так, в тексте Программы и приложениях представлены всевозможные таблицы с перекрестными распределениями, в приложении 4 содержится методика оценки эффективности реализации Программы. Вместе с тем следует отметить, что данная претензия на достоверность и обоснованность реализована не полностью, доказательства чему мы находим в программном контексте.

Важно обратить внимание и на такую классическую социологическую парадигму - функционализм, выросший на базе позитивизма. Основное в нем состоит в выделе-

нии при анализе изучаемого феномена или его отдельных фрагментов элементов социального взаимодействия, подлежащих изучению, определению их места и роли в некоторой обширной связи, характер которой влечет за собой ее системное рассмотрение. С этих позиций методы построения программы важно рассмотреть, во-первых, как часть более общей системы связей и взаимодействий внутри программы, обеспечивающих ее целостность, жизнестойкость. Во-вторых, что более важно, с точки зрения нашего исследования сами методы построения программы представляются как некая система способов деятельности соответствующих учреждений как система, имеющая не только взаимосвязи с другими включенными в программу элементами, но и свою внутреннюю логику развития, определенную целостность в данной конкретной обстановке. При этом определенные способы построения программы, в данном случае выявленные универсальные способы сжатия текста, играют определенную роль: они обеспечивают стабильность, значимость самой системы, использующей эти способы. Востребованность этих способов министерствами и их кураторами «работает» на поддержание жизнестойкости тех ведомств, которые применяют их в своей работе. Перефразируя Р. Мертона, функциональный результат способствует укреплению жизнестойкости, адаптивности социальных программ и социальной политики в целом. Однако в отрицательном плане такие результаты могут снижать жизнестойкость этой программы. В этом случае речь идет о дисфункциях. Кроме того, Р. Мертон ввел различение явных и латентных, скрытых функций, осознанных и неосознанных, а также полифункциональных и монофункциональных явлений и структур. С точки зрения Р. Мертона, выявленные способы сжатия текста можно рассматривать с позиции неосознанных, латентных функций, присущих анализируемому протоколу, которые обеспечивают жизнестойкость и целостность этого протокола.

Таким образом, функционализм в исследовательском плане дает немало методологических оснований, важных в изучаемом нами контексте. Так, существенны положения функционализма о явных и латентных функциях, их осознанности и неосознанности, а также анализ проблемы целостности, жизнестойкости различных образований. Эти положения вплотную подвели функционализм к структурно-функциональному анализу как относительно самостоятельному направлению в социологии.

Структурно-функциональный подход предполагает понимание изучаемого феномена в виде множественности взаимодействий людей, их бесконечных переплетений. Для анализа этих взаимодействий недостаточно указать на систему, в которой они происходят. Важно найти еще и устойчивые элементы в самой системе, определить аспекты, случаи относительно стабильного в абсолютно подвижном, что должно быть рассмотрено в качестве структуры. Длительное время в рамках этого подхода в социологии наибольшим влиянием пользовалась концепция, созданная Т. Парсонсом, пытавшимся небезуспешно совместить понимание социального действия со структурно-функциональным описанием социальной системы. Т. Парсонс пришел к пониманию человеческого действия как самоорганизующейся системы, специфика которой выражается в нормативности, зависимости от объективных условий бытия. Благодаря структурно-функциональному подходу появляется возможность описать как функционирование больших систем, так и малых первичных ячеек социальной организации, например, функционирование семьи, первичного коллектива и, что для нашего исследования имеет особое значение, конкретных социальных программ как особых социальных систем.

Резюмируя сказанное, заключим: логика социального программирования вписывается прежде всего в методологические рамки позитивизма, и выросшего на его базе структурного функционализма, поскольку требования достоверности, обоснованности, доказательности знания в рамках этих парадигм реализуются при разработке со-

циальных программ. Методологию социального конструирования реальности, достаточно популярную сегодня во всех ее вариантах, на наш взгляд, применять к анализу социальных программ возможно в аспекте выявления механизмов социального конструирования программ, определения властных агентов, оказывающих решающее влияние на создание социальных программ. Однако для практики написания социальных программ фактически характерно применение методологии позитивизма и выросшего на его основе структурного функционализма. Выявленные же нами способы сжатия текста – использование клише, нарушение логики, снятие ответственности, декларируемая апелляция к нормативам более высокого уровня, гиперболизация, неточность в работе с данными – являются, по сути, следствием неглубокого погружения авторов изучаемого текста в обозначенные методологические рамки анализа.

Подводя итоги изученных нами контекстов анализируемой программы, заключим следующее: во-первых, программный, нормативный и ситуационный контекст воспроизводят выявленные нами способы сжатия изученного текста; во-вторых, исследовательский контекст проблематизирует выявленные способы решения общих проблем действия. В-третьих, рассматриваемая программа формально соответствует используемым в практике стандартам, вписывается в те рамки, которые спускаются «сверху». В-четвертых, учитывая результаты анализа исследовательского контекста, в содержание данной программы, на наш взгляд, необходимо внесение ряда корректив, таких как корректное обращение с данными, четкое разграничение зон ответственности, четкость в формулировках используемых дефиниций, соблюдение логики в изложении материала, аргументация апелляции к нормативам разного уровня. Реализация данных рекомендаций позволит заложить более продуктивную основу диалога между властью и общественностью, установить рамки, внутри которых возможен диалог.

Библиографический список

1. Автономов А.С., Хананашвили Н.Л. Оценка в социальном проектировании. Методическое пособие / под общ. ред. А.С. Автономова. М.: Национальная ассоциация благотворительных организаций. 2010.

2. Дюркгейм Э. Социология образования. М.: ИНТОР, 1996.

3. Оценка программ: методология и практика / под ред. А.И. Кузьмина, Р. О'Салливан, Н.А. Кошелевой. М.: Престо-РК, 2009.

S.Yu. Mitrofanova*

RESEARCH CONTEXT OF RSP «THE DEVELOPMENT OF PRE-SCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE SAMARA REGION ON 2012–2015 YEARS»

This article discovers the essence of research context of analyzed program. Possible methodological frameworks of study are designated, the analysis of scientific texts on the researched topic is carried out.

***Key words*:** research context, social program, logic of social programming.

* *Mitrofanova Svetlana Yurievna* (mit_s@mail.ru), the Dept. of Sociology and Political Science, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 316

Н.В. Палеева*

СИТУАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ ОЦП «РАЗВИТИЕ СЕТИ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ НА 2012–2015 ГОДЫ»**

В данной статье раскрывается суть ситуационного контекста анализируемой программы. Проводится сравнительный анализ текста самарской программы с другими региональными программами. Выделяются клише.

Ключевые слова: ситуационный контекст, клишированность и гиперболизация, региональные образовательные программы.

Исследование ситуационного контекста программы «Развитие сети дошкольных образовательных учреждений Самарской области на 2012–2015 годы» (далее – Программа) предполагает сравнение ее с похожими региональными программами, принятыми в России. Нами было выбрано десять регионов, где, на наш взгляд, проблемы сферы образования решаются наиболее эффективно (кроме того, большая часть указанных регионов относится к числу «регионов-доноров», не получающих финансовой помощи

из Федерального фонда финансовой поддержки субъектов РФ / дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности согласно законам о федеральном бюджете). В различных регионах проблемы сферы образования решаются по-разному, но эффективно – это Иркутская область, Красноярский край, Хабаровский край, Приморский край, Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Республика Карелия, Челябинская область, Ленинградская область, Астраханская область.

Что касается программ министерства образования Иркутской области, то здесь программ, касающихся дошкольного образования, точно совпадающих с анализируемой нами программой (равно как и в других исследованных нами регионах), нет, но есть масса схожих программ. Кстати сказать, с полным списком программ можно ознакомиться на сайте министерства образования Иркутской области[1]. Все проанализированные программы характеризуются:

1) использованием клише;

2) нарушением логики (несоответствие задач цели);

---

* © Палеева Н.В., 2013

Палеева Наталья Владимировна (npaleeva@gmail.com), кафедра международных отношений Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Работа выполнена при поддержке гранта в форме субсидии в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, соглашение № 14.B 37.21.0024.

Работа над исследовательским контекстом по данной ОЦП была проведена группой исследователей, в состав которой вошли: Кобякова Татьяна Михайловна – студентка социологического факультета, Пересада Илона Олеговна – магистрант по направлению «социология социальных изменений», преподаватели социологического факультета: Палеева Наталья Владимировна, Митрофанова Светлана Юрьевна и Щукина Нина Петровна.

[1] Министерство образования Иркутской области. URL: http://38edu.ru/index.php/deyatelnost/tselevye-programmy.

3) гиперболизацией проблем, представленных в программе;
4) декларируемой апелляцией к нормативам более высокого уровня;
5) снятием/перекладыванием ответственности;
6) «неточностью» при работе с данными.

Пример клишированности и гиперболизации:

«Проблема состояния здоровья подрастающего поколения в Российской Федерации за последние годы серьезно обострилась и вызывает обоснованное беспокойство у врачей, работников образовательных учреждений и родителей обучающихся. Одним из основных факторов, негативно влияющих на организм ребенка в современных условиях, признано ухудшение питания детей. Таким образом, одним из приоритетных направлений деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, образовательных учреждений и общественных объединений должно стать обеспечение полноценного питания обучающихся в период их пребывания в общеобразовательном учреждении» – Правительство Иркутской области. Постановление от 19 ноября 2010 г. № 292-пп об утверждении долгосрочной целевой программы Иркутской области «Совершенствование организации питания в общеобразовательных учреждениях, расположенных на территории Иркутской области» на 2011–2012 годы.

Нами проанализировано 15 программ, в каждой из которых можно найти подобные «недостатки», что является некой «тенденцией», присущей многим образовательным программам данного региона.

Ситуация с программами министерств образования других регионов — аналогичная. Преобладает, безусловно, клишированность выражений. Клише используются как для описания проблемы, на решение которой и направлена та или иная программа, так и для обоснования выбранных способов ее решения ее.

В случае с программами министерств образования и науки Хабаровского, Красноярского и Приморского крае в наиболее часто встречаются гиперболизация проблемы и перекладывание ответственности. Создается ощущение, что большинство из этих программ написаны по некоему «сказочному» сценарию. Сначала проблема некоторым образом гиперболизируется («раздувается»), авторы особо подче ркивают ее остроту, во многих программах создае тся ощущение некой «безвыходности ситуации». Затем предлагаются способы решения проблемы, которые представлены в программе как безусловно эффективные. Причем зачастую решают проблему совершенно другие подразделения.

«*Система кадетского и женского гимназического образования Красноярского края как образовательная инициатива региона прошла этап своего становления и имеет достаточно ресурсов для дальнейших преобразований. Необходимость в разработке данной Концепции вызвана востребованностью кадетского и женского гимназического образования среди населения края, а также готовностью и потребностью совершенствования и развития данной образовательной услуги и учреждений, ее предоставляющих... Потребность в модернизации образования на новом этапе исторического развития России и стремление сохранить отечественные ценности и традиции в этой сфере привели к обращению к истории женских гимназий и кадетских корпусов, изначально задуманных в России как учебные заведения для подготовки высококультурных граждан, пригодных к служению Отечеству на военном и гражданском поприще*»[2]. Проблема, по сути, возникает «из ниоткуда», никто о ней раньше не говорил и не знает.

[2] Концепция развития кадетского и женского гимназического образования Красноярского края. URL: http://www.krao.ru/at-topic.php. См. также: Администрация Хасанского муниципального района. URL: http://www.primorsky.ru/adms/isp/departments/education/docs; Министерство образования и науки Хабаровского края. // http://minobr.khb.ru/index.php?page=2ю

Программа заявляет о ней, гиперболизирует ее, обозначает вопросы, стоящие на пути ее решения, и обозначает круг подразделений, ответственных за ее решение. Ответственные – это Главное управление образования администрации Красноярского края, администрация г. Шарыпово, органы местного самоуправления, управление здравоохранения администрации Красноярского края и пр. Здесь также наблюдается перекладывание ответственности. Главные ответственные – это «*органы местного самоуправления*».

Анализ порядка двенадцати программ министерств в каждом регионе позволяет заключить, что во многих из них, как показано выше, встречаются одни и те же способы сжатия текста, что и в программе министерств образования и науки Самарской и Иркутской областей:

– гиперболизация проблемы;
– перекладывание ответственности;
– нарушение логики (цель плохо соответствует задачам);
– «неточность» при работе с данными;
– клишированность.

В случае с программами министерств образования и науки республик Татарстан, Башкортостан и Карелии на первом месте оказываются клишированность и гиперболизация. Эти приемы в равной степени присутствуют в текстах программ всех анализируемых нами регионов[3]. Заявленная в программах цель либо недостаточно соответствует, либо не соответствует вообще заявляемым задачам. Регулярно встречаются общие фразы, не всегда понятные читателю.

Так, в большинстве приказов и распоряжений министерства образования и науки Республики Карелии наблюдаются схожие и в равной степени не всегда понятные фразы: «*Внести в перечень должностных лиц Министерства образования Республики Карелия, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, утвержденный приказом Министерства образования Республики Карелия от 11 мая 2010 года № 311 «Об утверждении перечня должностных лиц Министерства образования Республики Карелия, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях» (Собрание законодательства Республики Карелия, 2010, № 6, ст. 748), изменения, изложив его в новой редакции согласно приложению*»[4]. Общие фразы, языковые клише становятся обычной практикой для региональных программ.

Нередки случаи гиперболизации: «*В соответствии с планом работы Министерства образования и науки Республики Татарстан в целях пропаганды здорового образа жизни, дальнейшего совершенствования организации горячего питания учащихся общеобразовательных учреждений, увеличения охвата питанием учащихся, обеспечения качества, сбалансированности рационов школьного питания, внедрения прогрессивных форм обслуживания, широкого распространения передового опыта работы коллективов столовых в 2009/2010 учебном году проведен VII Республиканский конкурс "Лучшая школьная столовая по организации питания учащихся". Особенностью данного конкурса*

---

[3] См. подробнее: Министерство образования и науки Республики Татарстан. URL: http://mon.tatarstan.ru/rus/documents/post.htm; Карелия официальная. Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия. URL: http://gov.karelia.ru/gov/Legislation/lawbase.html Министерство образования и науки Астраханской области. URL: http://www.astrminobr.ruindex.phpoption=com_content&task=category&sectionid=5&id=96&Itemid=160.

[4] О внесении изменений в приказ Министерства образования Республики Карелия от 11 мая 2010 года № 311. Карелия официальная. Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия. URL: http://gov.karelia.ru/Legislation/lawbase.html?lid=7690.

являлось выполнение новых санитарно-эпидемиологических требований к организации питания обучающихся в общеобразовательных учреждениях, в том числе в части организации 2-разового питания»[5]. Из текста документа, посвященного улучшению школьного питания в Республике Татарстан, следует, что конкурс школьных столовых на самом деле призван пропагандировать здоровый образ жизни и «*внедрять прогрессивные формы обслуживания*». Здесь явно обнаруживают себя ранее обозначенные гиперболизация и нарушение логики. Конкурс столовых, по мысли авторов текста, может привести к внедрению прогрессивных форм обслуживания и привнесет здоровый образ жизни. Подобные общие фразы встречаются довольно часто и во многих документах регионов.

Таким образом, в проанализированных программах министерств образования трех регионов мы видим:

1) клишированность;
2) гиперболизацию;
3) нарушение логики;
4) некоторую «неточность» при работе с фактами.

*В свою очередь, в программах министерств образования и науки Астраханской, Ленинградской и Челябинской областей на первом месте – клишированность. Так, в одной из программ министерства образования и науки Астраханской области, посвященной улучшению качества школьного образования, встречаются фразы: «*обеспечение равного доступа к качественному образованию всем обучающимся региона независимо от места проживания и состояния здоровья через формирование единой информационной образовательной среды региона, обеспечивающей интеграцию информационно-коммуникационных технологий в учебный, воспитательный, а также организационно-административный процессы»[6], *что позволяет вести речь о языковых клише. При этом подобные практики часто встречаются и в текстах программ соответствующих министерств других регионов страны. «*Единая информационная среда региона», «доступ к качественному образованию», «интеграция информационно-коммуникационных технологий» – *подобные фразы довольно часто встречаются и в текстах программ Ленинградской и Челябинской областей*[7].

Распоряжение министерства образования и науки Астраханской области «Об утверждении положения о государственной экзаменационной комиссии Астраханской области» характеризуется обилием клише, неточностей и отсылкой к документам, известным лишь узкому кругу лиц: «*Положение о ГЭК, в том числе порядок и сроки работы ГЭК, устанавливаются министерством образования и науки Астраханской области на основе федерального Порядка проведения единого государственного экзамена и с учетом методических рекомендаций Рособрнадзора*»[8]. Ссылок на указанные «*методические рекомендации*» нет. Подобная фраза, отсылающая читателя к данным «реко-

---

[5] Министерство образования и науки Республики Татарстан. Документы, касающиеся деятельности Министерства. // http://mon.tatarstan.ru/rus/documents/post.htm?page=2.

[6] Постановление Правительства Астраханской области от 09.06.2008 № 279-П (модернизация). Об отраслевой целевой программе «Комплексная модернизация системы образования Астраханской области на 2009 год». URL: http://www.astrminobr.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=694&Itemid=160.

[7] Распоряжение Ленинградского областного комитета по управлению государственным имуществом от 18.05.95 № 64, Министерства образования Правительства Ленинградской области от 17.05.95 №431-08/27 «О совершенствовании управления учреждениями образования на территории Ленинградской области» // Министерство образования Правительства Ленинградской области. URL: http://www.lawrussia.ru/authority/body_0828.htm; Министерство образования и науки Челябинской области. URL: http://minobr74.ru/ru.

мендациям», встречается довольно часто в целом ряде документов. Возможно, это свидетельствует не только о клишированности и своеобразной попытке переложить ответственность, но и о том, что данный документ широко известен в Астраханской области. Однако в перечне нормативных актов данного региона указанные методические рекомендации отсутствуют.

«*Составы предметных комиссий утверждаются по представлению ГЭК распорядительным актом министерства образования и науки Астраханской области из числа лиц, прошедших соответствующую подготовку. В состав каждой комиссии включаются представители общеобразовательных учреждений и образовательных учреждений профессионального образования на паритетных началах*»[9], – продолжаем анализировать данный текст, обнаруживая в нем клише, часто используемые и в других нормативных актах региона.

Анализ и этих программы министерств образования и науки позволяет заключить, что, помимо обозначенной клишированности (она выходит на абсолютное первое место) и неточности при работе с данными, часто встречаются гиперболизация, «нарушение логики» и перекладывание ответственности – отсылка к другим нормативным документам.

Все те универсальные способы сжатия текста, которые были выявлены нами при анализе программ министерства образования и науки Самарской области, актуальны и для других исследованных нами регионов. Более того, при анализе данных текстов мы встречали довольно схожие фразы и про «*равные стартовые условия*» для всех детей, и про «*колоссальный эффект*» реализация той или иной программы, и про то, как много уже сделано по этому вопросу и кто виноват в том, почему получилось не все, и т. п., что было обнаружено нами при изучении программ министерства образования и науки Самарской области.

N.V. Paleeva*

SITUATIONAL CONTEXT OF RSP «THE DEVELOPMENT OF PRE-SCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE SAMARA REGION ON 2012–2015 YEARS»

In the given article the essence of situational context of analyzed program is revealed. The comparative analysis of text of Samara program with other regional programs is carried out. Cliches are singled out.

***Key words*:** situational context, «clishirovannost» and «extravagancy», regional special programs.

[8] Распоряжение № 31 от 13.03.2009 (О государственной экзаменационной комиссии). Об утверждении положения о государственной экзаменационной комиссии // Министерство образования и науки Астраханской области. URL: http://www.astrminobr.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=949&Itemid=160.

[9] Там же.

* *Paleeva Natalia Vladimirovna* (npaleeva@gmail.com), the Dept. of International Relations, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 316

И.О. Пересада*

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ СЖАТИЯ ТЕКСТА В ПРОГРАММНОМ И НОРМАТИВНОМ КОНТЕКСТАХ ОЦП «РАЗВИТИЕ СЕТИ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ НА 2012–2015 ГОДЫ»**

В данной статье речь идет о специфике программного и нормативного контекстов анализируемой программы. Рассматриваются выявленные универсальные способы сжатия текста в рамках обозначенных контекстов.

Ключевые слова: программный контекст, нормативный контекст, универсальные способы сжатия текста, секвенционный анализ.

Программа как метод осуществления государственного управления имеет четко выстроенную структуру и определенный алгоритм разработки. При этом программный и нормативный контексты являются неотъемлемыми элементами любой государственной программы. Программный в силу того, что текст самой Программы – это наиболее красноречивое поле для анализа, ибо в нем отображается логика всего текста. В свою очередь, нормативный контекст также заслуживает пристального внимания, так как язык власти основывается прежде всего на оперировании всевозможными нормативными актами. Фактором, объединяющим данные виды контекста и выделяющим их на фоне остальных (ситуационного, исследовательского), является их вплетение в текст самой программы. Повторим, что вписывание в контекст в рамках анализа Программы развития системы ДОУ в Самарской области [1] происходит через поиск и выбор подтверждений в ее контексте таких универсальных способов сжатия текста, как использование клише, нарушение логики, снятие ответственности, декларируемая апелляция к нормативам более высокого уровня, гиперболизация, неточность в работе с данными. Рассмотрим каждый из обозначенных контекстов подробнее.

Одним из часто встречающихся способов сжатия текста в программном контексте является использование клише. Это обуславливается, на наш взгляд, тем, что Программа подразумевает определенную логику и правила построения ее текста. В свою очередь, данная логика вытекает из целей, преследуемых ее разработчиками. Речь

---

* © Пересада И.О., 2013

Пересада Илона Олеговна (ilona_peresada@inbox.ru), кафедра социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного университета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Работа над данной статьей выполнена по гранту в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение № 14.B 37.21.0024.

Работа над программным и нормативным контекстами по данной ОЦП была проведена группой исследователей, в состав которой вошли: Кобякова Татьяна Михайловна – студентка социологического факультета, Пересада Илона Олеговна – магистрант по направлению «социология социальных изменений», преподаватели социологического факультета: Палеева Наталья Владимировна, Митрофанова Светлана Юрьевна и Щукина Нина Петровна.

идет не столько о целях реализации самой Программы (однако, согласно общему предназначению использования программного метода, они должны быть первоочередными), сколько о тех целях, которые предваряют начало этапа разработки: желание авторов доказать актуальность и эффективность Программы, а также получить соответствующее финансирование на ее реализацию. В результате анализируемый текст изобилует наличием типовых словосочетаний, подчеркивающих значение того, о чем говорится в тексте. Однако данные словосочетания (клише) фактически не имеют важного смыслового наполнения. Например, использование клише «уменьшение социальной напряженности» [1] создает у читателей подсознательное ощущение позитивного изменения ситуации, однако, что именно подразумевается под социальной напряженностью и как она проявляется в данный момент в обществе, не объясняется. Также в название Программы включено словосочетание «развитие сети» ДОУ, однако в тексте не находится подтверждений именно качественным преобразованиям, которые и предполагают процесс развития. Возникает и вопрос уместности использования понятия «сеть» применительно к работе ДОУ. Действительно, «сеть» предполагает взаимосвязанность элементов и процесс их коммуникации. Наиболее часто данный термин встречается в коммерческой сфере, для которой характерен непрерывный ресурсный обмен, например: торговая сеть, сеть магазинов, сетевой маркетинг и пр., однако в тексте о подобном взаимодействии не говорится.

Одним из значимых способов сжатия, используемых разработчиками Программы, является нарушение логики. В первую очередь, это обнаруживается в несоответствии цели и задач, заявленных в Паспорте. Далее, следуя его тексту, встречаем несоответствие задач и целевых индикаторов: появляется индикатор, не отраженный в задачах. Нарушение логики проявляется и в формулировке самих задач, например задача № 2: «*обеспечение нуждающихся детей в возрасте от 1,5 до 7 лет местами в образовательных учреждениях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования*» предполагает реализацию задачи №1: *«создание для детей дошкольного возраста дополнительных мест в образовательных учреждениях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования»*) [1].

Снятие ответственности как один из способов сжатия текста также обнаруживается в тексте анализируемой Программы. Например, все показатели эффективности реализации Программы сводятся к количеству введенных мест в дошкольных учреждениях, исключая другие показатели. Таким образом, происходит частичное снятие ответственности за целедостижение. Другим показательным примером использования способа снятия ответственности является тот факт, что в Паспорте указан Заказчик, однако отсутствует Исполнитель. Речь идет о том, что в постановлении, к которому прилагается текст Программы, не упоминается региональное министерство образования как Исполнитель; при этом представлены контролирующие структуры и Заказчик.

В анализируемом тексте неоднократно встречается ссылка на постановление правительства Самарской области, что позволяет отметить наличие декларируемой апелляции к нормативам более высокого уровня как очередного способа сжатия текста.

В Программе подчеркивается, что увеличение количества мест в ДОУ приведет к более качественному решению основных задач дошкольного образования. Возникает вопрос о целях и задачах дошкольного образования, которые заключаются в реализации права каждого ребенка на качественное и доступное образование, обеспечивающее равные стартовые условия для полноценного физического и психического развития детей как основы их успешного обучения в школе. Напрямую данный тезис не связан с увеличением количества мест в ДОУ. Также в тексте присутствует преувеличение роли данной Программы: она упоминается наряду с такими акторами, как

региональное министерство экономического развития, инвестиций и торговли, СМИ, губернатор – председательправительства Самарской области. Все вышеперечисленное – проявления гиперболизации как способа сжатия изучаемого текста.

Несмотря на то что тексты программ, как правило, составляются опытными государственными служащими, имеющими практику как их разработки, так и реализации, все же нередко в анализируемом тексте встречаются «неточности» в работе с данными, что, возможно, обуславливается низкой степенью ответственности разработчиков за итоговый текст либо желанием завуалировать реальное положение дел. Таким образом, в тексте встречается поверхностность в целеполагании, например, количество мест в дошкольных учреждениях сводится к качеству их работы. Другим примером служит тот факт, что среди показателей отмечается «уменьшение количества детей, нуждающихся в предоставлении мест в ДОУ» [1], *при этом не уточняется количество предоставляемых мест.*

Таким образом, все вышеперечисленные способы сжатия изучаемого текста в разной степени находят свое отражение в программном контексте Программы развития системы ДОУ. Перейдем к рассмотрению второго, заявленного нами контекста – нормативного.

В рамках анализа областной целевой программы «Развитие сети дошкольных образовательных учреждений Самарской области» на 2012–2015 гг., авторы ссылаются главным образом на правовые акты министерств общенормативного содержания, а именно: на постановления правительства и законы Самарской области. Эти документы являются основными нормативами местного значения, т. е. они приняты и действуют на уровне изучаемого региона. Таким образом, в анализируемой нами программе фактически отсутствует такой способ сжатия, как декларированная апелляция к официальным текстам более высокого уровня. Однако в разделе, посвященном предоставлению субсидий, имеет место отсыл на статьи Бюджетного кодекса РФ, иными словами, данный способ также представлен в изучаемой Программе. Это обстоятельство свидетельствует о том, что ее авторы фокусируют свое внимание на узком нормативном контексте, который ограничивается нормативными документами областного значения. Вне их анализа оказываются документы более высокого уровня. Речь идет в первую очередь об Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» [2], согласно которому к сентябрю 2012 г. необходимо принятие мер, направленных «на ликвидацию очередей на зачисление детей в возрасте от 3 до 7 лет в дошкольные образовательные учреждения». Более того, в том же Указе Президента акцент сделан на необходимости к 2016 г. обеспечить 100 %-ную доступность дошкольного образования для детей от 3 до 7 лет.

Наряду с обозначенным выше способом сжатия изучаемого текста его авторы прибегают к использованию гиперболизации роли ДОУ в развитии системы образования: *«Стратегией социально-экономического развития Самарской области на период до 2020 г. определены задачи образовательной политики Самарской области, одна из которых направлена на достижение нового современного качества дошкольного образования»* [1]. Данный тезис тут же подтверждается ссылкой на приоритетную задачу регионального правительства: *«Кроме того, одной из приоритетных социально-экономических задач в рамках основных направлений деятельности правительства Самарской области на 2011 – 2013 гг. является развитие системы дошкольного образования»* [1].

В нормативном контексте выявлен и ряд клише, без которых, на наш взгляд, не обходится название любых нормативных документов и их описание: «*копии нормативного правового акта, регулирующего порядок определения объема и условия предоставления субсидий муниципальным автономным учреждениям в соответствии с пунк-*

том 1 статьи 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации, и (или) копии нормативного правового акта, регулирующего порядок определения объема и предоставления субсидий автономной некоммерческой организации в соответствии с пунктом 2 статьи 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации» [1].

Резюмируя сказанное выше относительно выявленных нами способов сжатия изучаемого текста в рамках нормативного контекста, перечислим прежде всего следующие: апелляция к нормативам более высокого уровня, использование клише, гиперболизация роли ДОУ в системе образования региона. Однако апелляция к нормативам более высокого уровня встречается, повторим это вновь, единожды. При этом вне внимания авторов анализируемого текста оказался методологически значимый названный выше Указ Президента РФ, в котором фокусируется внимание на обеспечении доступности дошкольного образования в ближайшие годы.

В заключение анализа программного и нормативного контекстов изученного нами текста подчеркнем, что секвенционный анализ как метод изучения текста позволяет обнаруживать неочевидное посредством пошагового, скрупулезного «проникновения» в текст. Нам удалось не только определить связь выявленных способов сжатия изученного текста, но и интерпретировать их в соответствии с разными контекстами, поставить ряд вопросов к авторам Программы в контексте ее эффективности и результативности. Данные положения могли бы быть учтены при принятии последующих управленческих решений в сфере разработки и реализации программ.

Библиографический список

1. ОЦП «Развитие сети дошкольных образовательных учреждений Самарской области на 2012–2015 годы». URL: http://www.economy.samregion.ru/programm/obl_p/ocp_seti_doshkolnogo_obrazovaniya.

2. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» http://base.garant.ru/70170946.

I.O. Peresada*

UNIVERSAL TECHNIQUES OF TEXT COMPRESSION IN PROGRAM AND NORMATIVE CONTEXTS OF RSP «DEVELOPMENT OF PRE-SCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE SAMARA REGION ON 2012–2015 YEARS»

This article deals with the specificity of program and normative contexts of analyzed program. Discovered universal techniques of text compression are considered within indicated contexts.

Key words: program context, normative context, universal text compression techniques, sequential analysis.

* *Peresada Ilona Olegovna* (ilona_peresada@inbox.ru), the Dept. of Sociology of Social Sphere and Demography, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 316.334.3

Ю.А. Кострова*

АДАПТАЦИЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ К НОВОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ**

В статье рассматривается социальная политика, с одной стороны, выступающая в качестве непосредственного источника отдельных видов адаптационных ресурсов молодой семьи, с другой стороны, будучи наделенной соответствующими полномочиями, способная навязывать молодой семье свое понимание ее внутреннего развития и тем самым стимулировать или удерживать ее активность. Показан официальный дискурс социальной политики как механизм данного процесса, формирующий определенные нормативные представления о характере, способах и результатах процесса адаптации молодой семьи к трансформирующемуся российскому обществу.

Ключевые слова: молодая семья, адаптационные ресурсы молодой семьи, социальная политика, региональное социальное программирование.

На процесс социальной адаптации влияют разные факторы, у каждого из которых свой контекст. Реальностей много, и каждая отличается от других, поскольку зависит от контекста, в котором она возникает, прошлого опыта и взглядов действующих лиц и наблюдателей. В общем виде контекст может быть определен как среда жизнедеятельности некоторого социального актора, снабжающая его ресурсами или же, напротив, требующая от него их расходования [1, с. 41]. Данная среда включает в себя не только совокупность ресурсов, но и других социальных акторов, в качестве которых могут выступать как отдельные индивиды, так и целые социальные институты [1, с. 41]. Одним из таких социальных акторов, играющих важную роль в формировании среды ресурсов молодой семьи, используемых в процессе ее адаптации, выступает, на наш взгляд, социальная политика. Более того, социальная политика продолжает играть роль одного из ведущих субъектов, устанавливающего границы самого процесса адаптации семьи через доминирование официальных дискурсов, задавая тем самым рамки репрезентаций.

Обратим внимание на особенность адаптации молодой семьи, которая обусловлена общими закономерностями развития общественных отношений. При описании адаптации в социологии необходимо рассматривать данный феномен как общественное явление в его историческом развитии. Социальная адаптация в обществе несет отпечаток того исторического этапа, который переживает социум в данный исторический момент. Так, в периоды динамического развития общества, смены политических режимов, масштабной трансформации всех сфер общественной жизнедеятельности интен-

---

* © Кострова Ю.А., 2013

Кострова Юлия Андреевна (kostrovaju@mail.ru), кафедра теории и технологии социальной работы Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова,1.

** Статья подготовлена в рамках гранта в форме субсидии в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, соглашение № 14.B 37.21.0024.

сивность адаптационных процессов резко усиливается. Подобная ситуация сегодня наблюдаются и в России. Под влиянием продолжающихся в настоящее время преобразований прежние модели поведения становятся неэффективными, что обуславливает необходимость выработки новых способов общественной жизнедеятельности. При этом важно отметить, что молодая семья представляет собой такую социальную целостность, которая включает в себя членов и сама является таковой. Интенсивные изменения, происходящее в российском социуме, вследствие трансформации общественных отношений требуют от молодой семьи выработки новых продуктивных моделей поведения. Кроме того, молодая семья, представляя собой процесс институциализации семьи, когда еще не сформированы устойчивые общесемейные характеристики, вынуждена осуществлять и внутреннюю адаптацию, в ходе которой личностные характеристики членов семьи трансформируются в общесемейные. Данное обстоятельство позволяет говорить о двухуровневой структуре адаптации молодой семьи. На первом уровне – институциальном – молодая семья сталкивается с социальным окружением, в котором она действует среди различных институциальных образований. Здесь адаптация молодой семьи будет связана с принятием или изменением формальных и неформальных регуляторов общественной жизнедеятельности. К формальным регуляторам относятся объединяющие нормы, принципы, правила, процедуры как регламентирующие поведение официальных органов, структур, организаций, так и предписываемые этими формальными структурами. К неформальным – сложившиеся и закрепленные в неформальных структурах, а также сознании населения традиции, обычаи, ритуалы, нормы и образцы поведения. На втором уровне – личностном – адаптация молодой семьи обращена к своим членам или шире: к «первичной» социальной и ценностной структуре. Основная задача адаптации на данном уровне – выработка целостной внутрисемейной структуры, позволяющей молодой семье развиваться, сохраняя единство. Таким образом, с одной стороны, молодым супругам необходимо решать такие внутрисемейные вопросы, как распределение ролей и власти в семье, планирование семейной жизни, составление семейного бюджета, что неизбежно предполагает выработку новых общесемейных стратегий поведения. С другой стороны, продолжающееся реформирование российского общества обуславливает необходимость для молодых супругов адаптироваться не только к своему новому статусу и социальным ролям, но и к постоянно изменяющимся условиям внешней среды. В связи со сказанным социальная политика продолжает оставаться важным средоточием адаптационных ресурсов для молодой семьи, что обуславливает значимость анализа механизмов ее реализации.

В настоящее время одним из наиболее эффективных средств реализации социальной политики признается социальное программирование. В силу своей комплексной природы, сочетания целевого расходования бюджетных средств и в то же время гибкости социальное программирование позволяет оптимизировать решение многих социальных проблем. Данное обстоятельство обусловило выбор в качестве материала для анализа нормативного контекста социальной политики в отношении молодой семьи региональных целевых социальных программ.

Нами была выявлена следующая особенность репрезентации молодых семей в региональных социальных программах. В последнее десятилетие появляются все новые и новые виды социальной политики: молодежная политика, миграционная политика, политика занятости. Молодая семья, уже в силу своего определения, первая часть которого относит ее к молодежи, а вторая – к семье, оказалась объектом сначала двух направлений социальной политики (семейной и молодежной). Дальнейшая дифференциация привела к обозначению молодой семьи как самостоятельного объекта

социального программирования в рамках демографической, жилищной политик, политики в сфере образования и здравоохранения.

Вместе с тем анализ содержания программ, в которых молодая семья упоминается среди объектов, участников и т. д., позволяет усомниться в эффективности предусматриваемых мер. Так, в рамках программ семейной политики находится либо абстрактная обобщенная семья без учета особенностей этапа, на котором находится развитие семьи, либо отдельные виды молодой семьи, классифицируемые по признаку социального риска. При этом само понятие молодой семьи не встречается в подобных программах. Что касается молодежной политики, то здесь молодая семья не только находит свое определение, благодаря чему одной из существенных характеристик молодой семьи становится возраст супругов, но и оказывается самостоятельным объектом внимания ряда разделов в областных целевых программах. Однако более пристальный анализ основных мероприятий, предусматриваемых подобными программами, вскрывает простое дублирование основных направлений семейной политики [2–3].

Можно выделить пять групп проблем молодой семьи, обозначаемых региональными целевыми программами: жилищные, материальные, социально-бытовые, проблемы в сфере занятости молодых супругов и проблемы досуга молодой семьи. При этом средства решения обозначенных проблем молодой семьи предлагаются идентичные. Так, жилищные проблемы предполагается решать посредством льготного кредитования и субсидирования. Материальные проблемы – посредством погашения кредитных обязательств молодых семей за счет государства, целевых выплат и льгот. Для решения проблем, возникающих в сфере занятости, необходимо, согласно анализируемым документам, стимулирование частного предпринимательства, в том числе в сельском хозяйстве. Бытовые проблемы и проблемы в сфере досуга предлагается решать через установление льготных цен на предметы домашнего обихода, спортивное и туристическое снаряжение [3].

Таким образом, налицо простое перенесение мер, предусмотренных в отношении семьи в целом, из программ семейной политики в молодежную, но уже в части основных направлений в отношении молодой семьи. Фактически официальный дискурс молодежной политики включает в себя дискурс семейной в части, касающейся молодых семей.

Подобная ситуация, на наш взгляд, не только снижает эффективность социальной политики в отношении молодой семьи на практике, но и стимулирует процессы «индивидуализации» современного российского общества. В рамках программ молодежной политики на первый план выходят молодые супруги как отдельные представители молодежной общности, а не молодая семья как единое целое, что способствует закреплению тенденции подмены семьи индивидом. Все это, безусловно, затрудняет процесс институциализации молодой семьи как целостности, способной развиваться, сохраняя единство. Таким образом, официальный дискурс социальной политики в части целевых социальных программ оставляет без внимания внутреннюю адаптацию молодой семьи, не концептуализируя молодую семью как единое целое.

Следствием сложившейся ситуации является распределение ответственности за различные аспекты жизнедеятельности молодой семьи между многочисленными агентами. Институты государственного управления в сфере образования контролируют развитие системы детских садов. Управления здравоохранением отвечают за медицинские услуги молодой семье (детские поликлиники, стационарные и нестационарные лечебные учреждения, родильные дома), а также за развитие системы детских яслей. Управления социальной защиты населения несут ответственность за материальные выплаты, предоставление льгот и пособий отдельным категориям молодых семей.

Институты управления жилищной политикой занимаются решением жилищных проблем молодых семей и т. д. Несогласованность мер, предусматриваемых разными целевыми программами, нередко снижает их эффективность. Примером могут служить программы, прямо или косвенно стимулирующие рождаемость и направленные на поддержку молодой семьи в процессе осуществления репродуктивной функции [4–5]. Реализация подобных программ привела к возникновению новой проблемы – отсутствия достаточного количества мест для детей в системе дошкольного образования, что, несомненно, поставило перед молодой семьей трудную задачу совмещения трудовой деятельности и обеспечения ухода за ребенком, варианты решения которой в большинстве случаев снижали уровень адаптации к новой жизненной ситуации.

Как видим, в социальной политике не существует отдельного единого направления, которое бы обеспечивало комплексность и одновременно скоординированность усилий многих агентов по социальной поддержке молодой семьи и, как следствие, отсутствие целевых программ, посвященных комплексному решению проблем молодой семьи, поддержке ее адаптации к новой жизненной ситуации.

Типологизация контекстов конструирования нормативных представлений о молодой семье в официальном дискурсе социальной политики позволяет проанализировать противоречия и конфликты, затрудняющие процесс развития данного социального института [6]. Особенно актуальна данная проблема в отношении программ, предоставляющих определенные льготы молодой семье. Примером может служить формулирование критериев, по которым семья может быть отнесена к группе молодых. Так, основным критерием отнесения семьи к молодой во всех областных целевых программах признается возраст супругов до 35 лет. Подобная концептуализация молодой семьи обосновывается удобством отбора участников и расчета объемов финансирования, а на практике становится фактором эксклюзии. Примером может служить Областная целевая программа «Молодой семье – доступное жилье» на 2009-2015 годы [4]. Основной формой оказания государственной поддержки в решении жилищных проблем в рамках данной программы является предоставление молодым семьями при рождении (усыновлении) ребенка субсидий (за счет средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации) на компенсацию части затрат, произведенных ими на приобретение или строительство жилья. Вместе с тем недостаточное финансирование данной программы в предыдущие периоды ее действия привело к образованию серьезной очередности на получение подобной субсидии. В результате ожидание поддержки достигало 5–6 лет. За это время часть молодых семей перестала относиться к таковым в силу достижения одним из супругов возраста старше 35 лет и, как следствие, была исключена из программы. Таким образом, социальные программы, использующие подобные критерии отбора молодых семей, эффективно решают, пожалуй, лишь задачу экономии финансовых средств, выделяемых на поддержку молодой семьи.

Указанное обстоятельство подтверждает необходимость более пристального внимания к различным контекстам определения критериев, по которым государственная социальная политика определяет семьи как молодые, особенно в рамках социального программирования.

Анализ региональных программ позволил выявить и еще одну важную особенность формирования «нормативного» образа процесса становления семьи. Несмотря на противоречивость ролевой принадлежности молодой семьи, официальный дискурс социальной политики демонстрирует поразительную повторяемость в построении иерархии данных ролей. Наиболее значимой ролью оказывается роль обеспечения непрерывного воспроизводства трудовых ресурсов российского общества. Именно данная роль выступает системообразующей, связывающей разные контексты представления

молодой семьи, формирующей единый образ «нормативного» развития данного института. Роль молодой семьи в улучшении демографической ситуации встречается практически во всех программах либо в иерархии целей, либо в иерархии проблем, либо в результативных показателях [2–4].

Обратим внимание, что подобное закрепление важности репродуктивной составляющей процесса становления семейных отношений способствует утверждению патерналистской роли государства в отношении молодой семьи. Процессы снижения рождаемости и уменьшения численности населения провозглашаются следствием неэффективного исполнения молодой семьей роли воспроизводства населения. Отсюда – рассмотрение молодой семьи в контексте социальной политики исключительно в терминах «зависимости, некомпетентности, неблагополучия». Как следствие, основное пространство взаимодействия молодой семьи и социальной политики начинает формироваться преимущественно в плоскости материальных выплат, льгот, субсидий, натуральной помощи. Все это способствует расширению дисциплинарных форм государственной социальной политики в отношении молодой семьи и средств социального контроля. Способность молодой семьи выполнять роль субъекта социальной политики все чаще ставится под сомнение. Субъектами государственной социальной политики в отношении молодой семьи становятся органы государственной власти, органы местного самоуправления, работодатели, другие юридические и физические лица, осуществляющие деятельность по созданию необходимых и достаточных условий для жизни молодежи, ее образования, воспитания, развития, а сама молодая семья выступает, как правило, объектом подобной деятельности. Косвенным подтверждением служит и то, что только в одной программе в качестве показателя эффективности реализации предусмотрена оценка уровня удовлетворенности молодых семей качеством предоставления государственной услуги [4].

В целом, если оценить содержание проанализированных тексов, то ведущей тематикой является не адаптационный процесс в современной молодой семье, а ее репродуктивное поведение. Таким образом, процесс адаптации не является приоритетной задачей социальной политики в отношении молодой семьи. Внимание данному аспекту развития молодой семьи уделяется постольку, поскольку процесс адаптации молодой семьи способствует повышению рождаемости в данной группе населения.

Таким образом, конструируемые социальной политикой представления о роли молодой семьи, особенностях ее адаптации к трансформирующемуся российскому обществу по-прежнему продолжают воспроизводить практику патернализма в отношении молодой семьи, превращая ее в пассивного реципиента социальных выплат, объекта социальной политики. Все это ограничивает возможности активного участия молодой семьи в конструировании и реализации успешных практик адаптации.

Библиографический список

1. Яницкий О.Н. Экологическое движение и контекст становления гражданского общества в посттоталитарной среде // Социологические исследования. 1992. № 12. С. 40–51.

2. Областная целевая программа «Реализация Стратегии государственной молодежной политики в Самарской области до 2015 года». URL: http://www.rg.ru/2012/09/11/samara-post408-reg-dok.html.

3. Целевая программа городского округа Самара «Молодежь Самары на 2009 – 2013 годы». URL: http://www.city.samara.ru/administration/program/1404.

4. Областная целевая программа «Молодой семье – доступное жилье на 2009–2015 годы». URL: http://www.city.samara.ru/administration/program/741.

5. Долгосрочная целевая программа городского округа Самара «Молодой семье – доступное жилье на 2011–2015 годы». URL: http://www.city.samara.ru/administration/program/742.

6. Касавин И. Т. Котекстуализм как методологическая программа // Эпистемология. Философские науки. 2005. № 4. Т. VI. С. 5–17.

Yu.A. Kostrova*

ADAPTATION OF A YOUNG FAMILY TO THE NEW LIVING SITUATION IN THE CONTEXT OF REGIONAL SOCIAL PROGRAMMING

In the article social policy which on the one hand serves as an immediate source of separate types of adaptive resources of a young family; on the other hand being endowed with corresponding power social policy is possible to impose on the young family its own understanding of their own development and thus stimulate or suppress their activity is viewed. An official discourse of social policy as the mechanism of this process forming certain normative idea about character, means and results of the process of adaptation of a young family to the transforming Russian society is shown.

***Key words*:** young family, adaptive resources of a young family, social policy, regional social programming.

* *Kostrova Yulia Andreevna* (kostrovaju@mail.ru), the Dept. of Theory and Technology of Social Work, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 316

М.А. Мазлова*

ПОТЕНЦИАЛ ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ СФЕРЫ ОБРАЩЕНИЯ С ТВЕРДЫМИ БЫТОВЫМИ ОТХОДАМИ**

В статье рассматриваются проблемы включения общественности в процесс обращения с ТБО. Приводится сравнительный анализ зарубежных практик и практик, существующих в современном российском обществе. Анализируется законодательная база, регулирующая данную сферу деятельности.

Ключевые слова: ТБО, общество потребления, российское общество, общественный дискурс, экологическое образование, работа с населением.

В современном мире практически не осталось областей человеческой деятельности, которые бы не были всесторонне изучены и широко освещены в научных и публицистических работах. Среди таких областей-«аутсайдеров» оказалась сфера обращения с отходами производства и потребления. Традиционно данная отрасль считалась «грязной» и недостойной внимания. Однако в настоящее время западное и европейское общество начало задумываться о проблемах загрязнения окружающей среды отходами производства и потребления.

Наиболее остро проблема накопления и хранения мусора встала в конце XX – начале XXI века. Это связано с формированием так называемого «общества потребления». Данный термин впервые ввел в научный дискурс социолог Эрих Фромм. Общество потребления характеризуется массовым потреблением материальных благ, зачастую значительно превышающим уровень, достаточный для комфортного существования индивида. Такой режим потребления требует постоянного прироста производительных мощностей для обеспечения всех желающих нужными им товарами. Это приводит к развитию технологии, экономики в общем, а следовательно, обеспечивает обществу прогрессивное развитие. Но какой ценой обходится этот прогресс? Сегодняшние темпы производства и потребления рождают огромный объем отходов. По самым скромным подсчетам, город-миллионник в день производит около 1000 тонн отходов. Эти отходы просто вывозятся на полигоны и «мертвым грузом» остаются там. Очевидно, что подобная стратегия обращения с отходами негативно сказывается на экологической обстановке регионов. Возможно ли что-то изменить?

За рубежом достаточно распространен термин «Zero Waste», означающий новый принцип отношения к отходам производства и потребления. Такая стратегия предполагает многоуровневый подход к проблеме обращения с отходами.

В первую очередь, отходы – это не мусор, от которого следует как можно быстрее отделаться, а источник ресурсов для вторичного использования. В ряде европейских

---

* © Мазлова М.А., 2013

Мазлова Мария Александровна (forposts@bk.ru), студент IV курса социологического факультета, кафедра социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Статья написана при поддержке гранта в форме субсидии в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, соглашение № 14.B 37.21.0024.

стран, а также в Австралии, Северной Америке превышен 50 %-ный уровень переадресации отходов от свалки к переработке. Такой взгляд на отходы не только позволяет улучшить экологическую ситуацию, но также выгоден экономически. Это касается не только крупных производственных предприятий, но и рядовых граждан. Концепция Zero Waste предполагает раздельный сбор ТБО, осуществляющийся не посредством постройки большего количества мусоросортировочных станций, а посредством создания условия раздельного сбора отходов для каждого домохозяйства.

Во-вторых, в рамках нового подхода к обращению с ТБО вспоминать об отходах нужно не в момент утилизации продукта, а в момент его производства. Проще говоря, производитель некоего товара должен его не только произвести и реализовать, но и обеспечить покупателя условиями для грамотной утилизации.

Если мыслить глобально, то стратегия Zero Waste предполагает постепенный перевод производства на безотходный принцип работы. Во многом этому будет способствовать отказ от фордистских принципов работы и переход на гибкую систему производства.

Так проблема обращения с отходами реализуется за рубежом. В России дела обстоят несколько иначе. Рассмотрим это на примере областной целевой программы «Совершенствование системы обращения с отходами производства и потребления и формирование кластера использования вторичных ресурсов на территории Самарской области» (далее – Программа). Данная Программа предполагает улучшения в системе обращения с ТБО, но в некоторых случаях имеет ряд недостатков. Самый заметный из них – частичное нарушение логики в Программе, что свидетельствует о недостаточно глубоко проработанности документа. Чем же это объясняется? Причин может быть несколько, а именно:

– недостаточная изученность проблемы. Традиционное определение проблемы – это несоответствие желаемого и действительного. В тексте Программы авторы отталкиваются от имеющегося положения вещей в желании исправить его на более приемлемое. В итоге выходит, что для составителей Программы желаемое – это избавление от нежелаемого. Другими словами, по большей части Программа носит компенсаторный характер;

– недостаток компетентности у авторов Программы. Большинство авторов имеют техническое образование и по долгу своей профессии занимаются вопросами промышленности и ТПО. Следует отметить, что этот сектор Программы неплохо проработан, предложены разумные механизмы обращения с отходами промышленности (по большей части, нефтяной). Однако не стоит забывать, что данная Программа составлена и для системы обращения с ТБО, которой внимания уделено меньше. Но вина ли это самих авторов Программы?;

– несформированный запрос со стороны региона и государства к задачам Программы. Сегодняшняя ситуация, сложившаяся в российских министерствах, характеризуется частыми кадровыми перестановками. Для качественной работы необходимо полное включение в проблемы отрасли, а подобная кадровая политика никак тому не способствует. Итогом становится тот факт, что запрос для Программы формируется сотрудниками министерства с недостаточным опытом работы. Допустимо ли это?;

– низкий уровень публичной ответственности. Созданная Программа обсуждается только в узких кругах активно заинтересованных лиц. Это нельзя назвать недостатком, поскольку эти заинтересованные лица разбираются в представленных проблемах и предлагают обоснованные аргументы в ходе обсуждения. Но в таком случае дискуссия происходит «однобоко». Это связано с отсутствием при обсуждении экспертов из других областей, т. к. в российском обществе проблемы, связанные с отходами, имеют маргинальное положение.

Вышеобозначенные проблемы обусловлены слабым дискурсом о ТБО в современном российском обществе. Проблемой отходов сейчас занимаются только те индивиды или организации, чья деятельность связана с ними напрямую. Зарубежные же практики обращения с отходами показали, что наиболее эффективными моделями являются те, что включают в себя население как активного агента деятельности. В исследуемой Программе население рассматривается главным образом как пассивный производитель отходов. Формирования экологической культуры у населения Программа фактически не предусматривает.

Экологическое образование населения – один из важнейших аспектов новых практик обращения с отходами. Сюда должно входить информирование граждан о существующих практиках обращения с ТБО; возможности применения новых практик, таких как раздельный сбор отходов; возможностях использования отходов как вторичного сырья и многое другое.

В идеале экологическое образование должно формировать у населения четкие понятия о том, что происходит с его отходами после контейнерной площадки во дворе. Особенно это важно сегодня, когда отходы становятся все сложнее, а некоторые (энергосберегающие лампы, аккумуляторы электронных приборов) даже опасны. Зарубежные практики показывают, что информированное население охотно занимается раздельным сбором отходов в рамках своего домохозяйства, несмотря на то что это занимает некоторое время. Окупается это осознанием своей экологически полезной деятельности и экономией, извлеченной из компенсаций за собранное вторсырье.

Возможно ли сформировать в современном российском обществе практики обращения с ТБО, сходные с европейскими? Естественно, не существует такой «волшебной пилюли», которая одномоментно активирует население и подтолкнет его на путь качественно нового обращения с отходами. Однако думать, что все потеряно и неисправимо, тоже не стоит.

На деятельность любого человека существенное влияние оказывают социальные установки. Этой проблематикой занимались крупные социологи-теоретики, например Пьер Бурдье. Концепция французского ученого предполагает наличие у каждого индивида «габитуса» – внутренних схем восприятия, оценивания, классификации и деятельности, свойственных любому человеку. Но также габитус – это и интериоризованные социальные отношения, усвоенные и присвоенные социальными агентами. Габитус не только воспроизводит социальные структуры, но и вписывает индивида в уже существующие, создавая практики и представления так, чтобы они оказались объективно адаптированными к социальным отношениям, продуктом которых и являются. Габитус обеспечивает также изменчивость социальной структуры в практиках индивидов. Таким образом, формирование габитуса, соответствующего качественно новому отношению к отходам, вполне реально.

Также можно обратиться к теории социального научения А. Бандуры. Деятельность человека рассматривается в теории социального научения как продукт взаимодействия и влияния друг на друга трех составляющих: поведения, личностных факторов и влияния окружения. Исходя из этого поведение индивидов детерминируется как внутренними (вера и ожидание), так и внешними (поощрение и наказание) влияниями. Они являются частью системы взаимодействия и действуют не только на поведение, но также на различные части системы. Окружение, помимо воздействия на индивида, также частично является продуктом деятельности человека, то есть люди могут оказывать какое-то влияние на собственное поведение. Во всяком случае, поведение изменяет окружение. Следовательно, обучение и закрепление социально желаемых практик обращения с ТБО возможно посредством различного воздействия на личность.

Современное российское общество совсем недавно вступило в общество потребления, при этом негативные практики современной хозяйственной системы сочетаются с устаревшими стереотипами поведения прошлых эпох. Поэтому изменять практики можно постепенно, артикулируя их и закрепляя позитивными стимулами, повышающими институциональное и межличностное доверие.

Опросы городского населения г. Самары показали, что большая часть опрошенных готова осуществлять раздельный сбор мусора, тем самым существенно повышая уровень отходов, годных для переработки и вторичного использования. Однако одной готовности недостаточно, необходимо правовое урегулирование нового порядка обращения с ТБО и техническое оснащение контейнерных площадок нового типа. К сожалению, на сегодняшний день эта проблема решается властями слишком медленно и неохотно, хотя существенные подвижки отмечаются. Создающиеся сегодня областные и региональные целевые программы в большинстве своем носят технологический характер. Основная их направленность – строительство новых полигонов, мусоросортировочных станций и прирост мощностей традиционного порядка обращения с ТБО. Всю эту деятельность должны осуществлять муниципалитеты. К сожалению, природоохранная и экологическая деятельность финансируется в большинстве регионов России по остаточному принципу, т. к. государство первостепенно решает вопросы крупных производств, внешнеэкономических отношений и пр., поэтому финансирование из внебюджетных источников составителями Программы приветствуется.

Ни для кого уже не секрет, что сфера обращения с отходами как бизнес является весьма прибыльной. Но объем «честной» прибыли несоизмерим с тем, что получается в результате различных махинаций. Такому положению вещей способствует само положение отрасли и отсутствие должного контроля ввиду недостаточного правового регулирования. На сегодняшний день в Самаре действует несколько крупных компаний – перевозчиков ТБО, поделивших данную нишу и получающих весьма крупные субсидии из бюджета на развитие своей деятельности. Сложившаяся ситуация не способствует улучшению «чистоты» данного бизнеса.

Изменить сложившийся порядок можно путем привлечения к работе малого и среднего бизнеса, а также инвесторов из числа заинтересованных сторон. Следует заметить, что ранее упоминавшаяся Программа предусматривает данную политику, но в очень уж расплывчатых формулировках. Как известно, сегодня в Самарской области существуют огромные организационные проблемы, связанные с документальным сопровождением деятельности бизнеса, одной из серьезных проблем является получение разрешительной документации на право ведения деятельности в сфере обращения с отходами.

В связи с этим прежде всего со стороны органов исполнительной власти субъекта Федерации необходима организация помощи в открытии малых предприятий, работающих в сфере сбора у населения отдельных фракций вторичного сырья и иных видов утиля, которые могут быть либо самостоятельными организациями, либо подразделениями муниципальных или частных коммунальных организаций.

Отсутствие подобных практик проистекает из нежелания крупного бизнеса терять свои позиции и прибыль. Раздельный сбор мусора в доконтейнерной стадии может повлечь за собой серьезные потери для бизнесменов, т. к. стоимость извлеченного вторсырья будет возвращена домохозяйствам.

В ходе развития общества становится очевидным факт того, что проблемы обращения с отходами и экологии вообще перестают быть сугубо технологическими и приобретают статус социальных. Это значит, что и решать их нужно, в первую очередь работая с населением.

Библиографический список

1. Мюррей Р. Цель – Zero Waste / пер. с англ. М.: ОМНО «Совет Гринпис», 2004. 232 с.
2. Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. I. 1998. № 2.
3. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.

M.A. Mazlova*

POTENTIAL OF PUBLIC SOCIOLOGY IN THE STUDY OF SPHERE OF TREATMENT OF SOLID DOMESTIC WASTE

In the article the problems of inclusion of society in the process of treatment of solid domestic waste are viewed. Comparative analysis of foreign practices and practices in contemporary Russian society is presented. Also in the article the legal framework regulating this scope is analyzed.

Key words: solid domestic waste, consumer society, Russian society, public discourse, environmental education, community outreach.

* *Mazlova Maria Alexandrovna* (forposts@bk.ru), 4th year student, faculty of Sociology, the Dept. of Sociology of Social Sphere and Demography, Samara State University, Samara 443011, Russian Federation.

УДК 316.454.3

Б.А. Никитина*

СОВРЕМЕННЫЕ СУББОТНИКИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ**

Статья посвящена анализу сущности субботников как малоизученного массового социального явления, социальное значение, виды деятельности, социальный состав участников которых заметно различается в зависимости от целей их организаторов. В статье показано, что в современном российском обществе различные, зачастую оппозиционные общественно-политические силы организуют субботники, привлкая населения на свою сторону для расширения своей социальной базы.

Ключевые слова: субботник, постиндустриальные ценности, манипуляция общественным сознанием

Несмотря на существование закрепленных в Конституции прав на свободу слова и собраний, в последние годы в России государство всячески способствует снижению уровня общественной активности, в особенности препятствуя проведению массовых мероприятий, организуемых «снизу». Исключение составляет низовое движение по организации субботников, позиционируемых как «экологические мероприятия»; это движение в последние годы, наоборот, набирает силу, представляя собой с первого взгляда область консолидации органов власти и общественных инициатив. В связи с этим весьма актуальна задача социологического осмысления данного процесса: являются ли субботники в современной России наследием тоталитарного советского прошлого, т. е. символом добровольно-принудительной поддержки населением существующего режима, или же это инновационная форма развития гражданской активности, олицетворяющая переход к новому типу местного самоуправления?

Целями субботников сегодня становятся не только очистка и облагораживание территорий, которые так или иначе причастны к местам работы людей, их проживания или учебы, но и генеральная уборка офисных зданий, учебных и рабочих корпусов, а также «приведение в порядок» других нуждающихся в этом мест. Чаще всего субботники – это официальное мероприятие, организованное по месту работы или учебы, однако существуют и неформальные варианты их проведения инициативными группами для наведения «порядка» по месту жительства, в парках, лесах, по берегам водоемов и т. д.

Что касается официальных субботников, то в них, как правило, участвуют все сотрудники учреждения, включая руководство, что необходимо для придания этому мероприятию образ корпоративной традиции или ритуала, участие в котором не зависит от статуса. Зачастую такой субботник сопровождается пикником, символизирующим корпоративную солидарность и единение. С точки зрения современного кадро-

---

* © Никитина Б.А., 2013

Никитина Бэла Анатольевна (belanik@yandex.ru), кафедра социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Статья написана при поддержке гранта в форме субсидии в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, соглашение № 14.B 37.21.0024.

вого менеджмента такие субботники можно приравнять к корпоративным тренингам, своего рода «веревочным курсам», на которых достижение совместной, с виду весьма сложной, задачи возможно только при добросовестном участии каждого.

С другой стороны, по сути, субботники в России сегодня – это форма мобилизации работников предприятия, учреждения или же соседской общины на решение застарелых задач благоустройства, требующих участия большого количества людей для выполнения низкоквалифицированного труда. Отметим, что в благоустроенных офисах, где уборка помещений является оплачиваемой работой, такой вид деятельности становится бессмысленным, так же как и в городах с хорошо работающей муниципальной системой общественного благоустройства.

Неудивительно, что при сравнительном анализе экологически дружественных видов поведения студентов США и России выявляется практически полное отсутствие участия в практических мероприятиях «по охране экологии» [1, с. 86] у американской молодежи на фоне участия в подобных мероприятиях более 30 % российских студентов. Другим важным отличием американских студентов является более высокое внимание к собственному опосредованному влиянию на окружающую среду, на что наши соотечественники указывают гораздо в меньшей степени.

С одной стороны, эти различия связаны с условиями жизни, не требующими выполнения жителями развитых стран функций клининга, с другой стороны, их экологически дружественная активность является более осмысленной, а участие в общественно значимых мероприятиях базируется на постиндустриальных ценностях, что исключает добровольно-принудительный труд. Этот класс людей хорошо идентифицирован в исследовании В. Магуна и М. Руднева [2], выполненном на основе обработки материалов 4-го раунда Европейского исследования ценностей, проведенного в 2008–2010 гг. [3] Базируясь на методике выявления ценностей Р. Инглхарта [4], российские социологи выделили три класса людей со специфическими системами ценностей (традиционалистские, переходные и постмодернистские), указав на социально-экономические основания их дифференциации. В ходе этого исследования было установлено, что в России на 2011 г. 50 % населения имеют традиционалистскую систему ценностей, 47 % – переходную, и лишь 3 % населения имеют постмодернистские мировоззренческие установки с высокой ценностью творческой самореализации, ориентацией на социальное доверие, обладающих внутренним локусом контроля, в то время как наилучшие показатели среди европейских стран составляют соответственно 10, 20 и 70 % [2, с. 19].

Важнейшее различие между людьми с традиционным и постиндустриальным типом системы ценностей состоит в том, что первая группа ориентируется на сигналы «сверху», а вторая – на сигналы «снизу», т. е. на социальные инициативы, возникающие в гражданском обществе. В России же крайне велика доля населения с промежуточной системой ценностей, которые «не ориентированы ни на один из источников активности: ни на вышестоящие инстанции, задающие программу активности «сверху», ни на источники активности, находящиеся внутри самого индивида и солидарных с ним людей». В свете вышесказанного рост количества массовых мероприятий как протестного, так и конвенционального характера в последние несколько лет может быть интерпретирован как нарастание социальной дифференциации в обществе.

К концу первого десятилетия нового века в России стали возникать массовые движения в защиту обеспечения санитарно-эпидемиологической чистоты не только городских, но и пригородных территорий, иных мест пребывания и рекреации населения. Можно предположить, что формирование массовых движений стало естественной социальной реакцией на ситуацию, при которой общественные организации в России стали заметно дискриминироваться. В отличие от общественных организаций движения не имеют формальных ограничений в виде регистрации, членства,

бухгалтерского учета и юридической отчетности. В связи с этим в отличие от НКО формально движения лишены возможности получения официальной финансовой поддержки, однако ресурсы данных массовых движений находятся в другой плоскости: прежде всего это человеческий и социальный капитал его участников, который сложно передается формальными путями. Различие между социальным и человеческим капиталом на определенном этапе становится очень значимым, поскольку человеческий капитал является неотчуждаемым от его носителя, а вот капитал социальный может быть перенесен с одних проектов или движений на другие, как это произошло в случае со всероссийскими проектами «Сделаем!» и «Сделаем вместе». Сосуществование этих проектов в России началось с 2011 г., причем, как видно из самих названий, проекты конкурировали, поскольку различить их сложно даже грамотному человеку, не изучившему вопрос специально. Факт фонетической имитации, как это называется в маркетинге, налицо, однако можно ли здесь говорить о злом умысле?

В силу того, что проект «Сделаем!» был организован общественным экологическим движением «Мусора.Больше.Нет» [5] (далее – МБН), которое уже на протяжении нескольких лет (начиная с 2009 г.) накапливало опыт проведения массовых сетевых проектов в сфере борьбы с загрязнением притерритории бытовым мусором, можно смело утверждать, что именно проект этого движения является оригинальным. Как указывают его идеологи, проект «Сделаем!» проводится в рамках международного движения «Let's do it!» [6], которое охватило более 70 стран и объединило более 8 млн участников по всему миру. Следует отметить, что до 2012 г. движение «Мусора.Больше.Нет» уже проводило несколько других всероссийских акций, поскольку его родоначальник Д. Старк начал отсчет существования этого общественного движения с 2005 г. Идеология, изложенная на страницах сайта движения «Мусора.Больше.Нет», несет в себе большую социальную нагрузку. Основная идея Д. Старка состоит в том, что организация всероссийского движения, занимающегося акциями по очистке среды, будет иметь мобилизующее действие, которое в дальнейшем будет иметь решающее значение для самоорганизации населения и его переходу к иному уровню управления собственным местом жительства. Несмотря на то, что такая постановка вопроса достаточно близка к целям современных оппозиционных движений, Д. Старк принципиально отмежевывается от участия в какой-либо общественно-политической деятельности. В идеологии движения МБН активно проводится мысль о готовности сотрудничать с любыми политическими силами, если они ориентированы на ту же стратегическую цель, что и движение МБН. Так, в сентябре 2012 г. Д. Старк высказался против утверждения известного оппозиционного лидера, получившего признание на волне экологического движения «В защиту Химкинского лемма» Е. Чириковой о том, что движение МБН призывает 15 сентября 2012 г. сразу после субботника направится на политическое мероприятие. Он решительно заявил о нежелании использовать коммуникационные ресурсы акций МБН для мобилизации его участников на дальнейшие общественно-политические акции [7]. Однако, на наш взгляд, в нарочитой аполитичности организаторов экологических акций присутствует либо внутреннее противоречие и несовершенство идеологии, либо тактический ход для смягчения текущих общественно-политических противоречий.

Форма «движения» была избрана лидерами МБН для того, чтобы воспрепятствовать возможным манипуляциям с чьей бы то ни было стороны. МБН – это сетевая организация, предполагающая поиск собственный локальных ресурсов по месту проведения акций, а также большое количество местных активистов и региональных координаторов – все эти идеи явно опираются на предположение о наличии в стране достаточного количества людей с постиндустриальными ценностями. Неудивительно, что идеология и практика этого движения была с удовольствием воспринята многими

гражданскими активистами, которые созрели до подобных мыслей самостоятельно. Так, наиболее близкими по духу партнерами стали движение «Блоггер против мусора» и «Зеленое движение России ЭКА», созданные в 2011 г. и 2010 г. соответственно. Первая Всероссийская акция «Блогер против мусора» прошла 6 августа 2011 года. Ее инициатором стал известный блогер, фотограф и бизнесмен С. Доля, который под впечатлением от загрязнения дельты Волги выдвинул в Интернет-сообществе предложение о необходимости инициативной организации акций по очистке мест отдыха, городских территорий, что могли бы привлечь внимание общественности и властей к проблеме уборки мусора [8].

Общим с движением МБН в движении «Блоггер против мусора» является их принципиально неполитическая ориентация и социокультурная аргументация, представление о том, что культурный паттерн небольшой группы людей должен через некоторое время диффундировать в другие социальные группы. Вовлекая в свои мероприятия тысячи людей, движение «Блоггер против мусора» увеличило свою численность с 2011 до 2013 гг. с 16 до 50 тыс. человек [8].

Совместно с движениями МБН и «Блоггер против мусора» субботниками занимается и экологическое движение ЭКА, в рамках которого также объединены активисты из самых разных регионов. Это движение также сближает с МБН готовность поддерживать любые общественные инициативы, направленные на улучшение состояния окружающей среды. В частности, в 2013 г. свои акции, которые называются «Субботка-переработка», члены движения ЭКА провели в один день со «Всероссийским экологическим субботником – Зеленая Россия», объявленным на 31 августа 2013 г. [9]

Последняя из заявленных акций является ярким примером того, как организуются общественные движения, имеющие принципиально иную природу, нежели движения первого типа. Если движения МБН, «Блоггер против мусора», ЭКА являются инициативными, идущими снизу, то совершенно иной характер носят движение «Сделаем вместе!», инициированное проправительственными силами, и его преемник «2013 года выпуска» – акция Всероссийский субботник «Зеленая Россия». На волне общественной активности еще в 2011 г. по инициативе «сверху» были осуществлены пилотные проекты по организации субботников по уборке мусора в пригородных зонах. В 2012 г. проект «Сделаем вместе!» набрал силы и фактически повсеместно попытался слиться в общественном мнении с акцией «Сделаем!». При этом результаты социальных акций преувеличивались, а все позитивные результаты приписывались именно прогосударственной инициативе, конструируя тем самым экологическую озабоченность и ответственность руководства страны, что, безусловно, никак не соответствует действительности в условиях существования устаревшего неадекватного ситуации экологического законодательства.

Принципиально аполитичные экологические движения МБН, ЭКА, «Блоггер против мусора» изначально были склонны к сотрудничеству, однако вскоре возник конфликт, связанный с принуждением со стороны руководства проекта «Сделаем вместе!» объявить все иные проекты частью этого проправительственного проекта и требованиями открытой декларации политической лояльности [7]. Этот конфликт фактически стал причиной потери поддержки этого движения со стороны высокопоставленных чиновников, которые перешли вместе с группой публичных персон к организации нового «чучела общественности» – Всероссийского субботника «Зеленая Россия». О том, что этот проект является формой манипуляции общественным мнением, говорит тот факт, что инициатором этой акции стали те же лица, которые организовывали проект «Сделаем вместе!»[1].

---

[1] В 2012 г. одним из лидеров акции «Сделаем вместе!» был экс-чемпион мира по шахматам А.Карпов, который продолжил свою активность в оргкомитете Всероссийского субботника «Зеленая Россия».

Дополнением к предшествующему проекту стала открытая поддержка субботника руководителями всех федеральных природоохранных ведомств России, а также рядом «публичных персон», традиционно поддерживающих PR-проекты органов власти – Н. Михалковым, В. Ливановым, А. Кабаевой и т. д. [10] Интересен и перечень свежеиспеченных экологических организаций, размещающих свои баннеры на сайте акции «Всероссийский субботник – Зеленая Россия». Некоторые из них являются откровенно враждебными по отношению к авторитетным экологическим организациям (Greenpeas и WWF) [11], другие похожи на «фейки», то есть фальшивки или подделки. Ярким примером такого подхода в группе поддержки всероссийского субботника является некий Некоммерческий фонд «Всемирная ФЛОРА ФАУНА», имеющий адрес официального сайта wff44.ru, что очень напоминает адрес авторитетной международной экологической организации Всемирный фонд охраны дикой природы – www.wwf.ru.

Также о тесной взаимосвязи акций «Сделаем вместе!» и Всероссийского субботника «Зеленая Россия» говорит К. Курченков на сайте главного информационного партнера субботника – телеканала SKYLEAF – в ходе своего телеобращения к потенциальным участникам мероприятия [12]. Многократно повторяя, что именно он является «главным идеологом» мероприятия, он и его коллеги в своей риторике наглядно демонстрируют примеры экологической некомпетентности и низкого уровня культуры речи. Это важно в контексте возможности/невозможности отнесения этих социальных агентов, выполняющих поставленную перед ними «сверху» задачу, к категории носителей постиндустриальных ценностей, что обуславливает качество волонтеров, на которых ими делается ставка в ходе описываемых проектов. Вряд ли «постиндустриалы» окажут поддержку лидерам, находящимся в иной мировоззренческой позиции. Скорее всего, к ним присоединились люди, готовые поддержать массовку, демонстрирующие лояльность к властям или участвующие в акциях «за компанию», увлекаемые толпой, мало задумывающиеся об истинных причинах загрязнения среды отходами, а также граждане, заинтересованные обеспечением элементарного санитарно-эпидемиологического благополучия в непосредственно собственной среде обитания.

Можно ли считать при таких условиях, что субботники являются низовыми социальными движениями? П. Штомпка предлагает рассматривать социальные движения как «свободно организованные коллективы, действующие совместно, в неинституциализированной форме, для того чтобы произвести изменения в обществе» [13, с. 339]. При такой интерпретации последний из названных типов субботников является скорее инструментом поддержания статус-кво в обществе, а не привнесения в него изменений.

Однако это не относится к субботникам новой волны, таким как движения «Мусора больше нет» или «Блоггер против мусора». Именно для этих движений можно было бы использовать парадигму «новых общественных движений», поскольку их организаторы не просто выступают участниками более обширного движения, идущего снизу, в этой парадигме они выступают как социальные субъекты – инициаторы системных изменений. И несмотря на то что достижение тех целей, которые они ставят сегодня в России, вызывает сомнения, именно подобные «новые движения» представляют собой движущие силы исторического развития на современном этапе. Их специфика состоит в том, что предлагаются новые формы деятельности с осознанной постановкой стратегической цели и продуманной тактикой действия. Этого нельзя сказать ни об участниках массовых политических движений 2011–2012 гг., являющихся объектом исследования в парадигме коллективного действия, ни тем более о массе участников «псевдоэкологического характера», действия большей части которых следует изучать в парадигме коллективного поведения, определяющей в качестве основы их мотивации социальный автоматизм и традиционное подчинение авторитарным регламентам.

Библиографический список

1. Ермолаева П.О. Экологическая культура российского и американского студенчества // Социологические исследования. 2012. № 12

2. Магун В., Руднев М. Типология европейцев по ценностям Р. Инглхарта и межстрановые сравнения // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. Т. 113. № 3–4.

3. EuropeanValues Study. URL: http://www.europeanvaluesstudy.eu.

4. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.

5. Позитивно-креативное движение «Мусора.Больше.Нет».URL: http://musora.bolshe.net.

6. World Cleanup: Let's clean the world together! URL: http://www.letsdoitworld.org.

7. Старк Д. Защитите общегражданскую инициативу. Запись в блоге от 28 августа 2012. URL: http://www.echo.msk.ru/blog/dstark/924132-echo.

8. Официальный сайт акции «Блоггер против мусора». URL: http://www.bloggerprotiv.ru.

9. Раздел «Единые дни действий» официального сайта ЭКА. Зеленое движение России. URL: http://ecamir.ru/projects/Edinyie-Dni-Deystviy.html.

10. Официальный сайт Всероссийского субботника « Зеленая Россия». URL: http://genyborka.ru.

11. Официальный сайт организации «Тут.Грязи.Нет» URL: http://www.tut-gryazi.net.

12. Брифинг «Акция Всероссийский экологический субботник «Зеленая Россия». URL: http://skyleaftv.com/video/aktsiya-vserossiiskii-ekologicheskii-subbotnik-zelenaya-rossiya.

13. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер с нем. М.: Аспект Пресс, 1996.

B.A. Nikitina*

MODERN SUBBOTNIKS AS SOCIAL CONSTRUCT

This article is devoted to the analysis of essence of subbotniks as poorly known mass social phenomenon, social significance, forms of activity and social composition of participants of which depend noticeably on the purpose of organizers of these events. In the article it is shown that in modern Russian society often different, sometimes antagonistic political forces organize subbotniks to attract people to their side and to expand their social base.

Key words: subbotnik, post-industrial values, manipulation of public opinion

* *Nikitina Bela Anatolievna* (belanik@yandex.ru), the Dept. of Sociology of Social Sphere and Demography, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 331

Н.В. Авдошина*

МОНИТОРИНГ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ ПУБЛИЧНЫХ СЛУШАНИЙ ИХ РЕЗУЛЬТАТАМИ**

В статье анализируются результаты социологического опроса участников публичных слушаний по поводу их удовлетворенности результатами слушаний. Прослеживается позитивная динамика в организации и содержании слушаний, выявляются возможности повышения их результативности.

Ключевые слова: публичные слушания, мониторинг, удовлетворенность результатами слушаний.

Основными субъектами общественных слушаний по формированию и исполнению областного бюджета являются, с одной стороны, общественные эксперты и широкая общественность, а с другой – представители соответствующих министерств. Оба субъекта связывают со слушаниями определенные ожидания, которые могут оправдываться или не оправдываться по результатам этих слушаний. Чем в большей степени совпадают ожидания участников слушаний с их результатами, тем выше удовлетворенность участников этими результатами. Таким образом, изучение удовлетворенности участников слушаний их результатами в режиме мониторинга позволяет получить информацию о тех возможных недоработках, которые были сделаны при подготовке к слушаниям, и принять меры по их устранению при подготовке к последующим слушаниям.

Опрос представителей обеих сторон общественных слушаний предполагается сразу по окончании слушаний, «по горячим следам». Подобный опрос был проведен по итогам бюджетных слушаний в мае-июне 2013 года в трех министерствах Самарской области: назовем их министерство «А», министерство «В» и министерство «С», а также на итоговых слушаниях [1–3].

Рассмотрим результаты опроса по указанным министерствам.

На слушания в министерство «А» большую часть общественности прийти побудил интерес как к мероприятиям, проводимым министерством, так и желание узнать, *«куда идут бюджетные деньги»*. При этом представители общественности сошлись во мнении, что слушания не оказывают реального воздействия на то, как планируется и тратится бюджет. Доклады представителей министерства они оценили как скучные, сложные для понимания, уходящие от рассмотрения сложных проблем. Напротив, выступления общественных экспертов были охарактеризованы как интересные, понятные и освещающие важные проблемы. Все респонденты единогласно оценили взаимодействие общественных экспертов и министерства в ходе слушаний как взаимодействие противодействующих (борющихся) сторон. Тем не менее большинство опрошенных оказались удовлетворены в целом содержанием общественных слуша-

---

* © Авдошина Н.В., 2013

Авдошина Наталья Владимировна (natalsun@yandex.ru), кафедра социологии социальной сферы и демографии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Тезисы выполнены по гранту в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение № 14.B 37.21.0024.

ний. В ходе обсуждения представителям общественности понравились соблюдение регламента выступающими, поднимаемые проблемы, предварительное размещение материалов слушаний на сайте министерства и их рассылка экспертам. Не понравились *«сухие цифры со стороны министерства»,* качество докладов министерства, малая по времени продолжительность обсуждения. Изменения по сравнению с предыдущими слушаниями, по мнению опрошенных, относятся к тому, что более гласным стал областной бюджет (как проект, так и его наполнение). Все опрошенные считают, что к подобным обсуждениям целесообразно более широко привлекать общественность, тогда обсуждение будет более результативным.

Результаты опроса по итогам слушаний в министерствах «B» и «C» существенно отличаются от описанных выше. Прежде всего тем, что представители общественности считают, что слушания имеют реальную практическую пользу, все участники (и общественность, и чиновники) изменяют свои взгляды на некоторые моменты планирования и расходования бюджета, доклады представителей министерств интересны, понятны и освещают важные проблемы. Также были оценены и выступления общественных экспертов, а взаимодействие общественных экспертов и министерств в ходе слушаний было охарактеризовано как взаимодействие партнеров. Участники опроса продемонстрировали высокую удовлетворенность содержанием общественных слушаний. Особенно им понравилась *«практическая направленность вопросов и полнота ответов»,* важность поставленных проблем, то, что были учтены предложения, высказанные в ходе предыдущих слушаний, корректные и аргументированные ответы министерства на вопросы экспертов, предварительная подготовка по тексту бюджета обеих сторон, *«достаточно заинтересованный и в некоторых случаях конструктивный диалог»*. Не понравилось представителям общественности, что *«с техническими ошибками чиновники соглашаются, а общий подход не пересматривается»*. Респонденты отметили, что общественным экспертам удалось кое-что изменить в результате слушаний, а именно *«подход чиновников к оценке эффективности своей деятельности в сторону большей открытости, критичности и осмысленности»,* а представители министерства старались донести информацию о своей деятельности и прислушиваться к мнениям и вопросам общественности. Все опрошенные считают, что к подобным обсуждениям целесообразно более широко привлекать общественность. Для повышения результативности обсуждения *«следует предоставить возможность оформлять комментарии экспертов не только как рекомендации, но и как законодательные инициативы и поправки в будущие бюджеты»,* а также проводить перед слушаниями круглый стол для обсуждения вопросов экспертов и участников и заблаговременно предоставлять материалы для обсуждения на слушаниях.

Итоговые слушания стали самыми многочисленными по количеству участников. Представители общественности отмечали, что прийти на эти слушания их побудило *«беспокойство за будущее области, России, своих детей», «неравнодушие к судьбе региона», «гражданская позиция», «ответственность»*. Большинство респондентов указали, что слушания имеют реальную практическую пользу, и все участники (и общественность, и чиновники) изменяют свои взгляды на планирование и расходование бюджета. Доклады представителей министерств оцениваются представителями общественности как интересные и освещающие важные проблемы, но сложные для понимания. Выступления общественных экспертов были охарактеризованы как интересные, понятные и освещающие важные проблемы. Респонденты оценили взаимодействие общественных экспертов и министерств в ходе слушаний как взаимодействие партнеров и выразили удовлетворенность в целом содержанием общественных слушаний. В ходе обсуждения им понравились *«глубина раскрытия вопросов», «открытость и прозрачность информации и ее обсуждение», «серьезность, ответственность»,*

«деловая обстановка и умение слышать». Не понравилось – *«отсутствие подготовительного периода – «круглого стола», «много «воды», «немного переборщили с терминами»*. Все опрошенные отметили, что хотели бы в дальнейшем принимать участие в подобных обсуждениях. Они считают, что общественным экспертам удалось кое-что изменить, а именно *«отношение к мнению общественности»* и *«обратить внимание на проблемы»*. Оценивая вклад министерства в результат слушаний, респонденты отмечают, что представители министерства старались донести информацию о своей деятельности и прислушаться к мнениям и вопросам общественности. Все респонденты считают, что целесообразно более широко привлекать общественность к подобным обсуждениям. А чтобы обсуждение стало более результативным, следует *«увеличить время подготовки всем присутствующим в обсуждении», «проводить круглые столы по промежуточным этапам работы», «вовлекать общественность в реализацию задач, стоящих перед министерствами»*.

Мнение респондентов – представителей общественности, полученное в ходе анкетного опроса, было дополнено материалами полуформализованных интервью. Информанты подчеркнули взаимную пользу сторон от проведения таких слушаний. Хотя, как подчеркнул один из них, *«можно кричать сколько угодно, но если чиновник упрется, то ничего не сделаешь»*. Для самих чиновников польза заключается в том, что знание и учет общественного мнения является для них серьезной поддержкой при обосновании бюджета в ходе его утверждения.

В качестве значимого момента было отмечено присутствие на всех слушаниях наряду с ответственными сотрудниками министерств самих министров, что повышает как статус мероприятия, так и ответственность за качество предоставляемых к обсуждению материалов и демонстрирует заинтересованность первого лица в содержании общественных слушаний.

Еще один положительный момент – высокий уровень выступлений и заинтересованность общественных экспертов. Как отметил один из информантов, *«большое спасибо общественным экспертам, потому что если бы не они, чиновники остались бы наедине с бюджетом, а им очень трудно с деньгами наедине, понимаете? Им нужен еще кто-то, чтобы подсказывал, помогал»*.

В целом представители общественности отметили позитивную динамику в проведении ежегодных слушаний. Они считают, что сами эксперты становятся более профессиональными, более четко понимают, какие именно вопросы нужно затрагивать в оценке реализации бюджета. Наряду с этим и государственные распорядители бюджетных средств (далее – ГРБС) становятся более открытыми, потому что начинают понимать, *«что общественность не старается уличить их в чем-то там... в коррупции... Задача эксперта состоит в том, чтобы влиять на бюджет, причем влиять таким образом, чтобы этот бюджет рационально использовался, именно на те статьи, которые необходимы для нормального уровня жизни»*. Обе стороны становятся, по мнению представителей общественности, в определенной степени партнерами в вопросах обсуждения бюджета, и если они еще станут партнерами и в вопросах формирования бюджета на начальной стадии, то это существенно улучшит эффективность расходования бюджетных средств. Как отметил один из общественных экспертов, *«общественные слушания заставляют сотрудников министерств более тщательно подходить к планированию, к отчету об исполнении бюджета, все меньше возможностей остается для какой-то коррупциогенной составляющей»*. Эксперт считает, что повысить результативность слушаний можно за счет определенной предварительной работы: заблаговременного размещения материалов слушаний на сайтах министерств и представления в министерства вопросов в письменном виде до слушаний.

Другой общественный эксперт подчеркнул, что Самарская область долгое время была единственным регионом в России, в котором началась отработка процедуры общественных слушаний. И до сих пор остается единственным регионом, где осуществляется столь развернутая процедура проведения публичных слушаний, которая фактически длится три месяца и практически вся строится на инициативах и предложениях общественности. Во многих регионах вообще нет таких практик, и общественность не владеет информацией, как планируется и расходуется бюджет.

В качестве существенного недостатка проходивших слушаний экспертом был назван тот факт, что итоговые слушания по областному бюджету состоялись через два дня после того, как бюджет был принят Губернской думой, и рекомендации общественности, высказанные в ходе этих слушаний, оказались, по сути, бесполезными.

Говоря о том, состоялся ли диалог между министерством и общественностью на прошедших слушаниях, эксперт отметил: *«Диалоги все развиваются очень по-разному, надо сказать. Качество диалога зависит от разных причин, но в первую очередь от степени понимания предмета с той и другой стороны, от степени понимания неизбежности этого диалога, можно от него уклониться или нельзя. Ну и от того, что каждая сторона хочет получить в результате. А не секрет, что многие ГРБС в результате хотят получить чисто формальный «одобрям-с», т.е. все замечательно, хорошо, и отсутствие какой-то критики со стороны общественности. Не секрет, что некоторые люди идут в общественные эксперты вовсе не за идею, а просто потому, что они хотят понять, как выйти на то, чтобы получать бюджетные деньги. Это тоже нормальный мотив. Хороший способ изнутри понять процедуру. Да, у нас очень разные мотивы, с которыми мы вступаем в этот диалог. У нас очень разный уровень понимания конечных целей этого диалога, поэтому он, соответственно, строится очень поразному. А у нас все общество находится в состоянии обучения либо необучения диалогу. Мы стараемся под все подкладывать нормативные правовые акты, какие-то публичные договоренности, что, конечно, ставит стороны в рамки именно цивилизованного диалога»*.

Эксперт отметил позитивную тенденцию в развитии диалога между министерствами и общественностью: *«Диалог развивается достаточно нормально, потому что все больше и больше структур органов власти понимают, что нужно воспринимать всерьез общественность. Главное, что мы научились и дальше продолжаем внимательно и доброжелательно друг друга слушать, не поступаясь при этом какими-то принципиальными интересами и позициями, которые у нас есть»*.

Таким образом, представители общественности и общественные эксперты, раскрыв проблемы, которые еще предстоит решить для повышения результативности общественных слушаний, тем не менее подчеркнули позитивный характер динамики отношений между сторонами общественных слушаний, которые в той или иной степени можно считать диалогом.

Представители министерств в ходе интервью также отметили, что от слушаний к слушаниям происходят позитивные изменения: более тщательной становится подготовительная работа (проводятся круглые столы), выступления общественных экспертов становятся более конструктивными. В целом все опрошенные представители министерств прошедшими слушаниями удовлетворены. Ими были высоко оценены выступления общественных экспертов, и они считают, что слушания очень полезны, так как на них представители общественности доносят те мысли, которые могут вообще не дойти до министерства. Кроме того, слушания демонстрируют открытость министерств для общества. Министерства «сверяют» свою деятельность по реакции на нее представителей общественности. Наряду с этим общественные слушания могут ока-

зывать влияние на планирование бюджета. При формировании бюджета министерство может его отстаивать, ссылаясь на мнение общественности.

Особо следует отметить, что по окончании слушаний во всех трех министерствах были взяты интервью не только у руководителей определенных подразделений министерств, но и у всех трех министров. Все министры также высказали высокую удовлетворенность проведенными слушаниями и подчеркнули их значимость для работы министерства.

Таким образом, результаты проведенного опроса показали достаточно высокий уровень удовлетворенности сторон общественных слушаний качеством их проведения и результатами. Проведение подобного исследования в режиме мониторинга позволит выявить динамику изменений в этой сфере и дать рекомендации для совершенствования качества содержания и организации общественных слушаний.

N.V. Avdoshina*

MONITORING OF SATISFACTION OF PARTICIPANTS OF PUBLIC HEARINGS BY THEIR RESULTS

In the article the results of sociological survey of participants of public hearings on satisfaction by the results of hearings are analyzed. Positive dynamics in organization and content of hearings are traced, possibilities on increasing of their effectiveness are discovered.

***Key words*:** public hearings, monitoring, satisfaction by the results of hearings.

* *Avdoshina Natalia Vladimirovna* (natalsun@yandex.ru), the Dept. of Sociology of Social Sphere and Demography, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

CONTENTS

To the 70th anniversary of G.P. Yarovoy, the president of Samara State University 5

HISTORY

Bagautdinov R.S., Myshkin V.N. On the problem of investigation of male age groups of nomads of the Samara-Ural region (from the materials of the burials of the VI-IV cc. B.C.) 7

Dubman E.L. Military men of Southern Middle Volga region at the end of XVI – XVII centuries 13

Malinkin E.M. Military forces of the lower reaches in the second half of 1640–the beginning of 1660 26

Stolyarov O.D. Palace revolution of November 1741 and foreigners in the Russian ruling elite 35

Zudina V.D. Information about Oirats and Kalmyk Buddhism that was collected by the natural expedition of Imperial Academy of Sciences in 1768–1774 on Russian territories 38

Artamonova L.M. God's law in schools of Russia and Volga region during Alexander I 55

Smirnov Yu.N. Materials about pre-reform Samara peasantry in Russian geographic society and their authors 65

Tsyganova Ya.M. Russian province in post-reform period as historical and cultural space: approaches to the study 74

Leontieva O.B. National composition of population of the Samara province in the second half of XIX century according to the statistical sources 83

Tyurin V.A. Structure, quantity, social composition of urban population of Middle Volga region in the second half of XIX – early XX centuries 92

Kabytov P.S., Barinova E.P. Trade and entrepreneurship activity of Middle Volga merchants 99

Kobozeva Z.M. Corporal daily routine of Samara petty bourgeoisie: coming into conflict with diseases and death (the second half of XIX – beginning of XX century) 118

Slivkov E.I. Problem of cooperative movement in the works of S.N. Prokopovich 128

Pazin R.V. Terror and Russian liberals in conditions of the first Russian revolution of 1905–1907 134

Leonov M.I. Authorities and society of Middle Volga region and Zavolzhye in the years of Duma monarchy 139

Dosekin E.S. Publications of «Church and public bulletin» in 1912–1913 years and responses to them in the liberal press of Samara 151

Mistryugov P.A. Repression of structures of VCheKa in the Samara region in 1918 155

Syukov A.V. Bezenchuk experiment station: history of establishment and first years of activity 159

Kabytova N.N. Organizational forms of agrarian revolution of 1917 in the Volga Region 165

Tagirov E.R. «University of the XXI century»: main project of modernity 179

Muhamadeeva A.A. Idea of culture of peace in historical measurement: way from «reconciliation of gods» to new ethics 184

Kabytov P.S., Myakotin A.A. Historiography of administrative and economic elite of Kuibyshev (Samara) region in 1960–1980 189

SOCIOLOGY

Molevich E.F. Social revolution in Russia in the late 90-ies of the XX century 203
Shchukina N.P. Potential and problem field of public sociology in the interaction with power and society 211
Avdoshina N.V. Sociological analysis of interaction of participants of public hearings 219
Nikitina B.A. Stakeholders and their role in the social construction of environmental problems 222
Cherdymova E.I. Eco professional training of experts for sustainable development as direction of modernization of higher school 229
Kobyakova T.M. Dialogue between the power and community in the context of public sociology 235
Loginova I.A. Attitude of students' youth to the participation in volunteering on social support of elderly people 243
Mitrofanova S. Yu. Research context of RSP «The development of pre-school educational institutions of the Samara region on 2012–2015 years» 248
Paleeva N.V. Situational context of RSP «The development of pre-school educational institutions of the Samara Region on 2012–2015 years» 252
Peresada I.O. Universal techniques of text compression in program and normative contexts of RSP «Development of pre-school educational institutions in the Samara region on 2012–2015 years» 257
Kostrova Yu. A. Adaptation of a young family to the new living situation in the context of regional social programming 261
Mazlova M.A. Potential of public sociology in the study of sphere of treatment of solid domestic waste 267
Nikitina B.A. Modern subbotniks as social construct 272
Avdoshina N.V. Monitoring of satisfaction of participants of public hearings by their results 278